АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО АРХЕОЛОГИИ
ЭСТОНСКОЙ ССР
И СОСЕДНИХ РАЙОНОВ

V - 32418

EESTI NSV TEADUSTE AKADEEMIA

MUISTSED ASULAD JA LINNUSED

ARHEOLOOGILINE KOGUMIK

EESTI RIIKLIK KIRJASTUS
TALLINN 1955

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1955

V - 32418

EESTI NSV TEADUSTE AKADEEMIA
AJALOO INSTITUUT

MUISTSED ASULAD JA LINNUSED

ARHEOLOOGILINE KOGUMIK

I

EESTI RIIKLIK KIRJASTUS
TALLINN 1955

Toimetanud
H. Moora ja L. Jaanits

Под редакцией
Х. А. Моора и Л. Ю. Янитса

TOIMETUSELT

Käesolevas väljaandes avaldatakse materjale, mis on saadud Eesti NSV territooriumil ja lähemail naaberaladel viimastel aastatel teostatud arheoloogilistel kaevamistel ning mis heidavad uut valgust mitmetele Baltimaade vanima ajaloo põhilistele küsimustele. Järgnevais kirjutistes on püütud tutvustada selliseid uusi fakte ja nende põhjal tehtud järeldusi ning üldistusi, mis pakuvad huvi mitte ainult kitsamale eriteadlaste ringile, vaid mida oma töödes saaksid ära kasutada ka naaberteaduste esindajad, koduloouurijad, õpetajad ja õpilased.

Arheoloogilised uurimistööd on Eesti NSV-s mitte ainult aastast aastasse laienenud, vaid tõusnud ühtlasi ka kvaliteedilt uuele, kõrgemale astmele.

Kui varemalt, kodanliku Eesti kitsais tingimusis uurimine oli suurel määral juhuslik, plaanitu, on Nõukogude Eestis töö keskendatud suurte ja oluliste ajalooprobleemide ümber. Kodanlik arheoloogia käsitles ja käsitleb veel praegugi materiaalse kultuuri nähtusi omaette, lahus nende loojate rahvaste ajaloost, lahus ühiskonna ajaloost. Nõukogude arheoloogia vaatleb materiaalse kultuuri mälestusmärke ja nende arenemist mitte omaette, vaid kui ajalooallikaid ja püüab nende põhjal igakülgselt selgitada uuritava maa-ala elanikkonna ajaloolist käekäiku.

Nõukogude Eesti vanima ajaloo uurijaile on suurt abi osutanud teiste vennasvabariikide arheoloogid. Sõbralik koostöö nendega on kujunenud järjest tihedamaks, mis ilmneb ka nende osavõtus käesoleva kogumiku koostamisest.

Allpool avaldatavad materjalid keskenduvad peamiselt kahe probleemi ümber, mis ühtlasi on olnud Nõukogude Eestis tehtud arheoloogilise uurimistöö peaprobleemideks: esiteks neoliitikumi ja varase metalliaja, s. o. sugukondliku korra ajaloo küsimused, ja teiseks m. a. I aastatuhande ja II aastatuhande alguse ehk ürgkogukondliku korra lagunemise ja varajaste feodaalsuhete tekke küsimused.

Neoliitikum ja varane metalliaeg, III—I aastatuhat e. m. a. olid alles hiljuti Eesti vanima ajaloo kõige vähem tuntud ajajärguks. Seepärast oli loomulik, et selle süstemaatilisele uurimisele on pühendatud palju tähelepanu. Viimaste aastate otsingute tagajärjel avastati rida neoliitilisi asulakohti Narva jõe alamjooksul ja Võrtsjärve looderannikul. Nende ja teiste, juba varem tuntud mälestusmärkide uurimise tulemusena on saadud esmakordselt ettekujutus üksikute neoliitiliste asulate ulatusest ja konkreetne pilt selle aja elamute laadist ning suurusest meie vabariigi maa-alal.

Väga tähtis on see, et iseäranis Emajõe suudme piirkonnas, aga ka Narva jõe ääres olevate asulate uurimisel saadud rohkes keraamikamater-

jalis on saadud eraldada erivanuseid järke ja et niiviisi on osutunud võimalikuks püstitada selle kauge ja pika ajajärgu kohta teatavaile muististe iseärasustele põhinev üksikasjalisem kronoloogiline alajaotus. Hästi põhjendatud kronoloogia aga on igasuguse edasise ajaloolise uurimise esmaseks aluseks. Suure tähtsusega on ka see, et samade mälestusmärkide uurimine on võimaldanud jälgida ainelise kultuuri pidevat arenemist neoliitikumist kuni varase metalliajani, III kuni I aastatuhandeni e. m. a. ja sellega loonud silla üle nende ajajärkude vahel seni olnud näilise tühiku.

Eesti NSV neoliitiliste mälestusmärkide kõrval kirjeldatakse allpool Läti NSV maa-alal oleva Sārnate asula uurimise tulemusi. Kuna seal on harukordselt hästi säilinud puuesemed, annab see asula mitmekülgse pildi hilisneoliitiliste elanike eluviisist, majandusest ja olustikust.

Tänu materjali tunduvale rohkenemisele hakkavad Baltimaade neoliitilises kultuuris tähelduma väiksemate kohalike rühmade iseärasused. Materjali edasise kasvamisega võimaldab see kindlaks teha muistse elanikkonna etnilisi rühmitusi ja nende suhteid nii omavahel kui ka naaberaladega.

Varase metalliaja kõige silmapaistvamaks mälestusmärgiks Eesti NSV territooriumil on Asva kindlustatud asula. Selle uurimise tulemused näitavad, et tootlikud jõud olid siin selleks ajaks, võrreldes neoliitikumiga, tunduvalt edasi arenenud ja et seepärast oli varasem oletus, nagu tähendaks see periood mingit seisakut Baltimaade hõimude kultuuriarengus, täiesti ekslik.

Selle perioodi mälestusmärgid Baltimaade vahetul idapoolsel naaberalal olid kaua aega peaaegu tundmatud. Käesolevas väljaandes toodud artikkel viimaseil aastail Zapadnaja Dvinaa ülemjooksul toimunud arheoloogiliste uurimiste tulemustest aitab mõnel määral seda lünka täita ja heidab uut valgust Baltimaade hõimude kultuurisuhteile naabritega.

Teise peaprobleemi, ürgkogukondliku korra lagunemise ja feodaalsuhete algmete tärkamise selgitamiseks on uuritud eelkõige linnuseid.

Kuigi siin veel ees seisab palju tööd, võib ometi juba senistegi uurimiste andmete põhjal jälgida muistsete eesti hõimude majandusliku ja ühiskondliku arenemise peamisi etappe — viljakasvatuse ja teiste tootmisharude individualiseerumist, eraomanduslike suhete tärkamist, jõuka ülikkonna eristumist, selle ja rahva laiade hulkade vaheliste klassivastuolude tekkimist jne.

Eriti tähtsaks tulemuseks tuleb pidada seda, et arheoloogilise uurimistöö, sealhulgas suurimate Eesti alal seni toimunud kaevamiste kaudu Tallinnas on võidud näidata, et eestlastel hakkasid oma kohaliku arengu tagajärjel XI—XII sajandil tekkima linnataolised keskused. Kaevamiste andmed kinnitavad, et linnaliste keskuste tekkimisele, nagu üldse majanduse ja ühiskonna arenemisele muistsete eestlaste juures on suurt mõju avaldanud nende tihedad sidemed Muistse Venega ja selle linnadega.

Seega on kummutatud vana, baltisakslaste poolt ilma mingi põhjenduseta levitatud ja eesti kodanlike ajaloolaste poolt omaks võetud täiesti väär vaade, nagu oleksid linnad Eestis kui ka teistes Baltimaades alguse saanud saksa-taani vallutajate «teenel». See tulemus kinnitab veelkord, et Baltimaile XIII sajandi algul tunginud võõramaised vallutajad ei olnud kohalikele rahvastele mitte kultuuritoojad, vaid rõhujad ja koloniaalsed ekspluataatorid, kes siinsete rahvaste arengu sajandeiks maha surusid.

Lõpuks märgitagu, et käesolevas kogumikus ei ole käsitletud Eesti territooriumi muistse elanikkonna päritolu ja kujunemist, kuna selle kohta on ettevalmistamisel omaette kogumik.

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем сборнике публикуются материалы из археологических раскопок, произведенных за последние годы в пределах Эстонской ССР и на соседних территориях. В статьях, включенных в сборник, приводятся по преимуществу такие новые факты и сделанные на их основе обобщения, которые представляют интерес не только для узкого круга археологов, но в известной мере и для представителей смежных дисциплин, а также краеведов, преподавателей, учащихся.

Объем археологических работ в Эстонской ССР не только увеличивается из года в год, но одновременно эти работы достигли и качественно новой, более высокой ступени.

В ограниченных условиях буржуазной Эстонии археологические изыскания носили в значительной степени случайный, бесплановый характер. В Советской Эстонии эти работы планомерно направлены на изучение больших и существенных исторических проблем. Буржуазная археология рассматривала, да и продолжает рассматривать явления материальной культуры обособленно, в отрыве от истории народов, от истории общества. Советская археология изучает памятники материальной культуры и их развитие не изолированно, а рассматривает их как исторические источники, всесторонне использует их для раскрытия исторических судеб населения исследуемой территории.

В изучении древнейшей истории Эстонии большую помощь оказывают археологи братских советских республик. Тесное сотрудничество с ними становится с каждым годом все плодотворнее. Это нашло свое отражение также в участии некоторых из них в настоящем сборнике.

Публикуемые ниже статьи сосредоточиваются главным образом вокруг разработки двух основных проблем, над решением которых в последние годы трудились эстонские археологи: это, во-первых, изучение неолита и эпохи раннего металла, т. е. вопросы истории родового строя, и, во-вторых, история I и начала II тысячелетия н. э., т. е. вопросы разложения родового строя и возникновения раннефеодальных отношений.

Неолит и ранняя эпоха металла (III—I тысячелетия до н. э.) были еще до недавнего времени наиболее слабо изученными периодами древнейшей истории Эстонии. Поэтому естественно, что исследованию памятников этих периодов археологами уделяется много внимания. Благодаря изысканиям последних лет был обнаружен ряд неолитических поселений в низовьях реки Нарвы и на северо-западном побережье оз. Выртсъярв (центральная Эстония). Изучение этих, а также других, уже прежде известных памятников дало впервые конкретное представление о размерах отдельных неолитических поселений и характере жилищ этого периода на территории республики.

Важным результатом следует считать то, что в районе устья р. Эмайыги, а также в поселениях низовья р. Нарвы в керамике удалось проследить разновременные комплексы, что позволяет установить более дробное хронологическое подразделение для того продолжительного отрезка вре-

мени, который охватывает неолит и эпоха раннего металла. Хорошо обоснованная хронология же является важнейшей предпосылкой исторических исследований.

Необходимо подчеркнуть, что изучение указанных памятников позволило впервые проследить непрерывное развитие материальной культуры на территории Эстонии с III по I тысячелетие до н. э. и тем самым восполнить тот пробел в наших знаниях, который до последнего времени существовал между неолитом, с одной стороны, и эпохой металла — с другой.

Наряду с данными по неолиту Эстонии в настоящем сборнике опубликовано описание материалов из раскопок Сарнатского поселения в Латвии. Благодаря исключительной сохранности предметов из дерева это поселение дает весьма многостороннюю картину образа жизни, хозяйства и быта позднеолитического населения.

Значительное увеличение количества материалов по неолиту Прибалтики позволяет в известной мере проследить в культуре этого периода особенности некоторых местных групп. Можно надеяться, что с дальнейшим накоплением и изучением материалов удастся установить этнические группы древнего населения и их взаимоотношения как между собой, так и с соседними с Прибалтикой племенами.

Крупнейшим памятником эпохи раннего металла на территории Эстонской ССР является укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Исследование этого памятника показало, что I тысячелетие до н. э. характеризуется, по сравнению с неолитом, значительным ростом производительных сил общества и что, таким образом, прежняя точка зрения, согласно которой данный период якобы был застойным, лишена всякого основания.

Памятники этого периода на территории, непосредственно примыкающей к Прибалтике с востока, до последнего времени были почти неизвестны. Печатаемая в настоящем сборнике статья о результатах исследования археологических памятников в верховьях Западной Двины помогает в некоторой степени восполнить этот пробел и проливает новый свет на культурные связи племен Прибалтики.

В целях разработки второй основной проблемы, проблемы распада первобытно-общинного строя и зарождения феодальных отношений, изучались в первую очередь городища.

Несмотря на то, что в изучении этой проблемы предстоит еще много работы, уже и накопленные до настоящего времени материалы позволяют проследить основные этапы социально-экономического развития эстонских племен во второй половине первого и начале второго тысячелетия н. э. — процесс индивидуализации земледелия и других отраслей хозяйства, зарождение частнособственнических отношений, выделение имущей знати и возникновение классовых противоречий между ней и широкими массами народа.

Особенно важным результатом исследования памятников этого периода, в частности крупнейших археологических работ, произведенных до настоящего времени на территории Эстонии, — раскопок в Таллине, является установление факта, что у эстонцев уже в XI—XII вв. возникли центры городского типа.

Данные раскопок подтвердили, между прочим, что в возникновении у древних эстонцев городских центров, как и вообще в их общественно-экономическом развитии, огромное значение имели тесные связи с древней Русью, в том числе с русскими городами.

Таким образом, окончательно опровергнуто старое, ничем не обоснованное утверждение прибалтийско-немецких и эстонских буржуазных

историков, что города в Эстонии и остальной Прибалтике якобы возникли только после вторжения сюда немецко-скандинавских завоевателей. Это лишний раз подтверждает, что вторгшиеся в Прибалтику в начале XIII века чужеземные захватчики не были для местных народов «культуртрегерами», а, напротив, угнетателями и колониальными эксплуататорами, затормозившими на много веков культурное развитие этих народов.

Отметим в заключение, что в настоящий выпуск не вошли статьи по вопросам этногенеза эстонского народа. Этим вопросам посвящается специальный сборник статей.

TALLINNAS 1952.—1953. AASTAL TEOSTATUD ARHEOLOOGILISTE KAEVAMISTE TULEMUSI

S. TARAKANOVA, O. SAADRE

Nõukogude avalikkust on alati huvitanud küsimus Tallinna tekkimise ajast, aga ka sellega tihedalt seotud teine küsimus, kas tekkis Tallinn kohalike eesti hõimude ühiskondlik-majandusliku arengu tulemusel või asutati linn väljast tulnukate poolt.

Nõukogude ajaloolastele on olnud iseenesest selge, et seisukoht, mida püüdis põhjendada balti-saksa ja eesti kodanlik historiograafia, nagu oleksid Tallinn ja teised Baltimaade linnad asutatud XIII sajandi algul välismaalaste poolt, on väär. Balti-saksa ajaloolased lähtusid nende küsimuste otsustamisel kurikuulsast «kultuurträgerluse» teooriast ja väitsid ilma mingi põhjenduseta, et Baltimaade rahvad olevat enne saksa-skandinaavia vallutajate sissetungi seisnud äärmiselt madalal arengutasemel ja et neil seepärast polevat olnud ka linnalisi keskusi. Kodanlikud eesti ajaloolased aga, korrates sakslaste arvamist, kirjutasid, et «Eesti keskaegne linnandus oma iseloomulikemais joontes ja väljendustes oli lääne-euroopalikku, eeskätt saksa päritolu». Kuid juba pealiskaudnegi tutvumine allikate, nende hulgas ka arheoloogiliste materjalidega, ei jäta kahtlust selles, et linnataolised keskused Eesti territooriumil pidid tekkima juba X—XI sajandil kohaliku elanikkonna majandusliku ja ühiskondliku arengu tulemusel.

Kasutades asjaolu, et Baltimaade linnade ajalugu on alles vähe uuritud, on tänapäeva kodanlikud «ajaloolased», seistes Lääne imperialistide teenistuses, hakanud üles soojendama vanu normanistlikke teooriaid siia omal ajal läänest tunginud anastajate «kultuurimissioonist», püüdes sellega põhjendada võõraste agressorite «õigust» Baltimaadele.[1] Seetõttu on Baltimaade linnade ajaloo tundmaõppimine oluliselt tähtis mitte üksnes teaduslikust seisukohast, vaid on ka suure poliitilise tähtsusega ülesandeks.

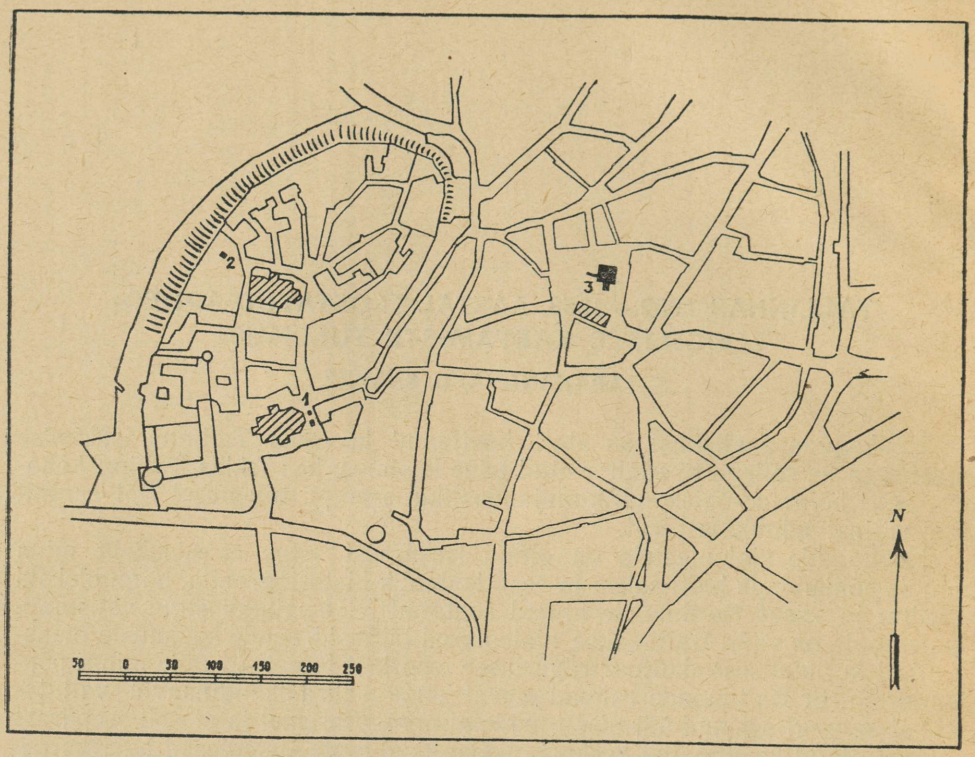
Vana Tallinna ajaloo edasilükkamatu uurimise vajadus tõsteti üles 1951. aastal NSV Liidu Teaduste Akadeemia Materiaalse Kultuuri Ajaloo Instituudi pleenumil, mis oli pühendatud Baltimaade arheoloogia küsimustele.[2]

1952. aasta sügisel organiseeris Tallinna Linnamuuseum Tallinna Linna TSN Täitevkomitee initsiatiivil ja viimase finantseerimisel Tallinnas esimesed arheoloogilised kaevamised. 1953. aastal jätkusid kaevamised Eesti NSV Ministrite Nõukogu ja Eesti NSV Teaduste Akadeemia Presiidiumi poolt selleks määratud summade arvel. Kaevamisi juhtis Eesti NSV Teaduste

---

[1] Z. Līgers, Histoire des villes de Lettonie et d'Estonie. Paris 1946. P. Johansen, Nordische Mission, Revals Gründung und die Schwedensiedlung in Estland. Stockholm 1951.

[2] Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Академии наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 год. Москва 1951, lk. 49. Ajalooliste allikate kohta vt. H. Moora, Tallinna tekkimisest ja vanusest. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, II kd., 1953, lk. 167—174.



Joon. 1. Tallinnas 1952. ja 1953. aastal teostatud arheoloogiliste kaevamiste asukohad. 1 — kaevandid Eesti NSV Tervishoiuministeeriumi esisel platsil; 2 — kaevand Toomkooli t. 21; 3 — kaevand Raekoja platsil.

Akadeemia Ajaloo Instituut, keda seejuures abistas NSV Liidu Teaduste Akadeemia Materiaalse Kultuuri Ajaloo Instituut.

Kaevamiste ülesandeks oli uue materjali saamine linna tekkimise aja kohta ning linna materiaalse kultuuri iseloomu ja eesti rahva suhete kohta oma naabritega, eriti vene rahvaga.

Nende ülesannete lahendamine ei võinud loomulikult teostuda ühe-kahe aasta kaevamistega. Sellepärast tuleb siin kirjeldatud töid vaadelda kui esimest etappi Tallinna arheoloogilisel uurimisel.

Kaevamiste teostamine Tallinnas on raskendatud linna vanimate osade tiheda hoonestuse tõttu. Kohtade kindlaksmääramiseks, kust oleks võinud eeldada oodatavaid tulemusi, uuriti linna ajaloo ja topograafia kohta käivaid arhiivimaterjale ja kirjanduslikke andmeid. Selle küsimuse lahendamise raskus ilmneb eriti kui arvestada, et kaevamiskoha otsingul Sulevimäel, kus asus arvatavasti nn. vene ots (конец), ei leitud kohta isegi proovikaevamiseks.

Esimesi kaevamisi Tallinnas raskendas veel see, et polnud olemas usaldatavaid andmeid pinnase kultuurkihtide ulatuse ja koosseisu kohta.

Kaevamised toimusid Tallinna kahes vanemas osas — Toompeal 1952. aastal ja all-linnas 1953. aastal (joon. 1).

Toompea asend lubas oletada, et just siin, omaette kerkival paesel kõrgendikul, mis tõuseb enam kui 47 m üle merepinna, peab olema vanima linna koht. Toompea kujutas endast juba looduslikultki kindlust (vrd. joon. 2). Peaaegu püstloodsed kõrgendiku nõlvad, välja arvatud ainult

Joon. 2. Tallinna vaade järsult üle all-linna kerkiva Toompeaga, kus asus muistne linnus.

kaguosa, kust käis üle tee, tegid Toompea ligipääsmatuks. Toompea pindala — 7,3 ha — lubab oletada, et siin võis paikneda suur asula.

Toompea asub merest otsejoones 800—900 m kaugusel. See asjaolu võis olla põhjuseks, et Toompea jalamile juba varakult hakkas kasvama asula, mis hiljem kujunes all-linnaks. Kaevamistel seati ülesandeks ka all-linna tekkimise aja küsimuse selgitamine.

Möödunud sajandi lõpul, õigeusu katedraali ehitamisel Toompeale, oli tähele pandud, et kultuurkiht oli seal 10 kuni 21 jalga paks.[3] 1935. aastal Toompea lossi ümberehitamisel võidi jälgida kultuurkihi paksust kuni 3 meetrini. Maapinnast 3 meetri sügavusel asus puutumata paene aluspind. Sellel asus 60 cm paksune savikiht ja viimasel esimene õhuke söerikas kiht; järgnes vähese lubjaseguga savikiht, mis oma ülemises horisondis muutus lubjakihiks; sellel lasus paks kiht sütt, millele järgnes jälle lubi ning lõpuks 1,5 meetri paksune sillutise kiht. Kuna see sillutis kuulus XVII—XVIII sajandisse, siis oletati, et alumine süsine kiht võis kuuluda aega, kus ei tuntud veel lubjaseguga tehtud müüre — tähendab eestlaste linnuse perioodi.[4]

Mõnesuguse ettekujutuse Toompea kultuurkihi paksusest ja iseloomust andsid siin 1940. aastal toimetatud geoloogilised uurimised. Need näitasid, et kultuurkihi paksus ulatub siin kohati 4,5 kuni 5,5 meetrini.

All-linna kultuurkihi iseloomu kohta oli aga enne kaevamisi vähe andmeid.

[3] К. Тизик, Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде. Ревель 1900, lk. 24.

[4] OES Ar. 1935, lk. 50.

KAEVAMISED TOOMPEAL

Arheoloogilised kaevamised Toompeal toimusid kahes kohas: 1) Eesti NSV Tervishoiuministeeriumi ja õigeusu katedraali idapoolse osa vahelisel alal — kaevandid nr. 1 ja 2 — (joon. 1:1) ja 2) Toomkooli t. 21 majade õues, Toomkiriku vastas — kaevand nr. 3 (joon. 1:2).

Kaevandid Eesti NSV Tervishoiuministeeriumi hoone ees

K a e v a n d nr. 1, pindalaga 3×4 meetrit, asus 3,9 m kaugusel kiriku apsiidi põhjapoolsest nurgast. Selles kaevandis ei olnud kultuurkihti paks ning koosnes kruusast, savist, liivast ja tumedast mullast, milles oli söeraasukesi. Geoloogi H. Palmre (ENSV TA Geoloogia Instituut) poolt kohapeal teostatud pinnase uurimine näitas, et puutumata aluspind algab siin 1,2 m sügavusel tänavapinnast ja kujutab endast tüüpilist glindieelset randvalli (kõrguspunkt 42 meetrit) paeplaatidega, mis vee poolt on lihvitud. Pinnase ülemises horisondis tuleb esile põlevkivi, alamal paene kruus. Kaevandist ei leitud ühtki eset.

K a e v a n d nr. 2, suurusega 4×8 meetrit, asus 7 meetri kaugusel SSO suunas kaevandist nr. 1. Kultuurkihi paksus oli kaevandi põhjapoolses osas 5,5 meetrit, lõunapoolses — 7 meetrit.

Kaevandis võis eraldada kolme kihti. Esimene kiht algas tänavapinnast ja ulatus 1,8—2 meetri sügavusele. Kiht koosnes mullaga segatud kruusast. Selle kihi ülemises horisondis (I—V korris)[5] leidus XIX—XX sajandi materjali. Alumises horisondis (VI—X korris) leidus segatud materjali, tumeda, valge ja sinise glasuuriga kahleid, klaasikilde, hollandi piipude osi, punasest savist, ilma glasuurita ja glasuuriga savinõude kilde, Lääne-Euroopa päritoluga hallist savist õhukeseseinaliste nõude katkendeid ning sinise värvusega, fajanssnõude osi. Selles kihis leiti rauast lukk, naelu ja raudvõru.

Kihi iseloom ja ladestumise tingimused lubavad arvata, et see kiht tekkis võrdlemisi hilja, mitte varem kui XVIII—XIX sajandil, mil tõenäoliselt toimus Toompea selle osa pinna nivelleerimine.

Teine kiht, vahetult esimese all, oli ligi 2 meetrit paks. See kiht koosnes tumepruunist mullast, milles oli sütt ja tuhka. Selles kihis leidus loomaluid, kalasoomust, pargitud naha jäänuseid, kaseoksi ja kõdunenud viljateri.

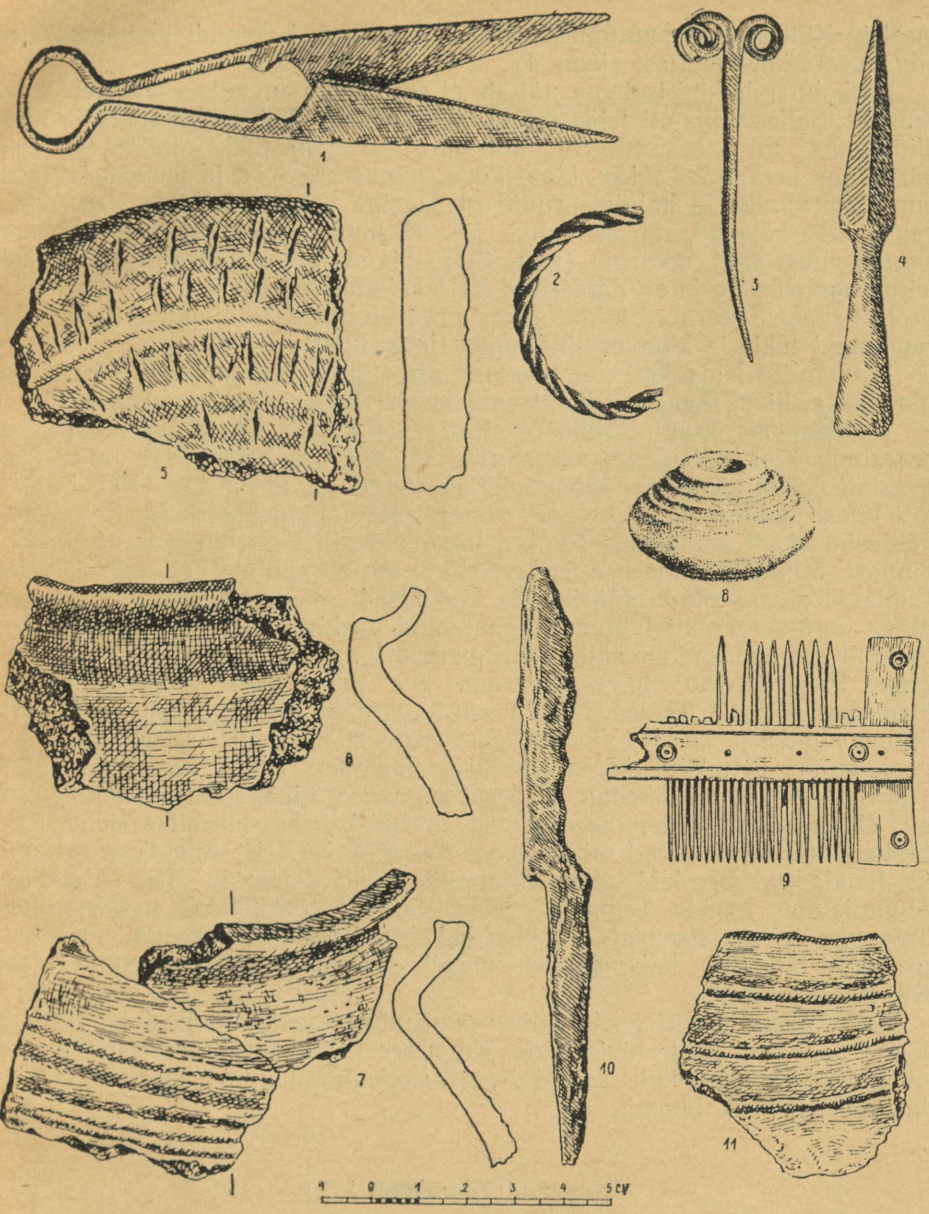
Eesti NSV Teaduste Akadeemia Taimekasvatuse Instituudi vanema teadusliku töötaja H. Michelsoni poolt teostatud pinnase analüüs näitas, et see kiht tekkis prahist ning toidujäätmetest, mis on täiesti tõenäoline, sest selle kihi ladestumise tingimused näitavad, et siinoleva languse tasandamiseks oli kasutada prahist mulda. Seda kinnitas ka leiumaterjal.

Teises kihis leidus punasest savist keraamikat glasuurita ja glasuuriga, parknaha tükke, klaasikilde, Lääne-Euroopa päritoluga keraamika kilde, pruunika ja kollakas-halli glasuuriga, fajanssnõude tükke läbipaistva glasuuriga ning sinise värviga tehtud ilustustega portselannõude katkendeid, tumeda glasuuriga ahju kahleid jm.

Sellest kihist saadud leidude hulgas olid: põletatud savist värtnakeder reljeefse kontsentrilise ornamendiga (joon. 3:8), kahepoolne luust kamm, keskkohal laastukesega, mis oli ilustatud sirkliga tehtud ornamendiga (joon. 3:9), segmendikujuline rauast sõlg, metallist naaskel, noa katkend, käärid (joon. 3:1) jm.

Suurt huvi pakuvad tumedad käsikedral valmistatud ilma glasuurita ja tugeva jämeda liiva sisaldusega keraamika tükid. Mõnel tükil on hõredalt-

[5] Kultuurkiht kaevati läbi 20 cm paksuste korriste kaupa.



Joon. 3. Esemeid kaevamistelt Toompeal 1952. aastal (Tallinna Linnamuuseumi kogudes). 1 — käärid; 2 — käevõru katkend; 3 — ehtenõel; 4 — nooleots; 5 — savist kettake; 6, 7 — keraamika; 8 — värtnakeder; 9 — kamm; 10 — nuga; 11 — keraamika. 5, 6, 8 — Toomkooli t. kaevandist, ülejäänud Tervishoiumin. eels. kaevandist nr. 2.)

asetatud soonetaolistest joontest ornament. (joon. 3:11). Sellise koostisega keraamikat on leitud Pskovi ja Vana-Laadoga kaevamistel X—XIII sajandi kihtidest.[6]

Kolmas kiht, mis koosneb kruusast ja mustamullasegusest savist, oli mitmesuguse paksusega: kaevandi põhjaosas 0,5 meetrit ja lõunaosas 2

[6] С. А. Тараканова, Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, lk. 52.

meetrit. Kiht asetses puutumatul pinnal, mis asub kaevandi lõunaosas 7 m sügavusel tänavapinnast (joon. 4).

Ka kolmanda kihi iseloom näitab, et see suures enamikus koosneb täitemullast. Selles kihis oli leide märgatavalt vähem kui teises kihis ja need olid samuti mitmekesised. Siit leiti pargitud naha tükke, Lääne-Euroopa päritoluga keraamika tükke, klaasikilde, punasest savist ja punakaskollaka, punakaspruunika ja hallikaspruuni glasuuriga savinõude kilde, raudnaelu, rauast noa katkend, rauast konks jm. Üksikuist leidudest pakuvad huvi anuma puust kaas, nooleots (joon. 3:4), mis sarnaneb Lõhavere linnamäelt leitud nooleotsaga ja on dateeritud XIII sajandisse,[7] luust naaskel, kolmest pronkstraadist keeratud lõigatud otstega käevõru XII sajandist (joon 3:2), raua šlaki tükid ja kitsateraline nuga (joon. 3:10).

Kolmandas kihis leiti varasemast ajast pärinevat tumeda värvusega, glasuurita, liiva seguga urbsest savimassist keraamikat (joon. 3:6, 7).

Kaevandi nr. 2 kultuurkihtide stratigraafia saab eriti mõistetavaks, kui arvestada kaevandi lõunapoolses osas väljakaevatud paekivist müüri. See avastati 0,6 m sügavusel tänavapinnast. Selle suund oli SW—NO. Paljastati täiesti, kuni 7 m sügavuseni ainult selle põhjapoolne külg. Tehnilistel põhjustel saadi lõunapoolset külge jälgida ainult 2 m sügavuseni tänavapinnast. Müüri ülemine osa, sedavõrd kui see oli säilinud, oli 1,25 m paks. Lubjamördiga seotud müürikivide keskmised mõõtmed olid 70×25 cm. Müür tugineb samuti lubjamördiga laotud paekividest soklile. Laotise iseloomult sarnaneb müür säilinud linnamüüriga. Müüris leiti 3 ava palkide jaoks. Esimene, 20×30 cm suurune ava on 90 cm sügavusel müüri ülemisest äärest. Teine, 15×15 cm suurune süvend, asus eelmisest 90 cm allpool ja kolmas süvend, suurusega 20×20 cm, asetses 2,2 m allpool müüri ülemisest äärest. Müüri vundament asub puutumata pinnal (tahv. IV:3). Seina lähedalt, 6,75 cm sügavusel tänavapinnast, leiti pronksist ehtenõel, mille ülemine osa on pööratud kaheks spiraaliks (joon. 3:3). Sellised nõelad esinevad mitmel pool Eestis XII—XIII sajandisse kuuluvates haudades.[8] See leid lubab avastatud müüri dateerida XIII sajandisse. Müür kulges mööda Toompea nõlva. See oli tõenäoliselt osa keerukast Toompea kaitsesüsteemist. Õigeusu katedraali ehitamisel kaevati mulla- ja prahikihi alt välja kahe tugeva müüri osad, mis kulgesid paralleelselt SW-st NO poole.[9]

1952. aastal satuti geoloogilisel puurimisel kaevamiskohast 110—150 m lõuna pool veel ühele kiviseinale. Kogu see keerukas kindlustuste süsteem oli loodud Toompea kui Lääne-Euroopa feodaalide kantsi eraldamiseks eestlaste asulast mäe jalamil.

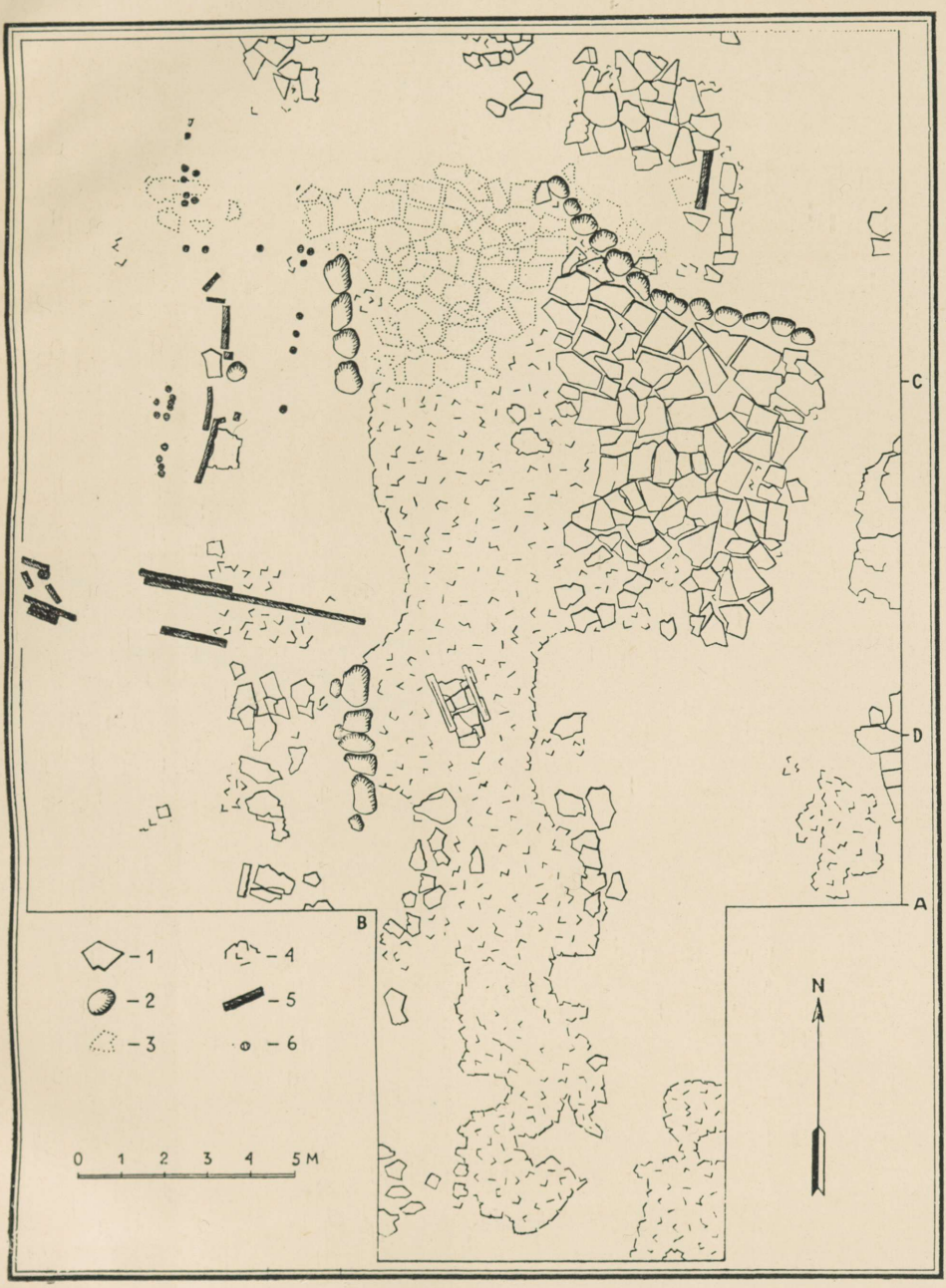
Kaevand Toomkooli t. 21

Toomkooli t. maja nr. 21 õuel rajati üks 36 m² suurune kaevand.[10] Kaevand asus XIII sajandil rajatud Toomkiriku lähedal (joon. 1:2).

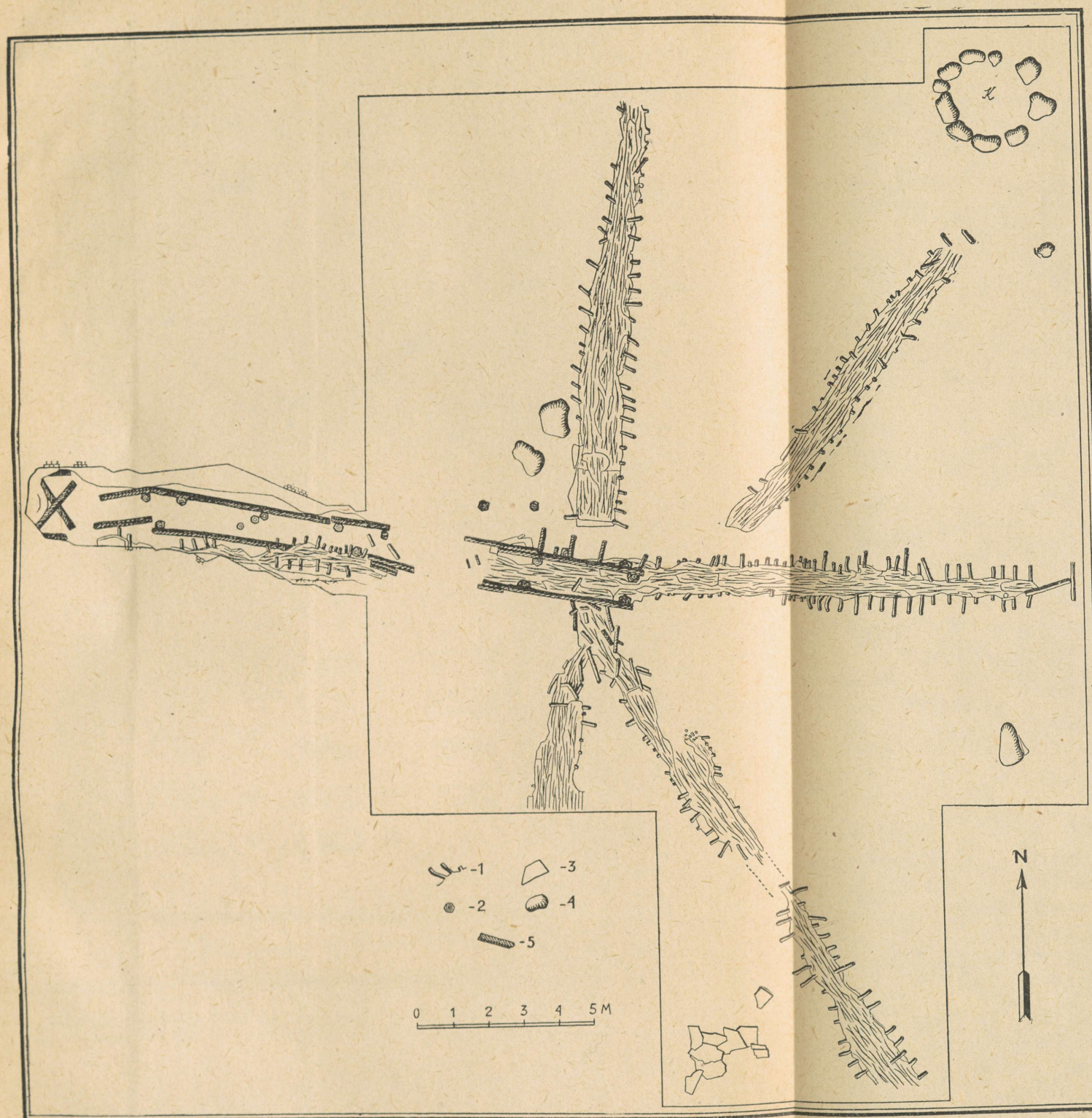
Selle kaevandi kultuurkihtide stratigraafia oli palju selgem kui eelmiste oma, kuigi ka siin oli kultuurkihti hilisemal ajal segatud. Selle kaevandi kultuurkihid erinesid teineteisest nii pinnase koostise kui ka sellest leitud materjali poolest (vt. profiil, joon. 5).

Esimene (ülemine) kiht koosnes segatud mullast. Selle ülemine horisont sisaldas mullakamarat ja selle alust mulda, milles oli pae ja tellise

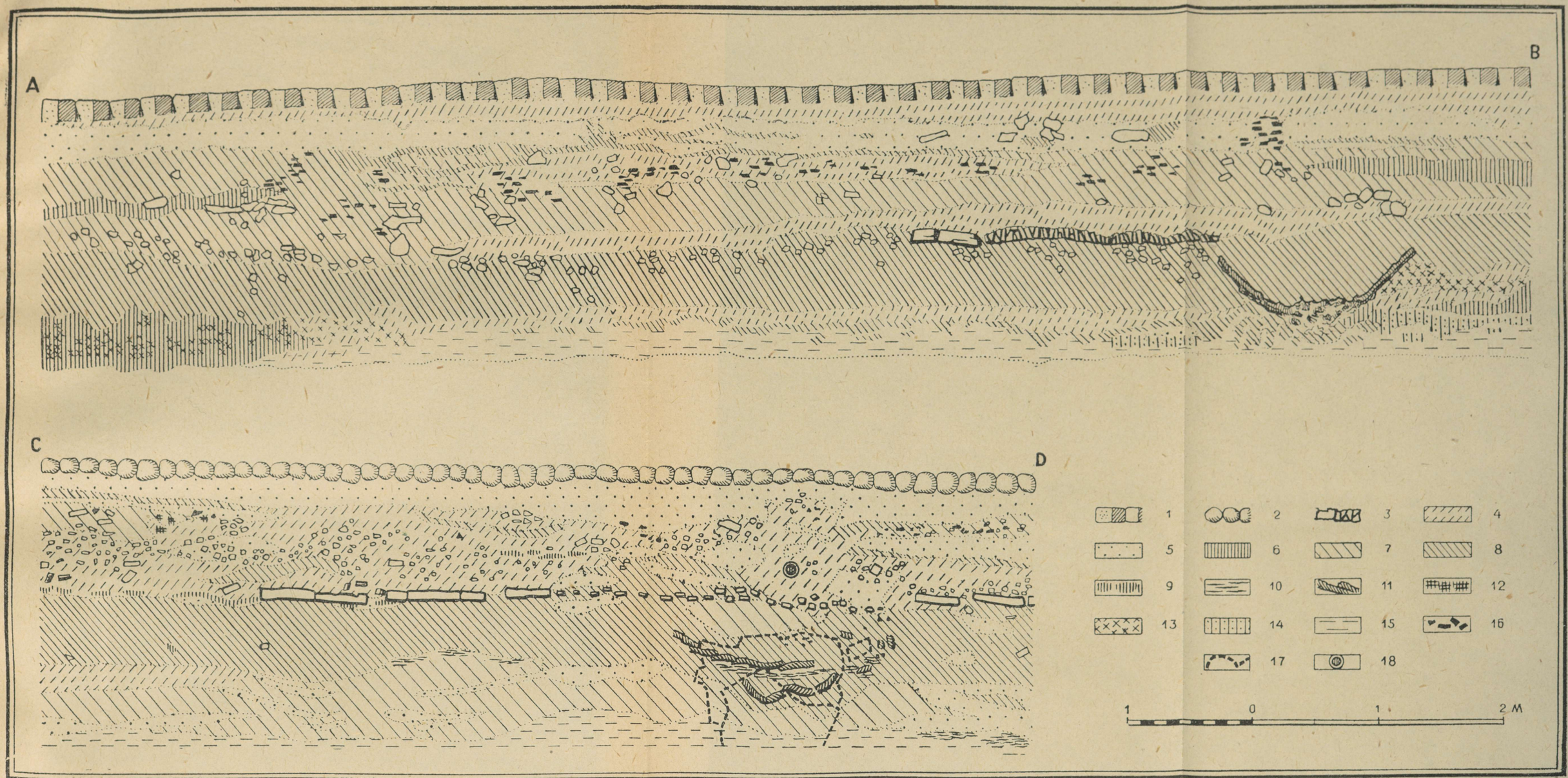
[7] MEL, lk. 165.
[8] AI 3992:48 (Küti); 3988:44 (Haimre) jm.
[9] К. Тизик, Ревельский Александро-Невский собор, lk. 51.
[10] Kaevandi suurendamine ei olnud võimalik õue piiratuse tõttu.



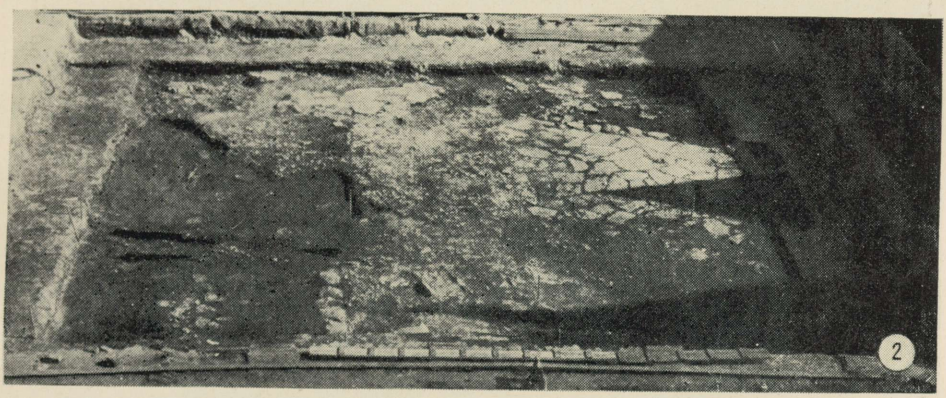
Raekoja platsi kaevand XIV sajandist pärineva sillutisega. 1 — paekivi; 2 — raudkivi; 3 — kaevamistel eemaldatud kõige kõrgemal asetsev sillutise osa; 4 — peenem paeklibu; 5 — tahutud plangud; 6 — maasse löödud vaiad.

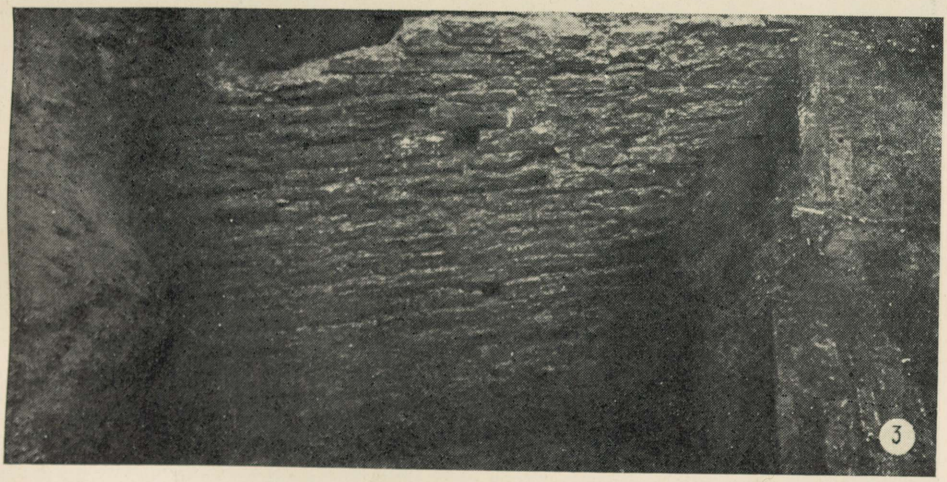


Raekoja platsi kaevand hagudega täidetud drenaažikraavidega. 1 — kraavi äärestavad vaiad; 2 — püstpalgid veerenni plankude toestamiseks; 3 — paekivi; 4 — raudkivi; 5 — veerenni plangud; *K* — kaev.

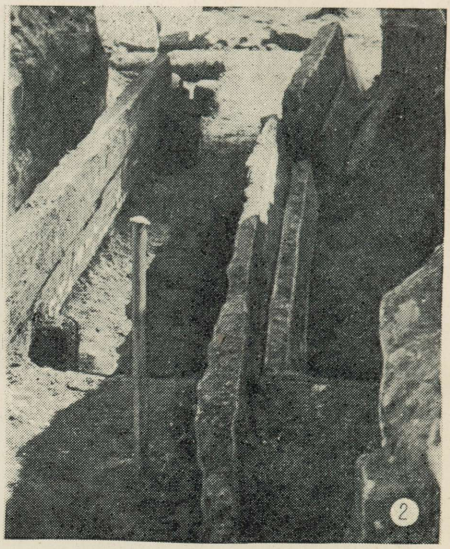


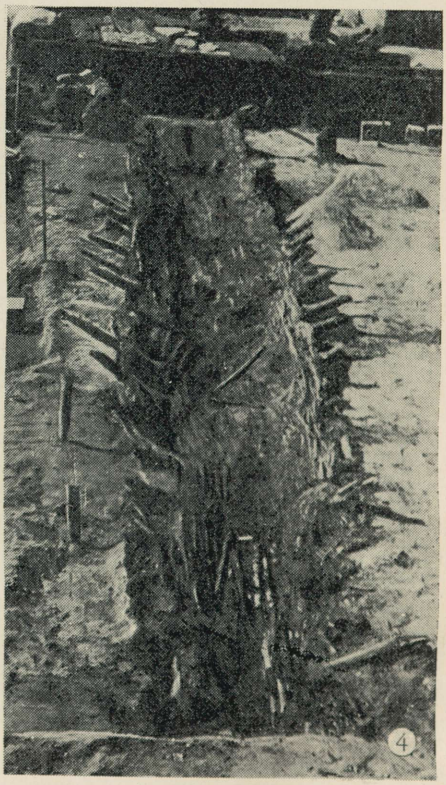
Raekoja platsi kaevandi profiilid: A—B-lõunapoolne, C—D-idapoolne profiil. 1 — parkettkivi sillutis; 2 — munakivi sillutis; 3 — XIV saj. pärineva sillutise paeplaadid ja -klibu; 4 — pruunikas tume liiv; 5 — hele liiv; 6 — heledam pruunikas liiv; 7 heledam muld; 8 tumedam muld; 9 — roostene liiv; 10 — savi; 11 — kõdunenud puu; 12 — süsi ja tuhk; 13 — vivianiiti sisaldav liiv; 14 — tume kõdumuld; 15 — aluspõhja liiv; 16 — tellisetükid; 17 — serviti asetatud paeplaadid; 18 — metalltoru.





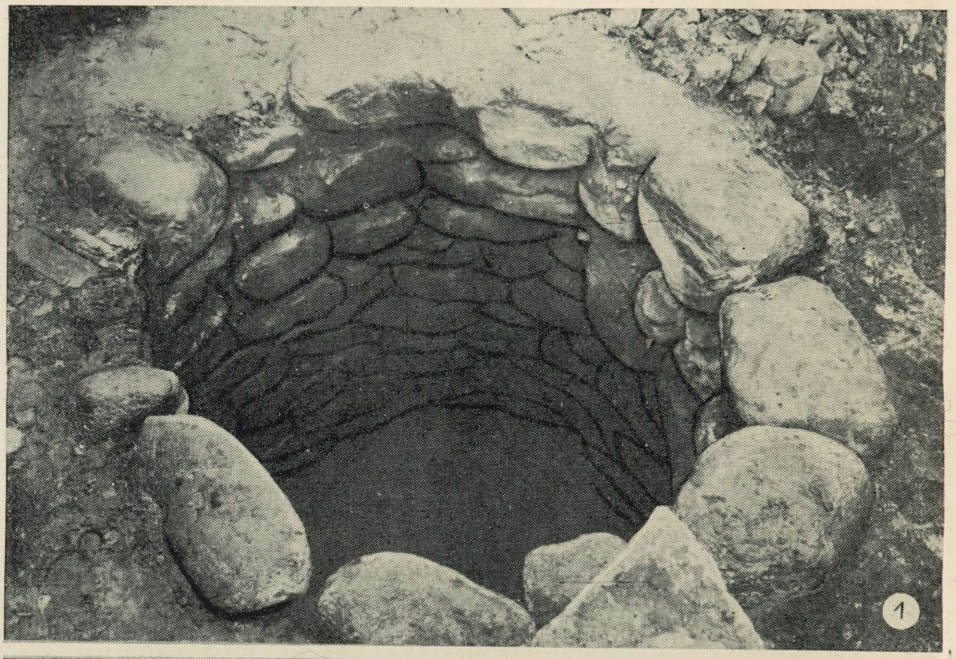
1. Raekoja platsi kaevand 1711. a. püstitatud auvärava sammastiku jäänustega ja XVIII sajandisse kuuluva laternaalusega Tagaplaanil XIV sajandisse kuuluv paeplaatidest sillutis. 2. Raekoja platsi kaevandis paljanenud sillutis ja veekanali plangud. 3. Vana linnamüüri osa kaevandis Toompeal Tervishoiuministeeriumi esisel platsil.





1. 1711. a. auvärava sammaste all olevad plangud. 2. XIV sajandisse kuuluva veejuhtme renn. 3. Sillutise jäänused kaevandis, esiplaanil drenaažikraavi vaiad, tagaplaanil veerenn. 4. Väljakaevatud drenaaži idapoolne haru.

Hagudega täidetud drenaažikraavide süsteem Raekoja platsil. 2. Drenaažikraavide külgedele löödud vaiad pärast hagude eemaldamist.



1. Raekoja platsil väljakaevatud kaev. 2. Kaevu põhja ebakorrapärase nelinurga kujuliselt löödud vaiad. Vaiade ja kivivooderduse vahe täidetud saviga.

klibu, liiva, peeneid söeraase ja kõdunenud puu osi. Kihi alumine horisont koosnes ehitusprahist (purustatud pae ja tellise ning katusekivide tükid, lubi) vähese hulga mustmullaga. Esimese kihi paksus oli üks meeter.

Esimesest kihist leiti väga mitmekesist materjali. Ülemises horisondis oli savinõude tükke, tehases valmistatud naelu, valge ja tumevioletse glasuuriga kahleid jm. Peale selle, eriti kihi alumises horisondis, leiti portselan- ja fajanssnõude kilde, punasest savist ilma glasuurita ning kahepoolse kollaka glasuuriga pottide tükke, pruunika glasuuriga kahleid, sepanaelu. Nii selles kui ka teistes kihtides leidus sagedasti loomaluid.

Esimese kihi dateerivad XIX—XX sajandisse kihi alumisest horisondist leitud Vene mündid 1811., 1841. ja 1858. aastast. Ehituspraht kuulub tõenäoliselt kaevandi juures olevate hoonete ehitamise perioodi XIX sajandil.

Teine kiht, paksusega ligi 1 m, koosnes samuti segatud mullast: ülemises horisondis oli muld must, segatud ehitusprahiga, alumises horisondis aga puudus ehituspraht täielikult. Teine kiht eraldus esimesest õhukese, 5—7 cm paksuse süsise vahekihikuga, mis kattis peaaegu kogu kaevandi pinna. Selle vahekihiku tekkimise põhjus jäi selgusetuks, kuigi see ilmsesti endast kujutas tulekahju jälgi.

Leiumaterjal, eriti keraamika, erines üldiselt esimese kihi materjalist. Ometi leidus mõlemas kihis ka ühesugust keraamikat, mis tõendab mõningate keraamika tüüpide pikemaaegset tarvitusel olekut. Teises kihis leiti portselan- ja fajanssnõude tükke, mis olid ilustatud peamiselt sinise, tumesinise ja kollase ornamendiga. Leidus punasest savist nõude kilde kollase glasuuriga seespool ja musta mattpinnaga väljaspool. Leidus ka keraamikat kahepoolse tumekollaka või pruunika glasuuriga, millel oli roheline või helekollane ornament. Need olid peamiselt tasside, kausside ja taldrikute killud — kohalike meistrite tooted. Kõige sagedamini esines mitmesuguseid kahleid valge glasuuriga sinise reljeefse ornamendiga. Esines ka kollakasrohelise ja pruunika glasuuriga siniseid kahleid; harva tuli ette Lääne-Euroopa päritoluga õhukesi nõusid hallist savist, kollaka, halli, beeži ja pruunika mateeritud pinnaga. Leiti mõned hollandi savipiipude fragmendid. Palju esines naharibasid ja nahkjalatsite osi. Leidude seas oli ka mitmesuguseid raudesemeid, nagu kaheharuline kahvel ja pikateraline rauast nuga.

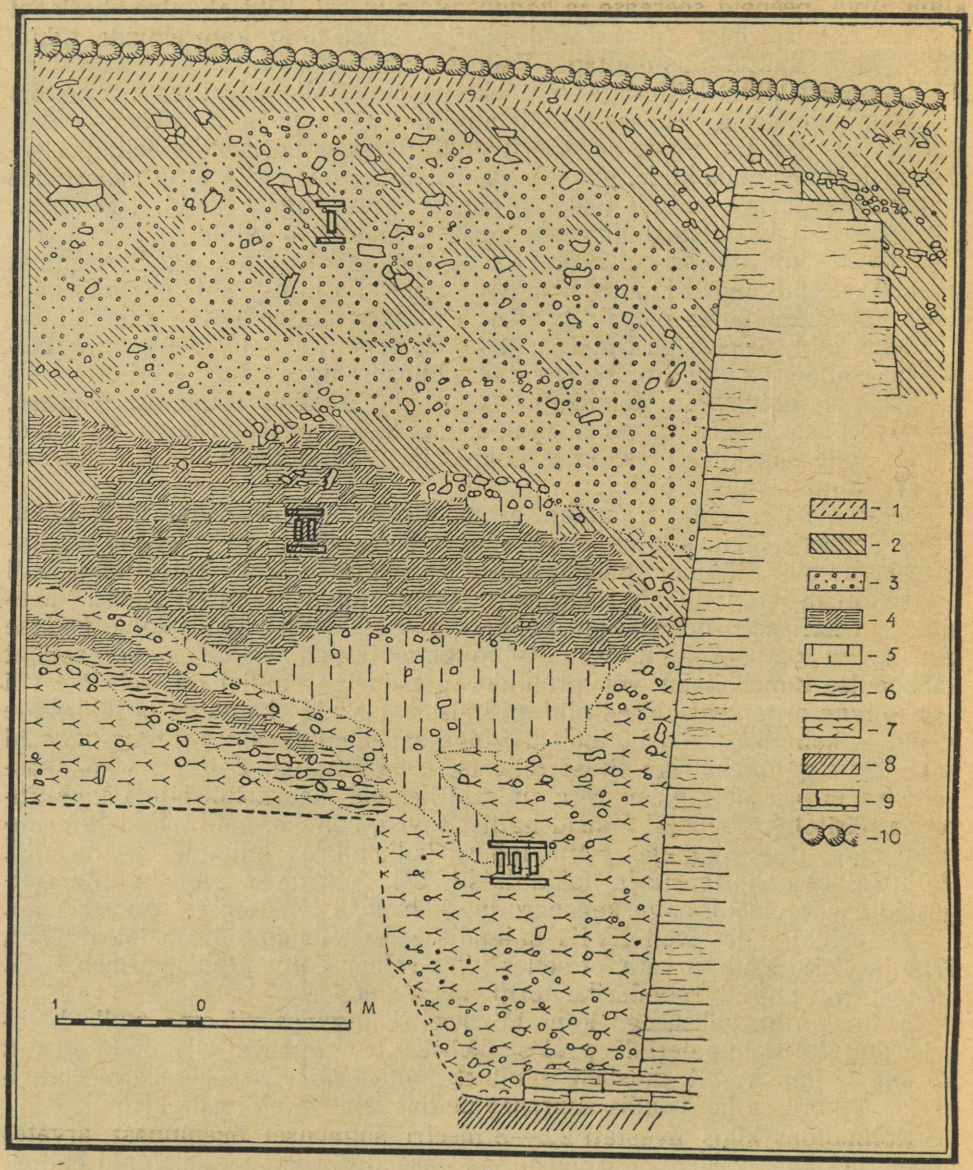
Teise kihi dateerivad XVIII sajandisse Vene mündid aastatest 1718, 1728 ja 1753. Võib arvata, et selles kihis esinev ehituspraht pärineb 1779. aastast, mil ehitati Toomkiriku torni uus kiiver.

Kolmas kiht, paksusega kuni 1,5 meetrit, jagunes nii oma mulla koosseisu kui ka leiumaterjali poolest kaheks horisondiks. Ülemine horisont koosnes intensiivselt mustast mullast, milles oli vähesel määral ehitusprahti. Alumises horisondis suurenes mullas leiduva ehitusprahi hulk.

Kolmandas kihis avastati 2,8—3 meetri sügavusel õuepinnast arvates puuehituse jäänused: palgid, postid ja paksud põrandalauad. Muld ehitusjäänuste ümbruses sisaldas suurel määral sõnnikut. Ahju või kolde aset siin ei leitud. On kõige tõenäosem, et need siin olid mingi majapidamishoone (nähtavasti talli) jäänused. Selle lähedalt leiti hobuseraudu.

Kolmanda kihi ülemine horisont, milles leidus ehituse jäänuseid, kuulub XVII sajandisse. Selles leiti Rootsi kuninganna Kristiina münte 1635. ja 1654. aastast. Gustav Adolfi münt 1629. aastast ja Karl IX münt 1614. aastast. Alumist horisonti dateerib Tallinna või Riia killing 1550. aastast. Ehitusprahi suur hulk selles kihis tunnistab intensiivsest ehitustegevusest Toomkiriku ümbruses.

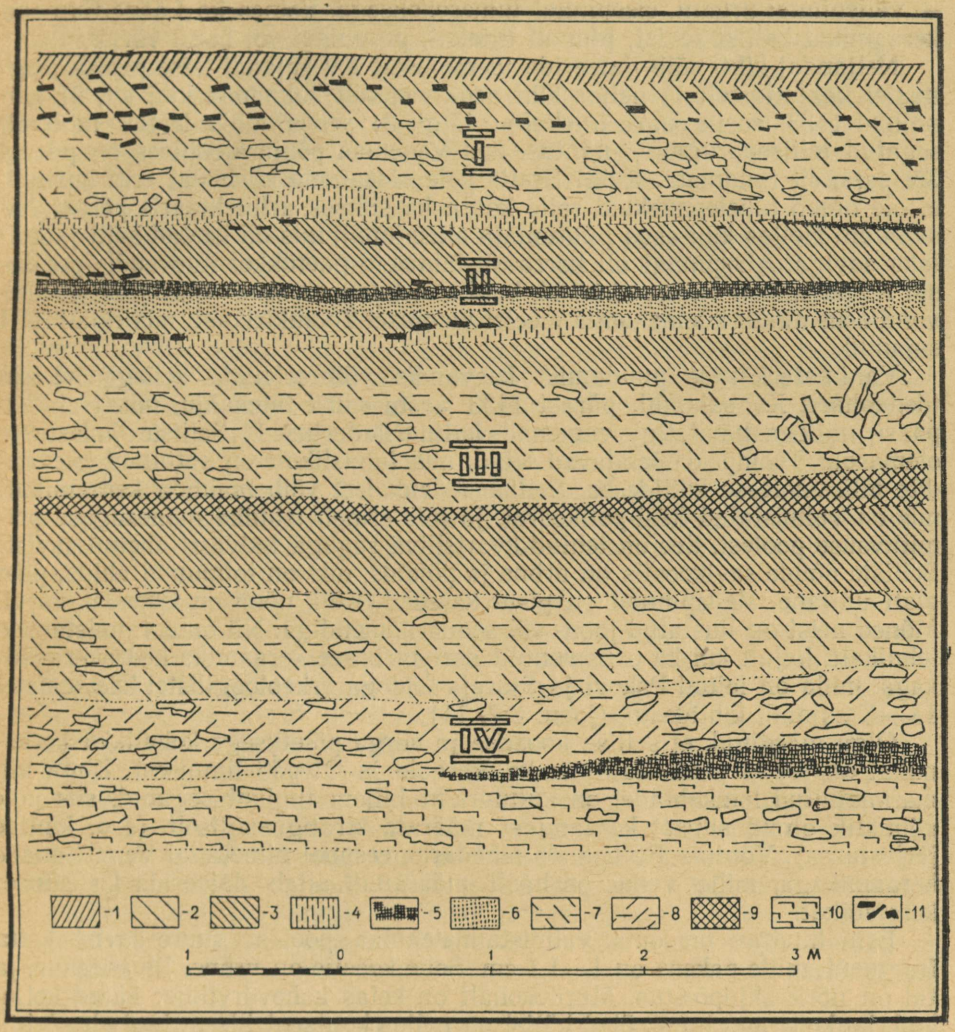
Järelikult võib kolmandat kihti dateerida XVI—XVII sajandisse. Iseäranis iseloomulikud sellele kihile on reljeefse ornamendiga ning tumeda, peaaegu musta glasuuriga ahju kahlid. Kolmandas kihis on nad väga sagedased, kuna teises kihis leidus neid vaid üksikult. Suurearvuliselt esines ka



Joon. 4. Tervishoiuministeeriumi esise kaevandi nr. 2 idapoolne profiil. 1 — segatud liiv; 2 — mustjas muld; 3 — kruusasegune muld; 4 — turvastunud jäätmed; 5 — sinkjashall rahk; 6 — rohekashall savi, 7 — kivirahk; 8 — puutumata aluspind (paas); 9 — müüri paeplaadid; 10 — kivisillutis. I — III — kihid.

hollandi piipude katkendeid. Enamikul neist on tootja märk küljes. Esines ka reljeefse ornamendiga ning rohelise glasuuriga ahjukahleid. Rohelise glasuuriga kahleid ja nõusid valmistati XVI—XVII sajandil Pskovis, kus teisi värve üldse ei tarvitatud.

Samuti on kolmandale kihile iseloomulikud punasest savist nõud, mille roheline glasuur toonilt vastab kahlite glasuurile. Esines punasest savist keraamikat, mis siseküljel on kaetud musta glasuuriga või mõlemalt poolt



Joon. 5. Toomkooli tän. kaevandi põhjapoolne profiil. 1 — pinnakamar; 2 — heledam muld; 3 — tumedam muld; 4 — lubi; 5 — süsi; 6 — tuhk; 7 — ehituspraht; 8 — krohvirikas ehituspraht; 9 — sõnnik; 10 — paetükid; 11 — tellisetükid. I — IV — kihid.

kaetud pruunika glasuuriga ja mis on ilustatud kollaka ja rohelise ornamendiga. Leiti ka hoopis ilma glasuurita kilde.

Sagedasteks leidudeks olid ka Lääne-Euroopa päritoluga õhukesed, tumehallist ja helekollakast savist nõud, halli, kreemi, beeži, pruunika mateeritud või glasuuritud pinnaga, mis on ilustatud reljeefse ornamendiga. Nende hulgas on õllekruuside tükke mõlemapoolse kollaka glasuuriga ja figuraalse ning taimornamendiga, mille järgi neid nõusid võib dateerida XVI sajandisse.

Neljas kiht, 4,2—4,4 meetri sügavusel tänapäeva pinnast, koosnes tumedast mullast, mis sisaldas halli ja kollast savi ning suuri paetükke; loomaluid ja keraamikakilde esines selles kihis vähem kui ülemistes kihtides. Siit leitud keraamika oli punasest savist, glasuurita või kahepoolse glasuuriga

— välispinnal pruuni, sisepinnal tumerohelisega. Esines ka Lääne-Euroopa keraamikat hallist savist, pinnalt lillakat, pruunikat või beeži värvi.

Neljandat kihti võib dateerida tõenäoliselt XV sajandi teise poolde järgmistel kaalutlustel: 1) neljas kiht asus vahetult kolmanda kihi all, 2) siin polnud 1433. aasta suure tulekahju jälgi, 3) selles kihis leiduv mört oli segatud tellisepuruga, — nähtus, mis Venemaa põhjarajoonides on pärast XV sajandit tundmata. Kuigi Eestis pole sideainete küsimust eriti uuritud, ei ole ometi tähelepanekuid selle kohta ka siinses arhitektuuris pärast XV sajandit. Neljas kiht asus puutumata aluspinnal, mis oli kaetud halli ja kollaka saviga. Aluspinnal oli korratult lahtiseid paetükke. Kaevandis puudusid XV sajandist vanemad kihid, kuid siin tuleb arvesse võtta seda, et kaevand asus ainult kümnekonna meetri kaugusel Toomkirikust, mis rajati XIII sajandil.

Vanimate kihtide puudumist kaevandis võib selgitada sellega, et siin tõenäoliselt XV sajandil, pärast 1433. aasta suurt tulekahju, murti ehituspaasi, millega hävitatigi vanemad kultuuriladestused. Selliste ladestuste olemasolu Toompeal tõendavad leiud, mis juhuslikult on sattunud kaevandite hilisematesse kihtidesse. Sellistest leidudest võib mainida keraamikat, mis on valmistatud käsi-potikedral, ja mis erineb tehnika mõnesuguse primitiivsuse poolest. See on tehtud kvartsliiva seguga halvasti uhetud savist. Selliste nõude savikoostis on urbne ja põletus, mis on toimunud ahjus, pole alati ühtlane. Välispinnad on pisut karedad. Kõik nõud on tumedat värvi. Mõned neist on ilustatud joon- või soonornamendiga. Nii oma valmistamise tehnikalt, kujult kui ka ornamendilt sarnaneb see keraamika kedrakeraamikaga, mida on leitud Pskovi ja Staraja-Ladoga arheoloogilistel kaevamistel IX—X sajandi kihtidest[11] (joon. 3:7, 11).

Olgu märgitud, et sellise koostise ja nõrga põletusega kohalikku keraamikat on leitud peale Tallinna ka Varbola ja Otepää linnusest. Kuna viimatimainitud leiukohtadel on kultuurkiht hiljem tublisti segatud, siis pole võimalik olnud siinset keraamikat määrata stratigraafiliselt (s. o. kihtide järjestuses). Võrdlus Eesti alale lähedaste, eespool nimetatud Vene linnade keraamikaga, mille vanus on hästi määratud, aitab dateerida ka siinset keraamikat.

Eriti huvitav on oma valmistamistehnika poolest suure savist ketta fragment, mille paksus on 1—1,1 cm. Selle koostis on urbne, liivasegune, ja tal on nõrk ahjupõletus. Murdekohalt on ketas kahevärviline: ääred kollakad, keskosa aga tume; ühel küljel on neljas kontsentrilises ringis hooletult tehtud tärked (joon. 3:5).

Ülalmärgitud tüüpi keraamika ja kitsateraliste nugade (joon. 3:10) leiud lubavad kõnelda Toompeal X—XI sajandi kihi olemasolust.

Mõlemate kaevamisalade leiud näitavad, et Toompea künkal asus eestlaste asula juba X—XII sajandil. Sellise linna olemasolu tõendab ka 1953. aastal all-linnas teostatud arheoloogiliste kaevamiste materjal.

KAEVAMISED RAEKOJA PLATSIL

All-linnas toimusid kaevamised Raekoja platsil. 510 ruutmeetriline kaevand algas 21 meetrit põhja pool Raekoda (joon. 1:3). Kultuurkihi paksus kaevandis oli 1,9—2,1 m, suurenedes ida suunas. (vt. kaevandi profiile, tahv. III).

Kultuurkihi iseloom kaevandis oli oma ülemises ja alumises horisondis erinev nii mulla koosseisu, leiumaterjali kui ka viimase säilivuse astme

[11] Тараканова, Новые материалы по археологии Пскова. Г. П. Гроздилов, Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. CA, XIV, 1950, lk. 166.

poolest. Vahe mõlema horisondi vahel moodustasid paekividest sillutiste jäänused, mis paljanesid kaevandi kohal 65—80 cm sügavuses pragusest tänavapinnast.

Tänapäeva kivisillutise all oli vahetult 30—40 cm paksune kiht heledat liiva, mis oli uuemal ajal enne platsi sillutamist kohale veetud. Liivas leidus peale mitmesuguste raudesemete katkendite ja naelte tulekivist noataoline laast (joon. 6:1), rauast harpuuniots, XVII sajandi Tallinna münt, kaks pronksist pannalt nagu joon. 6:2 jm.

Liivale järgnes vahetult tume, kobe, kohati pruunjasmust, kohati must muld, milles oli paeklibu ja sütt. Leidus purunenud telliseid. Raekojale lähemal oli mullas telliste ja katusekivide tükke. See kiht kattis laiguti säilinud paesillutise osi. Kaevandi kaguosas oli selle kihi all kollasest liivast vahekihik, mille paksus oli 10—15 cm ja mis asus alamaloleva sillutise peal või sellega ühel tasemel. See tumedam kiht heleda sillutisealuse liiva ja paesillutise vahel oli tugevasti segatud mitmesuguste hilisemate ümberkaevamiste läbi. Kaevandi kagunurgas leidus 40 cm sügavuses lubjaseguga seotud paeplaatidest vundament. Selle kõrgus oli 1 m, laius 2,6 m ja pikkus 2,7 m, keskel oli süvend. See paekivist nelinurk oli olnud laternaaluseks, mis pidi olema ehitatud mitte varem kui XVIII sajandi teisel poolel, sest et selle vundamendi ehitamisel olid purustatud varem siin olnud puuehituse jäänused.

Sellessamas kihis, 100-ruutmeetrisel alal, laternaposti alusega ühel sügavusel, paljanes rida nelinurksete puupostide otsi, mis rühmitusid neljakaupa. Rühmad paiknesid kindlas süsteemis neljal paralleeljoonel (tahv. IV:1). Postide asetuse võrdlemine arhiivimaterjalidega lubas järeldada, et need pärinesid auväravast, mis püstitati 1711. aastal Peeter I külaskäigu puhul Tallinna.[12] Iga postipaar toetus paksule männiplangule (tahv. V:1). Tugiplangud asetsesid enamikus ülalnimetatud sillutisel.

Auvärava püstitamine purustas kultuurkihi ladestumise järjekorra võrdlemisi suurel pindalal. Peale selle oli kaevandi läänepoolse serva juures kultuurkiht läbi kaevatud kuni puutumata pinnani kanalisatsiooni torustiku asetamisel XIX sajandil. Neil töödel segunesid mõistagi kultuurkihi varasemad osad ja materjalid hilisematega. Seepärast on leiumaterjali raske stratigraafiliselt jaotada. Ainult kultuurkihi alumises horisondis, mis oli kaetud sillutisega, läks korda tabada vanema materjali karakteerseid omadusi.

Selles kihis leidus sagedasti veise, sea ja teiste loomade luid,[13] mitmesuguste raudesemete katkendeid, suurte ümarate peadega sepanaelu, rauast konkse, hobuserautamise naelu, keraamikat ja muud materjali.

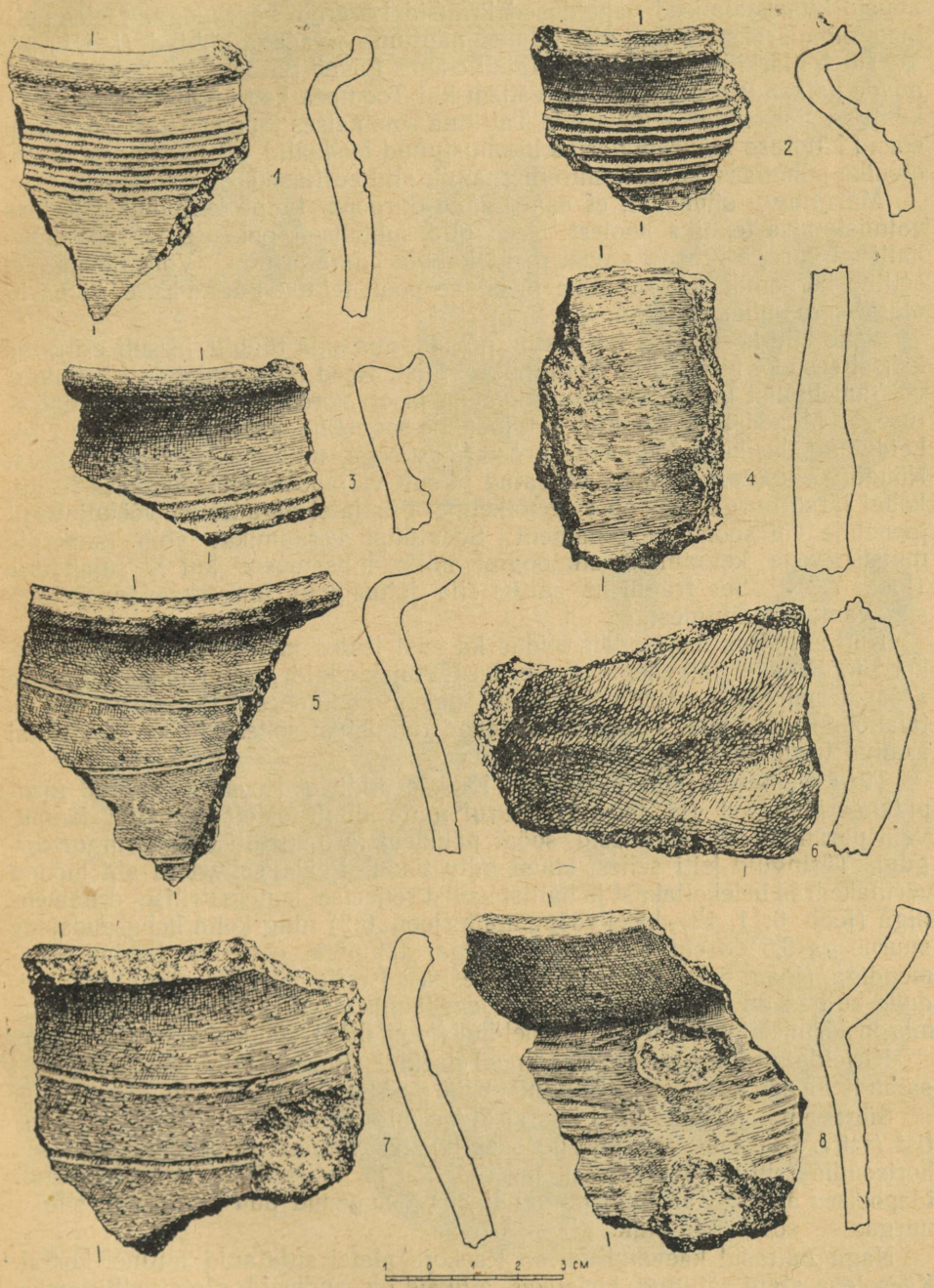
Selle kihi keraamika on mitmekesine. Leiti nii kohaliku päritoluga kui ka imporditud tooteid. Keraamika hulgas on tehniliselt hästi valmistatud nõusid punakaskollasest savist ilma glasuurita, samuti nõusid hallikaskollasest savist ja rohelise glasuuriga välispinnal. Leiti ka helepunasest savist nõusid tumekollase glasuuriga välispinnal ja tumeda glasuuriga sisepinnal. Säilinud tükkide järgi on raske otsustada nende nõude vormi üle. Tuleb aga märkida, et mitmel kollakast savist glasuurita nõul olid lühikesed sirged kõrvad, milliseid leiti osaliselt ka kaevamistel.

Kohaliku keraamika kõrval leiti ka Lääne-Euroopa päritoluga (Reini) savinõusid, mis on valmistatud helehallist või tumedast, halli, kreemi või

[12] Tallinna Linnaarhiivis on säilinud linnaplaani eskiis 1732. aastast, millel on märgitud Raekoja platsil samasugune postide süsteem kui see selgus platsi kaevamisel. Kuna 1711. aastal, millal Peeter I esmakordselt külastas Tallinna ja tema auks Raekoja platsile auvärav püstitati (vt. Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands, Band VII, Reval 1854, lk. 144 jj.) ja eskiisi koostamise aja vahel mingeid ehitusi Tallinnas Raekoja platsil ei teostatud, siis võib arvata, et need postid kuulusid nimetatud auväravale.

[13] Kõik kaevamistel leitud luud määras prof V. Tsalkin (Moskva).

Joon. 6. Esemeid kaevandist Raekoja platsil. 1 — tulekivist nuga; 2 — pannal; 3 — hoburaudsõlg; 4 — hoburaudsõlg; 5 — kamm; 6 — vurriluu; 7 — vile(?); 8 — täring; 9 — merevaigust helmes; 10 — kamm; 11, 12 — põletatud savist värtnakedrad; 13 — lukk; 14 — puust ketas; 15 — sama pöördelt koos läbilõikega; 16, 17 — noatupp; 18 — valamisvormi tükk. (AI 4061 : 1280, 4, 2983, 4548, 3377, 1430, 1626, 2596, 1892, 3443, 4060, 52, 553, 3519, 4756, 4147, 2333.)



Joon. 7. Keraamikat kaevandist Raekoja platsil. (AI 4061: 358, 863, 4198, 3911, 2699, 3391, 3390, 5059.)

pruuni värvi savist, mati, harva glasuuritud pinnaga. Osa nõusid on illustratud reljeefse ornamendiga. Otsustades säilinud tükkide järgi on enamik nõusid kitsakaelalised väheldased kruusid kõverate kõrvadega. Iseloomulikuks omapäraks on paljudel nõudel näpitud servadega põhjad (joon. 9).[14]

Tuleb märkida, et Raekoja platsil esines Lääne-Euroopa päritoluga savinõude katkendeid märgatavalt vähem kui Toompea kaevandite samaaegseis kihtides. See osutab erinevusele Tallinna sotsiaalses topograafias: Toompeal elasid kindluse müüride varjus kindlustunud feodaalid, all-linnas aga linnaelanike põhimass, kellest suurem enamik olid eestlased.

Märgitagu siinkohal, et osa Lääne-Euroopa tüüpi keraamikat erines valmistamise tehnika poolest. Need olid suhteliselt paksuseinalised, tumehalli värvusega urbsest savist pisut kareda pinnaga nõud. Võib oletada, et selline keraamika on kohalike meistrite poolt tehtud Lääne-Euroopa päritoluga keraamika eeskujul.

Selle kihi keraamika hulgas on nõusid, mis oma tüübilt järsult erinevad kahest eespool kirjeldatud keraamika liigist. Need on valmistatud kollakast või tumehallist urbse koostisega savist ja on võrdlemisi nõrga ahjupõletusega. Mõnedel katkenditel on joonelis-sooneline ornament (joon. 7:5). Leidus ka üksikuid fragmente urbse koostisega, millesse oli segatud liiva. Nõude võrik (ääre osa) on pööratud järsult väljapoole, moodustades kaelakohal järsu nurga. Äär on sirgelõikeline. Püstjatel õlgadel on vöökujuliselt jooneline või sooneline ornament. Sedatüüpi keraamikat võib dateerida muistse vene keraamika analoogial mitte hilisemasse kui X sajandisse (joon. 7:3).[15] See fragment sattus siia juhuslikult ümberkaevamise tõttu sügavamatest kihtidest.

Kihi alumises horisondis leidus ka teisi leide: merevaigu tükke, mõnikord töötlemise jälgedega (joon. 6:9), tulekivikilde, tohu tükke, tavalise sarapuu pähklite koori,[16] naharibasid, nahast noatuppesid (joon 6:16, 17) ja jalanõude jäänuseid. Viimased annavad tunnistust sellest, et kaevandi alal asunud turul on tehtud kingsepatööd.

Turu olemasolu siin tõendavad ka kaevandi loodeosas avastatud turuputkade jäänused (vt. tahv. I). Turul mitte ainult osteti ja müüdi kaupu, vaid parandati ka jalanõusid, söödi pähkleid ja lõbustati end täringumänguga. Täringuid leiti sellest kihist mitu tükki. Peale selle leiti siit mõned värtnakedrad helekollakast ja hallist savist reljeefse kontsentrilise ornamendiga (joon. 6:11, 12), kaks vööpannalt (joon. 6:2) ning kolm hoburaudsõlge suurusega 3,5×3 cm, rombilise lõikega, tahuliste otste ja löödud ornamendiga (joon. 6:3). Selliseid sõlgi esines Eestis XI—XII sajandil.[17] Leidude hulgas on 6 cm pikkune, 2—3 cm laiune, 1 cm paksune luust kamm, mis on äärmiselt primitiivselt töödeldud (joon. 6:10), töödeldud loomaluid jm.

Kirjeldatud kihti, mis oli pealpool paekivi sillutist, tuleb dateerida XIV sajandi lõpust kuni XIX sajandini. Kihi paksus oli 50—60 cm.

Sügavamal järgnes kiht, mis sisaldas mitu üksteise all olevat kivisillutist (tahv. I ja V:3). See kiht koosnes mustast mullast ja sisaldas ülemises horisondis (sillutiste tasemel) paekiviklibu ja tellisetükke, eriti kaevandi idapoolses ääres. Kaevandi pinnal leidus kõdunenud puu jäänuseid, edelanurgas — söestunud palk.

Nagu näitasid kaevamised, on Raekoja platsi sillutatud mitmel korral. Käesoleva ajani säilinud kirjalikes allikais on andmeid platsi sillutamise

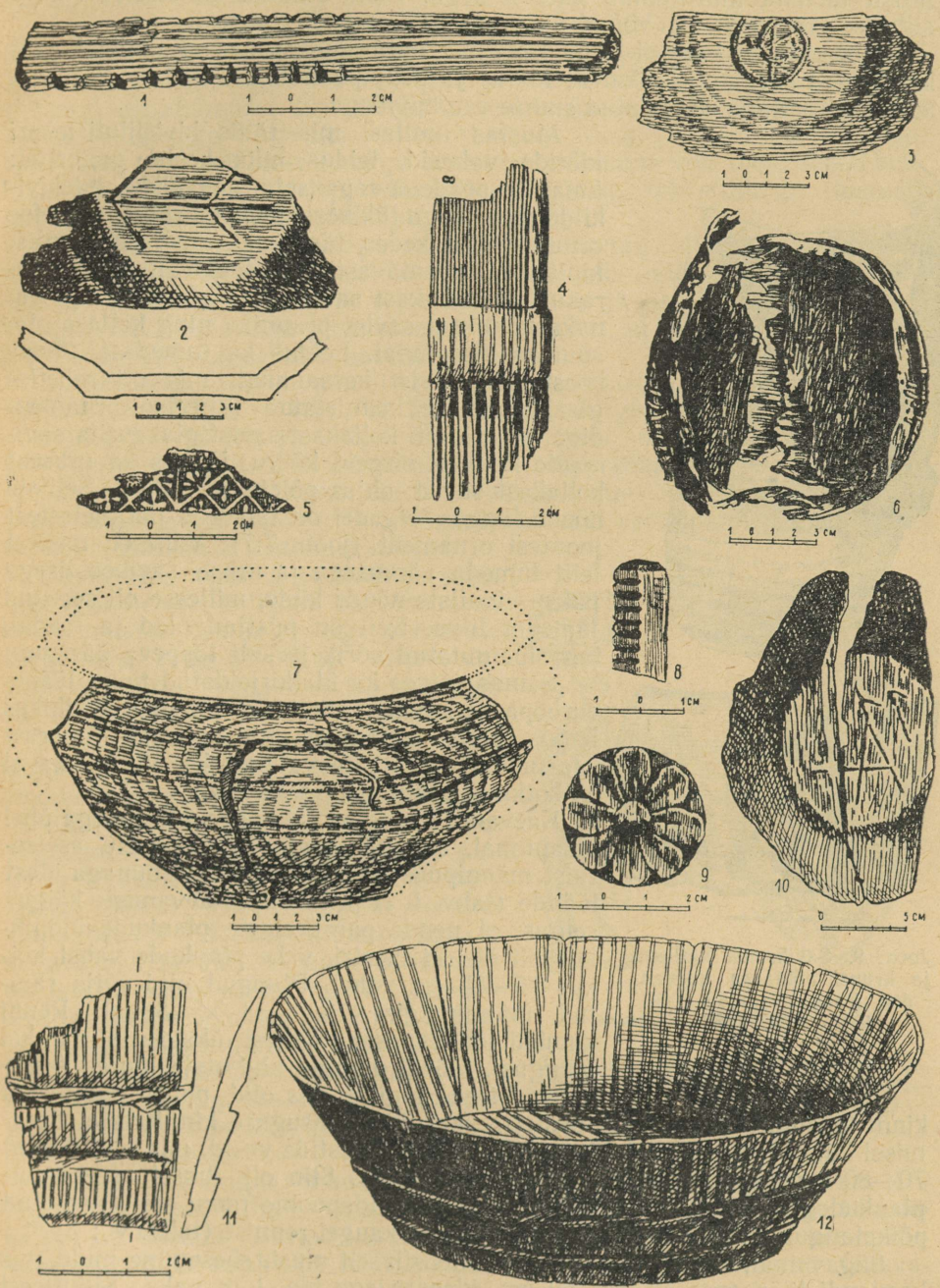
---

[14] A. Brackmann u. W. Unverzagt, Zantoch. Leipzig 1936, joon. 34:9—15. Need leiud on dateeritavad XV sajandisse, vt. sealsamas lk. 120.

[15] Тараканова, Новые материалы по археологии Пскова. Гроздилов, Раскопки в Старой Ладоге.

[16] Määratud Eesti Põllumajanduse Akadeemia metsatakseerimise kateedris.

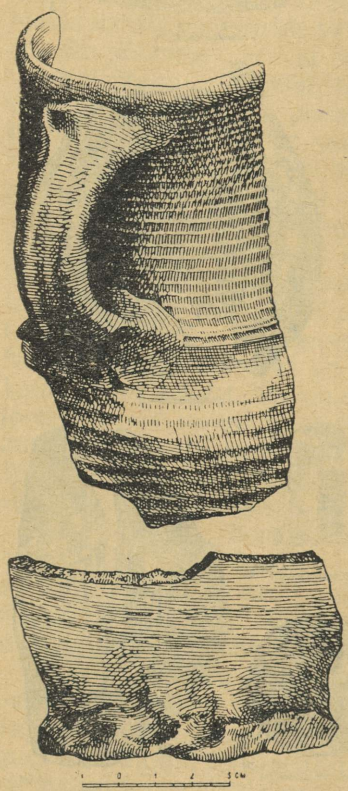
[17] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis II. Dorpat 1925, lk. 66 ja joon. 86.



Joon. 8. Puust ja tohust esemeid kaevandist Raekoja platsil. 1 — pügalpulk; 2, 3, 10 — treitud kausside põhjaosad; 4 — puust kamm; 5 — tükk ilustatud tohtu; 6 — tohust nõu põhi; 7 — treitud kauss (rekonstruktsioon); 8 — pulgake savinõude ilustamiseks; 9 — puuese, otsas lõigatud rosetikuju; 11 — puunõu küljelaud vitsakatkendiga soones; 12 — rekonstrueeritud laudnõu. (AI 4061 : 3133, 2848, 4844, 3241, 3397, 5067, 4256, 3348, 1625, 3394, 3581, 3340.)

kohta XIV sajandi teisel poolel.[18] Võib arvata, et kaevamistel avastatud sillutiste ülemine kiht kuulub sellesse aega. Selle sillutise all olid veel kahe sillutise jäänused, mis võisid pärineda XIV sajandi algusest.

Neid sillutisi kaevati välja kaevandi mitmesugustes osades, tihedamalt katsid nad kaevandi keskmist, lõuna- ja põhjapoolset osa. Lääne- ja kirdeküljelt oli sillutis äärestatud suurte raudkividega.



Joon. 9. Savikruusi katkend ja kruusi põhjaosa kaevandist Raekoja platsil. (AI 4061 : 2033, 4487).

Mustas mullas, mis täitis kivisillutiste eri kihtide vahesid, leidus mitmekesist materjali: ümarate peadega sepanaelu, nahatükke, tulekivikilde, merevaigu tükikesi, poolsfääriline reljeefse ornamendiga keder, täringuid, luisk jm. Samast kihist leiti arvatavasti kohapeal valmistatud keraamikat kollakast savist ilma glasuurita ja punakaskollakast savist pruunika ning kollase glasuuriga sisepinnal. Leidus ka tumedast, tiheda koostisega savist keraamikat, mis oli rohelise glasuuriga ja kaunistatud reljeefse ornamendiga. Edasi leiti kollakast savist glasuurita savinõude lühikesi sirgeid kõrvu. Esines ka urbsest kollakast savist, ahjus põletatud nõusid. Selliste nõude längus õlgadel on laiadest parallelsetest joontest ornament (joon. 7:7). Vähesel määral leiti tumeda värvusega ja urbse savikoostisega paksuseinaliste nõude kilde, millesse oli segatud jämedat liiva. Neil on püstjad õlad ja madal, tagasipainutatud võrik järsult lõppeva äärega.

Samas esines ka ülalkirjeldatud tüüpi lääne-euroopa keraamikat. Selle kihi ülemises kihikus leidus kivist valamisvormi katkend ümarate naastude või ripatsite valamiseks. Vormi serval on kotka pea kujutus (joon. 6:18).

Kaevandi kaguosas, alumiste sillutistega ühel tasapinnal, tuli nähtavale paralleelselt asetsevaist männipuust plankudest renn, suunaga idast läände (tahv. I, II ja IV : 2). Kaevamiste käigus selgus, et nende paralleelsete plankude üldpikkus oli üle 14 meetri, vahe plankude vahel kõikus 75—85 cm vahel. Plangud olid välja raiutud männipalgist 10 — 11 × 23 cm. Renni kumbki külg koosnes kahest üksteisele pandud plangust. Mõnel plangul olid otste juures 4-sentimeetrilised augud, mis olid puust punnidega kinni löödud. Plangud olid üksteise peal ilma igasuguse kinnituseta. Seesmisel küljel toetusid nad 15 cm läbimõõduga postide vastu, mis olid taotud 70—80 cm sügavuselt maa sisse (tahv. V : 2). Siin oli ilmselt seestpoolt plankudega vooderdatud veekanal ehk renn. Idapoolne renni ots oli suletud põikplanguga, milline leiti maa seest mitte kaugel rennist (tahv. V : 3).[19]

Sügavamal, kivisillutiste all, oli intensiivselt must, söesegune muld, mis kaevandi lääneosas oli 40—50 cm, idaosas aga üle 1 m paks. Sillutisest 20—30 cm sügavamal võis tähele panna suuri söelaike. Kihis leiti üksikuid kõdunenud plankude, palkide ja postide tükke. Nimetatud sillutisest 40—45 cm sügavamal kaevati välja uue sillutise jäänused, mis koosnesid

[18] Tallinna linna arhiivi väljaanded. 3. Tallinna vanimad linna arveraamatud 1363—1374. Tallinn 1927, lk. 92.

[19] Veevarustusele Raekoja platsil XIV saj. viitab ka nimetatud väljaanne, lk. 92.

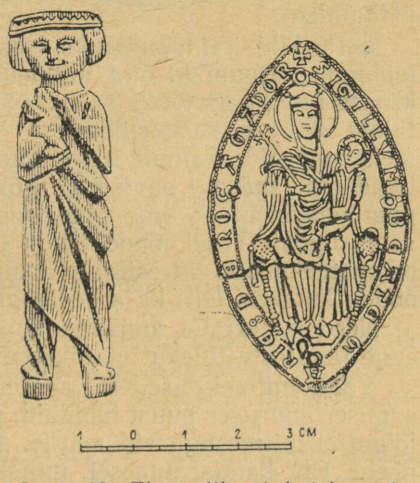
üksikult asetsevaist paeplaatidest ja mis kulgesid kaevandi idaosast veekanali suunas (tahv. V : 3).

Sellest kihist leiti palju mitmesuguseid loomaluid, puust nõude katkendeid, jalatsite osi, naharibasid, tohutükke jne. Sellised esemed on sagedased Muistse Vene looderajoonide ja ka Läti ala asulakohtadel meie ajaarvamise esimesel aastatuhandel. Eriti tuleks nimetada tinast pitsati jäljendit ladinakeelse pealkirjaga «Sigillum beatae M-ria de Rosa (Roga?) ador» ja elevandiluust mehe kujukest koeraga käsivarrel. Viimane võis tõenäoliselt kuuluda mingi kantava altari juurde. Mõlemaid leide võib stiililiste tunnuste järgi dateerida XIII sajandi lõppu (joon. 10).

Uue sillutise ja plankudega vooderdatud kanali all, otse vastu aluspõhjaks olevat liiva, paljanesid vaiade read, mis olid põigiti vastamisi maasse löödud ja mille vahe oli täidetud kase- ja lepahagudega[20] (tahv. V:4 ja VI:2). Vaiade ja pinnase uurimine näitas, et need vaiad olid taotud varem väljakaevatud kraavi külgedele.

Vaiade read jooksid radiaalselt mitmest suunast kaevatud ala keskele kokku (tahv. VI : 1 ja II). Neil kraavidel oli langus kaevandi keskkohaga võrreldes 20—40 cm. Kraavide idapoolne haru oli kaevandi idapoolse ääre juures lõhutud. Siin satuti kaevandi seina kohal kahele suurele ühe ruutmeetrisele paeplaadile, mille ümbrus ja tagune oli paksult täidetud sinise hundisaviga (tahv. III). Plaatide ja savi eemaldamisel selgus, et kraav oli siinkohal tahtlikult suletud.

Arvestades asjaolu, et Raekoja plats asub glindieelsel kallakul, oli nimetatud koht vanasti kaunis märg, põhjavete kõrge seisu ning glindi alt väljavoolavate vete tõttu. Seda tõendab muuseas ka siit vivianiidi soolade leidmine.[21] Koht nõudis kuivendamist. Avastatud hagudega täiendatud kraavid arvatavasti moodustasid vana kuivendussüsteemi.



Joon. 10. Elevandiluust kujukene ja pitsati jäljend tinast, kaevandist Raekoja platsil. (AI 4061 : 2207, 3409.)

Kaevandi kirdenurgas, 50—55 cm sügavamal XIV sajandi sillutisest, paljanes raudkividega vooderdatud kaev (tahv. VII : 1). Kaev oli pisut ovaalne (läbimõõt 1,9 × 2,1 m) ja ulatus 585 cm sügavusele, arvates tänapäeva tänavapinnast ja täitus pärast mullast ja kividest tühjendamist enam kui 2 m sügavuselt veega. Nagu näitas Tallinna Vabariikliku Sanitaar-Epidemioloogilise jaama poolt teostatud vee analüüs, võis see vesi parema vee puudumisel kaevu kasutamise ajal olla joodav.

Kaevamistel selgus, et kaevu kaevamisel oli 1,9 m kaugusel kaevust läbi lõigatud kirdesse kulgev drenaaži haru. Kaevu ümbrus (jälgiti ainult loodekülge) oli tihedalt täidetud sinise hundisaviga, ilmselt selleks, et kaevu isoleerida ümbruse roiskvete juurdepääsust. Kaevus eneses avastati tänavapinnast 4,1 m sügavusel tihedalt teineteise kõrvale löödud kase- ja lepavaiade rida, mis moodustas endast ebakorrapärase nelinurga. Nelinurk asus kivivooderdusest keskmiselt 39—69 cm seespool (tahv. VII : 2). Vaiade ja kivivooderduse vahe oli samuti täidetud hundisaviga, kuna neli-

[20] Määratud Eesti Põllumajanduse Akadeemia metsatakseerimise kateedris.
[21] Määratud Eesti NSV Teaduste Akadeemia Geoloogia Instituudi teadusliku töötaja H. Rästa poolt.

nurga sees oli põhjas kruus. Vaiade läbimõõt oli 5—8 cm ja pikkus keskmiselt 105 cm, alumised otsad olid neil teritatud.

Vaiadest seespool asusid O—W ja S—N suundades serviti üksteise peal 2 planku, pikkusega keskmiselt 82 cm. Kaevust leiti veel teisigi plangu tükke, mis tõenäoliselt moodustasid selle nelinurga sisemised seinad.

Kaev oli täidetud mulla, kivide ja mitmesuguse prahiga. Siit leiti suurel hulgal mitmesuguste vitsiknõude lauakesi. Ühel oli koguni säilinud nõu kinnitusvitsa katkend (joon. 8 : 11). Leiti ka nahkjalatsite jäänuseid, naharibasid, tohust esemete tükke (joon. 8 : 6) ja hoburaudsõlgi (joon. 6 : 4). Sellised eestipärased sõled esinevad XI—XII sajandil.[22] Samuti leiti mitmesuguseid keraamikatükke, muuhulgas ka mõni käsitsivalmistatud nõu kild, loomaluid jm.

Kaevust leitud varaseimate esemete järgi võiks arvata, et kaev on ehitatud juba XII sajandil, drenaaži süsteem aga, mille ühe haru kaev läbi lõikas, peaks olema kaevust mõnevõrra vanem. Kaev oli kinni aetud kõige esimese sillutise ehitamisel, tõenäoliselt seepärast, et umbes samal ajal sai Raekoja plats uue veevarustuse parema veega.

Kirjeldatud, puutumata pinnasel asuvas kihis leidus keraamikat, mis on valmistatud käsi-potikedral, halvasti uhetud, jämeda liivaseguga urbsest savist ja võrdlemisi nõrga ahjupõletusega. Nõud on haprad ja lagunevad «õmblust»-pidi. Sellised nõud sarnanevad Muistse Vene X—XI sajandi linnades leitud keraamikaga. Selliste nõudega koos leiti ka käsitsi vormitud keraamikat.

Selle kihi iseloomulikuks iseärasuseks oli suure arvu puunõude osade leidumine. Puunõud olid mitmekesised. Siin oli treitud taldrikuid, kausse, kruuse jm. (joon. 8 : 2, 3, 10). Nõude hea töötlus annab tunnistust valmistajate suurest meisterlikkusest. Põhjade all olevad märgid võivad olla meistrimärgid. Samuti nagu Muistse Vene käsitöölised — pottsepad — tegid oma märgid savinõude põhjadele, märkisid ka eesti käsitöölised — puutöömeistrid — oma puukruusid ja -kausid. Selles kihis leidus palju samasuguste vitsiknõude laudu ja põhju nagu kaevuski. Ühe sellise nõu rekonstruktsioon on esitatud joonisel 8 : 12. Tuleb märkida, et sama tüüpi nõude lauakesi leiti ka arheoloogilistel kaevamistel Riias 1938. aastal.[23]

Need materjalid annavad aluse väiteks, et muistses Tallinnas oli juba enne taanlaste tulekut elanikkonna käsitöö kõrgelt arenenud.

Väga mitmekesised on ka teised puuesemed. Nende hulgas on mitmesuguses suuruses puust labidaid, püttide laudu jne. Mõningail neist on sisse lõigatud mitmesuguseid märke. Muuhulgas leiti silmaga ja silmata puust nõelu. Üht katkist puueset, millel on sälgud servas, võib pidada vahendiks savinõudele joonornamendi tegemiseks (joon. 8 : 8). Puuesemete seas on veel kahepoolseid kamme (joon. 8 : 4) ja sälkudega pügalpuid (joon. 8 : 1). Paljud puuesemed on veel määramata ja nõuavad edaspidist hoolikat uurimist.

Kõrvuti puuesemetega tuleb mainida ka tohust tehtud esemete katkendeid. Koos valmisesemetega leiti töötlemisjälgedega puutükke.

Selles kihis oli suurel hulgal näha töötlemise jäätmeid, isegi kasutatud jalanõusid (joon. 11).

Tähtis on märkida, et nii puu- kui ka nahkesemete leiud esinesid peamiselt kaevandi idapoolses osas.

---

[22] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis II, lk. 69 ja joon. 94.

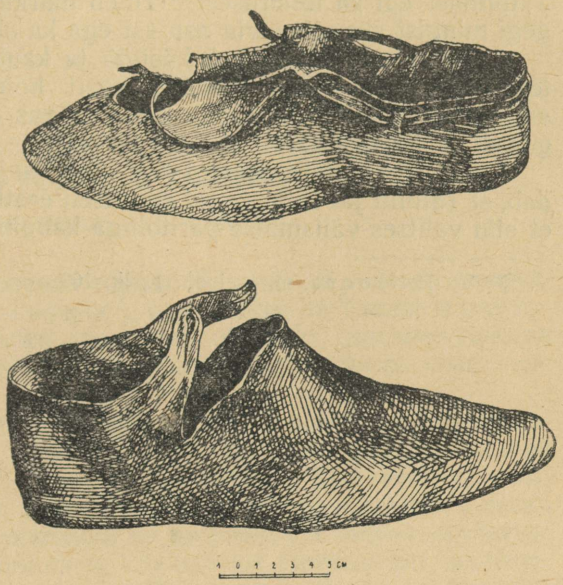
[23] R. Šnore, Koka senlietu atradumi Rīgā. Rīgā, 1938, tahv. III. Riia Riikliku Ajaloomuuseumi ekspositsioonis on sellised nõud dateeritud XIII sajandisse. Võrdle ka М. Р. Вилсоне, Археологические раскопки в городе Риге. КСИИМК, вып. XLII, 1952, lk. 127.

Hulgaliselt leitud valmis ja poolvalmis puust ning nahast tooted lubavad väita, et kaevatud ala läheduses elasid puunõude valmistajad ja kingsepad.

Muistsete käsitööliste arenenud oskusest ja kunstimaitsest tunnistab tohust ja puust esemete ornamentika. Tähelepanu võiks juhtida põletusornamendiga tohteseme ribale (joon. 8 : 5) ja puust treitud kettale (värtna keder?), millele on lõigatud paelornament (joon. 6 : 14, 15). Puuesemeid üsna sarnase ornamendiga on leitud Novgorodi arheoloogilistel kaevamistel.[24]

X—XIII sajandi kihis leidus ka luust esemeid. Võib märkida täringuid kahest kontsentrilisest joonest silmadega[25] ja luust kamme (joon. 6 : 5).[26] Siin leidus ka sepanaelu, neete, niinest köietükke ja merevaiku.

Leidus ka Lääne-Euroopa päritoluga savinõude tükke.



Joon. 11. Nahkjalatseid kaevandist Raekoja platsil (ülal — AI 4061 : 5034; all — AI 4061 : 4921).

Nagu nähtub selle kihi inventari analüüsist, vastab see üldiselt neile materjalidele, mis on saadud eestlaste X—XIII sajandi linnustest ja asulatest. Iseloomulik on ka see, et X—XIII sajandi esemete hulgas ei ole skandinaavia päritoluga esemeid.

1952. ja 1953. aasta Tallinna kaevamiste tulemused võimaldavad teha järgmisi kokkuvõtteid:

1. Toompeal tekkis asula X sajandil. Seda tõendab peamiselt kohalik keraamika, mis oma primitiivse tehnika ja nõude kuju poolest sarnaneb selle keraamikaga, mis on leitud IX—X sajandi kihtides Pskovis ja Staraja-Ladogas.

2. Samaaegselt tekkis Toompea jalamile praeguse Raekoja platsi kohale turukoht, mis sai oma heakorrastuse nähtavasti XII sajandil (drenaažisüsteem, kaev).

3. Raekoja platsi ümbruses elasid mitmesugused käsitöölised, puunõude valmistajad, kingsepad, nahaparkijad jt.

4. Hiljemalt X—XI sajandil hakkas Raekoja platsi ümbruses kujunema eesti käsitööliste ja kaupmeeste linnatüüpi asula, mis XII sajandiks oli kujunenud selliseks tuntud kaubanduslikuks keskuseks, et seda märgib araabia geograaf Abu-Abd Allah Mohammed Idrīsi (1099—1166) oma 1154. aastal valminud maailmakaardil ja selle juurde kuuluvas tekstis Koluvani nime all.[27]

---

[24] Vt. По следам древних культур. Древняя Русь. Москва 1953, lk. 238.

[25] Vt. MEL, joon. 144.

[26] Selliseid kamme leidub laialdasel alal Ida-Euroopas. Üldiselt esinevad nad XII—XIII sajandi kihtides. Vt. Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА № 41, Москва 1954, lk. 74, 172.

[27] Vt. H. Moora, Tallinna tekkimisest ja vanusest. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, II kd., 1953, lk. 168.

5. Sel asulal olid tihedad kaubanduslikud ja kultuurilised sidemed Vene maadega ja läänenaabritega, nagu seda veenvalt näitasid kaevamismaterjalid. Seda tõendavad ka rea X—XII sajandisse kuuluvate aarete leiud nii Tallinnast kui ka ümbrusest.[28] Tuleb märkida, et kaevamistel ei leitud jälgegi mingist skandinaavia asulast ega ka skandinaavia päritoluga esemeid.

6. Koluvani-Tallinn, kui käsitöö ja kaubanduse keskus, maa- ja mereteede sõlmkoht, tekkis kohalike eesti hõimude ühiskondlik-majandusliku arengu tulemusel. Linna edasises arengus oli suur tähtsus sidemetel Novgorodi ja Pskoviga.

7. Raekoja platsilt saadud XIV—XVI sajandi leiumaterjali iseloom tõendab, et Tallinn jäi ka keskajal põhiliselt eestlaste linnaks, vaatamata sellele, et siin valitses välismaise päritoluga kaupmeeskonna ladvik.

---

[28] Vt. H. Moora, m. t., joon. 1., lk. 169.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 1952 и 1953 ГОДОВ В ТАЛЛИНЕ

С. А. ТАРАКАНОВА, О. В. САДРЕ

Вопрос о времени возникновения города Таллина, а также непосредственно связанный с ним другой вопрос о том, возник ли Таллин в результате общественно-экономического развития местных древнеэстонских племен или был основан пришельцами, всегда интересовали советскую общественность.

Для советских историков ясно, что точка зрения прибалтийско-немецкой и эстонской буржуазной историографии, согласно которой Таллин и другие города Прибалтики якобы были основаны в XIII веке чужеземцами, не выдерживает критики. Прибалтийско-немецкие историки в своих попытках решить эти вопросы исходили из пресловутой теории «культурной миссии» и голословно утверждали, что народы Прибалтики до вторжения немецко-скандинавских завоевателей стояли якобы на крайне низком уровне развития и поэтому были не в состоянии основать город. Эстонские буржуазные историки вторили им и писали, что «эстонское городское строительство в своих основных чертах является западноевропейского, в основном немецкого, происхождения».

Между тем даже поверхностное ознакомление с историческими источниками, в том числе и с археологическими материалами, не может оставить никакого сомнения в том, что населенные центры городского типа на территории Эстонии должны были возникнуть уже в X—XI веках н. э. в результате внутреннего, экономического и общественного развития местного населения.

Использовав то обстоятельство, что история городов Прибалтики оставалась до последнего времени слабо исследованной, буржуазные «историки», состоящие на службе у американо-английских империалистов, стали оживлять старые норманистские теории о «культурной миссии» западных захватчиков, пытаясь тем самым обосновать «право» агрессоров на территорию Прибалтики.[1] Ввиду этого изучение истории городов Прибалтики является задачей не только огромной научной, но и большой политической важности.

Вопрос о неотложном археологическом изучении истории древнего Таллина был поднят в 1951 году на пленуме Института истории материальной культуры Академии наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики[2].

Осенью 1952 года по инициативе и на средства Таллинского Городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Таллин-

[1] Z. Līgers. Histoire des villes de Lettonie et d'Estonie. Paris 1946. P. Johansen, Nordische Mission, Revals Gründung und die Schwedensiedlung in Estland. Stockholm 1951.

[2] Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Академии наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 год, Москва, 1951, стр. 49. Об исторических источниках см. статью Х. А. Моора, О возникновении города Таллина. Известия Академии наук Эстонской ССР, т. II, 1953, стр. 175 и сл.

ский городской музей организовал в Таллине первые археологические раскопки. Летом 1953 года раскопки продолжались на средства, ассигнованные для этой цели Советом Министров Эстонской ССР и Президиумом Академии наук Эстонской ССР. Руководство раскопками осуществлялось в обоих случаях Институтом истории Академии наук Эстонской ССР при содействии Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

Раскопки ставили своей целью получение нового материала для разрешения вопроса о времени возникновения города, о характере его материальной культуры, о культурных связях эстонского народа с его соседями, в особенности с русским народом.

Разрешение этих задач, естественно, не могло быть осуществлено раскопками одного—двух лет. Поэтому проведенные работы следует рассматривать только как первый этап археологического изучения Таллина.

Раскопки в Таллине осложнялись большой плотностью застройки древних его районов. С целью определения мест, где раскопки могли бы дать ожидаемые результаты, были изучены архивные и литературные материалы по истории и топографии древнего Таллина. Трудность разрешения этой задачи станет особенно понятной, если учесть, что при тщательном обследовании территории предполагаемого «Русского конца» на улице Сулевимяги не представилось возможным не только произвести сколько нибудь значительные раскопки, но даже заложить хотя бы небольшой шурф.

Первые раскопки Таллина осложнялись еще и тем, что не имелось надежных сведений о характере его культурных слоев.

Раскопки были произведены на территории двух древних частей Таллина — Вышгороде (Тоомпеа) в 1952 году (рис. 1 : 1, 2) и в Нижнем городе в 1953 году (рис. 1 : 3).

Расположение Вышгорода на скалистом холме, поднимающемся более 47 метров над уровнем моря, дает основание предполагать, что он являлся древнейшей частью города (рис. 2). Вышгород в древности представлял собой естественную крепость. Почти отвесные склоны холма, за исключением юго-восточной его части, где имеется спуск, делали его неприступным. Размеры вышгородской площадки — 7,3 га — позволяют думать, что здесь могло разместиться большое поселение городского типа.

Вышгород находится, как известно, на расстоянии 800—900 метров от берега моря, считая по прямой линии. Это обстоятельство могло послужить причиной того, что у подножия Вышгородского холма очень рано начал расти посад, получивший впоследствии название «Нижнего города». Выяснение вопроса о времени возникновения Нижнего города также являлось одной из задач наших раскопок.

В конце прошлого века при постройке на Вышгороде православного собора, около которого и производились раскопки в 1952 году, было прослежено, что культурный слой на этом участке достигает мощности от 10 до 21 фута[3]. В 1935 году, при перестройке Вышгородского замка, удалось проследить культурный слой на глубине до трех метров. Нижний горизонт культурного слоя состоял из глины, на которой лежал тонкий угольный слой. Предполагалось, что угольный слой может относиться к тому древнему времени, когда еще не было каменных построек. Выше шла еще одна, более слабая угольная прослойка, которую прикрывал слой извести. Над последним находились слои XVII—XVIII веков [4].

[3] К. Тизик, Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде. Ревель, 1900. стр. 24.

[4] ÖES Ar. 1935, стр. 50.

Некоторое представление о мощности и характере культурных слоев Вышгорода дало геологическое исследование, произведенное здесь в 1940 году и показавшее, что на отдельных участках мощность культурного пласта колеблется в пределах от 4,5 до 5,5 м.

О культурных слоях Нижнего города имелись еще более скудные сведения.

РАСКОПКИ НА ВЫШГОРОДЕ

Раскопки на Таллинском Вышгороде производились в двух местах: 1) на площадке между главным подъездом здания Министерства здравоохранения ЭССР и алтарной частью православного собора (участок № 1), 2) во дворе домов под № 21 по улице Тоомкооли, близ Домской церкви (участок № 2).

Участок № 1

На этом участке было заложено два раскопа.

Раскоп № 1, размером 3×4 м, находился на расстоянии 3,9 м к западу от северного угла церковной апсиды. В этом раскопе мощность культурного слоя, состоявшего из гравия, глины, песка и темной земли с угольками, оказалась незначительной. Анализ грунта из этого раскопа, произведенный геологом Х. Г. Пальмре (Институт геологии АН ЭССР), установил, что материк здесь начинается на глубине 1,2 м от современной поверхности и представляет собой типичный предглинтовый береговой вал (высотная отметка 42 м) с плитняками, отшлифованными водой. В верхнем горизонте материка выступает сланец, ниже идет известняковый гравий. Никаких находок в раскопе № 1 не было.

Раскоп № 2, размером 4×8 м, находился на расстоянии 7 метров к ЮЮЗ от раскопа № 1. Мощность всего пласта культурного слоя в нем достигала 5,5 м у северного профиля раскопа и 7 м в южной его части.

В раскопе различались три слоя. (рис. 4. 1 — песок; 2 — темная земля; 3 — земля с примесью гравия; 4 — темнобурая земля с примесью угля и золы; 5, 7 — гравий; 6 — глина; 8 — материк; 9 — плитняковая стена; 10 — мостовая. I—III—слои). Первый слой начинался от современной поверхности и достигал глубины 1,8—2 м. Он состоял из смешанного с землей гравия. В верхнем горизонте этого слоя (пласты I—V)[5] встречался материал XIX—XX веков. В нижнем горизонте (пласты VI—X) найден смешанный материал: обломки кафелей с темной, белой и синей поливой, осколки стекла, фрагменты голландских курительных трубок, фрагменты керамики из красной глины без поливы и с бесцветной прозрачной поливой, фрагменты западноевропейской тонкостенной посуды из серой глины и фрагменты фаянсовой посуды с синей росписью. В этом же слое найдены: железный замок, гвозди, железное кольцо. Характер слоя и условия его залегания позволяют сделать вывод, что он образовался из насыпной земли сравнительно поздно, не ранее XVIII—XIX веков, когда могла производиться нивелировка поверхности этой части Вышгорода.

Второй слой, залегавший непосредственно под первым слоем, имел мощность приблизительно 2 м. Глубина его залегания, считая от современной поверхности, была различной. Отчетливо прослеживался небольшой наклон поверхности второго слоя от северной стенки раскопа к южной. Слой состоял из темнобурой земли с примесью углей и золы. В этом

[5] Выемка культурного слоя на всех раскопках производилась по пластам (штыкам) толщиной по 20 см каждый.

слое встречались кости животных, рыбья чешуя, обрезки дубленой кожи, ветки березы, истлевшие зерна хлебных растений.

Произведенным старшим научным сотрудником Института растениеводства АН ЭССР Х. К. Михельсоном почвенным анализом установлено, что слой образовался от свалки мусора и пищевых остатков. Это представляется весьма вероятным, так как условия его залегания показывают, что земля насыпалась здесь для выравнивания имеющегося склона. Это подтверждает и найденный материал.

Во втором слое обнаружены фрагменты керамики из красной глины без поливы и с поливой, обрезки кожи, осколки стекла, фрагменты керамики западноевропейского происхождения с коричневатой и желтовато-серой поливой, гвозди, обломки фаянса с белой поливой, фарфоровой посуды с синим узором, обломки печных кафелей с темной поливой и пр.

Интересны отдельные находки из этого слоя: глиняное пряслице с рельефно-концентрическим орнаментом (рис. 3 : 8), двусторонний костяной гребень с планкой посередине, украшенный циркульным орнаментом (рис. 3 : 9), железная пряжка сегментовидной формы, металлическое шило, обломок ножа, ножницы (рис. 3 : 1) и др.

Большой интерес представляют находки фрагментов керамики темного цвета, изготовленной на ручном гончарном круге, без поливы, с примесью в тесте крупного песка. На некоторых фрагментах имеется орнамент из редко расположенных желобчатых линий (рис. 3 : 11). Керамика такого типа найдена в слоях X—XIII вв. при раскопках Пскова и старой Ладоги[6].

Третий слой, состоявший из гравия и глины с примесью черной земли, имел различную мощность: от 0,5 м у северной стенки раскопа до 2 м в южном его конце. Он залегал на материковом грунте, который был обнаружен в южной части раскопа на глубине 7 м от современной поверхности (см. профиль раскопа, рис. 4).

Характер находок третьего слоя показывает, что и он в основной своей массе представлял насыпную землю. Находок в третьем слое оказалось значительно меньше, чем во втором слое, но они были также разнообразными. Здесь найдены обрезки кожи, фрагменты из красной глины с красновато-желтоватой, красновато-коричневатой и темнобурой поливой, железные гвозди, обломок железного ножа, железный крючок и пр.

Из отдельных находок значительный интерес представляют: крышка деревянного сосуда, железный наконечник стрелы (рис. 3 : 4) типа стрел, найденных на городище Лыхавере и датируемых XIII веком[7], костяная проколка, витой бронзовый браслет с обрезанными концами (без петель), датируемый XII веком (рис. 3 : 2), куски металлического шлака, железный нож с узким лезвием (рис. 3 : 10). В третьем слое также была найдена круговая керамика раннего времени темного цвета, без поливы с примесью песка в пористом тесте (рис. 3 : 6,7).

Стратиграфия культурных слоев в раскопе № 2 будет особенно понятной, если учесть открытие в южной части раскопа плитняковой стены. Стена обнаружена на глубине 0,6 метра от современной поверхности. Она проходила в направлении ЮЗ—СВ. Вскрытую стену удалось изучить только с северной ее стороны. По техническим причинам южная сторона стены была вскрыта только на глубину до 2 метров от нынешней мостовой. Стена прослежена в раскопе на высоту 7 м; точные раз-

[6] С. А. Тараканова, Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 52.

[7] MEL, стр. 165.

меры ее установить трудно, так как верхний край ее разрушен. Толщина стены в верхней вскрытой части достигает 1,25 м. Она сложена из плитнякового камня на известковом растворе. Средние размеры плитняка 70×20 см. Стена основывается на фундаменте, сложенном также из плитняка на известковом растворе. По характеру кладки вскрытая стена аналогична сохранившимся древним крепостным стенам Таллина.

В стене обнаружены три углубления для балок. Первое углубление, размером 20×20 см, имеется на 90 см ниже вскрытого верхнего края стены. Второе углубление, размером 15×15 см, расположено на 90 см ниже первого; третье углубление, 20×20 см, находится на расстоянии 2,2 м от верхнего края стены (табл. IV : 3).

Фундамент стены стоит на материковом грунте. Вблизи стены, на глубине 6,75 метров от современной поверхности, найдена бронзовая булавка с раздвоенной и свернутой спиральками головкой (рис. 3 : 3). Такого типа булавки известны из эстонских грунтовых могильников XII—XIII веков[8]. Эта находка дает основание датировать постройку обнаруженной стены XIII веком.

Стена проходила по склону Вышгородского холма. Она представляла, вероятно, часть довольно сложной системы укреплений Вышгорода. При постройке православного собора на Вышгороде были вскрыты под слоем земли и мусора две толстые крепостные стены, шедшие параллельно от ЮЗ к СВ[9].

При геологических буровых работах 1952 года в 110—150 м южнее открытой раскопками стены были обнаружены остатки еще одной древней каменной стены. Вся эта сложная система укреплений предназначалась для отделения Вышгорода, занятого западноевропейскими феодалами, от Нижнего города, расположенного у подножья Вышгородского холма, в котором проживало коренное эстонское население города.

Участок № 2

На участке № 2 (во дворе домов № 21 по улице Тоомкооли) был произведен один раскоп, площадью в 36 м² [10]. Он находился вблизи Домской церкви, заложенной в XIII веке (рис. 1 : 2).

Стратиграфия культурных слоев на этом участке отличалась большей четкостью, чем на участке № 1, хотя и здесь имелись перекопы, нарушившие культурные напластования. Культурные слои на участке № 2 различались по составу земли и характеру найденного в них материала (см. северный профиль раскопа рис. 5. 1 — дернина; 2 — земля; 3 — темная земля; 4 — известка; 5 — уголь; 6 — зола; 7 — строительный мусор; 8 — строительный мусор со значительной примесью извести; 9 — навоз; 10 — плитняк; 11 — битый кирпич; I—IV — слои).

Первый (верхний) слой состоял из смешанной земли. Верхний его горизонт включал дерн и поддерновую черную землю с примесью плитняковой и кирпичной щебенки, песка, мелких углей и мелких остатков истлевшего дерева. Нижний горизонт слоя состоял из строительного мусора (битый плитняк и кирпич, известка, битая черепица) с незначительной примесью черной земли. Мощность первого слоя достигала одного метра.

В слое найден весьма разнообразный материал. В верхнем его горизонте встречались обломки посуды, гвозди заводского производства, ка-

[8] ИИ 3992 : 48 (Кюти); 3988 : 44 (Хаймре) и др.
[9] К. Тизик, Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде, стр. 51.
[10] По условиям участка расширение площади раскопа не представлялось возможным.

фели с белой и темнофиолетовой поливой и др. Кроме того, особенно в нижнем горизонте слоя, были найдены: фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, фрагменты керамики из красной глины без поливы и с двусторонней желтоватой поливой, печные кафели с коричневатой поливой, керамика с желтовато-зеленоватой и темнокоричневой двусторонней поливой, кованые гвозди. В этом слое, как и во всех других, часто встречались кости животных.

По находкам русских монет 1811, 1841 и 1858 гг. первый слой в нижнем его горизонте датируется XIX—XX веками. Строительный мусор в нижнем горизонте этого слоя является, по всей вероятности, остатками от постройки в XIX веке домов, расположенных рядом с раскопом.

Второй слой, мощностью около одного метра, также состоял из смешанной земли: черной с примесью строительного мусора в верхнем его горизонте и сплошного строительного мусора в нижнем горизонте. Второй слой отделялся от первого слоя угольно-зольной прослойкой толщиной 5—7 см, покрывавшей почти всю территорию раскопа. Происхождение этой прослойки осталось невыясненным. По виду она представляла собой следы пожара.

Материал, в особенности керамика второго слоя, отличался от материала первого слоя, но встречалась и одинаковая керамика в том и другом слое, что доказывает большую живучесть некоторых ее типов. Во втором слое были найдены фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, преимущественно с синим, голубым и желтым орнаментом. Имелась керамика из красной глины с желтой поливой внутри и черной матовой поверхностью снаружи, а также керамика из красной глины с бежевой, коричневато-красноватой и серой поливой. Встречалась керамика и с двусторонней темножелтой или коричневатой поливой с зеленым и светло-желтым орнаментом по ней. Это были преимущественно обломки чашек, мисок и тарелок — изделия местных мастеров. Разнообразные печные кафели с белой поливой и синим рельефным орнаментом встречались наиболее часто, реже находили гладкие кафели с желтовато-зеленой и коричневатой поливой. Изредка встречались фрагменты западноевропейской тонкостенной посуды из серой глины с желтоватой, серой, бежевой и коричневатой матовой поверхностью. Найдено несколько обломков голландских курительных трубок. Обнаружены многочисленные остатки кожаной обуви и обрезки кожи. Имеются находки различных железных предметов, в том числе двурогая вилка и железный нож с длинным лезвием.

По находкам русских монет 1718, 1726 и 1753 гг. второй слой датируется XVIII веком. Можно предположить, что строительный мусор в этом слое образовался от постройки в 1779 году главы башни Домской церкви.

Третий слой, мощностью до 1,5 м, разделялся на два горизонта как по составу земли, так и по характеру найденного в нем материала. Верхний его горизонт состоял из земли интенсивно черного цвета с незначительной примесью строительного мусора. В нижнем горизонте слоя примесь строительного мусора в черной земле значительно усиливалась.

В третьем слое, на глубине 2,8—3 м от современной поверхности, обнаружены остатки деревянной постройки: бревна, столбы и толстые плахи пола. Земля, окружавшая эти остатки, содержала большое количество навоза. Никаких признаков печи или очага здесь не было обнаружено. Вероятнее всего, что это остатки хозяйственной постройки (возможно, конюшни). Близ нее были найдены конские подковы.

Верхний горизонт третьего слоя, в котором обнаружены остатки постройки, датируется XVII веком. В нем найдены монеты шведской коро-

левы Христины 1635 и 1654 гг., короля Густава-Адольфа 1629 года и Карла IX — 1614 года.

Нижний горизонт третьего слоя датируется находкой ревельского или рижского шиллинга 1550 года.

Следовательно, третий слой датируется, в общем, XVI—XVII веком. Наиболее характерным материалом для этого слоя являются печные кафели с рельефным орнаментом и темной, почти черной поливой. В третьем слое они встречались очень часто, тогда как во втором слое найдены в единичных экземплярах. Многочислены находки обломков голландских курительных трубок. Большинство из них имеют клейма. Найдены печные кафели с рельефным орнаментом и зеленой поливой. В XVI—XVII веках зеленая полива кафелей и посуды широко применялась во Пскове, где иная окраска поливы не употреблялась.

Характерным для третьего слоя являются также находки керамики из красной глины с зеленой поливой такого же тона, как на кафелях. Встречалась керамика из красной глины с черной поливой внутри сосудов, с коричневатой двухсторонней поливой с желтым и зеленым орнаментом, а также керамика из красной глины без поливы. Частой находкой являлись фрагменты западноевропейской тонкостенной посуды из темносерой и желтоватой глины с серой, кремовой, бежевой, коричневатой, матовой и глазурованной поверхностью, украшенной рельефным орнаментом. Среди них имеются фрагменты пивных кружек с двусторонней желтоватой поливой с фигурами и растительным рельефным орнаментом, по характеру которого эта посуда может быть датирована XVI веком.

Четвертый слой, залегавший на глубине 4,2—4,4 м от современной поверхности, состоял из темной земли, включавшей серую и желтую глину, крупные плитняковые камни. Кости животных и фрагменты керамики в этом слое встречались реже, чем в вышележащих слоях. В четвертом слое найдены фрагменты керамики из красной глины без поливы и с двусторонней поливой: — коричневатой внутри, темнозеленой снаружи. Встречалась и западноевропейская керамика из серой глины с лиловой, коричневатой и бежевой поверхностью.

Датировка четвертого слоя приблизительно может быть определена второй половиной XV века на следующих основаниях: 1) четвертый слой лежал непосредственно под нижним горизонтом третьего слоя, 2) он не содержал следов большого пожара 1433 года, 3) в этом слое встречалась цемянка, употребление которой в северных областях Руси позднее XV века неизвестно. Вопрос о вяжущих веществах в Эстонии специально не исследовался, но можно отметить, что и в здешней архитектуре не наблюдается употребления цемянки после XV века. Четвертый слой лежал на материке — плитняковой скале, покрытой серой и желтой глиной. Плитняки лежали беспорядочной массой.

Слои древнее XV века в раскопе отсутствовали, но следует учесть, что раскоп находился на расстоянии нескольких десятков метров от Домской церкви, заложенной в начале XIII века.

Отсутствие древних слоев на раскопе можно объяснить тем, что на этом участке, вероятно в XV веке, после большого пожара 1433 года производили ломку плитнякового камня, во время которой и были уничтожены древние культурные отложения. О наличии таких отложений на Вышгороде свидетельствуют находки, случайно попавшие в более поздние слои раскопок. Среди таких находок имеется керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, отличающаяся некоторой примитивностью техники. Она сделана из плохо отмученной глины с примесью кварцевого песка. Тесто таких сосудов пористое. Обжиг печной и не всегда равномерный. Поверхность стенок имеет небольшую шероховатость. Все сосу-

ды темного цвета. Некоторые из них украшены линейнорезным и желобчатым орнаментом. По технике изготовления, форме сосудов и орнаменту эта керамика (рис. 3 : 7, 11) очень сближается с круговой керамикой, найденной в слоях IX—X вв. при раскопках Пскова и Старой Ладоги[11]. Отметим, что такого типа местная керамика с слабым печным обжигом найдена, кроме Таллина, также на городищах Варбола и Отепяа. Так как культурный слой на названных городищах нарушен позднейшими перекопами, то обнаруженная на них керамика не может быть определена стратиграфически более точно. Сравнение с хорошо датированной керамикой упомянутых выше древнерусских городов, расположенных по соседству с Эстонией, позволяет датировать и местную керамику.

Особенно интересен в отношении техники изготовления посуды фрагмент большого глиняного диска толщиной в 1—1,1 см. Он имеет пористое тесто с примесью песка и слабый печной обжиг. В изломе диск двухцветный — желтоватые края и темная середина. На одной стороне диска имеется поперечная, небрежно нанесенная насечка, расположенная четырьмя концентрическими линиями (рис. 3 : 5).

Находки керамики указанного выше типа и небольших железных узколезвийных ножей (рис. 3 : 10) дают основание говорить о наличии на Вышгороде слоя X—XI веков.

Находки обоих участков раскопок показывают, что на Вышгородском холме эстонское поселение существовало уже в X—XII веках. Это поселение, несомненно, являлось древним эстонским городом. Существование такого города подтверждается и материалом раскопок, произведенных в 1953 году на территории Нижнего города.

РАСКОПКИ В НИЖНЕМ ГОРОДЕ

Раскопки в Нижнем городе производились на Ратушной площади. Раскоп размером в 510 м² находился в восточной ее части, на расстоянии 21 м к северу от Ратуши (рис. 1 : 3).

Мощность культурного слоя на месте раскопа определялась (кроме ям) от 1,9 до 2,1 м, причем она увеличивалась в восточном направлении (см. профили раскопов табл. III. 1, 2 — мостовая; 3 — плитняковая мостовая XIV века; 4 — темный песок; 5 — светлый песок; 6 — буроватый песок; 7 — земля; 8 — темная земля; 9 — бурый песок; 10 — глина; 11 — истлевшее дерево; 12 — уголь и зола; 13 — песок с содержанием вивианита; 14 — перегной; 15 — песчаный грунт; 16 — битый кирпич; 17 — плиты, поставленные ребром; 18 — металлическая труба).

Характер культурного слоя на раскопе, в верхних и нижних его горизонтах, оказался весьма различным как по составу земли, найденному материалу, так и по степени сохранности. Границей между верхними и нижними горизонтами культурного слоя можно считать каменные вымостки, вскрытые на глубине 65—80 см от современной поверхности и занимавшие значительную часть территории раскопа.

Непосредственно под каменной мостовой лежал светложелтый песок, достигавший толщины 30—40 см, привезенный сюда для устройства мостовой. В песке, кроме различных обломков железных предметов и гвоздей, найдены кремневая ножевидная пластинка (рис. 6 : 1), железный гарпун, таллинская монета XVII века, две поясные пряжки (рис. 6 : 2) и др.

Непосредственно под песком залегал слой черной рыхлой земли, имев-

[11] Тараканова, Новые материалы по археологии Пскова. Г. П. Гроздилов, Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, XIV, 1950, стр. 166.

шей местами коричневатый оттенок, с примесью плитняковой щебенки и углей. Изредка встречался битый кирпич. В южной части раскопа, ближе к Ратуше, примесь битого кирпича и черепицы была значительной. Этот слой прикрывал собой плитняковые вымостки, вскрытые в раскопе. В юго-восточной части раскопа его подстилала прослойка желтого песка толщиной в 10—15 см, лежавшая на нижней плитняковой вымостке и на одном уровне с ней. Слой черной земли между верхним слоем песка и каменными вымостками оказался сильно нарушенным различными перекопами.

В юго-восточном углу раскопа, на глубине 40 см от современной поверхности, была обнаружена кладка из плитнякового камня на известковом растворе высотой 1 м, шириной 2,6 м, длиной 2,7 м, имевшая на поверхности выемку. Этот каменный четырехугольник являлся фундаментом фонаря, который, можно полагать, был поставлен не ранее второй половины XVIII века, так как этот фундамент разрушил часть остатков деревянной арки более раннего времени.

В этом же слое, на площади 100 м² были вскрыты приблизительно на такой же глубине от современной поверхности, как и фундамент фонаря, остатки деревянных полуистлевших столбов, расположенных по четыре столба в одной группе. Группы столбов располагались по определенной системе в четыре параллельные линии (табл. IV : 1). Расположение столбов и их сравнение с архивными материалами позволило заключить, что они являлись остатками триумфальной арки, построенной в 1711 году в честь приезда в Таллин Петра I[12].

Каждая пара столбов основывалась на толстой сосновой плахе (табл. V : I). Такая конструкция арки преследовала, вероятно, цель большей ее устойчивости. Скреплявшие столбы плахи в большинстве случаев лежали на упомянутых выше каменных вымостках.

Сооружение арки нарушило культурное напластование на значительной территории раскопа. Кроме того, у западного профиля раскопа культурный слой был перекопан до материка при прокладке канализационных труб в XIX веке. Нарушение культурного слоя, естественно, вызвало перемешивание раннего материала с более поздним. Поэтому найденный материал в этом слое трудно определить стратиграфически. Только в нижнем горизонте слоя, покрытом каменными вымостками, удалось уловить характерные особенности материала.

В слое часто встречались кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и др. животных[13], обломки различных железных предметов, кованые гвозди с большими круглыми шляпками, железные костыли и маленькие костыльки для ковки лошадей, керамика и другие материалы.

Керамика этого слоя разнообразна. Найдены фрагменты посуды местного производства и привозной. Среди них имеются сосуды из красновато-желтой глины без поливы, хорошей выработки, сосуды из серовато-желтой глины с зеленой поливой снаружи, из яркокрасной глины с темножелтой поливой снаружи и керамика с темной поливой внутри. По имеющимся фрагментам трудно судить о форме этих сосудов. Следует, однако, отметить, что некоторые сосуды из желтоватой глины без поливы

[12] В Таллинском городском архиве сохранился эскиз городского плана от 1732 года, показывающий на Ратушной площади точно такое же расположение столбов, как оно вскрылось в раскопе. Так как в промежутке между 1711 годом, когда Петр I впервые посетил Таллин и когда в честь его приезда была воздвигнута триумфальная арка на Ратушной площади (см. Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands, Band VII, Reval 1854, стр. 144), и составлением эскиза никаких построек на Ратушной площади не возводилось, то можно полагать, что эти столбы являлись остатками указанной арки.

[13] Все найденные в раскопе кости животных определил проф. В. И. Цалкин (Москва).

имели прямые короткие ручки, часть которых была найдена при раскопках.

Кроме местной керамики, найдены фрагменты и западноевропейской (рейнской) посуды, изготовленной из серой светлой или темной глины с матовой, реже поливной поверхностью серого, кремового, коричневого цветов. Часть сосудов украшена рельефным орнаментом. Судя по имеющимся фрагментам, большинство сосудов представляли собой небольшие узкогорлые кувшины с изогнутыми ручками; характерной особенностью многих из этих сосудов является поддонце с защипами (рис. 9) [14].

Следует учесть, что находки западноевропейской керамики при раскопках на Ратушной площади были не так многочислены, как при раскопках на Вышгороде в слоях того же времени. Это указывает на различие в социальной топографии Таллина: Вышгород занимали укрывавшиеся за крепостными стенами иноземные феодалы, в Нижнем же городе жила масса городского населения, подавляющее большинство которого составляли эстонцы.

Интересно отметить, что часть сосудов западноевропейского типа отличалась иной техникой изготовления. Они сравнительно толстостенные, изготовленные из пористого темносерого теста, имеют иногда несколько шероховатую поверхность. Можно предположить, что такая посуда изготовлялась местными мастерами в подражание западноевропейской керамике.

Среди найденной в этом слое керамики имеются сосуды, резко отличающиеся по своему типу от двух вышеописанных групп керамики. Они изготовлены из глины желтоватого и темносерого цвета и имеют пористое тесто, а также сравнительно слабый печной обжиг. На некоторых фрагментах имеется линейно-желобчатый орнамент (рис. 7 : 5). Встречены также единичные фрагменты керамики темного цвета, с пористым тестом и примесью в нем кварцевого песка. Венчик этих сосудов резко отогнут наружу, образуя на горловине ребристый выступ. Край срезан прямо. По приподнятым плечикам проходит в виде пояска линейно-желобчатый орнамент (рис. 7 : 3). Керамика такого типа по аналогии с древнерусской может быть датирована не позднее X в.[15]. Она попала сюда случайно при перекопах культурного слоя.

В слое были и другие находки: кусочки янтаря, иногда со следами обработки (рис. 6 : 9), осколки и отщепы кремня, остатки бересты, обрезки кожи и остатки кожаной обуви, скорлупа лесных орехов [16].

В нижнем горизонте этого слоя особенно часто встречались обрезки кожи, остатки кожаной обуви, кожаные ножны (рис. 6 : 16, 17) и ореховая скорлупа. Эти находки дают основание заключить, что в этой части Ратушной площади, на существовавшем здесь рынке, находился сапожный ряд.

О наличии здесь рынка свидетельствуют также вскрытые в северо-западной части раскопа остатки деревянных рыночных ларей (табл. I). На рынке не только покупали и продавали товары, но и чинили обувь, грызли орехи и развлекались игрой в кости кубической формы, которые и были найдены в этом слое.

Далее в нижнем горизонте было обнаружено несколько пряслиц из светлой желтоватой и серой глины с рельефным концентрическим орна-

---

[14] A. Brackmann u. W. Unverzagt, Zantoch. Leipzig 1936, рис. 34 : 9—15; такая посуда датируется XV веком; там же, стр. 120.

[15] Тараканова, Новые материалы по археологии Пскова. Гроздилов, Раскопки в Старой Ладоге.

[16] По определению кафедры лесной таксации Эстонской сельскохозяйственной академии.

ментом (рис. 6 : 11, 12), две поясные пряжки (рис. 6 : 2), три бронзовые подковообразные фибулы размером 3,5×3 см, ромбические в сечении, с граненными головками и чеканным орнаментом (рис. 6 : 3). Подобного типа фибулы бытовали в Эстонии в XI—XII вв.[17]. Среди находок имеются костяной гребень со спинкой высотой 6 см, шириной 2—3 см, толщиной 1 см, обработанный весьма примитивно (рис. 6 : 10), кости животных со следами обработки и другие предметы.

Описанный слой, лежавший выше каменных вымосток, может быть датирован в пределах начиная с конца XIV и по XIX век. Его мощность определяется в 50—60 см.

Ниже залегал слой, включавший в себя каменные вымостки (табл. I. 1 — плитняк; 2 — валуны; 3 — удаленная раскопками часть плитняковой мостовой; 4 — битый плитняк; 5 — плахи; 6 — сваи; см. также табл. V : 3). Он состоял из черной земли с примесью в верхнем горизонте (на уровне мостовых) битого плитняка и кирпича, который сосредоточивался главным образом близ восточного профиля раскопа. На значительной территории раскопа прослеживались мелкие остатки истлевшего дерева, а в юго-восточном углу — обугленное дерево.

Как показали раскопки, Ратушная площадь была вымощена несколько раз. В дошедших до нас письменных источниках есть данные о мощении площади во второй половине XIV века[18]. Можно полагать, что обнаруженная раскопками верхняя часть вымостки относится к этому времени. Ниже этой мостовой залегали остатки еще двух мостовых, относящихся, по всей вероятности, к началу XIV века. Эти вымостки были обнаружены в различных местах раскопа, наиболее плотными они были в центральной, южной и северной его частях. С западной и северо-восточной сторон мостовая была окаймлена крупными валунами.

В земле, окружавшей мостовую, обнаружен разнообразный материал: кованые гвозди с круглыми шляпками, обрезки кожи, осколки кремня, куски янтаря, игральные кости кубической формы с одинарными глазками, пряслица с рельефным концентрическим орнаментом, точильный брусок. В этом же слое найдена керамика, возможно, местного производства из желтоватой глины без поливы и из красновато-желтой глины с коричневатой и желтой поливой снаружи. Имеются обломки керамики с рельефным орнаментом и зеленой поливой, из темной глины и плотного теста. Найдены прямые короткие ручки сосудов из желтоватой глины без поливы. Встречалась керамика печного обжига из желтоватой глины, с пористым тестом. Покатые плечики таких сосудов украшены орнаментом из широких желобчатых линий (рис. 7 : 7).

Обнаружено небольшое количество фрагментов толстостенных сосудов темного цвета с примесью кварцевого песка в пористом тесте. Они имеют приподнятые плечики и низкий отогнутый венчик с прямо срезанным краем. Одновременно встречались фрагменты западноевропейских сосудов описанного выше типа. В верхнем горизонте этого слоя найден обломок каменной формочки для отливки больших круглых фигурных бляшек или подвесок; на краю формочки находится изображение головы орла (рис. 6 : 18).

В юго-восточной части раскопа, на уровне нижних мостовых, были обнаружены сосновые плахи, уложенные в направлении с востока на запад параллельно в два ряда (табл. I, II и IV : 2). В ходе дальнейших раскопок выяснилось, что общая длина этих параллельных рядов плах состав-

[17] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis II. Dorpat 1925, стр. 66 и рис. 86.

[18] Tallinna linna arhiivi väljaanded 3. Tallinna vanimad linna arveraamatud 1363—1374. Tallinn 1927, lk. 92.

ляла более 14 м, а расстояние между ними — 78—85 см. Плахи были вытесаны из сосновых бревен и имели в поперечнике 10—11×23 см. В обоих рядах плахи были положены по две одна на другую. Некоторые плахи имели вблизи концов 4-сантиметровые отверстия, закрытые деревянными втулками. Плахи лежали одна на другой свободно, без каких-либо закреплений или пазов; с внутренней стороны они прислонялись к столбам толщиной 15 см, которые были вогнаны в грунт на глубину 70—80 см (табл. V : 2). Повидимому, здесь находился вырытый в грунте водосточный канал или желоб, обитый с внутренней стороны деревянными плахами. Восточный конец канала или желоба был закрыт плахой, найденной недалеко от желоба в земле (табл. V : 3) [19].

Глубже под мостовыми залегал слой интенсивно черной плотной земли. Его мощность определялась от 40 до 50 см в западной и более одного метра в восточной части раскопа. На глубине 20—30 см от мостовых прослеживались большие пятна обугленного дерева. В слое были найдены также отдельные полугнилые плахи, бревна и столбы. На глубине 40—45 см от описанных выше мостовых были обнаружены остатки новой мостовой из крупных отдельно лежащих плитняков, идущей от восточной части раскопа в направлении к водосточному каналу (табл. V : 3).

В этом слое было найдено много костей крупного и мелкого рогатого скота и свиньи, обломки деревянной посуды, остатки кожаной обуви, обрезки кожи и пр. Такие предметы являются частыми находками на поселениях первого тысячелетия нашей эры в северо-западных областях древней Руси, а также в Латвии. Особо надо отметить свинцовый оттиск печати с латинской надписью «Sigillum beatae M-ria de Rosa (Roga) ador» и фигурку человека с собачкой в руках, изготовленную из слоновой кости и относившуюся в свое время, повидимому, к переносному алтарю. Обе находки можно датировать по стилистическим признакам концом XIII века (рис. 10).

Ниже этого слоя, под остатками новой мостовой и водосточного канала, на материке были обнаружены парные ряды наискось вбитых в землю свай. Промежуток между сваями был заполнен продольно уложенным березовым и ольховым хворостом [20] (табл. V : 4 и VI : 2). Исследование свай и грунта показало, что эти сваи были вбиты по краям ранее вырытых канав, а междурядье заполнено хворостом. Эти ряды свай сходились радиально с разных сторон почти в центре раскопа (табл. II : 1 — ряды наискось вбитых в землю свай; 2 — столбы, подпирающие плахи водосточного канала; 3 — плитняк; 4 — валуны; 5 — плахи от водосточного канала; *к* — колодец (см. также табл. VI : 1). Они имели понижение на концах в сравнении с центром на 20—40 см. Восточное ответвление этих канав было у края раскопа пересечено толстым слоем синей глины и, кроме того, поставленной на ребро известняковой плитой размером примерно 1 м² (табл. III); после удаления плиты и глины стало очевидным, что канава здесь была намеренно изолирована.

Ввиду того, что Ратушная площадь расположена на откосе у подножья глинта, можно предполагать, что в древности это место было довольно сырым вследствие вытекающих из-под глинта вод, а также из-за высокого уровня грунтовых вод. Это подтверждается, между прочим, находкой здесь солей синей болотной руды — вивианита [21]. Поэтому это место требовало осушения. Обнаруженные сооружения являются, по всей вероятности, древней дренажной системой, выкладкой водосточных канав.

[19] На сооружение водопровода на Ратушной площади в XIV веке указывают Tallinna linna arhiivi väljaanded 3., стр. 92.

[20] Определение кафедры лесной таксации Эстонской сельскохозяйственной академии.

[21] Определение научного сотрудника Института геологии АН ЭССР Х. Ряста.

В северо-восточном углу раскопа, на глубине 50—55 см от мостовой XIV века, был обнаружен колодец овальной формы, размером 1,9×2,1 м. Стены колодца были выложены крупными валунами путем сухой кладки (табл. VII : 1). Глубина колодца достигала 585 см от современной мостовой; вода после очистки колодца от земли и камней стояла в колодце на высоте более 2 м. Как показал анализ воды, сделанной Республиканской санитарно-эпидемиологической станцией в Таллине, эта вода во время пользования колодцем могла быть пригодной для питья.

Выяснилось, что при сооружении колодца была разрушена северо-восточная ветвь дренажной системы. Колодец был обложен с наружной стороны синей жирной глиной, несомненно в целях изоляции колодца от остальных вод. В колодце на глубине 4,1 м от поверхности нынешней мостовой были обнаружены плотно вбитые в грунт березовые и ольховые сваи, образующие неправильный четырехугольник. Последний находился в среднем на расстоянии 39—69 см от каменных стен колодца (табл. VII : 2). Промежуток между сваями и стеной был выложен той же самой глиной, что и стены колодца, а на грунте в четырехугольнике лежал гравий. Диаметр свай был 5—8 см, длина в среднем 105 см, нижние концы их были заострены.

С внутренней стороны к сваям прислонялись в направлении с севера на юг и с востока на запад по две плахи, длиной в среднем 82 см. В колодце были найдены и другие плахи, должно быть от внутренних стен четырехугольника.

Колодец был наполнен землей, камнями и разным мусором. Здесь были найдены в большом количестве дощатые стенки разных размеров и вставные днища деревянной посуды; на одной стенке в уступе сохранилась даже часть обруча (рис. 8 : 11). Были найдены обрезки кожи, изношенная обувь, изделия из бересты (рис. 8 : 6), подковообразные пряжки эстонского облика (рис. 6 : 4), датируемые XI—XII веками [22], различная керамика, в том числе и лепная, кости животных и пр.

Судя по древнейшим обнаруженным в колодце предметам, колодец был, повидимому, сооружен в XII веке, а дренажная система несколько раньше колодца. Колодец был засыпан во время замощения ранней мостовой, вероятно, потому, что Ратушная площадь получила в то время новый водопровод с более чистой водой.

Описываемый слой, лежавший на материке, дал некоторое количество керамики, изготовленной на ручном гончарном круге из плохо отмученной глины с примесью кварцевого песка. Тесто этой керамики пористое, обжиг печной, сравнительно слабый. Сосуды хрупкие на излом и имеют следы распада по шву. Форма сосудов и их орнаментика сближают эту керамику с керамикой X—XI веков, найденной при раскопках Пскова и Старой Ладоги. Вместе с этой посудой была найдена и лепная керамика.

Характерной особенностью этого слоя являлись многочисленные находки фрагментов деревянной посуды.

Деревянная посуда разнообразна. Она представлена выточенными тарелками, мисками, небольшими чарочками и кубками (рис. 8 : 2, 3, 10). Прекрасная обработка этой посуды говорит о большом мастерстве ремесленников-деревообделочников. Имеющиеся на днищах некоторых точеных тарелок и мисок различные резные знаки позволяют видеть в них клейма ремесленников (рис. 8 : 2, 3, 10). Подобно тому, как древнерусские ремесленники-гончары ставили свои клейма на днищах глиняных сосудов, так и эстонские ремесленники-мастера по обработке дерева ставили свои клейма на днищах деревянных чашек и мисок. Многочислены находки фраг-

[22] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis II, стр. 69 и рис. 94.

ментов вырезанной из дерева посуды. Имеются различных размеров чашки с составными дощатыми стенками и вставными днищами: такие же чашки были найдены и в колодце. Реконструкция одной такой чашки дана на рис. 8 : 12. Надо отметить, что чашки этого типа были найдены и при раскопках города Риги в 1938 году [23]. Эти материалы дают основание утверждать, что ремесленная деятельность населения в древнем Таллине еще до прихода сюда датчан была высокоразвитой.

Весьма разнообразны и прочие деревянные изделия. Среди них имеются лопаты различных размеров, части боченков разной величины. На днищах некоторых из них имеются знаки. Найдены деревянные острия с ушком и без ушка, различного назначения. Часть маленького деревянного предмета с зарубинами по одному краю дает основание видеть в нем обломок штампа для орнаментации глиняной посуды (рис. 8 : 8).

Из дерева изготовлены двусторонние гребни с редкими и частыми зубьями (рис. 8 : 4). Найдены деревянные бирки с зарубинами (рис. 8 : 1). Многие деревянные предметы еще не определены и нуждаются в дальнейшем тщательном изучении.

Часто встречались при раскопках и фрагменты берестяной посуды. Вместе с готовыми изделиями найдены куски дерева со следами обработки.

Помимо деревянных изделий, этот слой дал большое количество кожаных изделий, разного вида обуви (рис. 11) и большое количество кожаных обрезков.

Важно отметить, что находки деревянных и кожаных предметов сосредоточены преимущественно в восточной части раскопа.

Большое количество найденных в этом слое разнообразных деревянных изделий и остатков дерева со следами обработки, а также кожаных изделий и обрезков кожи дает основание утверждать, что поблизости отсюда жили ремесленники-деревообделочники и сапожники.

Об уровне культуры и о художественном вкусе древних ремесленников свидетельствуют находки орнаментированных берестяных и деревянных предметов. Показательными в этом отношении являются кусочек бересты с орнаментом (рис. 8 : 5) и деревянное пряслице, выточенное на токарном станке, с плетеным орнаментом, выполненным резьбой (рис. 8 : 14, 15). Деревянные изделия с очень сходным орнаментом найдены при раскопках в Новгороде [24].

Наряду с деревянными и кожаными изделиями в слое X—XIII веков встречались и различные изделия из кости. Можно указать на игральные кости кубической формы с глазками в виде двух концентрических кружков [25]. Отметим также костяные двусторонние гребни с мелкими и крупными зубьями и планкой посередине, украшенные крестовидным орнаментом (рис. 6 : 5) [26]. В этом слое встречались кованые гвозди, лодочные заклепки, обрезки веревок из липовой коры (лыка), куски янтаря.

Были обнаружены также фрагменты западноевропейских кувшинов.

Как показывает анализ инвентаря этого слоя, он в основном соответствует материалам, полученным из эстонских поселений и городищ

---

[23] R. Šnore, Koka senlietu atradumi Rīgā. Rīgā 1938. табл. III. В экспозиции Рижского государственного исторического музея эти сосуды датированы XII веком. См. М. Р. Вилсоне, Археологические раскопки в городе Риге. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 127.

[24] По следам древних культур. Древняя Русь. Москва 1953, стр. 238.

[25] MEL, рис. 144.

[26] Такие гребни встречаются на обширной территории в Восточной Европе, в основном в слоях XII—XIII веков. Н. Н. Воронин, Древнее Гродно. МИА, № 41, Москва 1954, стр. 74,172.

XI—XIII веков. Характерно при том, что при раскопках в инвентаре X—XIII веков не было найдено находок скандинавского происхождения.

Результаты раскопок 1952—1953 гг. в Таллине дают основание для следующих выводов.

1. Поселение на Вышгороде возникло, несомненно, в X веке. На это указывают в основном находки местной керамики, имеющей черты примитивной техники и по форме похожей на посуду, найденную в слоях IX—X веков во Пскове и Старой Ладоге.

2. Одновременно с поселением у подножья Вышгорода (Тоомпеа) на теперешней Ратушной площади возникла рыночная площадь, благоустроенная, повидимому, в XII веке (дренажная система, колодец).

3. Вблизи Ратушной площади располагались ремесленники — деревообделочники, сапожники, кожевники и др.

4. В районе Ратушной площади не позже X—XI века возникло эстонское ремесленное и торговое поселение городского типа, ставшее в XII веке столь значительным торговым центром, что о нем под названием Колувань упоминает известный арабский географ Абу-Абд-Аллах-Мохаммед Идриси (1099—1166) на законченной им в 1154 году карте мира и в сопроводительном к карте тексте [27].

5. Это поселение имело тесные торговые и культурные связи с русскими землями и с западными соседями, как это убедительно показали обнаруженные на Вышгороде и Ратушной площади материалы. Это доказывают и находки целого ряда кладов серебряных монет X—XII вв. как в Таллине, так и в его окрестностях [28]. Важно отметить, что раскопками не было обнаружено ни материалов скандинавского происхождения, ни следов шведского поселения.

6. Город Колувани—Колывань—Таллин, ремесленный и торговый центр, узел сухопутных и морских дорог, возник в результате общественно-экономического развития местных древнеэстонских племен. В дальнейшем развитии города большое значение имели тесные связи его с Псковом и Новгородом.

Характер находок XIV—XVI веков на Ратушной площади показывает, что Таллин и в средних веках оставался по существу эстонским городом, несмотря на господство в нем иноземной торговой и ремесленной верхушки.

---

[27] См. Х. А. Моора, О возникновении города Таллина. Известия Академии наук Эстонской ССР, т. II, 1953, стр. 176.

[28] Там же, стр. 169, рис. 1.

MUISTSETE LINNUSTE UURIMISE TULEMUSTEST EESTI NSV-s

H. MOORA

Eesti NSV territooriumilt on teada ümmarguselt sadakond muistset linnust. See arv on tunduvalt väiksem kui teistes Balti vabariikides, sest Lätis on registreeritud üle 300, Leedus aga koguni enam kui 1000 linnust. Kuna meie vabariigi ala on muistsete mälestusmärkide suhtes võrdlemisi tihedasti läbi otsitud, ei ole loota, et tähendatud arv veel oluliselt tõuseks. Arvestades seda, et muistsete linnuste hulk Eestis ei ole suur, tuleb seda enam pühendada tähelepanu nende tähtsate ajalooliste mälestusmärkide hoolsale hoidmisele ja uurimisele.

Linnused, kui suurimad kõigist muististest, tõmbasid endale juba varakult tähelepanu. Neist on säilinud mõni üksik ülestähendus ja plaan isegi XVIII sajandist. Linnuste põhjalikum tundmaõppimine aga algas palju hiljem. Veel käesoleva sajandi esimesil kümnendeil ja kodanliku diktatuuri ajal piirdus nende uurimine peaasjalikult väliste kirjelduste ja plaanide valmistamisega. Linnuseid peeti enam-vähem ühtseks muististe kategooriaks. Seepärast peeti võimalikuks neid ainult väliste tundemärkide järgi klassifitseerida, jälgiti nende mitmesuguste tüüpide levikut jne. Kuid nagu näitavad kogemused, ei saa ainult väliste, formaalsete tunnuste järgi teha linnuste põhjal mingisuguseid ajaloolisi järeldusi. Linnustel on ajalooliste allikatena kahtlemata suur väärtus, kuid seda ainult eeldusel, et neist on plaanipäraste arheoloogiliste kaevamiste teel saadud küllalt suur ja mitmekesine materjal.

Kodanliku diktatuuri ajal hangiti sellist materjali linnustest vähe. Peale selle ei olnud vääralt idealistlikult aluselt lähtuv kodanlik ajaloouurimine suuteline andma sellele materjalile õiget teaduslikku tõlgendust. Eesti muistsete linnuste, nagu kõigi teistegi ajalooallikate süstemaatiline ja tõeliselt teaduslik uurimine algab alles nõukogude võimu ajal.

Nõukogude arheoloogia on näidanud, et muistsete linnuste iseloom on sajandite jooksul kõikjal muutunud, olenevalt majanduslike ja ühiskondlike tingimuste arenemisest. Nagu näeme kõigist seni kogutud andmeist, tegid linnused ka Eestis aegade kestel läbi olulisi muutusi.

Senised materjalid võimaldavad siin muistsete linnuste arenemises peajoontes eraldada nelja suuremat järku ja täheldada peale selle veel mõningaid kitsamapiirilisemaid kohalikke erinevusi. Esimesele järgule, mis hõlmab viimase aastatuhande keskosa ja teist poolt e.m.a., on iseloomulikud kindlustatud asulad ehk asulalinnused. Teisel järgul, mis ajaliselt üldiselt vastab m. a. I aastatuhande esimesele poolele, olid linnused peamiselt asustamata kogukondlikeks varjupaikadeks, mida kasutati eeskätt vaid vaenuliku kallaletungi ohu puhul. Kolmandat järku, mis on iseloomulik ajale V kuni X sajandini, esindavad võrdlemisi rohkearvulised, harilikult väikse-

mad linnused, mis jälle on olnud asustatud, kuid teatavate väiksemate kollektiivide, arvatavasti rikaste ülikate perede poolt. Neljandal järgul, mis ajaliselt kuulub XI ja XII sajandisse ning XIII sajandi algusse, kujunevad linnused feodaliseeruva ülikkonna tugikohtadeks ja tekivad linnatüüpi kindlustatud kohad.

Varasemaid linnuseid, õigemini kindlustatud asulaid, esindavad Asva linnus Orissaare rajoonis Saaremaal ja Tallinna küljeall oleva Iru linnamäe vanim kiht. Samalaadne kindlustatud asula oli võib-olla Narvas paesel rünkal, mis tõuseb kõrgele üle jõe vasaku kalda. Sääraste kindlustatud asulate hulka näib algselt olevat kuulunud ka Otepää linnamägi. Need on võrdlemisi avarad kindlustused (Asva pindala on näiteks ümmarguselt 2600 m²), mille pinda katab paksem kultuurkiht. Kultuurkiht kindlustatud asulail on küllastatud toidujätetena ära visatud luudega, purunenud savinõude kildudega, mitmesuguste töö- ja tarberiistade valmistamisel maha langenud luu- ja kivimaterjali tükkidega, pronksesemete valamiseks kasutatud vormide katkenditega jne. Kultuurkihi paksus ja rikkus mitmesuguste jäänuste poolest tunnistab, et neis vallide ja puukindlustustega kaitstud kohtades on pidevalt elatud ja töötatud.

Kindlustatud asulad tekkisid Baltimail, samuti nagu naabruses, Volga ja Zapadnaja Dvinaa (Väina) ülemjooksul jm., sugukondliku korra viimasel arenemisjärgul, kus tavaliseks majandusühikuks olid patriarhaalsed suurperelised kollektiivid. Kõigi tundemärkide järgi paistab, et kindlustatud asulais on harilikult elanud mõni suurpere või mõned suguluses olnud suurpered, s. o. teatav suguvõsa, kellel oli ühine majandus. Nagu juba tähendatud, esines selliseid kindlustatud asulaid — vähemalt Lääne- ja Loode-Eestis — kuni meie ajaarvamise alguseni.

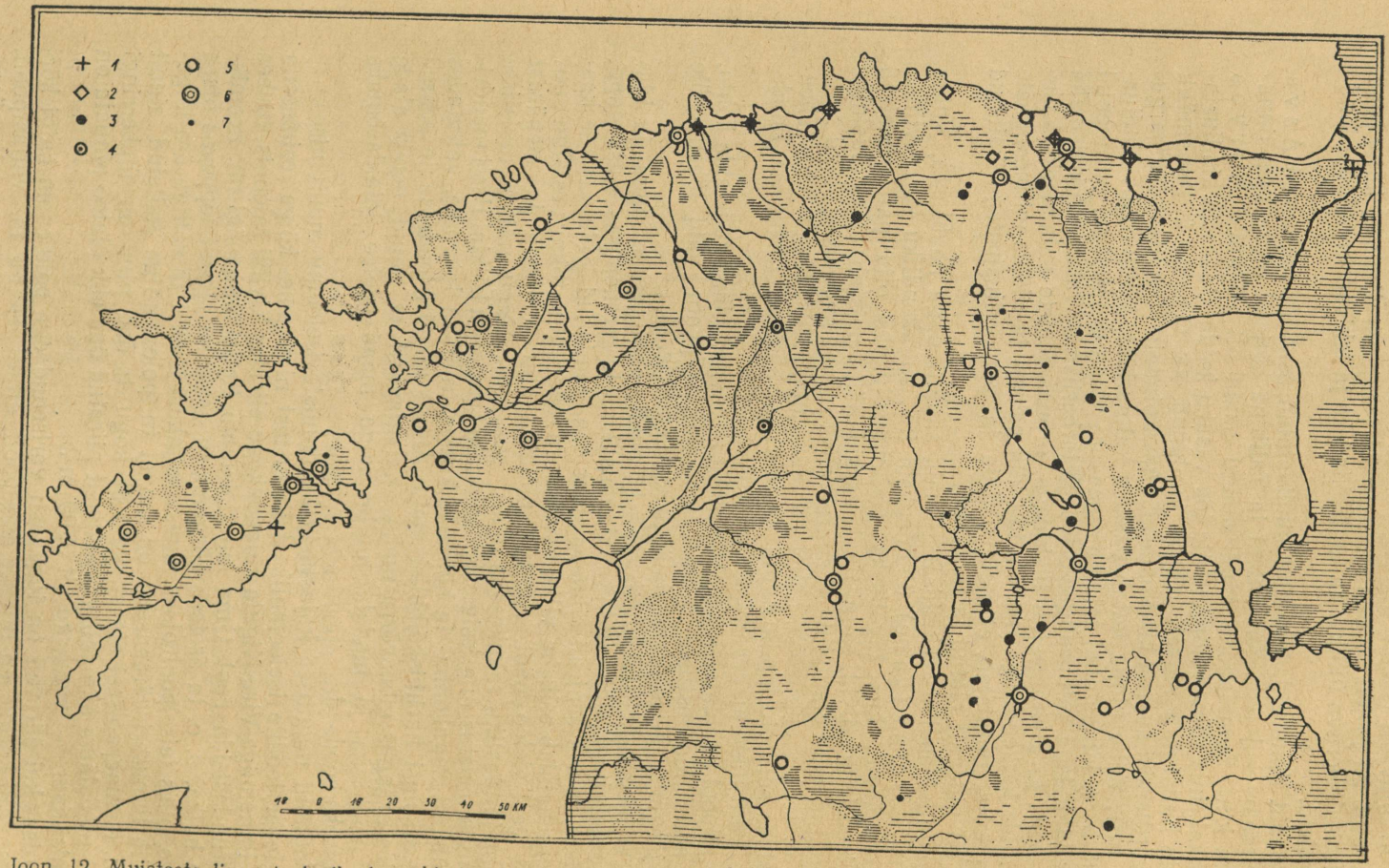
Kuna allpool avaldatakse omaette kirjutus Asva kindlustatud asula kohta, siis me sellel kindlustuste rühmal pikemalt ei peatu, vaid läheme üle linnuste järgmise, teise arenemisjärgu vaatlemisele.

Ajaarvamise vahetusel algab eesti hõimude, nagu nende lõuna- ja idapoolsete naabritegi ühiskondlik-majandusliku elu arenemises uus etapp. Majanduses, milles seni oli silmapaistvat osa etendanud koduloomade kasvatamine, omandab esikoha viljakasvatus. Maaharimine toimus esialgu suurelt osalt veel aleteo näol. Aletegu nõudis palju tööjõudu ja seepärast valitses majandusliku rakukesena edasi suurpere. Nagu näitab muististe levik, tungis asustus m.a. esimestel sajanditel peaaegu kõikjal Eesti mandriosas endistest sugukonna- ja hõimukeskustest märksa laiemale, vallutades metsade alt uusi harimiskõlbulisi maid. Ainult mandri loodeosa ja saared jäid selles arengus mõnevõrra maha — nähtavasti ei olnud nende alade paese aluspõhjaga ja madala mullastikuga maad aleteo laialdasemaks arendamiseks soodsad.

Tähendatud muutused kajastusid ka linnuste iseloomu muutumises.

Sellele perioodile iseloomulikest linnustest nimetame kõige esimesena Koila linnamäge Viru-Nigula külanõukogu piirides Kiviõli rajoonis, umbes 12 km Kundast ida pool. Oma kujult kuulub Koila linnamägi nn. neemiklinnuste hulka, s. o. ta asetseb kõrgema maaseljaku järsult lõppevas otsas ehk tipus, olles teiselpool otsas muust seljakust kraavi ja valliga ära lõigatud. Koila linnuse iseärasuseks on see, et ta pole valliga kaitstud ainult ühest, n. ö. maapoolsest otsast, vaid et kogu ta õue pind on ümberringi piiratud madalama äärevalliga. Selliselt piiratud õue ehk platoo pindala on võrdlemisi suur — ümmarguselt 3700 m².

Nii otsa- kui äärevall on tugevasti varisenud ega pole enam kuigi kõrged. Otsavalli kõrgus on linnuse õue poolt ainult 1—1,5 m, väljastpoolt, kraavi põhjast kuni 4 m. Äärevalli jäänused on aga veel vaevalt märgatavad.



Joon. 12. Muistsete linnuste levik. 1 — kindlustatud asulad I aastatuhandest e. m. a.; 2 — m. a. I aastatuhande esimese poole linnused; 3 — I aastatuhande teise poole linnused; 4 — I aastatuhande linnused, mis püsisid tarvitusel edasi XI—XIII sajandil; 5 — üksikute ülikate kantsid XI—XIII sajandist; 6 — suured linnused XI—XIII sajandist; 7 — linnused, mille laad ja vanus on määramata. Joonega on tähistatud teed.

Koilas teostati 1949. ja 1950. aastal arheoloogilisi kaevamisi kahes kohas M. Schmiedehelmi juhtimisel.[1] Esimene kaevand hõlmas teatavat ala õuepinnal seespool otsavalli ja ulatus ka risti läbi valli, teine kaevand asetses õuepinna ühel (idapoolsel) äärel, lõigates ühtlasi sellest kohast läbi äärevalli.

Kaevamised näitasid kõigepealt, et kultuurkiht on sellel linnusel, vastupidiselt eelmise järgu linnustele, silmapaistvalt õhuke. Õue äärtel ulatub selle paksus 25 sentimeetrini, kuna keskosas pole sellest peaaegu midagi säilinud. Kultuurkiht sisaldas ka väga vähe leiumaterjali, mille moodustasid peamiselt väikesed savinõukillud. Peale selle saadi vähesel arvul loomaluid, mis pärinesid esijoones koduloomadelt (hobune, veis, siga), mõned üksikud ka metsloomadelt (rebane, valge jänes). Kultuurkihi pealmine osa oli künni läbi ära segatud, mispärast selles ei leitud enam mingisuguseid ehituste jälgi.

Allpool künnikihikut oli kultuurkiht tume, paiguti rohkete süte sisalduse tõttu täiesti must. Kultuurkihi all järgnes heledam seljaku liiv, millele linnus oli omal ajal tekkinud. Seespool otsavalli joonistusid selles liivas, allpool tumedat kultuurkihti, selgesti süsimustad ristkülikulise palkehituse kontuurid. Ehitus oli olnud 6 m pikk ja 5,5 m lai. Ehituse piirides avanesid liivas mitu kividest laotud kollet ja auke puupostidest, mis nähtavasti olid toetanud katust. Kuna selle ehituse kohalt ei leitud mingeid ajaliselt määratavaid esemeid, siis pole ka ehituse vanus täpsemalt teada. Arvestades aga asjaolu, et tähendatud ehituse jäljed olid kaetud puhta liivakihiga ja seega eraldatud kõrgemalasetsevast tumedast kultuurkihist, peab ehitus pärinema mõnevõrra varemast ajast kui see, millal neemikule asus suurem kogukond.

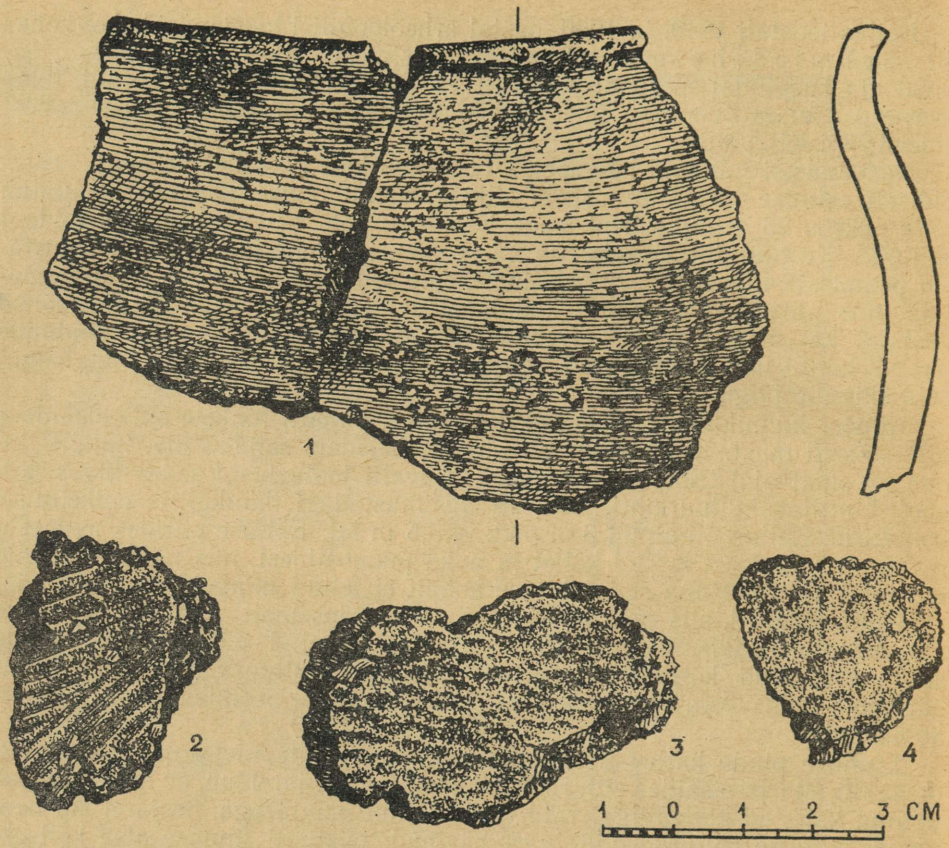
Linnuse pinda kattev tume kultuurkiht ulatus teatavas paksuses kivist otsavalli alla ja sisaldas siin rohkesti süsi. Sellest järeldub, et linnus algselt polnud kaitstud kivivalliga, vaid vahest ainult puutaraga. Seejärel kui need varase linnuse ehitused olid tules hävinud, püstitati linnuse otsa kaitseks vall. Valli alus oli nii välis- kui siseküljelt laotud püstja kuivmüüri taolisèlt raud- ja vähemal määral ka paekividest. Kuivmüüriks nimetatakse teatavasti ainult kividest, ilma sideaineta laotud müüri. Selliselt ehitatud müüride vahe, laiusega 4 m, oli täidetud väiksemate kivide ja liivaga. Valli ülemine osa koosnes arvatavasti kividest ja liivast. Valli ülemise osa kõrgust ja ehitusviisi ei saa täpsemalt määrata, kuna see osa vallist on kas juba muiste varisemise teel hävinud või hilisemal ajal kivimaterjaliks ära veetud.

Kirjeldatud kivivallile paistab hiljem olevat kõrgenduseks peale kuhjatud liivavall, mille materjal arvatavasti võeti valli välisjalamil olevast kraavist. Liivakuhjatisse oli varisemise vältimiseks segatud savi ja mättaid, selle valli muldkeha on säilinud osalt varasema kivivalli peal, iseäranis aga selle ja kraavi vahelises vööndis.

Nõnda võib otsavalli ehituses eraldada kolme erivanust järku: varaseimat, kus linnuse ots oli kaitstud ainult puust tõketega, teist — kivivalliga ja kolmandat, kus kivivalli oli liivaga kõrgendatud.

Koila linnuse äärt piirav vall oli olnud nõrgem ja kitsam kui otsavall. Sellest leiti kaevamisel ainult alus, kuna muidu oli vall tugevasti varisenud ja lõhutud. Säilinud alus näitas aga, et see vall oli ehitatud üldiselt samal viisil nagu otsavallgi. Äärevall oli piiratud kummaltki küljelt kuivmüüriga ja nende vahe täidetud väiksemate kividega. Erinevus seisis aga esiteks selles, et äärevalli piiravad kuivmüürid olid püstitatud mitte raudkividest, vaid laotud väga korrapäraselt paeplaatidest ja teiseks oli müüride vahe

[1] Kaevamiste tulemustest vt. üksikasjalisemalt M. X. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин, 1955, lk. 166 jj.



Joon. 13. Savinõukilde Koila linnamäelt. 1 — sileda pinnaga, 2 — riibitud pinnaga, 3, 4 — jämeda tekstiili ehk koetise jälgedega pinnal. (AI 4009:109, 4034:80, 4009:31, 107.)

siin ainult 2,5 m. Tuleb märkida, et paeplaatidest laotud müürid või tarad olid Põhja- ja Lääne-Eestile omaseks nähtuseks. Neid kohtame mitte ainult linnuste kindlustustes, vaid alates viimase aastatuhande keskelt e.m.a. ka kivikalmetes.

Võib oletada, et vallil olid vähemalt linnuse maapoolses otsas veel puust kaitseehitused.

Koila linnuse vanust aitas teatavais piires määrata sealt leitud keraamika, kuigi see on säilinud ainult väikeste killukestena. Keraamikas võib eraldada kaht erinevat liiki. Esimese moodustavad sõmerat kivipurdu (tambitud kivipuru) sisaldavast koredast savimassist valmistatud paksuseinaliste nõude killud. Pinnalt on need nõud (joon. 13:2—4) tehtud ebatasaseks kas riipimise või jämeda riidekoe sissevajutamise teel (nn. tekstiilkeraamika). Sedaliiki keraamikat esines peamiselt kultuurkihi süsises kihikus, mis, nagu nägime, pärineb ajast enne kivivalli ehitamist. Säärast koredat keraamikat esineb nii Eestis kui naaberaladel, Lätis, Volga ülemjooksu alal jm., eeskätt viimasest aastatuhandest e.m.a. pärinevais linnustes ja kalmetes; mõnevõrra tuleb seda ette aga ka veel m. a. esimestel sajanditel.

Koila linnamäelt leitud teise keraamikaliigi moodustavad õhemate siledapinnaliste seintega nõud, mille savisse on segatud peenemat liiva (joon. 13:1). Lisaks on leitud siit ka mõni kild mustadest kiilapinnalistest

nõudest. Siledapinnaliste nõude kilde leiti nii mainitud süsises kihikus kui ka sellest kõrgemal. Sedalaadi keraamika on iseloomulik eeskätt suurtele m.a. I aastatuhande esimesest poolest pärinevatele tarandkalmistutele. Sama aastatuhande teisele poolele iseloomulik keraamika näib aga Koila linnusel puuduvat.

Nõnda võib keraamikaleidude järgi otsustada, et Koila linnus on arvatavasti tekkinud ajaarvamise vahetuse paiku, tõenäoliselt juba mõnevõrra enne seda, ja näib olevat püsinud kuni m.a. I aastatuhande keskpaigani või teise poole alguseni, millal linnus maha jäeti.

Silmas pidades kultuurkihi väikest paksust ja sellest saadud leidude vähesust, peab arvama, et sellel linnusel ei ole pidevalt olnud suuremaarvulist elanike kogukonda. Teiselt poolt, kui arvestada linnuse pindala suurust ja ta kaitseehituste püstitamiseks kulunud töö hulka, ei jää kahtlust, et selle ehitajaks ja kaitsjaks pidi olema suurem kollektiiv. Teiste sõnadega, näib tõenäolisena, et selle linnuse ehitajad ja kasutajad pole vähemalt mitte kõik elanud siin, vaid on kogunenud siia vaid ajuti, kui neid ähvardas kallaletungi oht.

Samasse perioodi kuulub ka linnus, mis kannab P a h n i m ä e nimetust ja mis asetseb Rakvere rajoonis Kloodi külanõukogu «Valguse» kolhoosi maa-alal, Rakverest umbes 6,5 km loode poole. See linnus on ehitatud põhjast lõunasse suunduvale, kuni 18 m kõrgusele seljakule (oosile) ja on oma laadilt, nagu eelminegi, neemiklinnus. Põhjapoolsest otsast on see kaitstud madala kraavi ja valliga; et aga teise, vastasoleva otsa nõlvad polnud igas kohas küllalt järsud, on ka õue kaguäärel olnud vall, mille jäänused on aga veel vaevalt märgatavad. Pahnimäe linnus on üsna suur, ta õue pindala ulatub 6500 m²-ni.

1951. ja 1952. aastal teostati Pahnimäel Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituudi ja Rakvere Rajoonidevahelise Koduloomuuseumi poolt kaevamisi M. Schmiedehelmi juhtimisel. Esiteks uuriti teatavat ala seespool põhjapoolset otsavalli ja lõigati läbi ka see vall, teiseks uuriti läbi väiksem pindala linnuse platoo ehk õue idaäärel.[2]

Otsavall on tugevasti varisenud, selle rusude kõrgus ulatub linnuse õue poolt ainult 1,25 meetrini, väljaspoolt, madala kraavi põhjast arvates 1,9 meetrini. Seega on selle linnuse kaitseehitused ka siis, kui arvestada nende varisemist, linnuse suurusega võrreldes silmapaistvalt nõrgad. Vall on ehitatud kividest (eriti paeplaatidest) ja mullast. Samasugust korrapärast ehitust, nagu Koila linnusel, polnud Pahnimäe vallil aga näha — võib-olla on selle põhjuseks tugevam varisemine või on siit hiljem ehitusteks kive võetud.

Kaevamistel ilmnes, et vall on läbi elanud kaks ehitamisjärku. Umbes 80—85 cm sügavusel läbis seda palgitukkide kiht. Need tukid, mille suund üldiselt vastab valli pikisuunale, pärinevad ilmsesti palkkindlustustest, mis on asetsenud vallil, kui see oli vaevalt poole meetri kõrgune. Pärast nende kindlustuste hävimist tules on valli kõrgendatud. Valli ülemine osa koosneb peamiselt paeklibust ja mullast.

Kultuurkiht on õuel üsna õhuke, üldiselt ainult 15—20 cm paksune. See on võib-olla künni läbi ära segatud. Kõrgematelt kohtadelt on kultuurkiht arvatavasti vee poolt ära uhutud. Ainult otsekohe seespool valli on see paksem, kuni 30 cm. Siin tuleb aga arvestada ka pealevarisemist vallilt.

Leiumaterjali poolest osutus kultuurkiht kaevamisel väga vaeseks, tunduvalt vaesemaks kui Koila linnamäel. Läbikaevatud alalt saadi ainult 28 väikest savinõukildu, mõni üksik ese muudest materjalidest ja pisut loomaluid.

[2] Üksikasjalikumalt kaevamiste tulemustest vt. M. X. Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 172 jj.

Oma laadilt ja savi koostiselt vastavad leitud savinõukillud Koila linnuse teisele keraamikaliigile. Nad on siledapinnalised ja sisaldavad peent liiva. Teiste seas leiti ka üks tükike mustast kiilapinnalisest nõust. See keraamika vastab m.a. I aastatuhande esimesse poolde kuuluvate tarandkalmistute keraamikale.

Vähese leiuainese seas on üks nn. kuldfooliumiga kaetud klaasist kaksikhelmes. Sedaliiki helmed on sagedased III—IV sajandi tarandkalmeis.

Vähesed luud, nii palju kui neid saab määrata, kuuluvad koduloomadele (hobune, veis, lammas või kits).

Kirjeldatava järgu linnuste hulka näib kuuluvat ka nn. Tarakallas Kiviõli rajoonis Purtse külanõukogu «Hiie» kolhoosi piirides, Purtse jõe oru idakaldal, mööda jõge vähe maad ülespoole Tallinna-Leningradi maantee sillast. Tarakallas kujutab endast omaette asetsevat ovaalse põhiplaaniga kõrgendikku, mis ühelt poolt laskub võrdlemisi järskude nõlvadega jõe orgu, teiselt poolt aga on piiratud kitsama loodusliku oruga. Tarakalda lame pealispind on ümberringi piiratud madala valliga, mis loode pool on säilinud kõige kõrgemana — 1,5 m. Kaguosas, kus linnust kaitsev nõlv on kõige madalam ja lausem (siit on nähtavasti ka linnusesse üles käidud), näib äärevall olevat olnud kahekordne. Tarakallas on eelmistest linnustest suurem, ta õue pindala on umbes 7500 m².

1952. aastal teostas M. Schmiedehelm Tarakaldal vähemaulatuslikke arheoloogilisi kaevamisi, kusjuures loodeosas lõigati läbi äärevall ja puhastati Suure Isamaasõja ajal valli ehitatud kaevikute seinu.[3]

Kaevamised näitasid, et vall oli kuhjatud mullast, mille hulgas leidus ka paekive. Loodeosas paljastus valli all umbes 75 cm sügavusel kuni 35 cm paksune süsine kiht, milles oli säilinud rida tukke. Samasugune must süsine kiht tuli nähtavale valli all ka linnuse lõunaäärel, kuigi see kiht oli siin õhem. Siin leiti süsise kihi alt kividest laotud kolde ase. Nagu valli all asuva süsise kihi järgi võib järeldada, on linnus oma varasema olemasolu ajal läbi teinud tulekahju. Seejärel on linnust tugevdatud valli ehitamisega äärele.

Savinõukillud, mis leiti niihästi põlenud kihist valli all kui ka valli muldkehast, olid sama laadi nagu Pahnimäe linnuselt ja tarandkalmeist saadud keraamika. Teiste seas leiti ka musta kiilapinnalise keraamika kild. Olgugi, et kaevamiste väikese ulatuse ja vähese leiumaterjali põhjal ei saa Tarakalda linnuse vanuse kohta veel teha lõplikumat otsust, näib, et see linnus oli kasutusel üldiselt m. a. I aastatuhande esimesel poolel. On aga ka arvatud, et eespol mainitud valli all olev kolle võiks pärineda juba viimase aastatuhande lõpust e.m.a. Sellega on kooskõlas tõsiasi, et linnuse ümbruses leidub rohkesti viimaksmainitud aastatuhandest pärinevaid kivikangurkalmeid.

Kirjeldatavasse teise linnusterühma tuleb arvata ka Muuksi linnamägi Loksa rajoonis, umbes 50 km Tallinnast ida pool. See linnus asetseb paese pankranniku järskude ja kuni 20 m kõrguste nõlvadega neemikul (tahv. VIII:1). Ta on muust pankrannikust eraldatud kaarja valliga, mis on säilinud ainult järguti. Linnuse õu on pindalalt üsna suur — 5300 m². Tugevasti varisenud ja osaliselt nähtavasti ära veetud valli jäänuste kõrgus ei tõuse enamasti üle 50 cm, ainult ühes kohas ulatub see veel poolteise meetrini.

1936. aastal A. Vassara juhtimisel toimunud arheoloogilistel kaevamistel, mis hõlmasid umbes saja ruutmeetri suurust ala vallil ja seespool seda oleval õuel, selgitati, et Muuksi linnamäe vall on ehitatud samal vii-

[3] Vrd. M. Х. Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 176 jj.

sil nagu Koila linnusel: valli mõlemad küljed on laotud paeplaatidest kuivmüürina ja nende vahe, s. o. valli keskosa, täidetud kivide ja mullaga. Õuel leiduv kultuurkiht on üsna õhuke, ainult paiguti, eriti valli ääres, kuhu on kogunenud vallilt varisenud materjali, ulatub see 20—30 cm paksuseni, mõnes kohas puudub see aga hoopiski.

Esemelise materjali ja loomaluude sisalduse poolest paistab aga Muuksi linnuse kultuurkiht olevat sama vaene nagu eespoolkirjeldatud Pahnimägi. Kaevamistel leiti ainult väike arv savinõukilde, mis on üldiselt kahte laadi.[4] Ühelt poolt on nende hulgas koredast, kivipurruga segatud savimassist nõude katkendeid, mis on pinnalt kaetud teravate riibetega (vrd. joon. 13:2), teiseks aga ka peene liivaga segatud savist siledapinnaliste nõude kilde. Teiste hulgas leiti ka mõni musta kiilapinnalise savinõu tükike. Siledapinnaline keraamika vastab üldiselt Pahnimäelt ja Purtse Tarakaldalt leitud keraamikale, mis enamuses arvatavasti pärineb m.a. I aastatuhande esimesest poolest. Riibitud savinõude killud aga sarnanevad samalaadi keraamikaga, mis on saadud kirstudega kivikangurkalmetest Muuksi linnuse läheduses ja mis pärinevad üldiselt viimase aastatuhande teisest poolest e.m.a.

Oma algusega paistab kirjeldatavasse linnusterühma kuuluvat ka Jägala jõe suudme ligidal olev «Linnamägi». See on üks kõige suuremaist muistseist kindlustustest Eesti NSV pinnal — selle õue pindala ulatub 2,7 ha-ni. Asetudes jõe käärus, on see linnus kolmest küljest piiratud jõega ja neljandast, põhjapoolsest küljest valliga, mille välisnõlvad on praegu kohati veel kuni 7 m kõrgused. Jägala linnusel asjaarmastajate poolt toimetatud väikeseulatuslike arheoloogiliste kaevamiste andmeil võib valli muldkehas eraldada mitut kihti. Teataval ehitusjärgul paistab vall, samuti nagu juba kirjeldatud teistel Põhja-Eesti linnustel, olevat laotud paekividest. Kaevamistel saadi mõnesugust keraamikat, mille hulgas on koredapinnaliste riibitud nõude katkendeid, aga ka siledapinnalisi kilde. Keraamika sarnaneb üldiselt Koila linnamäe keraamikaga, mis lubab otsustada, et mõlemad linnused on tekkinud üldiselt samal ajal. Jägala linnamäelt on leitud aga ka üks nn. sõrmiksõlg, mis kuulub VII sajandisse ja on siia rännanud Ukrainast.[5] Paistab, et see linnus on edasi püsinud veel hiljemgi, millal vall on kuhjatud eriti kõrgeks. Millal Jägala linnus on maha jäetud, seda senine vähene ja juhuslik leiumaterjal veel ei luba öelda.

Kui võrdleme kirjeldatud linnuseid eelmise perioodi kindlustatud asulatega, näeme kummagi rühma vahel kõigepealt silmapaistvat vahet selles, et kõigil siin lühidalt iseloomustatud linnustel on olemas ainult õhuke kultuurkiht, mis pealegi on vaene asulatele omase materjali, sealhulgas ka savinõukildude poolest. Nendelt linnustelt ei ole seni leitud jälgi käsitööst, mitmesuguste riistade või tarbeesemete valmistamisel mahalangenud materjale jms. Ka tulekoldeid leidub neil linnustel vähe. Nõrk kultuurkiht ei ole omane selle aja linnuseile ainult Eestis, vaid ka naabruses, Lätis, Leedus, Dnepri ülemjooksul jne.

Nendest tõsiasjadest tuleb järeldada, et selle perioodi linnustel kas ei ole pidevalt olnud elanikke või on neil asunud ainult mõni väiksemaarvulisem kollektiiv. Samal ajal paistavad aga kõnesolevad linnused välja oma suhtelise suuruse poolest. Nad on läbisegi kaks kuni kolm korda suuremad kui eespool nimetatud Asva kindlustatud asula. Nad ei ole seega olnud määratud mõnele väikesele kogukonnale, sest väike arv inimesi ei oleks nende

[4] Keraamika kohta vrd. M. X. Шмидехельм, Археологические памятники, lk 179.

[5] Esialgseid andmeid Jägala linnamäest ja sellel toimunud kaevamisest toob A. Spreckelsen, Der Burgberg in Jaggowal. Beiträge zur Kunde Estlands, X. Tallinnas (1924/1925), lk. 16 jj. Kaevamisel saadud leiud säilivad Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloomuuseumis (274). Hiljem leitud sõrmiksõlg — AI 3849.

kaitsmisega toime tulnud. Neid peavad olema ehitanud ja kasutanud suuremad kollektiivid.

Arvestades seda, mis eespool öeldi kõnesoleva perioodi majanduse ja ühiskonnaolude iseloomustamiseks, näib tõenäolisena, et sedamööda, kuidas ühes maaharimise edenemisega kasvasid ja uute maade ülesharimisega laiali asusid eelmise perioodi kogukonnad, kujunesid endiste kindlustuste asemele uutlaadi linnused, milles kas üldse pidevalt ei elatud või milles elas ainult mõni väikesem kogukond, kuna aga enamik nende linnuste ehitajaist asus väljaspool linnuseid, laiali oma maadel ja kogunes ühisesse varjupaika ainult ajutiselt, kui tekkis kallaletungi oht.

Kõigi mainitud linnuste ümbruses leidub teatav hulk samast ajast pärinevaid kalmistuid — järelikult on seal olnud ka asulaid. Muuksi linnuse külje all ja edasi ainult mõne kilomeetri kaugusel, Kahala järve ümbruskonnas leidub suur arv kivikangurkalmeid, mis on pärit viimase aastatuhande lõppsajandeist e.m.a.[6] Samasuguseid kalmeid leidub mitte vähe ka Purtse Tarakalda ümbruses. Siinsamas võib tähele panna, kuidas kivikangrud meie ajaarvamise alguse paiku asenduvad teistlaadi kalmetega, nn. tarandkalmistutega, mis, nagu nägime, on iseloomulikud järgnevale neljale sajandile. Siin võib ka hästi jälgida, kuidas need uutlaadi kalmed vanast keskusest Purtse jõe oru äärest aegapidi levivad kaugemale, uute ülesharitud põllumaade keskele. Mõlemat liiki kalmeid näib olevat ka Koila linnamäe lähikonnas, kuna Kloodi Pahnimäe ümbruskonnast on teada ainult rida suuri tarandkalmeid.

Laiali asunud kollektiivid, mis endast harilikult nähtavasti kujutasid suurperesid, kujunesid omaette majandusüksusteks. Kuna nad aga olid välja kasvanud ja hargnenud ühiseist algseist kogukondadest, püsisid nad üksteisega ikka edasi teatavais ühendustes, mis põhinesid mitte ainult sugulussidemeil, vaid eelkõige vanal ühisel sugukondlikul maaomandusel. Seepärast oli loomulik, et neil kogukondadel säilis ka ühine kaitsekorraldus, et nad üheskoos ehitasid endale linnuse ja kogunesid sellesse ühiseks kaitseks.

Kirjeldatud linnusetüüp tekkis Põhja-Eestis, nagu näitab Muuksi ja Koila linnamäe vanus, juba viimastel sajanditel e.m.a., eriti iseloomulik oli see aga m.a. I aastatuhande esimesele poolele Virumaal, kus leidus võrdlemisi rohkesti tolle aja kohta suuri asulaid.

Lõuna-Eestist pole esialgu veel teada linnuseid, mis kindlasti kuuluksid m.a. esimestesse sajanditesse. Väike arv riibitud ja teiste näiliselt varajaste savinõude kilde on korjatud Alatskivi Kalevipoja sängilt ja veel mõnelt teiselt linnuselt.[7] Need on aga juhuleiud ja nende põhjal ei saa veel teha olulisemaid järeldusi nende linnuste vanuse kohta.

I aastatuhande keskpaigast peale võime muistsete eesti hõimude majanduses ja ühiskondlikes suhetes täheldada edasisi muutusi. Tootlike jõudude kasv, iseäranis maaharimise jätkuv arenemine, sealhulgas arvatavasti künnipõllunduse algav levimine, koduloomakasvatuse edenemine, samuti koduse käsitöö täienemine ja vahetuse laienemine, võimaldasid üksikperel teataval määral eralduda kogukonnast ja saada omaette majandusüksuseks.

Eraldunud üksikpered omastasid varemini kogukonnale kuulunud tootmisvahendid, muutes need oma eraomanduseks. Peale tööriistade ja koduloomade hakkasid üksikud rikastunud pered kiskuma oma eravaldusse ka kõige põhilisemat kõigist tootmisvahendeist — maad. Nad jätsid neile kogukonna poolt varem ainult ajutiseks kasutamiseks jagatud maatükid jäävalt

[6] Neid on kirjeldanud A. Vassar ÕES Ar. 1937, I, lk. 304 jj.
[7] Keraamika Alatskivi Kalevipoja sängilt — AI 4067.

enda valdusse. Eraomanduses said tootmisvahendid teiste ekspluateerimise abinõuks. Inimese ekspluateerimine teise poolt toimus algselt kõikjal orjapidamise kujul.

Endine kogukond, mida ühendas kõigi liikmete veresugulus, asendus nüüd teisega — territoriaalse kogukonnaga. Territoriaalses ehk külakogukonnas ei olnud enam varanduslikku võrdsust. Siin kerkisid teiste seast esile üksikud rikkad pered, kes omasid suuremal arvul tööriistu, loomi ja muid rikkusi, sealhulgas ka orje, ja kes seetõttu said enda kätte koondada suuremaid maatükke.

Eraomanduslike suhete kujunemisega sagenesid ka relvastatud kokkupõrked, mis aegapidi hakkasid omandama röövsõjakäikude iseloomu. Neid õhutasid rikkad, kellele sõjakäigud said üheks edasise rikastumise allikaks. Ühenduses sellega kasvas kaitsevajadus.

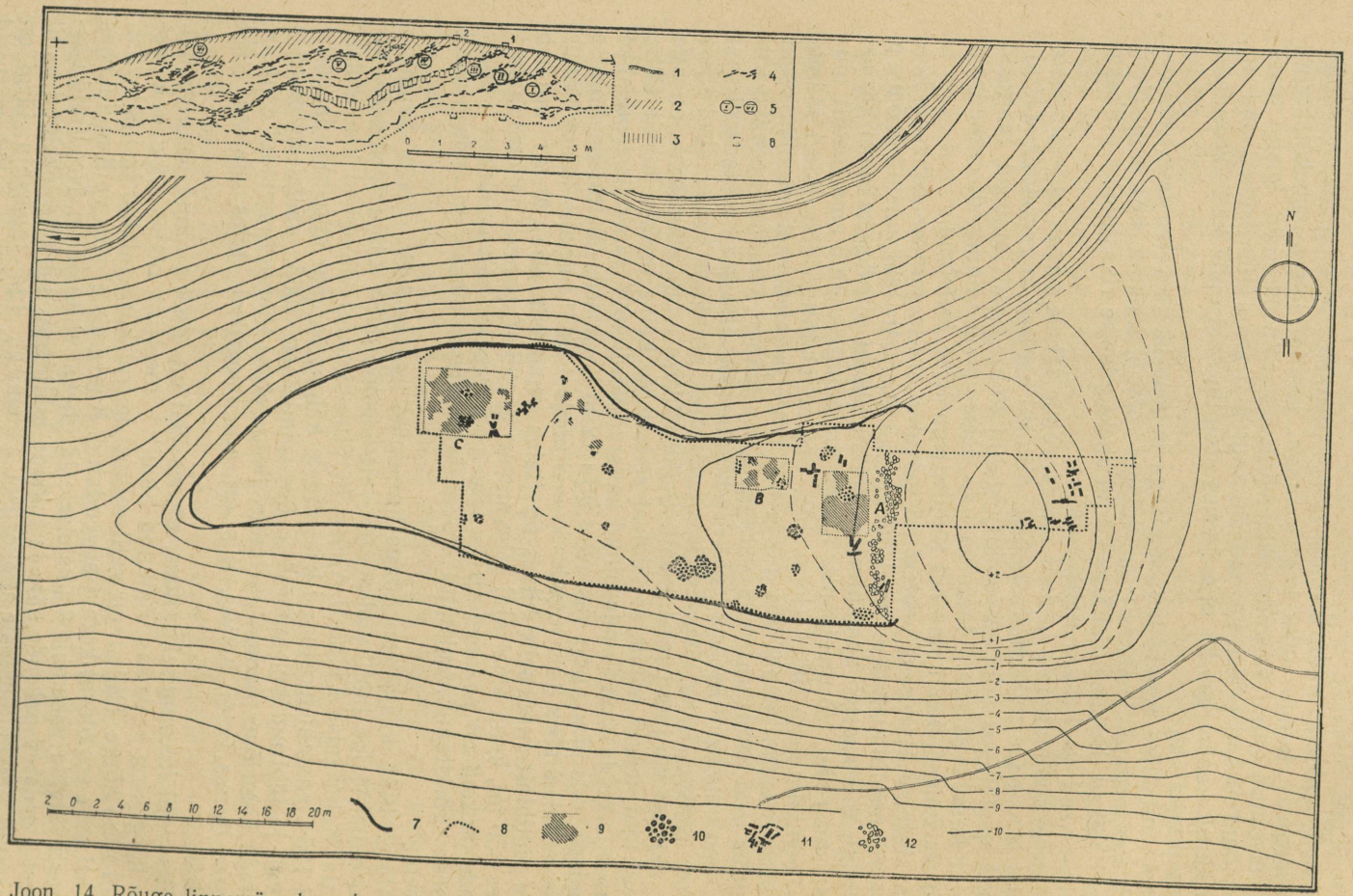
Esimese aastatuhande keskelt alates võime tähele panna uute linnuste rajamist ja vanade uut kindlustamist. Mitmed senised kogukondlikud kindlustused, sealhulgas kõik eespoolkirjeldatud Põhja-Eesti linnused, langesid aegapidi kasutuselt ära. Aastatuhande teise poole linnused omandasid ühenduses ühiskonnas toimunud muutustega teise iseloomu.

I aastatuhande teisest poolest pärinevatest, meie jaotuse kohaselt kolmanda rühma linnustest on seni kõige täielikumalt läbi uuritud R õ u g e linnamägi, mis asetseb samanimelise külanõukogu piirides kolhoosi «Kommunist» maa-alal, Võru rajoonis. Rõuge linnamägi kuulub oma laadilt oluliselt neemiklinnuste tüüpi (joon. 14). See on ehitatud kitsa, idast läände suunduva neemiku otsale. Ida poole jätkuvast ja laienevast neemiku osast on linnus eraldatud kraavi ja valliga. Kuna läände suunduv neemiku viimane tipp on väga kitsas, nii et seda kindlustuse alla ära kasutada ei saadud, on linnuse õu ka kitsast tipust eraldatud kraaviga, mille siseküljele omal ajal on kuhjatud madal vall. Selle väikese valli muldkeha on aga uuemal ajal kraavi aetud, et viimast sellest üle käiva teeraja kohalt täita. Lõunast ja põhjast on linnus olnud kaitstud võrdlemisi järskude looduslike nõlvadega, mis praegu on vastavalt 9 ja 12 m kõrgused. Otstest on linnuse kõrgus ainult umbes 3 m, lugedes kraavi põhjast valli harjale. Rõuge linnus ei ole pindalalt suur, selle kitsas õu (laius enamasti alla 20 m) hõlmab umbes 850 m², kuna omal ajal selle suurus on olnud vahest 1000 m² ümber. Aegade jooksul on peaaegu risti vastu põhjapoolse nõlva jalamit voolav oja seda uuristanud, mistõttu linnamägi sellest kohast on märgatavalt varisenud.

Alates 1951. aastast on Rõuge linnamäel teostatud Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituudi poolt, osalt koostöös NSV Liidu Teaduste Akadeemia Materiaalse Kultuuri Ajaloo Instituudiga, arheoloogilisi kaevamisi.[8] Kuni 1954. aastani teostunud kaevamiste käigus on läbi lõigatud idapoolne otsavall ja läbi uuritud umbes 3/4 õue pindalast. 1955. aastal loodetakse lõpetada kogu õue pindala uurimine. Seega oleks Rõuge linnamägi esimene muistne linnus Eesti NSV-s, mis on arheoloogiliselt täies ulatuses läbi uuritud.

Otsavalli kaevamisel ilmnes, et see vall on algselt olnud üsna madal, selle kõrgus on keskosas ulatunud ainult 1 meetrini, otstes aga pole see olnud niigi kõrge. Hiljem on valli mitmel korral kõrgendatud ja nähtavasti ühtlasi selle ees olevat kraavi süvendatud. Kaevamistel võis valli muldkehas selgesti jälgida vähemalt 6 üksteisele järgnevat ehitusjärku. Need olid üksteisest eraldatud paksude süte ja tukkide kihtidega, mis olid tekkinud vallil asetsenud palkkindlustuste igakordsel põlemisel. Iga tulekahju järgi on valli muldkeha kõrgendatud, kusjuures eelmise ehitusjärgu tukid mattusid

[8] Leiumaterjalid AI 4040.



Joon. 14. Rõuge linnamäe plaan ja valli läbilõige (mööda kaevandi lõunakülge). *Läbilõikel:* 1 — kamar; 2 — söesegune liiv; 3 — savikas liiv; 4 — tukid, söed; 5 — ehitusjärgud; 6 — kelmemonoliitide (tahv. IX:1, 2) kohad. — *Plaanil:* 7 — linnuse-õue piir; 8 — kaevatud ala; 9 — hoonete savipõrandad. 10 — kolded; 11 — tukid, söed; 12 — valli puukindlustustelt varisenud kivid. — Samakõrgusjoonte vahe 1 m. Valli läbilõikel idaots vasakul, lääneots paremal.

uuelt pealekuhjatud liiva alla. Tukkide ja neile peale kuhjatud liivakihid olid säilinud eeskätt valli muldkeha välisnõlva osas, kuna nad valli harjalt olid aegade jooksul alla uhtunud või varisenud. Valli keskosa kohal olid säilinud ainult paari vanima ehitusjärgu kihid (vrd. valli lõiget joon. 14, ülal vasakul).

Valli muldkehas vahelduvad tukkide- ja liivakihid jäädvustati kaevamistel kahe vallikuhjatisest võetud nn. kelmemonoliidina (tahv. IX:1,2). Need valmistati sel teel, et vallikuhjatise läbilõige ehk profiil kaeti teatava laiuse vööndina paksu tselluloidliimiga, mis kuivades moodustas õhukese tselluloidkelme. Kelme eraldamisel muldkeha profiilist on kelme tagapinnal selle külge kleepunult õhuke kiht kõigist materjalidest, millest koosneb muldkeha. Seega säilitab kelmemonoliit täpse pildi muldkeha koostisest. Tuleb siiski meeles pidada, et kelme ümberpööramisel monoliidi vasak külg pöördub paremale.

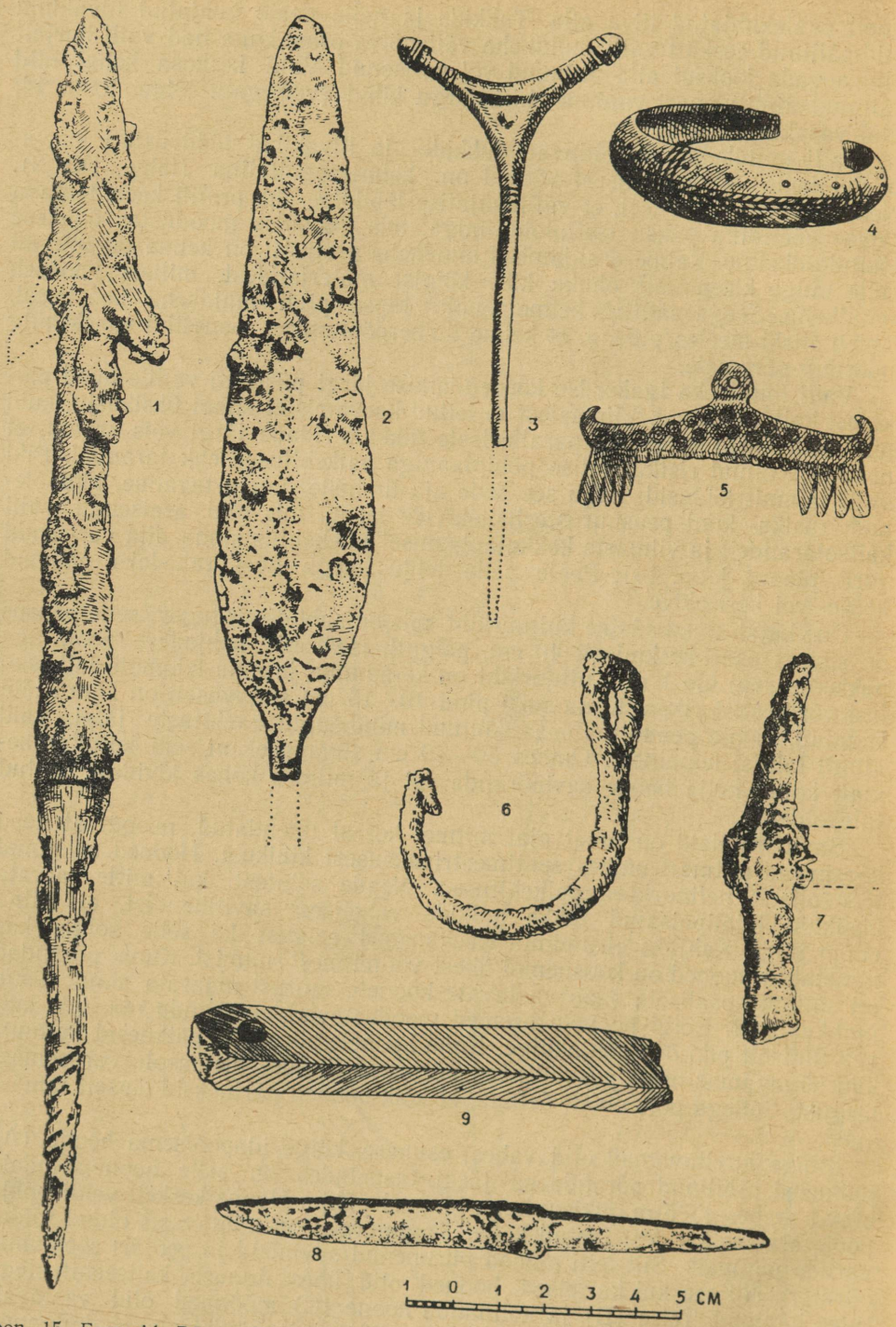
Valli muldkeha igakordse kõrgendamise järgi püstitati vallile uued palkidest kaitseehitused. Viimastest ei leitud kaevamistel enam üksikasju, kuid piki valli harja kulgevate paralleelsete tukkide ridade järgi võis arvata, et need olid olnud ristkülikulise põhiplaaniga palkehitused ehk tarandid. Piki valli jalamit leidusid, nagu see selle aja linnuste juures tavaline, läbipõlenud, rusika- kuni peasuuruste heitekivide lasud, mis olid asetsenud valli kaitsetarandeil ja viimaste kokkulangemisel tulekahjus sinna alla varisenud (vrd. plaani joon. 14). Peale selle leidus kogu õuel rabedaks põlenud kolde- või kerisekive.

Õue katab must süsine kultuurkiht, mis on suhteliselt tugev, selle paksus on suures osas keskmiselt 40 cm, paiguti, iseäranis põhjaääre pool, aga paksem, isegi üle 1 m. Kultuurkiht on keraamika ja muu leiumaterjali poolest võrdlemisi rikas. Kuna selle pind 10—15 cm sügavuselt on künni läbi segatud, ei ole pealmises osas säilinud mingisuguste ehituste jälgi, vaid ainult lahtist leiuainest. Umbes 30—40 cm sügavusel on seni leitud vähemalt kolme-nelja hoone savipõranda osi ja mitmes kohas kividest laotud tulekoldeid.

Savipõrandaid on omal ajal mitmel korral uuendatud, mispärast need koosnevad mitmest umbes sentimeetripaksusest kihikust. Hooned on olnud tõenäoliselt nelinurksed palkehitused. Nende seintest, kui mitte arvata üksikuid laialipaisatud tükke palkide vahelisest savitihendist, ei leitud enam jälgi. Kahjuks ei andnud kaevamised selgust ka selle kohta, kas nimetatud hooned on koosnenud ühest või mitmest ruumist. Kuna põrandad on säilinud osaliselt, saab vastavate hoonete suurust määrata ainult üsna umbkaudselt. Kõigi hoonete asemed moodustavad umbkaudu rea, mis kulgeb üldiselt piki õue põhjakülge. Kuna hoonete põrandad paiknesid kultuurkihi sügavamas osas, peavad need pärinema linnuse olemasolu varasemast järgust. Sellega pole ometi öeldud, et kõik hooned pärineksid täpselt samast ajast.

Kõige huvitavamad olid vahest esimese, kõige idapoolsema hoone (A) jäänused. Säilinud põrandaosa järgi otsustades on selle hoone pindala olnud umbes 4×5 m, pikisuunaga lõunast põhja. Hoone keskelt veidi põhja poole asetses kividest laotud kolle. Kagunurgas on nähtavasti olnud toiduvarude panipaik. Siit leiti mõned purunenud savinõud ja peotäis söestunud odrateri. Nii see kui ka teised hooned olid ühes linnuse kaitseehitustega tules hävinud. Teise (B) ja kolmanda hoone (C) mõõtmed olid vastavalt umbes 2,5×4,5 m ja 5,5×7 m. Nende pikisuund paistis olevat kulgenud idast läände. B ja C vahel leidus veel mõne hoone (või hoonete) savipõranda jälgi. Hoone C keskosas leidus kividest laotud kolle.

Mainitud kolm ehitust on kõigi tundemärkide järgi otsustades olnud elukooned. Esimesest hoonest (A) veidi loode poole paljanes kividest leease,



Joon. 15. Esemeid Rõuge linnamäelt (1—8) ja asulakohast (9). 1 — heiteodaots; 2 — rootsuga odaots (katkend); 3 — kolmnurkpeaga rinnanõel, pronksist (katkend); 4 — käevõru, pronksist; 5 — kammikujuline ripats, pronksist; 6 — õngekonks; 7 — väike haamer; 8 — nuga; 9 — luisk, kiltkivist. (AI 4040:259, 3204, 3162, 220, 91, 3427, 1888, 1891; 4100:332.)

mille peal ja ümber liiv oli tugevasti läbi põlenud. Selle kolde äärest leiti pronksi sulatamiseks kasutatud savitiiglikeste ja merglitaolisest kivimist valamisvormide katkendeid (joon. 16:2). Kolde ümber lamasid mõned tukid, mis pärinesid võib-olla väikese hoone seintest, milles kolle oli asetsenud. Siin oli nähtavasti olnud väike sepikoda. Tiiglite ja valamisvormikeste tükke leiti üksikult ka mujalt (joon. 16:1).

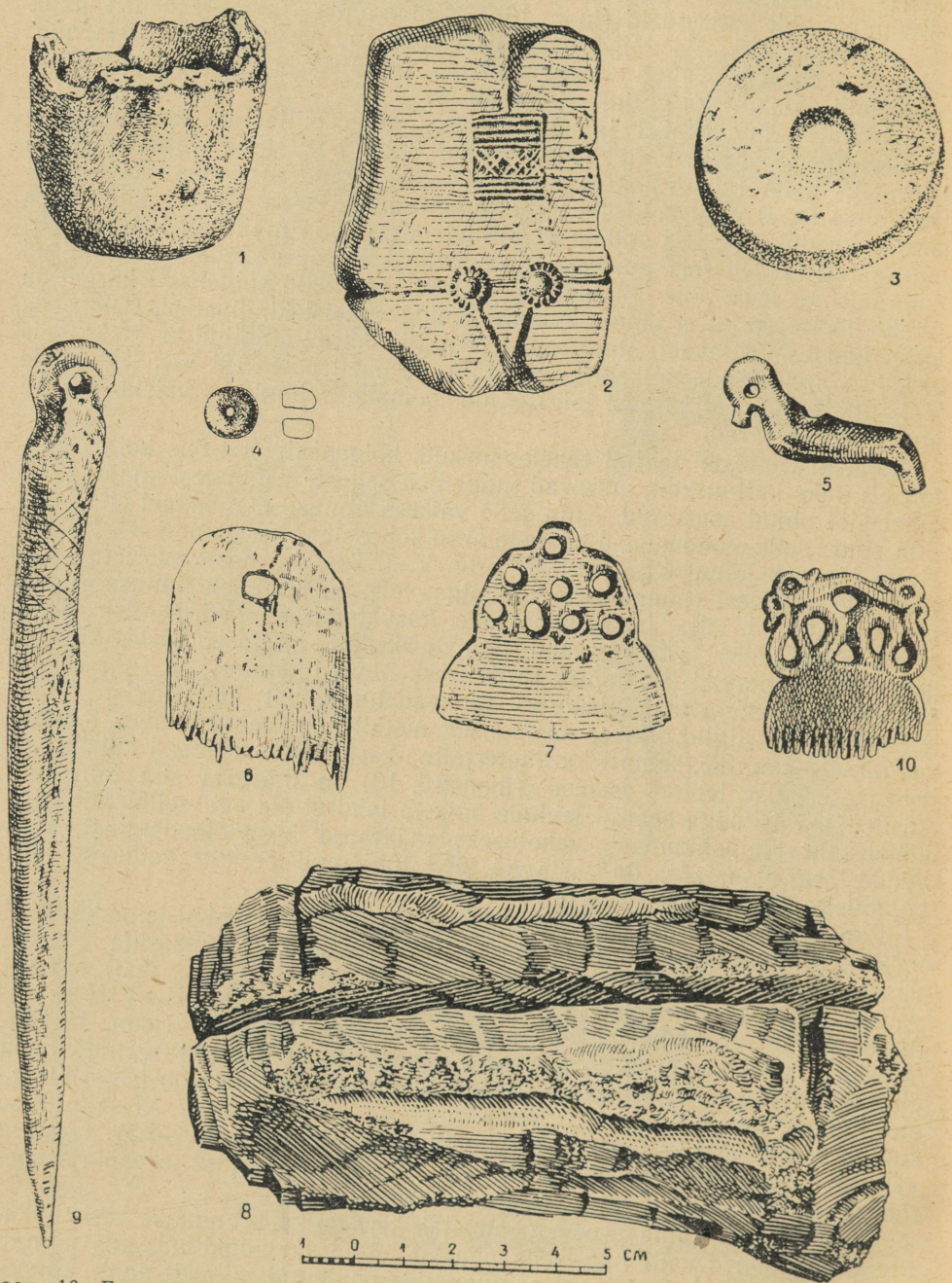
Linnamäe õue keskel ja lõunapoolses osas paljastus kaevamistel 5 kividest moodustatud kollet, mille ümber polnud märgata ehituste jäänuseid. Üks neist (kõige kagupoolsem) oli õue äärel vastu mäe lõunaveeru. On võimalik, et need kolded on asetsenud lahtise taeva all või ka mõnes kerges keedukojas, mis endast ei jätnud jälgi. Juba mainitud kõige kagupoolsemalt koldelt leiti purunenud savinõu. Arvestades seda, et mainitud kolle asetses üsna õue lõunaäärel, paistis, et vastu suhteliselt kõrget ja järsku lõunaveergu ei olnud linnusel palktarandeist kindlustusi, vaid seda külge kaitses nähtavasti ainult mõni tara. Siit äärelt ei leitud ka tukke, mis oleksid võinud jääda palkehitustest. Linnuse õuelt pole seni leitud loomade jaoks määratud varjualuste jälgi. Kuid loomade hoidmiseks võisid olla ka ainult lihtsad tarad.

Kõik kaevamistel tehtud tähelepanekud, kõigepealt aga õue kattev suhteliselt paks kultuurkiht, annavad tunnistust sellest, et Rõuge linnamägi on omal ajal olnud asustatud. Kuid selle väikese linnuse elanikkond ei võinud olla suur; selle moodustasid hoonete arvu kohaselt vahest ainult 3—4 peret. Nagu järgneb leitud viljaterade ja prof. V. J. Tsalkini poolt määratud loomaluude leidudest (lammas või kits, siga, veis, hobune), on linnuse asukad endid elatanud vilja ja koduloomade kasvatamisest. Võrdlemisi rohkel arvul leitud põdra ja kopra luud, aga ka üksikud metssea, kärbi, karu ja tarva luud annavad tunnistust küttimisest. Mõned kalaluud ja suur rauast õngekonks (arvatavasti lutsuõng) annavad tunnistust kalapüügist. Valamisvormid ja tiiglid, väike, tõenäoliselt metallehete valmistamisel tarvitusel olnud haamrike, samuti toormaterjalina kasutatud sarveosad kui ka sellest materjalist tehtud esemed (joon. 15, 16) on märgiks siin toimunud käsitööst. Käsitööga seotud leidude hulk ja laad ei ole aga selline, et need kõneleksid ulatuslikumast, vahetuseks määratud käsitöötoodangust, vaid nende järgi otsustades on vastavad tööd toimunud eeskätt koduses, oma vajaduste rahuldamise ulatuses.

Peale juba mainitud esemete märgime kaevamistel saadud leidudest veel mõningaid ehteasju ja relvi, kuna need võimaldavad määrata linnuse vanust. Kaks kolmnurkse peaga pronksist rinnanõela (joon. 15:3) esindavad tüüpi, mida tunneme mujaltki Eestist ja mis kuulub VII—VIII sajandisse. Samast ajast pärinevad mõned rootsuga odaotsad (joon. 15:1,2). Sedalaadi odaotsi on leitud iseäranis naabrusest muistsete latgalite hõimu alalt. Pinnalt kumer, seespoolt õõnes käevõru (joon. 15:4) on kõige hilisemaks leiuks Rõuge linnamäelt, see pärineb XI—XII sajandist. XI sajandisse kuulub arvatavasti ka pronksist kammikujuline ripats (joon. 15:5). Linnuse vanuse määramiseks on tähtis ka rida IX sajandi alguse araabia hõbemünte, dirhemeid.

Leiumaterjali valdava osa moodustab keraamika. Vanimaks keraamikaliigiks on mõned valli muldkeha põhjast leitud savinõukillud, mis pinnalt on kergelt riibitud. Sedalaadi savinõukilde on leitud mitmelt poolt Lõuna-Eestist III—IV sajandi kivikalmeist. V—VI sajandil paistavad nad aga juba kaduvat. Kuna Rõuge linnusest on riibitud keraamikat leitud väga vähe, peab arvama, et see linnus tekkis ajal, kus see keraamikaliik oli juba kadumas, s. o. I aastatuhande teise poole algul.

Muud savinõukatkendid võib üldjoontes jagada kahte liiki, millest ühe, suurema osa moodustavad mitmesuguste koreda, korbalise pinnaga nõude



Joon. 16. Esemeid Rõuge linnamäelt (1—9) ja asulakohast (10). 1 — savist tiigel pronksi sulatamiseks (katkend); 2 — pool valamisvormi, merglist; 3 — kedervarre ketas, paekivist; 4 — sinine klaashelmes; 5—7 — linnukujuline, kammitaoline ja labidakujuline ripats, sarvest; 8 — tükk põdrasarve, lõhestatud, sarvesemete valmistamiseks; 9 — joonornamendiga luunõel; 10 — sarvest kammikujuline ripats. (AI 4040:3109, 1078, 3071, 589, 1105, 1360, 1258, 3006, 2110; 4100:537.)

killud, teise aga sileda-, osalt isegi kiilapinnaliste nõude tükid. Esimeste seas paistavad eriti silma kergelt mõhkjad potid, millel on äärest allpool rida väikseid augukesi (joon. 17:3). Need nõud on valmistatud harilikult jämeda kivipurruga segatud savist, mille tõttu nende seinad on teataval määral urbsed. Sellised korbalise pinnaga nõud on harilikult keskmise suurusega (läbimõõt umbes 20 cm), kuid nende seas on ka väiksemaid. Sedaliiki keraamikat kohtame I aastatuhande teisest poolest ka teistes Lõuna-Eesti linnustes. See urbsete seintega keraamika on arvatavasti olnud määratud eeskätt toiduvarude hoidmiseks. Tõenäoliselt on ka ääre all olevail augukestel olnud praktiline otstarve — nende kaudu pääses nõusse õhku, kui nõu oli kaanega kaetud. Olgu siinkohal märgitud, et selline oli ka savinõu, milles hoones A paistis olevat säilitatud viljateri. Teatavaid ebatasase pinnaga koredast savimassist nõusid on aga nähtavasti kasutatud ka keetmiseks.

Teistlaadi, sileda- ja isegi kiilapinnalisest keraamikast märgime eraldi ära lamedaid liuakujulisi nõusid nagu joon. 17:1,2. Neil on kumer põhi (nõul joon. 17:1 on põhja keskosas sisse vajutatud lohuke), ääreosa moodustab üleminekul alumisele osale terava nivendi (pöörde). Savi on segatud peene liivaga ja pind on tume, pruunjas-hall, mõnikord isegi must. Mõned siledapinnalised nõud on kaunistatud otsekui hernetera abil vajutatud lohukestega, mis moodustavad ridu ja kolmnurkseid mustreid (vrd. joon. 17:1, 18:4), teistel on kaunistuseks joonornamente (joon. 18:3). Siledapinnalised nõud paistavad olevat moodustanud vastandina koredapinnalistele tarbenõudele teatava pidulikuma «lauakeraamika».

Lõpuks tuleb märkida, et Rõuge linnuse kultuurkihi pealispinnalt leiti ka üksikuid kedral valmistatud savinõude kilde. Kedrakeraamika paistab olevat hakanud levima selles piirkonnas XI sajandil. Et kedrakeraamikat leidub väga vähe, näib Rõuge linnamägi selle savinõude liigi ilmumise aegu olevat maha jäetud.

Üldiselt vastab Rõuge linnamäe keraamika teistelt samaaegsetelt Kagu-Eesti linnustelt saadud keraamikale. Siledapinnalistel terava nivendiga liudadel nagu joon. 17:1,2 on sarnasust teatavate Põhja-Eestist leitud savinõudega, millest on juttu allpool.

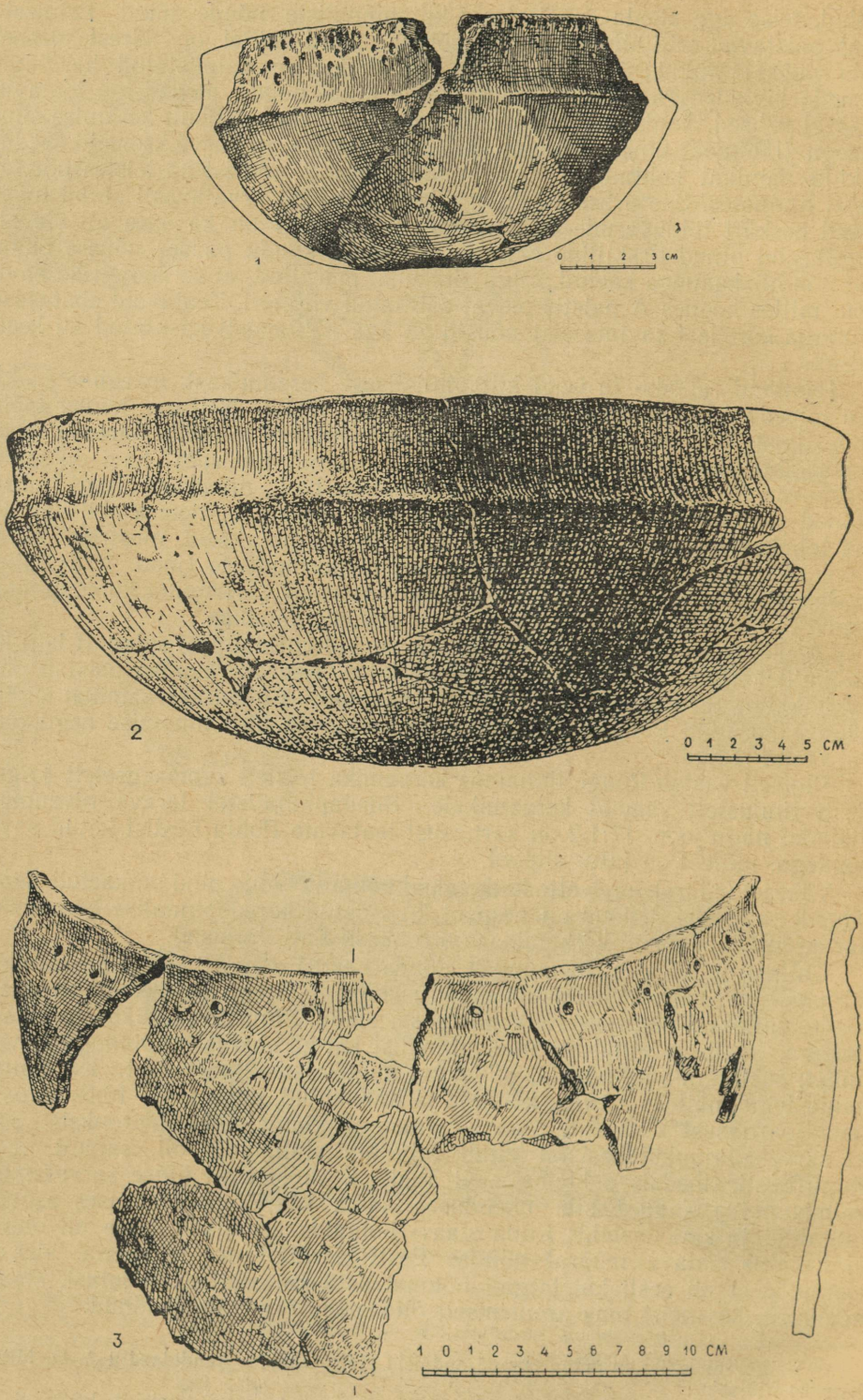
Vähesel määral tuleb ette katkendeid nõudest, mille pind on kaetud näpijälgedega. Sellised nõud on eespool kirjeldatud koredapinnalise keraamika variandiks. Sedalaadi keraamikat on rohkesti Läti linnustel.

Ühtlasi on Rõugest ja muudelt Lõuna-Eesti linnustelt leitud keraamikal silmapaistev sarnasus Pskovi ümbruskonna ja isegi kaugemate naaberalade, näiteks Valgevene NSV põhjaosa, slaavi linnuste ja kääbaste keraamikaga. Sealt on leitud nii siledapinnalisi kui ka ebatasase pinnaga keraamikat, sealhulgas ka nõusid, millel on augukesed allpool äärt.[9] Ka mõned muud leiud, näiteks sarvest kammid ja linnukujud, nagu joon. 16:5—7, osutavad sarnasust vastavate slaavi esemetega. Samalaadseid pronksist, aga ka sarvest linnukujukesi on leitud latgalite alalt, mis oli, samuti nagu Kagu-Eesti, tihedais suhteis slaavi aladega. Ilmselt oli üldse sarvesemete valmistamine Kagu Eestis ühenduses sama käsitööga naabruses asuvail latgalitel ja slaavlastel.[10] Kuna slaavi hõimude asumisala kõne all oleval ajal ulatus teataval määral nüüdse Eesti territooriumi kaguossa, siis oli loomulik, et nii eesti kui latgali hõimud said kultuurilisi mõjutusi slaavi naabreilt, kes neist oma arenemiselt olid mõnevõrra ette jõudnud.

---

[9] Valgevene kohta on autor saanud andmeid ajalooteaduste kandidaadilt A. G. Mitrofanovilt Minskis.

[10] Üsna sarnaseid kamme ja muid näiteid sarvesemete valmistamisest leidis S. A. Tarakanova Kamno linnusest Pskovi ligidal, sarvest linnukujukesi leidub krivitšite kääbastes.



Joon. 17. Savinõusid Rõuge linnamäelt. 1, 2 — sileda pinnaga liuad; 3 — korbase pinnaga poti katkendid. (AI 4040:1243, 2300, 815.)

Rõuge linnamäe külje all, idapoolsest otsavallist umbes 20 m ida poole, samal neemikul, mille tipus asetseb linnus, on samaaegse asula ase. Sellest säilinud kultuurkiht hõlmab umbes 0,7 ha, seega märksa suuremat ala kui linnuse õu. Asula kohal 1954. aastal teostatud esialgseil kaevamistel saadi sealt samasugust keraamikat ja samasuguseid esemeid, muuhulgas sarvest kammripats, nagu linnusestki (joon. 16 : 10), mis kõik näitavad, et asula jäänused pärinevad samast ajast kui linnuski. Asula iseloomu selgitamiseks tuleb veel teostada ulatuslikumaid kaevamisi, kuid senisedki andmed näitavad, et kõnesolevat linnust ei tule vaadelda omaette, vaid üheskoos selle kõrval oleva asulaga.

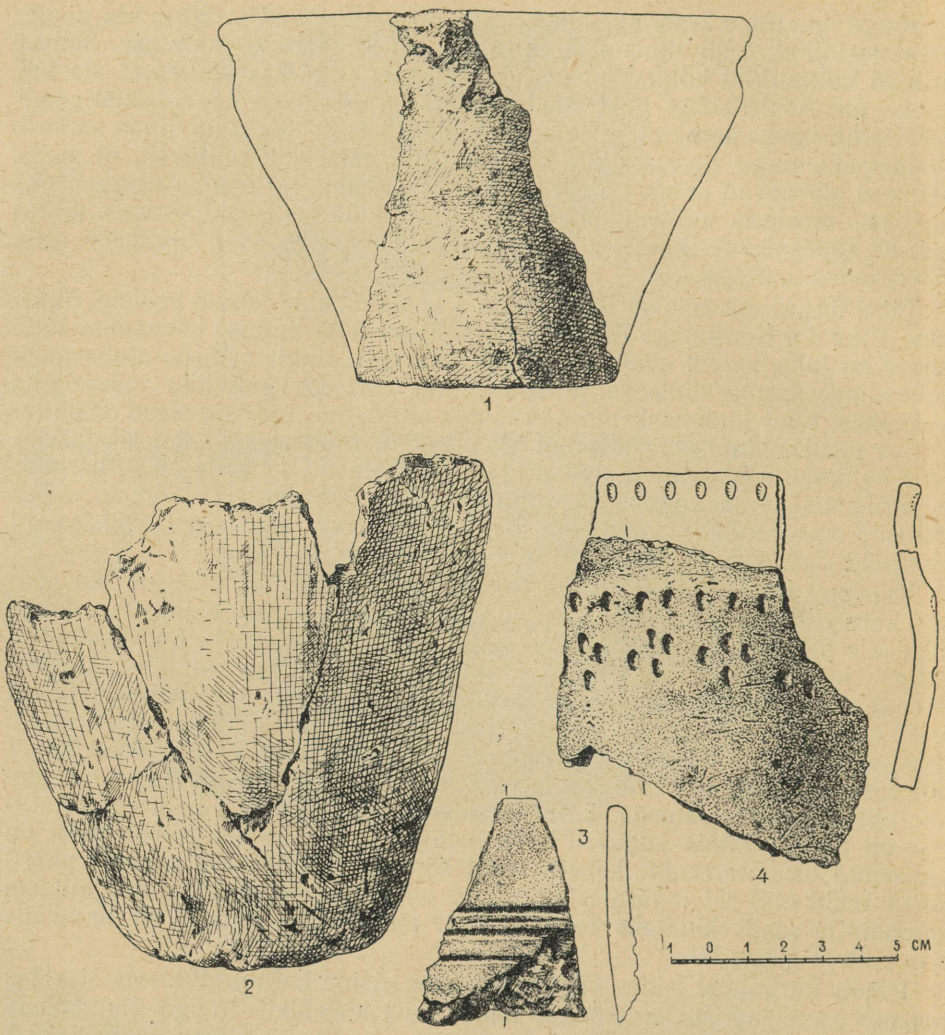
Teise linnusena, mis on iseloomulik I aastatuhande teisele poolele, nimetame P e e d u Kerikmäge Elva rajoonis. Kuna selle linnuse kaevamise tulemused on juba varem avaldatud,[11] piirdume siin ainult mõnede olulisemate üksikasjade äramärkimisega. Peedu linnus asetseb loomuliku mäeseljaku keskkohas, olles kummaski otsas kraaviga eraldatud. Linnuse otsad on ühtlasi liiva pealekuhjamisega tõstetud kraavi põhjast arvates 4—5 m kõrguseks, kuna kummaltki pikiküljelt see on kaitstud vastavalt 11 m ja 16 m kõrguse ja võrdlemisi järsu seljaku veeruga. Linnuse õue pindala hõlmab umbes 650 m²; oma pindalalt on Peedu Kerikmägi seega üks kõige väiksemaid linnuseid Eestis.

Kaevamistel selgus, et Peedu linnus on oma olemasolu kestel läbi elanud kaks ehitusjärku. Varema linnuse puuehituste põlemise järgi on nende tukkidele peale kuhjatud paks liivakiht, millega õue pinda on tõstetud ja ühtlasi laiendatud. Kuna teise, hilisema ehitusjärgu puukindlustustest midagi pole säilinud, leiti pealetoodud liiva alt seevõrra säilinud tukke, et neist võis saada mõninga ettekujutuse varasemate kindlustuste laadist. Ilmnes, et linnuse õu oli olnud otstest ja mäe madalama külje poolt kaitstud äärtpidi kulgeva nelinurksete palkehituste ehk tarandite reaga, mis tõenäoliselt on olnud lameda, kasetohu ja mätastega kaetud katusega. Katusele on olnud valmis kogutud hulk heitekive, mis tarandite põlemisel on varisenud osalt tarandite kohale, osalt kõrvale. Ühe tarandi alumise palgikorra tukid olid sel määral säilinud, et oli näha veel palkide nurgaliidete hambaid ja saadi kindlaks teha tarandi mõõtmed — tarand on olnud üle 3 m pikk ja 1,4 m lai.

Peedu Kerikmäel leidus võrdlemisi tüse süsine kultuurkiht, mis sisaldas rohkesti samasugust keraamikat nagu seda kirjeldati Rõuge linnamäelt. Keraamika, samuti nagu luust ja metallist esemed, sealhulgas mõned noad, mõõga katkendid, ühed lambarauad, mõned pronksist ehted jne., pärinevad ajavahemikust VI—X sajandini. Kultuurkihi iseloom ja leiuinventar annavad tunnistust sellest, et sellelgi linnusel on olnud alatisi elanikke. Mõned rauašlaki tükid on tõendiks, et seal on muuhulgas sulatatud rauda või tehtud sepatööd.

Samas Elva rajoonis Eerumäe kolhoosi maa-alal asub linnus, mida tuntakse A l t-L a a r i linnamäena ja mis oma iseloomult ja vanuselt kuulub samasse rühma, nagu Peedu ja Rõuge linnamägi. See linnus kujutab endast enam-vähem kolmnurkse põhiplaaniga üksikult seisvat mäge. Selle pindala on ainult vähe suurem kui Rõuge linnamäel. Mäe nõlvu on neis kohtades, kus nad on olnud looduse poolest väiksema kallakuga, järsendatud liiva pealekuhjamise teel. Kuna mägi on niiviisi igal pool saanud tarvilikult järsud veerud, ei ole talle valle ehitatudki. Õue äär oli arvatavasti vähemalt osaliselt kaitstud puutaranditega. Alt-Laari linnamäel teostatud esialgseil kaevamistel saadi samasugust keraamikat nagu Peedult ja lisaks kiltkivist

[11] MEL, lk. 101 jj.

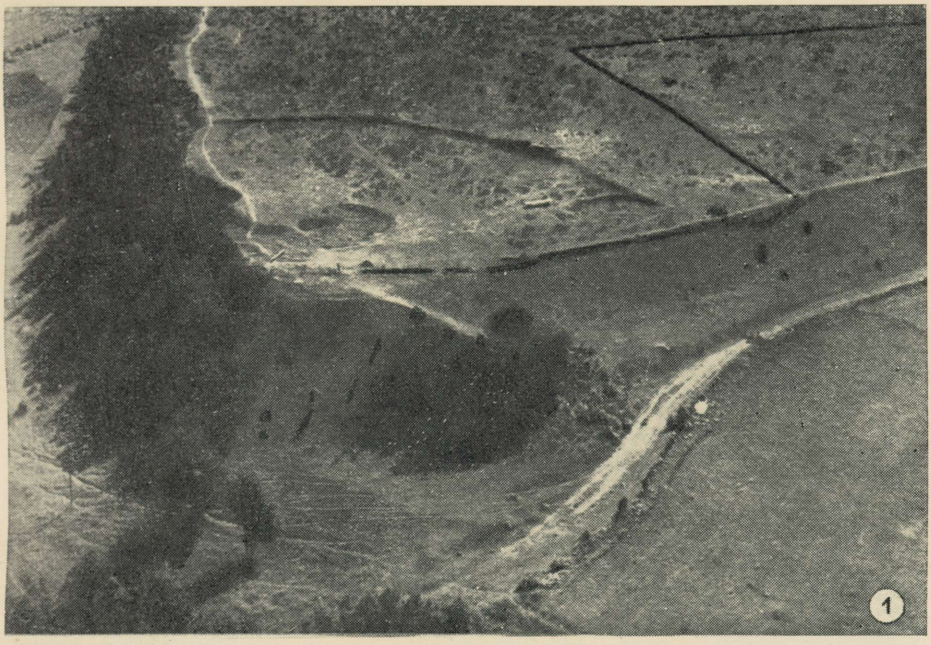


Joon. 18. Savinõude katkendeid Rõuge linnamäelt. 1, 2 — koreda pinnaga nõud; 3 — sileda pinnaga ja joonornamendiga nõu ääre kild; 4 — sileda pinnaga ja lohkornamendiga nõu kild. (AI 4040:1081, 1230, 2167, 2015.)

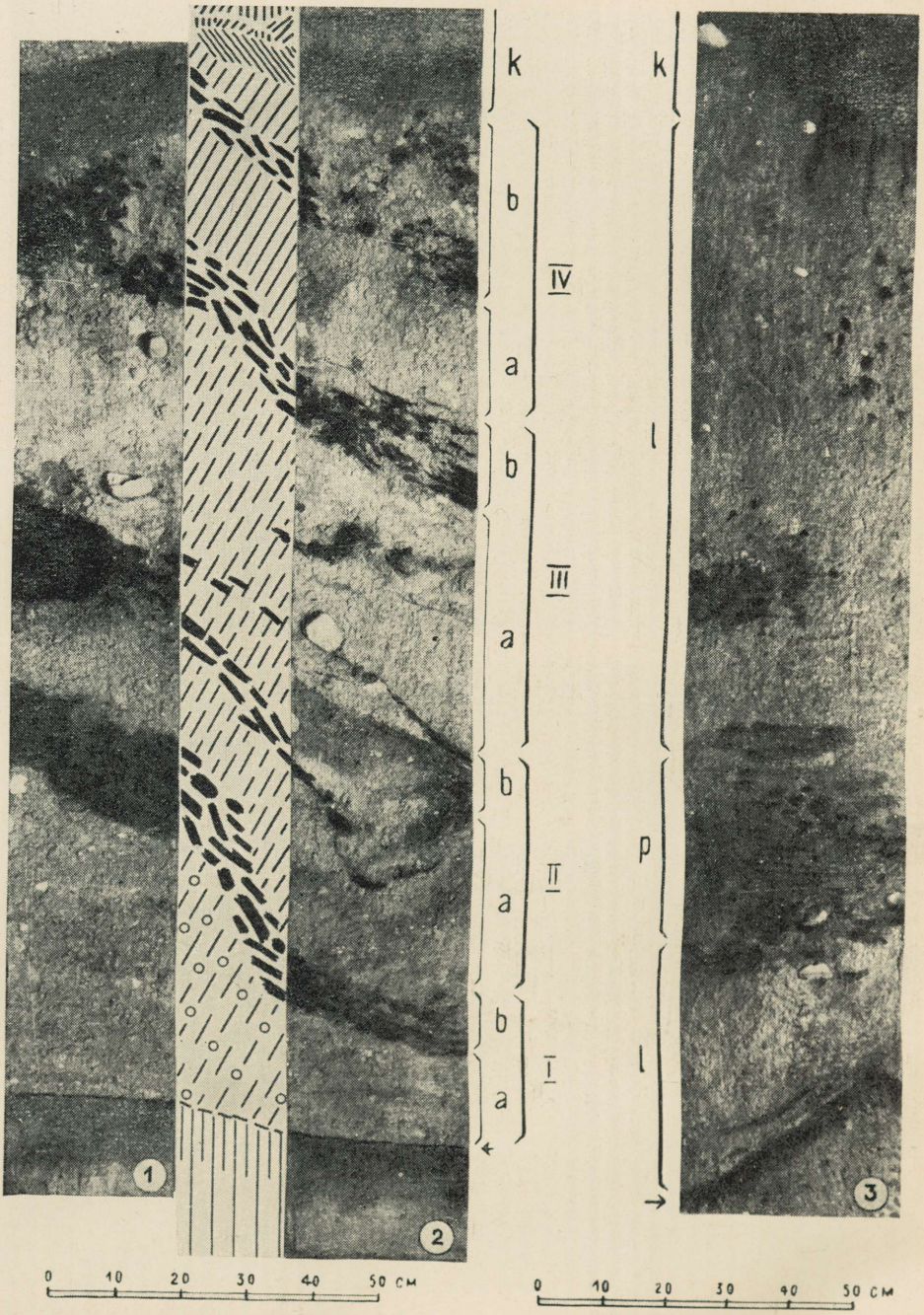
luisk.[12] Kultuurkihi iseloomu järgi näib, et mäel on omal ajal olnud elanikke.

Sama tüüpi kindlustuste hulka kuulub ka Unipiha linnamägi Elva-rajooni Luke külanõukogu piirides, riigimetsas Rava vahtkonnas. See on oma iseloomult neemiklinnus, mis on ühest otsast kaitstud kraavi ja madala valliga. Õue pindala vastab suuruselt umbes Rõuge linnamäe pindalale. Õue kattev kultuurkiht on õhem kui Rõuges, kuid otsustades selle iseloomu järgi näib see siiski pärinevat linnusel olnud alatist laadi eluasemest. Kultuurkihis leidub samasuguste savinõude tükke nagu Peedu linnamäel.[13]

[12] Leiud säilivad AI 2630.
[13] AI 4057.



1. Muuksi linnamägi ja 2. Iru «Linnapära» linnulennult.



Kelmemonoliidid Rõuge (1, 2) ja Naanu (3) linnamäe vallist. Monoliitide kohad on märgitud läbilõikeil joon. 14 ja 23 klambrikestega (võrreldes nende läbilõigetega on monoliitidel parem pool vasakul). *k* — kamar; → — algne maapind valli all. *Rõuge monoliitidel: Ia* — esimese ehitusjärgu valli muldkeha, *b* — tukid selle pinnal, *IIa* — teisel ehitusjärgul vallile kuhjatud liiv, *b* — tukid, *IIIa, b* ja *IVa, b* — vastavad kolmanda ja neljanda ehitusjärgu kihid. — *Naanu monoliidil: l* — valliliiv *p* — põlenud jäänused.

Eriti huvitav on aga see, et siingi on päris linnuse juures olnud asula. Neemiku kagujalamil, umbes sadakond meetrit linnuse otsavallist eemal, on võrdlemisi paks must kultuurkiht, mis sisaldab rohkesti samasugust keraamikat nagu seda leidub linnuse õuel.[14] Keraamika vastab oma laadilt Peedu ja Rõuge linnamäe keraamikale, mis kinnitab, et kõik nimetatud linnused ja nende juures olnud asulad pärinevad üldiselt samast ajast.

Kagu-Eestis võiks nimetada veel üht sama tüüpi ja samavanust linnust, nagu eelnevad, nimelt K u i g a t s i linnamäge Valga rajooni Puka külanõukogu «Rahvaste Sõpruse» kolhoosi maa-alal. Selle väikese linnamäe kultuurkiht on kallaku õuepinna tõttu suurelt jaolt ära uhtunud, aga säilinud osades sisaldab see samasugust keraamikat, nagu seda juba kirjeldasime ühenduses Rõuge linnusega.[15]

Nõnda kuulub siis vaadeldavasse ajajärku eeskätt rida väiksemaid linnuseid. Mõne aja eest paistis, nagu oleks I aastatuhande teisel poolel olnud ainult väikseid linnuseid. Viimaste aastate uurimistöö aga näitab, et nende kõrval esines ka mõningaid suuremaid kindlustatud kohti.

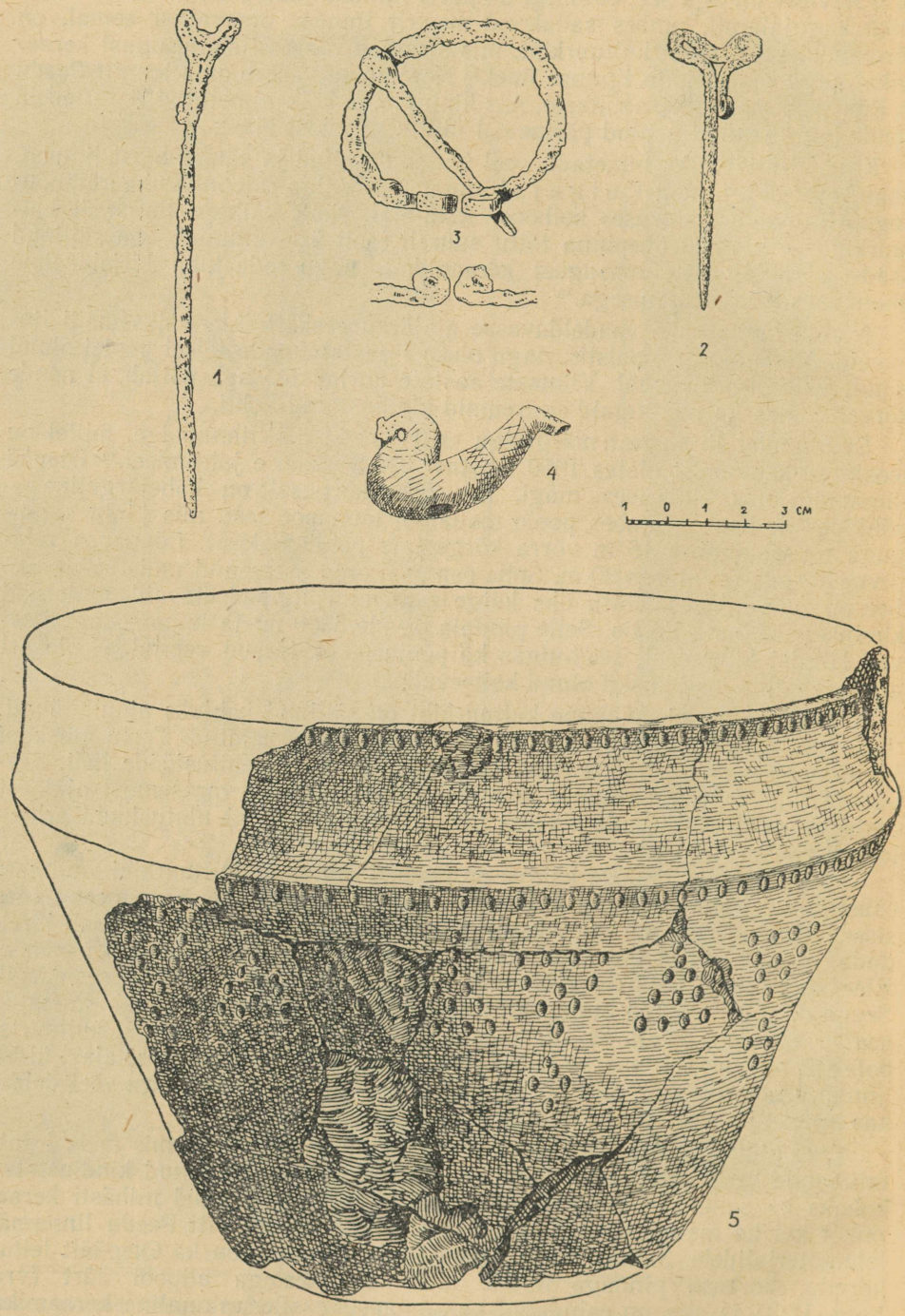
Suuremaist linnustest märgitagu eriti O t e p ä ä linnamäge, millel on teostatud kaevamisi alates 1950. aastast, O. S a a d r e juhtimisel.[16] Otepää linnamägi on eraldiseisev mägi, mis oma kõrguselt on kahejärguline — põhjapoolne osa on umbes poole madalam lõunapoolsest, mis järsu astanguga tõuseb umbes 16 m võrra kõrgemale põhjapoolsest. Lõunaosa relatiivne kõrgus on umbes 30 m. Selle osa peal ongi asetsenud muistne linnus. See on mäe kõrguse tõttu üks kõige raskemini ligipääsetavaid muistseid kindlustusi Lõuna-Eestis. Selle pindala on üle 3500 m² ja kuna seda kaitsevad kõigist külgedest, sealhulgas ka põhja poolt, järsud veerud, ei ole sel alguses nähtavasti kuskil olnud kaitsevalle.

Otepää linnamäe muistne kultuurkiht on säilinud kahjuks ainult tükati. Seda on tugevasti rikutud XIII sajandil mäele rajatud Tartu piiskopi kivilinnuse vundamendikraavide kaevamise ja muude ehitustööde läbi. Seepärast võivad selle huvitava ja tähtsa mälestusmärgi varasemast ajaloost anda teatavat pilti ainult pikema aja kestel teostatavad ulatuslikud arheoloogilised kaevamised.

Seniste kaevamistööde käigus on Otepää linnamäe kultuurkihi vanimast osast leitud kolme savinõu katkendid, mille pind on ebatasane, meenutades sissevajutatud riidekoe ehk tekstiili jälgi. See varane keraamika lubab järeldada, et sellel mäel on olnud elanikke juba viimasel aastatuhandel e. m. a. Elanikud asusid siia kõrgele mäele muidugi kaitse leidmise eesmärgil. Seega näib, et Otepää linnamäel on olnud samasugune varane kindlustatud asula nagu Irus ja Asvas. M. a. esimeste sajandite materiaalsest kultuurist pole siit seni selgeid märke leitud. Nagu aga nägime, on sellest ajast üldse linnamägedel olemas vaid nõrku jälgi. Seepärast ei saa esialgu veel öelda, kas sellel ajajärgul on mäel olnud linnus või mitte.

Vastupidiselt paljudele teistele varaseimatele linnustele, mis m. a. I aastatuhande keskpaiku maha jäeti, on Otepää linnamägi olnud kindlustatud kohaks ka selle aastatuhande teisel poolel. Siit on saadud niihästi keraamikat kui ka metallesemeid, mis vastavad Rõuge ja eriti Peedu linnamäe leiumaterjalidele. Samuti nagu tähendatud linnustelt, on ka Otepäält leitud koreda, korbase pinnaga nõude kilde augukestega allpool äärt (vrd. joon. 17:3) ja siin on esindatud ka samaaegne siledapinnaline keraamika,

[14] AI 4056.
[15] AI 4059.
[16] Leiud säilivad AI 4036. Lühikesi andmeid kaevamistest on toodud Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetistes, II kd., 1953, lk. 66, 67, III kd., 1954, lk. 370—372 ja IV kd., 1955, lk. 42—46.



Joon. 19. Esemeid VII—X sajandist Otepää linnamäelt. 1, 2 — kargukujulised rinnanõelad, rauast; 3 — hoburaudsõlg, rauast; 4 — linnukujuline ripats, sarvest; 5 — savinõu, lohukestest kujundatud kaunistustega. (AI 4036:II 26, II 366, II 22, I 536; nr. 5— I 528, 540, 614, 621, 646, 648.)

millest näiteks joon. 19:5 kujutatud nõu iseloomulike lohukestest moodustatud kaunistustega omab üsna täpset vastet Peedult.[17] Võiks tähendada, et samal viisil kaunistatud nõud olid Rõuges sageli kiilapinnalised, Otepääl ja Peedul on need nõud üldiselt suuremad ja pinnalt lihtsamalt tasandatud. Otepäält on leitud mitmeid rauast hoburaudsõlgi spiraalselt kokkurullitud otstega (joon. 19:3), millede sarnane on olemas Peedu linnamäelt. Nagu Rõuge linnus ja muud samaaegsed Kagu-Eesti leiukohad, paistab Otepää linnamägigi silma latgalipäraste esemete poolest. Näiteks nimetatagu paari kargukujulist raudnõela (joon. 19:1,2). Rõuge linnamäega ühine on ka üks Otepäält leitud luust linnukujuline ripats (joon. 19:4). Sellised luuripatsid olid, nagu juba märgitud, Kagu-Eestil ühised latgalite ja krivitšite alaga. Muudest kirjeldatava perioodi leidudest Otepää linnamäelt nimetame veel rauast putkkirvest; seda liiki kirved püsisid tarvitusel kuni VII sajandini. Samuti nagu Rõuges ja Peedul, peaks Otepäälgi olema tehtud käsitööd. Kaevamised aga pole seni andnud märke sellest, et käsitöö siin oleks omandanud suurema, vahetuse jaoks määratud tootmise ulatuse, nagu näiteks samaaegses Pskovist läänepool asuvas slaavi linnuses Kamnos.[18] Nagu osalt juba tähendati, jõudsid slaavlased, eriti kirjeldataval perioodil, oma majandusliku ja ühiskondliku arenemise poolest Baltimaade hõimudest ette.

Nagu teistel I aastatuhandest pärinevatel linnustel, ei ole ka Otepääl sel perioodil teostatud suuremaulatuslikke kindlustustöid. Linnuse tugevus on sel ajal olenenud eeskätt mäe looduslikest omadustest — selle kõrgusest ja veerude järskusest. Vall linnuse põhjaotsale, vastu mäe madalamat osa, on ehitatud alles järgmisel perioodil, II aastatuhande algul.

Kagu-Eestist on teada veel teinegi suurem linnus, mis esialgsete andmete järgi samuti pärineb I aastatuhande teisest poolest. See on nn. K i v i v a r e linnamägi Aakres, Elva rajooni lõunapoolseimas osas. Linnuse aluseks on valitud lame omaette asetsev küngas. Ainult ühel küljel (kirdes) on künkal kõrgem veer, mujal aga kerkivad selle nõlvad ainult suhteliselt vähe (umbes 5 m) ja kaunis aeglaselt üle ümbritseva maa-ala. Kivivare linnamäel ei ole näha, et selle kindlustamiseks oleks tehtud suuremaid mullatöid. Nõnda pidi see olema kaitstud, eriti madalamailt külgedelt, eeskätt puuehitustega. Linnuse pindala on kaunis suur — see ületab ümmarguselt kolmekordselt Rõuge linnamäe õue ala.

Kivivare linnamäel ei ole seni toimunud ulatuslikumaid uurimistöid. Kuid katseks selle pinda kaevatud augud on näidanud, et mäge katab üldiselt tüse must kultuurkiht, milles kohati on tugevaid tukke. Kultuurkiht sisaldab samasugust keraamikat, nagu seda kirjeldati ülalpool Otepäält, Peedult ja Rõugest.

Kirjeldatavasse linnuste rühma paistavad kuuluvat ka mõned põhja pool Tartut (Tartu, Jõgeva, Mustvee ja Kallaste rajoonis) asetsevad linnused. Nõnda on üldiselt samalaadset keraamikat kui Rõugestki leitud L ä h t e «Palalinnast», A l a t s k i v i Kalevipoja-sängilt ja R i p u k a «Punamäe» linnamäelt. Kahelt viimaselt linnuselt leitud kedrakeraamika[19] tõttu võib oletada, et nende olemasolu on kestnud kauem kui Rõuge ja Peedu linnused.

Vaadeldava perioodi linnustest Põhja-Eestis on seni kõige üksikasjalisemalt uuritud I r u linnamäge, mis asub umbes 6,5 km Tallinnast ida pool ja mida varemalt rahva seas on tuntud «Linnapära» nime all (tahv. VIII:2). Iru linnus asetseb Pirita jõe käärus, piklikul, põhjast lõunasse suundu-

[17] Vrd. MEL, joon. 67, 68.

[18] С. А. Тараканова, К вопросу о происхождении города в Псковской земле. КСИИМК, вып. XLI, 1951, lk. 30, 31.

[19] Savinõukilde Lähte «Palalinnast» — AI 4066, Alatskivi Kalevipoja-sängilt — AI 4067, Ripuka «Punamäelt» — AI 4063.

val mäeseljakul. Kummastki küljest on see kaitstud jõega ja 10—17 m kõrguste, võrdlemisi järskude nõlvadega. Kindlustuse ehitajail oli seepärast vaja omaltpoolt seda kohta kaitsta eeskätt ainult põhja- ja lõunapoolsest otsast. Iru linnamäe iseärasuseks on see, et siin linnusena kasutatud mäeseljak on vallidega risti läbi lõigatud mitte ainult kummastki otsast, vaid kolmanda valliga ka keskelt, mis jagab mäepealse kaheks osaks. Pikema aja kestel on kindlustuseks olnud ainult linnuse põhjaosa, põhjapoolse ja keskmise valli vahel. Selle pindala on ümmarguselt 1100 m². Ajuti on linnust laiendatud ja ehitatud keskmisest vallist lõuna poole veel üks vall. Vallid ei ole nähtavasti olnud kõrged, nende rusude kõrgus ulatub tänapäeval 1—1,5 meetrini.

Iru linnamäel oli varemalt läbi kaevatud kaks ala: esiteks põhjapoolne otsavall ja selle ümbrus ja teiseks teatav ala lõunapoolse otsavalli ääres.[20] Alates 1952. aastast on selle linnuse uurimist jätkatud ja A. Vassara juhtimisel kaevatud keskmise valli lääneotsa ja selle ümbrust.

Nii varemad kui viimatimainitud kaevamised on näidanud, et Irus on viimase aastatuhande keskel ja teisel poolel e. m. a. olnud kindlustatud asula. See on lõpetanud oma olemasolu ajaarvamise vahetuse paiku.

Materjale, mis kindlasti kuuluksid m. a. esimesse nelja sajandisse, Iru linnamäelt pole leitud. Mägi oli sel ajal kas maha jäetud või kasutati seda varjupaigana ainult ajuti, nii et sellest ajavahemikust jäi siia sedavõrd nõrku jälgi, et neid enam pole võimalik leida.

I aastatuhande keskpaiku on mäele ehitatud uued kindlustused, nimelt põhjapoolne ja keskmine vall. Esimene näib olevat laotud Põhja-Eestile omasel viisil paeplaatidest kuivmüürina, millel olid võrdlemisi püstjad küljed. Keskmine vall aga paistab esialgu olevat kuhjatud eeskätt liivast. Vallidel olid veel puust kindlustused. Umbes VI sajandi lõpul hävitas selle linnuse puukindlustused tuli.

VII sajandi paiku ehitati linnus uuesti üles, kusjuures nii põhjapoolne kui ka keskmine vall püstitati paekividest kuivmüürina. See ehitusjärk püsis kuni IX sajandini, mil see jälle hävis tulekahjus. Selle järgu kestel laiendati linnust õige tunduvalt ja ehitati tugeva paekividest kuivmüürina lõunapoolne vall. Linnuse pindala suurenes seega ümmarguselt 4000 m² võrra.

IX sajandil linnust tabanud tulekahju järele ehitati selle põhjavall ja keskmine vall uuesti paeplaatidest müürina üles. On võimalik, et endisest ajast püsis edasi ka kolmas, lõunapoolne kivivall. Kui kauaks see vall ja seega ka linnuse suurem, lõunapoolne osa kasutusele jäi, ei ole esialgu veel täiesti selge. On võimalik, et see jäeti maha enne kui oma olemasolu lõpetas linnuse põhjaosa. Kolmandast ehitusjärgust on osaliselt säilinud ka paekividest laotud tara, mis algas põhjavalli otsast ja käis mööda linnuse läänepoolset äärt. Taras oli kitsas (60—80 cm laiune) läbikäik nõlvale.[21] Samasuguse tara alus jätkub keskmise valli otsast mööda õue lääneäärt lõuna suunas, lõunapoolse otsavalli poole. Vaevalt on põhjust kahelda, et samuti oli paetaraga kaitstud ka õue idaäär. Idaäärel on aga muistsed ehitused palju rohkem lagunenud kui läänepoolsed, mispärast seni pole õnnestunud leida sealt ka ääretara jälgi. Kolmanda ehitusjärgu olemasolu kestis IX kuni XI sajandini, millal Iru linnamägi lõplikult maha jäeti.

Kõigist kolmest linnuse olemasolu järgust on säilinud õuepinnal kultuurkiht, mille paksus kõigub 20 ja 30 cm vahel. Kuna linnuse õu on hiljem olnud künni all, on kultuurkihi pealmine osa tugevasti segatud. Idaäärelt, mis on läänepoolsest veidi kõrgem, on künni läbi kobestatud kultuurkihi muld uhtunud lääne poole, osa mulda ja kultuurijäänuseid on arvatavasti

[20] Vt. A. Vassara poolt antud kirjeldust MEL, lk. 53 jj.
[21] Vrd. MEL, tahv. VI.

Joon. 20. Savinõusid Iru linnamäelt. 1 — suur nõu toiduvarude säilitamiseks (kõrgus umbkaudne); 2, 3 — vähemad nõud, pinnalt siledad, joon- ja silmornamendiga. (AI 4051:724, 790 — suurim nõu; 3428:993, 1092.)

valgunud nõlvadest, eriti läänenõlvast alla. Õue idaäärel ei ole seetõttu peaaegu olemaski kultuurijäänuseid. Üksikute ehitusjärkude vahel saab vahet teha peaasjalikult vallide rusude all, mujal ainult kultuurkihi paksemais osades.

Eeskätt õue lääneosades on kaevamised päevavalgele toonud mõned koldeasemed ja terve rea puupostide auke. Viimased asetsesid tihedamini iseäranis vallideäärseis õueosades, kus, nagu mitmel teiselgi linnusel, paistab seega olevat olnud postidele toetunud varjualuseid. Palkehitustest pole suhteliselt õhukeses ja tugevasti segatud kultuurkihis leitud selgeid jälgi.

Kultuurkihi iseloom ja selles sisalduv esemeline materjal ei jäta kahtlust, et selleski linnuses on olnud alatisi elanikke. Mõne kolde ümber leidus jälgi pronksi sulatamisest. Kaevamistel saadud esemete hulgas leidub nii tarvitusel olnud kui ka poolvalmis ketri kedervartest, üks savist põletatud vihik muistsel ajal kasutatud püst-kangaspuudest ja muid koduse käsitööga seotud asju. Põhjavalli siseküljelt leiti söestunud viljateri — odra-, nisu-, herne- ja pisut rukkiteri. Terad asetsesid osalt segamini viljasäilitamiseks kasutatud savinõude kildudega. Keskmise valli rusude all leidus söestunud otri ja põldube.

Valdava osa leiumaterjalist moodustab keraamika. Üldiselt koosneb see, nagu samaaegsete Kagu-Eesti linnuste keraamikagi, kahte liiki savinõudest: esiteks suuremaist, ilma erilise hooleta valmistatud nõudest, mis olid määratud toidutagavarade säilitamiseks ja teiseks enamasti vähemaist hoolsamini vormitud ja ilustatud nõudest. Teatava üldise sarnasuse juures näitab kumbki nõudeliik siiski ka selgeid kohalikke erinevusi, võrreldes varemini kirjeldatud Kagu-Eesti keraamikaga. Toiduvarude hoidmiseks määratud nõude hulgas paistavad silma suured, kergelt mõhkjad või peaaegu püstseintega potid (joon. 20:1). Ainsaks ilustuseks on mitmetel neist ringikäiv lame soon allpool avara suu äärt. Mõnel üksikul on äär selle soone kohalt läbitud augukestega. Värvuselt on need nõud sageli tumepruunid või mustad. Nende savi on enamasti segatud peenema liivaga ja pind on neil siledam kui varude säilitamiseks kasutatud nõudel Kagu-Eesti linnustel. Teise, hoolsamini vormitud keraamikaliiki kuuluvail nõudel on madal mõhkjas keha (alumine osa), harilikult väikese lameda põhjapinnaga, ja püsti tõusev äär (joon, 20:2, 3). Ääreosa on tavaliselt kaunistatud joonornamendiga ja mõnikord ka reljeefse liistukese ehk mõikaga. Mõni üksik nõu on lisaks ilustatud veel silmadega (joon. 20:3). Püsti tõusev äär ja joonornament esineb siledapinnalistel nõudel ka lõuna pool (vrd. joon. 18:3), kuid on Põhja-Eestis märksa tavalisem.

Iru linnamäe põhjaotsa lähedal on olnud asula. Selle esialgseil kaevamistel ilmnes, et see pärineb linnuse olemasolu lõppjärgust ja järgnevast ajast — XI—XII sajandist. Asula jälgi paistab esinevat ka mäe läänejalamil.

Teise Põhja-Eesti linnusena, milline veel tuleks arvata käsitletavasse rühma, kuid mida võib-olla on õigem vaadelda ka juba üleminekunähtusena järgmisse rühma, nimetame P a j u l i n n a Kuusalus Loksa rajoonis. See linnus on pindalalt kaks korda suurem Iru linnuse peamisest, põhjapoolsest osast. Selle linnuse omapäraks on see, et ta on ehitatud mitte kõrgendikule, nagu valdav enamik muistseid kindlustusi, vaid sohu. Teatav ala soost on piiratud üsna tugeva kivivalliga, mis on ehitatud Põhja- ja Lääne-Eestile omasel viisil — paeplaatidest laotud järskude külgedega. Vall paistab aegade jooksul kahjuks olevat ehitusmaterjaliks ära veetud, nii et sellest on järel veel ainult riismed, mis ei anna enam õiget kujutlust selle algsest kõrgusest. Kuna selle linnuse kirjeldus on avaldatud juba varem,[22] siis me siinkohal selle juures pikemalt ei peatu. Mainitagu ainult niipalju, et see linnus pärineb I ja II aastatuhande vahetuselt, et selles on leitud jälgi kodusest käsitööst, samuti on sellest saadud võrdlemisi rohkesti viljateri. Seega peab arvama, et selles kindlustuses on kestvalt olnud elanikke. Keraamika sarnaneb väga Iru linnuse hilisema keraamikaga. Selle hulgas on suuri nõusid varude hoidmiseks ja väiksemaid käsitsi vormitud kiilapinnalisi nõusid. Viimastest paistavad eriti silma madalad liuataolised nõud,[23] mis oma kujult on mingiks vahevormiks vastavate Rõuge ja Iru nõude vahel (vrd. joon. 17:1,2).

Vaadeldes kogu kirjeldatud linnuste rühma, näeme, et selle perioodi kindlustatud kohad erinevad eelmistest kõigepealt selle poolest, et neil on võrdlemisi paks kultuurkiht. Selle iseloomust ja selles sisalduvast leiumaterjalist selgub, et need linnused on vastandina eelmise perioodi kindlustustele olnud kestvalt asustatud. Seejuures paistab silma, et nende linnuste hulgas on sageli võrdlemisi väikseid kindlustatud kohti, nagu näiteks Rõuge, Peedu jt., ning et suuremailgi nende seas, nagu näiteks Aakre Kivivare linnamäel, ei ole kultuurkiht, võrreldes Asva-taoliste kindlustatud

[22] Vt. M. S c h m i e d e h e l m i poolt antud ülevaadet MEL, lk. 121 jj.
[23] MEL, joon. 82, 83.

asulatega, eriti paks. Neist tõsiasjadest tuleb teha järeldus, et neis linnustes olnud elanike hulk ei ole tavaliselt olnud suur. On tähelepandav, et mitme kirjeldatud linnuse vahetus läheduses on asetsenud asula. Rõuges ja Unipihas on linnus ilmselt otseselt seotud kõrvaloleva asulaga ja võib isegi öelda, et on selle osa. Nõnda näib neis kohtades osa elanikkonda olevat asunud linnuses, teine, suurem osa aga lahtises asulas.

Kes siis olid nende linnuste elanikud? Sellele küsimusele võime esialgu andmete kasinuse tõttu vastata ainult oletamisi. Kui arvestame vaadeldavale ajajärgule iseloomulikke ühiskondlikke suhteid, selle perioodi kestel toimuvat sugukondliku korra lagunemist, rikaste esilekerkimist, relvastatud kokkupõrgete sagenemist jne., siis tuleb arvata, et linnustes elasid eeskätt ühiskonna rikkad tipud. Lähtudes sellisest seletusest, on mõistetav, miks paljud kirjeldatava perioodi linnused on võrdlemisi väikesed. Üksikute suuremate linnuste puhul tuleb oletada, et nende valdajaiks on olnud mõni rikas pere, kellel oli suuremat tööjõudu või kellega koos linnust kasutasid ta lähimad sugulased, s. o. teatav rikas suguvõsa.

Nagu nägime, ei olnud vaadeldaval ajajärgul linnused kindlustatud tugevamini kui eelmisel. Nende kaitseehituste tugevus oli üldiselt jäänud endiseks. Nagu võib oletada säilinud vallidest ja kraavidest, on vallide kõrgus olnud üldiselt 1—4 m ja umbes sama sügavad on olnud ka kraavid. Nagu aga juba märgitud, on vallid ja kraavid ainult järk-järgult saavutanud need mõõtmed, alguses on need harilikult olnud vähemad. Rõuge linnamäe valli oli kõrgendatud igal uuel ehitusjärgul kuni 50 cm võrra. Ainult harva on mägede nõlvu järsendatud, enamasti on need looduslikus olukorras. Puukindlustusigi paistab olevat ehitatud peaasjalikult vaid otsadesse ja muudesse looduslikult nõrgemalt kaitstud kohtadesse. Neis lõikudes, kus mäe nõlvad olid küllalt kõrged ja järsud, ei olnud, nagu näib, üldse kindlustusi või piirdusid need ainult lihtsate taradega. Põhja-Eestis laoti need sageli paekividest.

Nõnda ei olnud käsitletava perioodi linnustel teostatud kaitsetööd üldiselt kuigi suured. Need on teostatud, nagu näib, harilikult ühe pere või mõnede perede tööjõuga, eriti kui neil oli lisatööjõudu orjade näol. Võrreldes järgmise perioodi kindlustustega, olid vaadeldava aja linnused kaitstud märgatavalt nõrgemini. Teatava erandi moodustab ainult Kuusalu Pajulinn, mille pika kivivalli ja selle alla puutüvedest parve ehitamine eeldab suurema tööjõu olemasolu. Aga see linnus tulebki arvata, nagu juba märkisime, osalt järgmisse rühma.

Kirjeldatud linnuste rühm, mida iseloomustab rida selgeid tunnuseid, hõlmab teatavat omaette ajajärku. Nagu näeme, jäeti mitmed eelmise rühma linnused, mida võiks nimetada ka kogukondlikeks linnusteks, I aastatuhande keskpaiku maha. Ainult mõned varemaist kindlustatud kohtadest jätkavad oma olemasolu edasi (näit. Otepää). Nende kõrvale tekib aga just aastatuhande keskel või teisel poolel terve rida uusi kindlustusi (Rõuge, Peedu, Alt-Laari jt.). Ka Iru Linnapära, mis vahepeal arvatavasti oli maha jäetud, saab uued kindlustused. Aga I ja II aastatuhande vahetuseks olid ühiskondlikud tingimused juba sedavõrd muutunud, et väga mitut vaadeldud perioodi linnust enam ei kasutata (Rõuge, Peedu, Aakre, Unipiha, Iru jm.). Ühtlasi kerkib just sellel ajal rida uut tüüpi kindlustusi.

Nõnda paistab, nagu oleks X ja XI sajand olnud muistsete linnuste arenemises teatavaks murrangujärguks. Mitmed linnused elasid küll selle murrangujärgu üle. Need olid eeskätt mõned suuremad, eriti soodsais tingimustes asetsevad kindlustatud kohad, nagu näiteks Otepää. On tõenäoline, et ka Tartus ja Viljandis kui vanade ja arenenud asustatud piirkondade keskustes olid käsitletaval perioodil linnused. Need jäid teatavasti samuti järgmisel ajal kasutusele. Aga edasi paistavad olevat püsinud ka üksikud kõr-

valisemate alade väiksemad kindlustused. Näiteks jätkasid oma olemasolu mõned põhja pool Tartut, samuti Virumaa edelaosas ja Lääne-Eestis olevad väiksemad ja nõrgemad kindlustatud kohad. Järgmisele perioodile iseloomulikud olid aga siiski kõigepealt tugevad kindlustused.

IX—X sajandil hakkas muistseil eesti hõimudel ürgkogukondliku korra lagunedes kujunema uus ühiskondlike suhete süsteem — feodalism. Feodaalsuhete kujunemise aluseks oli tootlike jõudude edasine kasv. Märgatavalt arenes viljakasvatus, mis nüüd põhines eeskätt künnipõllundusel. Kasvas koduloomade arv. Edenes käsitöö, metallide, puu ja luu töötlemine, kudumisoskus, pottsepis jm. Kujunes oskuslikum käsitöö, mis hakkas eralduma põllutööst. Samal ajal laienes kaubitsemine. Oskuslikum käsitöö ja arenev kaubitsemine koondus teatavaisse keskustesse, uuelt kujunevaisse linnatüüpi asulaisse.

Põllumajanduse arenemisega, eriti selles künnipõllunduse määravale kohale tõusmisega algas individuaalsete talumajapidamiste kujunemine, mis teataval määral eraldusid külakogukonnast. Eraomanduslike suhete tingimustes ei jäänud talude maavaldus võrdseks, vaid diferentseerus. Aegapidi kerkisid esile üksikud suurmaavaldajad, kes haarasid endi kätte külakonna ühismaad ja asetasid kogukondlased endist isiklikku sõltuvusse, hakates neilt nõudma endale teotööd ja andameid. Nõnda kujunesid feodaalne suurmaavaldus ja feodaalsuhted.

Feodaalse suurmaavalduse ja sellel põhinevate feodaalsuhete kujunemine ei toimunud rahuliku arengu teel, vaid võitluses, mis järk-järgult teravnes sedamööda, kuidas rikas ülikkond järjest laialdasemalt enda kätte maid haaras ja sel teel endale seniseid vabu kogukondlasi alistas. Selle võitluse teravnemise tunnuseks ongi XI sajandist peale uut tüüpi, tugevasti kindlustatud linnuste ilmumine, mis olid feodaliseeruva ülikkonna võimu tugikohtadeks.

Suurt mõju feodalismi kujunemisprotsessile avaldas muistseil eestlastel tihe suhtlemine Venega, milline oma majandusliku ja ühiskondlik-poliitilise arenemise poolest oli Baltimaist palju ette jõudnud. Kaubanduslik suhtlemine vene linnadega andis eesti ülikkonnale uusi rikkusi, kuna aga vene ülikate eluviis ja suhted oma rahvaga said eeskujuks vastavate vahekordade kujunemisel Eestis. Vene suurtest linnadest Pskovist ja Novgorodist eestlaste maade kaudu Balti mere rannikule viivad teed soodustasid nendele teedele linnataoliste keskuste tekkimist ja kasvu. XI sajandil rajas vürst Jaroslav Tark Eesti alale Tartusse feodaalse valduse ja linna, milledel oli suur mõju vastavate nähtuste kujunemisele siin.

Kui mitte arvestada rida eelmisest rühmast peaaegu muutumatult edasi püsivaid linnuseid, võib käesoleva, neljanda rühma linnuste seas eraldada kolme laadi kindlustusi: esiteks väiksemaid, tugevasti kindlustatud üksikute feodaliseeruvate ülikate kantse, teiseks tähtsamate keskuste suuri linnuseid ja kolmandaks suhteliselt tugevasti kindlustatud linnuseid, millel puudub kultuurkiht ja mille iseloom seetõttu on esialgu ebaselge.

Peatume kõigepealt lühidalt viimaste, kultuurkihita linnuste juures. Nende näiteks võiksid olla K a u k s i Leerimägi ja R o s m a linnamägi Põlva rajoonis, Aru E e r u m ä e kants Elva rajoonis ja linnus (nn. «kindrali haud») V õ u k ü l a s Räpina rajoonis. Siia tuleb arvata ka P a l i v e r e «Vallidepealne» Haapsalu rajoonis. Kõigil neil linnustel on kaitseehitused, iseäranis vallid, tugevamad kui neid leidsime eespool kolmanda rühmana kirjeldatud linnustel. Ka on nende hulgas mõned võrdlemisi suured linnused. Seepärast tuleb eeldada nende kindlustajail suurema tööjõu olemasolu kui seda üldiselt kasutati eelmise rühma linnuste ehitamisel.

Kauksi Leerimäel, mis oma kujult kuulub neemiklinnuste tüüpi, on otsavall kraavi põhjast arvates ligi 7 m kõrgune. Pealegi on selle linnuse ovaalse põhiplaaniga, umbes 1400 m² suurune õu ka teistelt külgedelt piiratud madalama äärevalliga. Oma ehitusviisilt on peajoontes samasugune Rosma linnamägi. See on kaitstud lõunapoolsest otsast kraavi ja selle siseküljele kuhjatud valliga, mille kõrgus on valli põhjast 4—5 m. Õu, mille pindala ulatub umbes 3900 m²-ni, on piiratud madala äärevalliga. Rosmas, nagu Kauksiski, on liiv äärevalli kuhjamiseks võetud valli sisejalamilt, mistõttu mööda õue äärt vastu valli on tekkinud lame kraav. Õue keskosa on kummalgi linnusel kergelt kuhjas, õue pind on tasandamata ja jätab viimistlemata mulje.

Eerumäe kants on ehitatud kõrgele teravalt lõppevale neemikule, mille nõlvade kõrgus tipu kohalt on 18 m. Maa poolt on neemik ära lõigatud kraavi ja umbes poolringi kujulise valliga, mille kõrgus ulatub arvates kraavi põhjast 6 m-ni. Ka selle linnuse õu (pindala umbes 3500 m²) on võrdlemisi ebatasane.

Neljas mainitud kindlustusist, Võuküla linnus on väike, selle õue pindala hõlmab ainult 600 m². Linnuse aluseks on lai ja lühike kolmnurkne neemik, mis on poolringis ära lõigatud kraavi ja umbes 3 m kõrguse valliga. Katseks teostatud kaevamistel ilmnes, et valli muldkeha on üles kuhjatud ühe korraga.

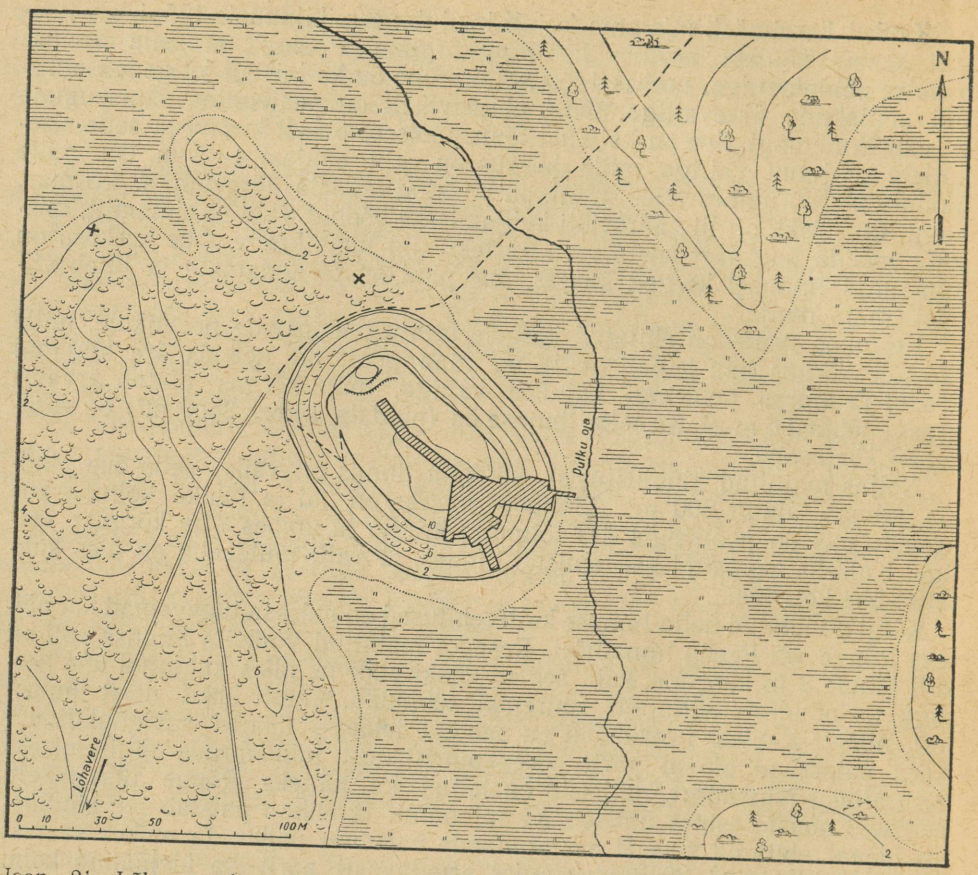
Kõigi nimetatud nelja linnuse kaitseehitused on märksa tugevamad kui näiteks Rõuge või Peedu linnamäel. Eespool mainitud Võuküla linnuse vall on küll ainult 3 m kõrgune, kuid see on siiski pikk ja, olles kuhjatud ühe korraga, on nõudnud ehitajailt suuremat tööjõudu. Ainult ühelt neist linnustest, nimelt Kauksi Leerimäelt on saadud leide — mõned savinõukillud.[24] Need paistavad olevat pärit koredapinnalistest toiduvarude säilitamiseks kasutatud savinõudest, milliseid on leitud ka näiteks Rõuge linnamäelt. Selliseid nõusid esines üldiselt XI sajandini. Järelikult paistab see kindlustus olevat ehitatud I ja II aastatuhande vahetuse paiku. Ja umbes samast ajast on ehitusviisi järgi otsustades arvatavasti pärit ka ülejäänud kolm mainitud linnust.

Kuna neil linnustel puudub kultuurkiht ja nende õued paistavad olevat jäänud tasandamata, ei ole neil ilmselt olnud kestvamalt elanikke. Need kindlustused on nähtavasti varsti pärast ehitamist maha jäetud. Palivere «Vallidepealse», mis on teistest tunduvalt suurem (õue pindala üle 2,5 ha), ehitaminegi on nähtavasti pooleli jäänud. Näib, et ülikail, kes rajasid need linnused, ei õnnestunud pikemaks ajaks kindlustada oma seisukohta ja võimu. Selle poolest võime kirjeldatud kultuurkihita linnuste hulka teataval määral arvata ka ülalmainitud Kuusalu Pajulinna. See on küll omal ajal täielikult välja ehitatud ja selle õuele on jõudnud korjuda kultuurkihti, kuid kultuurkiht on õhuke ja ka linnus näib olevat kasutusel olnud ainult lühikest aega.

Üksikute feodaliseeruvate ülikate linnustest on kõige enam tuntud Lõhavere linnamägi, Lembitu kants, mida Läti Henriku «Liivimaa kroonikas» nimetatakse ladinapäraseks moonutatud nimega Leole. Lõhavere linnamägi asetseb Suure-Jaani rajoonis, Viljandist umbes 25 km põhja poole.

See linnus on ehitatud võrdlemisi laia moreenkuhjatise otsale, mida kaares piirab soo (joon. 21). Kõrgendiku ots oli loodusliku vagumusega teataval määral eraldatud kõrgendiku laiemast, läänepoolsest osast. Seda kõrgendikust lahusolevat otsa ongi kindlustuse ehitamiseks ära kasutatud. Linnuse alla võetud künkale kuhjati ümberringi vall, mille materjal võeti

[24] AI 4044



Joon. 21. Lõhavere linnamäe asend. Viirutatud — läbiuuritud pindala, ristikestega märgitud ohvrikivid.

äsjanimetatud vagumuse kohalt. Seega eraldati linnus lõplikult kõrgendiku peaosast.

Lõhavere linnus ei olnud suur; selle õue pindala hõlmas ligikaudu 1500 m². Kuid selle linnuse kindlustamiseks on ometi tehtud palju tööd. Linnuse aluseks olev küngas on ümberringi piiratud tugeva valliga, mille välisnõlvad on veel praegugi 8—9 m kõrgused.

Aastail 1937—1941 uuriti Lõhavere linnamäel, iseäranis selle kaguotsal, läbi suurem ala.[25] Seejuures selgus, et see linnus on tekkinud XII ja XIII sajandi vahetusel. Kuna Liivimaa kroonika andmeist on näha, et Lõhavere linnus kasutuselt ära langes 1220-ndail aastail, on selle olemasolu kestnud ainult kaks-kolmkümmend aastat.

Kaevamistel ilmnes ka, et selle aja kestel on linnus läbi elanud kolm ehitusjärku. Esimesel korral on mägi piiratud ainult võrdlemisi madala valliga. Puuehituste hävimise järgi tules on linnus teistkordselt üles ehitatud, kusjuures valli märksa tugevdati. Seegi linnus on läbi teinud tulekahju, mille järele valli on uuesti tugevdatud ja puukindlustused jälle üles ehitatud. Viimase, kolmanda ehitusjärgu puukindlustustest ei ole midagi säilinud, kuna selle jäänused jäid lahtiselt maapinnale ja hävisid täiesti. Kõige

[25] Kahe esimese aasta kaevamiste materjalid on avaldatud MEL, lk. 139 jj., hilisemad säilivad AI-s.

enam on säilinud jäänuseid teise, keskmise ehitusjärgu puukindlustustest, sest need on mattunud paksu liivakorra alla. Seepärast kirjeldame järgnevas eeskätt teise linnuse ehituste jäänuseid. Tähendatagu veel, et linnuse lühikese olemasolu kestel õuele moodustunud kultuurkiht ei ole paks — üldiselt on seda umbes 20 cm. Kultuurkihi iseloom ja sellest saadud leiud tunnistavad, et linnuses on olnud alatisi elanikke.

Pärast Lõhavere varaseima linnuse põlemist, kui ehitati teine linnus, piirati selle õu 2,5—3 m kõrguse palkseinaga, mis ehitati mäe äärest 4—6 m sissepoole (tahv. X). Palgid liideti seina nurkades ja muudes pöördekohtades nn. koerakaela-hammastega. Õuepoolsest küljest toetasid seina tugevad (umb. 30-sentimeetrised) otsapidi maasse kaevatud postid. Väljaspoole seda seina kuhjati mäe äärele liivast vall, mille väliskülg laskus libamisi mäe nõlvale, sisekülg aga toetus vastu seina. Valli harjale püstitati arvatavasti puukindlustused, mille laele valmis pandi hulk heitekive. Õue äärtel vastu mainitud vallitagust puuseina on asetsenud postidele toetuvad varjualused ja majapidamishooned, millest kaevamisel leiti väikese lambalauda põhi.

Linnuse kaguosas oli läbi vallitaguse palkseina ja valli muldkeha mäe välisnõlvale viiv 80 cm laiune käik. See käik oli olnud juba esimese ehitusjärgu vallis, selle kaudu pääseti mäe jalamil olevale kaevule. Käik säilis aga ka teise linnuse aegu, kuigi siis valli kõrgendamisel väline kaev oli kinni aetud ja linnuse õue kaevatud uus kaev. Kummalgi pool käiku oli 7 puuposti käigu lae kandmiseks. Postidest olid neli välimist tammepuust, kolm sisemist aga, milledelt nõuti vähem vastupidavust, olid männist. Selleks, et valli muldkeha liiv ei variseks käiku, oli see kummalgi pool käiku laotud paeplaatidest.

Esimese linnuse kaev, mis asetses mäe jalamil, oli ruudukujulise, kasepalkidest salvega (tahv. XI:2). Rakked olid ümmargused, ainult mõni üksik neist oli seseküljelt kergelt tahutud; nurkades olid nad liidetud koerakaela-hammastega. Kuna kaevu ümbritses väga peenike ja kergesti valguv liiv, oli salv väljastpoolt kaetud sambla ja kasetohuga, et takistada liiva pudenemist läbi rakkevahede kaevu. Teerajale, mis vallikäigust mööda nõlva kaevule viis, olid tehtud astmed puuroigastest, mida kummastki otsast hoidsid maasse löödud tikud. Teisest, õue kaguosas olevast kaevust, mille sügavus ulatus 9,5 meetrini, olid säilinud ainult pikliku ristkülikukujulise salve alumised raketekorrad ja kisklaudadest põhi. Seseküljelt kergelt tahutud rakked olid männipuust.

Kummastki kaevust leiti mitmesuguseid puuesemeid. Nõlvakaevu põhjas oli säilinud kaks samasugust kuusepakust hitsmeatra (tahv. XIV : 3, 4), nagu neid külvivahede märkimiseks kasutati veel möödunud sajandi lõpuni. Siitsamast leiti ühepoolse labaga okaspuust labidataoline riist (tahv. XIII:5). Õuekaevu põhjast saadi vakake ehk kapp, mida nähtavasti oli tarvitatud ämbrina kaevust vee võtmiseks (tahv. XII). Sealtsamast leiti niinekiududest kahekeermelist köit, millega arvatavasti oli vakka kaevust üles tõmmatud (tahv. XIV:1). Niinest köiejäänuste kõrval oli kaevus ka tükike kokkusõlmitud kolmekeermelist kanepist (?) köit (tahv. XIV:2). Vaka kere oli painutatud pärna- ehk niinepuu laastust, samast puust põhi oli alla õmmeldud niinekiududega. Põhja välispinda kattis kasetoht. Samast kaevust leiti redel, mis oma valmistamisviisilt täiesti vastas kuni viimase ajani talumajapidamistes kasutatud redelitele (tahv. XIII:6). Veel leiti sealt labidas (leivalabidas?) (tahv. XIII:7), kadaka- ja tammepuust odavarte osi; tammest varred olid terapoolsest otsast kergelt mõhkjad, väga hoolikalt voolitud ja pinnalt tasandatud (tahv. XIII:3, 4). Kaevust leiti ka poolik kadakane vibu (tahv. XIII:1), poolik kadakane odavars (tahv. XIII:2) ja veel muid, osalt määramata otstarbega puuasju.

Õuest saadud esemelisest materjalist mainitagu kõige esmalt keraamikat. Võrreldes vanemate linnustega ei ole keraamikat Lõhaveres just rohkesti, mis on arusaadav, kui arvestada selle linnuse lühiajalist olemasolu. See-eest on keraamika väga ühtlane. Varemais linnustes esinevad suured toiduvarude hoidmiseks kasutatud nõud puuduvad siin täiesti. See nähtus ilmneb ka kõigis teistes hilistes linnustes ja asulakohtades. Näib, et nüüd asendusid endised suured savinõud veel suuremate, tugevaist puutüvedest õõnestatud nõudega, nn. kummidega. Lõhaverest leiti ainult väiksemaid savinõusid, mis peaaegu eranditult on valmistatud potikedral. Mõned savinõud on oma profiililt venepärased, enamikul aga on küll üldiselt sama kuju, mis vene kedrakeraamikalgi, kuid savimassi koostis ja võriku (ääreosa) laad ühendab seda selgesti varema kohaliku käsitsivormitud keraamikaga, millest võib järeldada, et nõud on valmistatud koha peal. Neil nõudel (joon. 22) on peaaegu püsti tõusev võrik, mis on lameda soonega eraldatud õlaosast. Neid ühendab varema kohaliku keraamikaga ka tume, peaaegu must värvus.

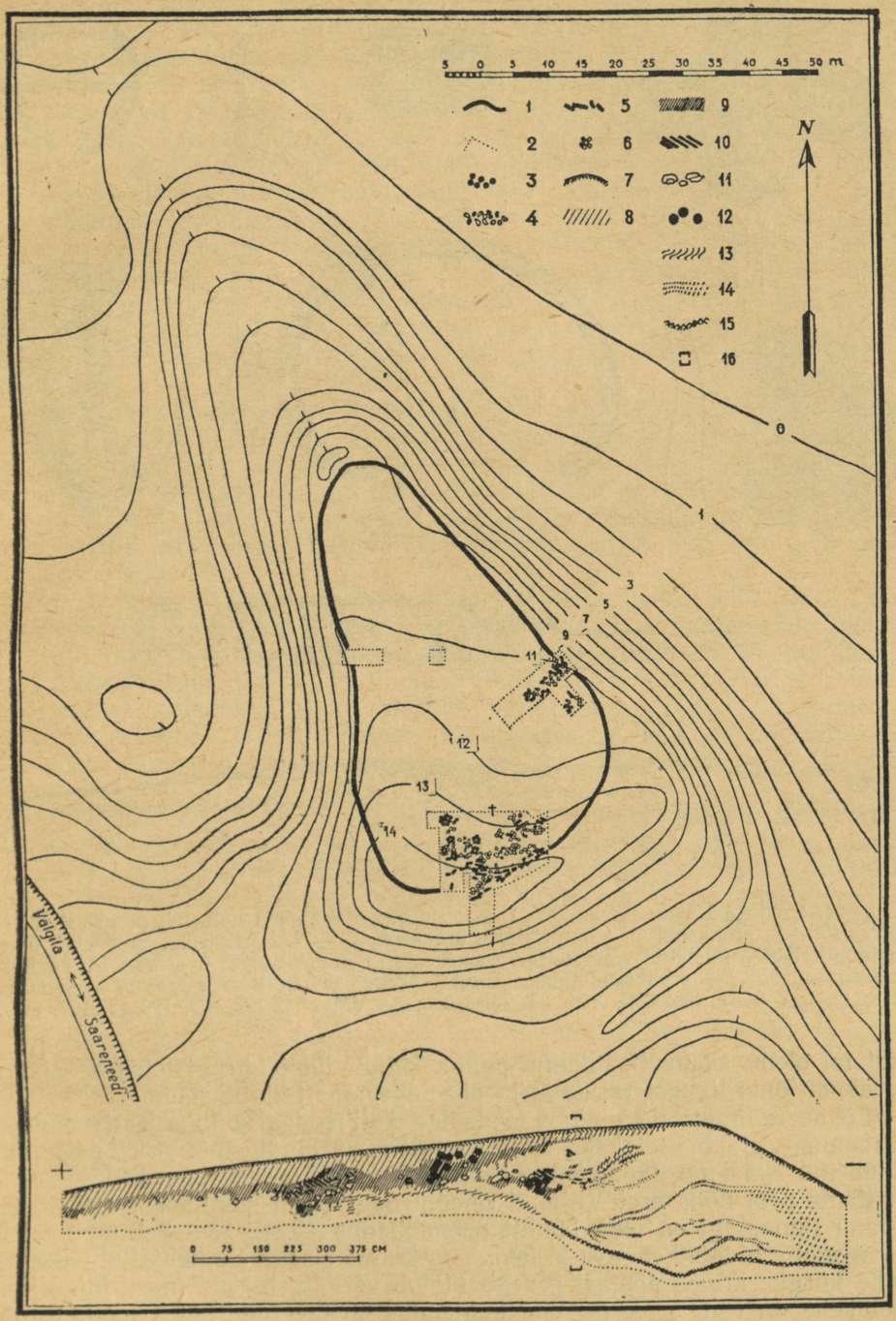
Joon. 22. Kedral valmistatud savinõu Lõhavere linnamäelt. (AI 3578:687, 727, 794, 797; umb. ½ loomul. suur.).

Muust leiumaterjalist mainime veel rauašlakki, mis annab tunnistust linnuses toimunud sepatööst. Edasi on leitud katkendeid heinaniidu vikateist, mitmed hobusesuitsed, terve rida nuge, odaots ja katkendeid odadest ning mõõkadest, samuti ka mõnikümmend nooleotsa, sealhulgas sakslaste poolt linnusesse lastud ammunoolte otsi (vrd. joon. 27:1). Ehetest mainitagu pronksist hoburaudsõlgi, millest mitmed on väikesed särgisõled, edasi rinnanõelu, käevõrusid, mitmesuguseid pronksist ja luust ripatseid jne. Kogu leiumaterjal on iseloomulik XII sajandi lõpule ja järgmise algusele.

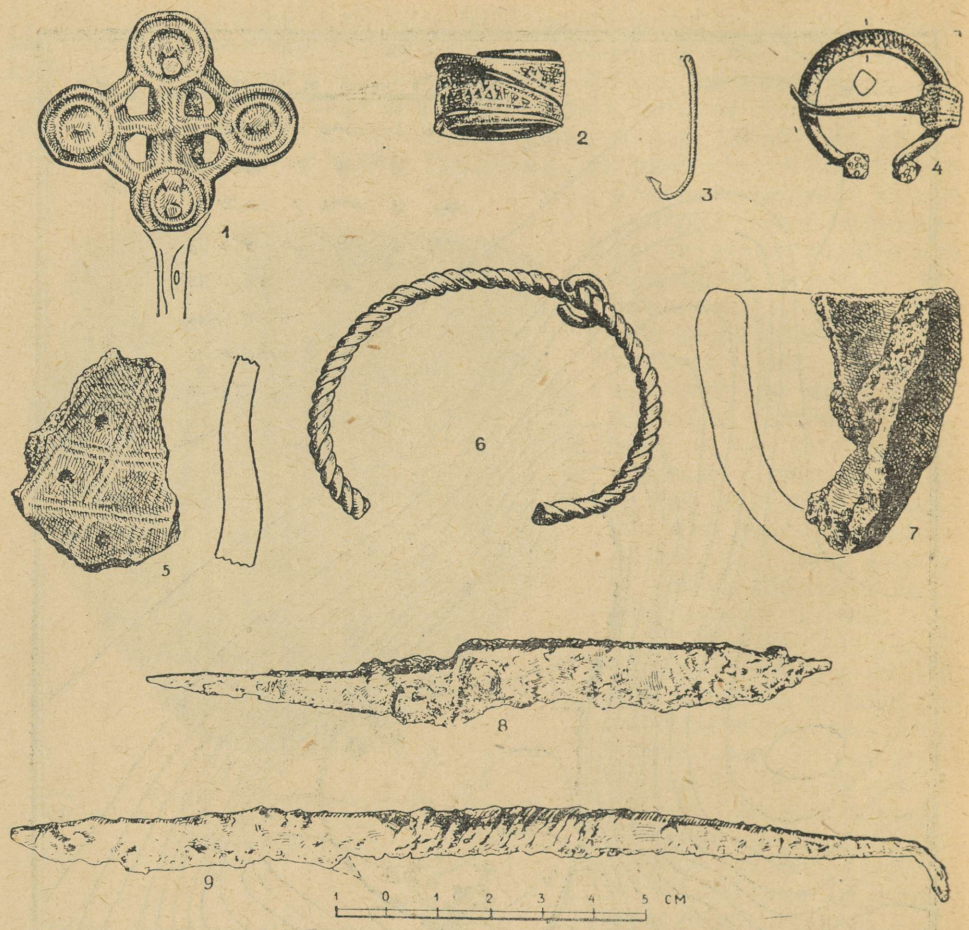
Lõhavere linnamäelt kaevamistel saadud luud kuuluvad valdavas enamuses koduloomadele. Eriti tihti esinevad siga ja lammas (või kits), võrdlemisi sagedasti ka veis, harvemini hobune; on olemas ka kana luid. Metsloomade luud pärinevad põdralt, jäneselt, metssealt, oravalt ja saarmalt, teiste seas on leitud ka üks hülge luu; kaladest on kindlaks tehtud ahven, särg ja haug.[26]

Lõhavere linnus kuulus «Liivimaa kroonika» andmeil muistse Sakala maakonna põhjapoolse osa vanemale ja sõjapealikule Lembitule, kes etendas silmapaistvat osa XIII sajandi algul eestlaste võitluses saksa röövvallutajate vastu. Linnuse ümbruses asusid Lembitu feodaalsed valdused, millest kroonika mainib eriti üht küla. Arvesse võttes Lembitu suurt mõjuvõimu, on põhjust oletada, et ta valdused ei piirdunud ainult selle ühe külaga. Igatahes

[26] Uuemad luudeleiud on määranud prof. V. J. Tsalkin.



Joon. 23. Naanu linnamäe plaan ja läbilõige läbi valli ja selle ääres oleva kaevandi (joonel +...—). *Plaanil:* 1 — linnuse õue piir; 2 — kaevandid; 3 — kolle vallitaguse kaevandi loodeosas; 4 — kivid; 5 — tukid, 6 — postiaugud. *Läbilõikel:* 7 — kamar; 8 — tume liiv; 9 — tume, söesegune liiv; 10 — põlenud liiv; 11 — kivid; 12 — tukid; 13 — roostevärvi liiv aluspõhjas; 14 — segatud liiv; 15 — vana kamar mäe algsel pinnal; 16 — kelmemonoliidi (tahv. IX:3) koht. — Samakõrgusjoonte vahe 1 m.



Joon. 24. Esemeid Naanu linnamäelt. 1 — ristpeaga rinnanõela katkend, pronksist; 2 — spiraalsõrmus, pronksist; 3 — õngekonks, pronksist; 4 — hoburaudsõlg, pronksist; 5 — savinõu katkend, ilustatud võretaoliselt soonekeste ja silmakestega; 6 — käevõru kolmest pronkstraadist; 7 — pronksisulatamise tiigli katkend, savist; 8 — nuga; 9 — heiteoda otsik. (1, 5, 7 — AI 4062:305, 376, 33; 2—4, 6, 8, 9 — VM 8682:134, 109, 129, 43, 127, 137.)

pidi tal olema võimalik liikuma panna küllalt tööjõudu, et lühikese ajaga korduvalt oma linnust taastada ja üha tugevamalt kindlustada.

Lõhavere linnus ei ole ainus teadaolev eesti feodaalse ülika kants. Samas piirkonnas leidub veel kaks üsna samalaadset kindlustust. Üks neist on olnud nn. N a a n u linnamäel. See asetseb umbes paarkümmend kilomeetrit lõuna pool Lõhaveret Viljandi rajooni Saarepeedi külanõukogu piirides. Naanu linnamägi on oma laadilt neemiklinnus (joon. 23). See on muust neemikust eraldatud sügava kraaviga ja kraavi siseäärele kuhjatud valliga, mille kõrgus kraavi põhjast praegu ulatub veel ligemale 7 meetrini. Valli muldkeha on üsna pikk ja selle kuhjamine on nõudnud suurt tööd. Kuna neemiku tipu nõlv laskub väga aeglaselt, on linnus sellest eraldatud lühema valliga; väljapoole valli jäänud linnuse otsanõlv on nähtavasti järsendatud. Naanu linnamäe õue pindala hõlmas umbes 1700 m² ja oli seega veidi suurem kui Lõhavere linnusel.

1952. ja 1953. aastal teostati Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituudi poolt, osalt koostöös Viljandi Rajoonidevahelise Koduloomuuseu-

miga, Naanu linnamäel arheoloogilisi kaevamisi. Kaevati risti läbi peavall ja õuele rajati neli erisuurust kaevandit. Uurimiste andmeil on linnuse kindlustused, sealhulgas vall, tõenäoliselt ehitatud ühe korraga. Valli harja ja õue ääri vastu nõlvu olid palistanud palktarandid, mille tukke leiti eriti valli sisenõlvalt. Puuehituste põlemisel oli valli muldkeha hakanud varisema ja osalt enda alla matnud valli sisejalami äärset õuepinda (vrd. vallirusude lõiget joon. 23). Kaevamisel võeti valli muldkeha lõikest kelmemonoliit, mis täpselt edasi annab varisenud muldkehas olnud kihistuste kui ka selle alla mattunud õuepinna kultuurkihi iseloomu (tahv. IX : 3). Vallitagusel õuepinnal leidus, nagu tavaliselt, hulgana tarandeilt alla varisenud heitekive. Peale nende leidus õuel, nagu tavaliselt asulakohtades, tules olnud kolde- või kerisekive. Vallitaguse kaevandi alal leiti mitmeid auke postidest, mis olid kandnud valli ääres olnud varjualuseid. Siinsamas paljanes kividest kolle, mille ümber leidus pronksi sulatamiseks kasutatud tiiglikeste tükke.

Naanu linnus eksisteeris lühemat aega XII sajandi lõpul ja XIII sajandi algul, s. o. umbes ühtaegu Lõhavere linnusega. Võitluste käigus XIII sajandi algul sissetungivate saksa feodaalide vastu Naanu kantsi ei mainita ja kaevamistelgi ei leitud midagi, mis oleks näidanud, et sakslased seda oleksid piiranud. Näiteks puuduvad siin iseloomulikud saksa ammunoolte otsad, mida leitakse Lõhaverest, Otepäält, Muhu linnusest jt. sakslaste poolt piiratud kindlustustest.

Naanu linnamäe pinda kattev kultuurkiht ei ole paks, selle paksus on umbes 20 cm. Kuna õue lääneäär on veidi kõrgem, on kultuurkihi muld sealt vastasääre poole ära uhtunud. Ka leiumaterjalilt ei ole Naanu linnamägi rikas, mis muidugi seletub linnuse lühikese olemasoluga.[27] Kaevamiste käigus leitud leeasemed, pronksesemete valmistamise jäljed, keraamika, metallesemed (joon. 24), loomaluud jm. näitavad, et linnuses on elatud ja töötatud. Leiuaines on oma koostiselt üldiselt väga sarnane Lõhavere omaga.

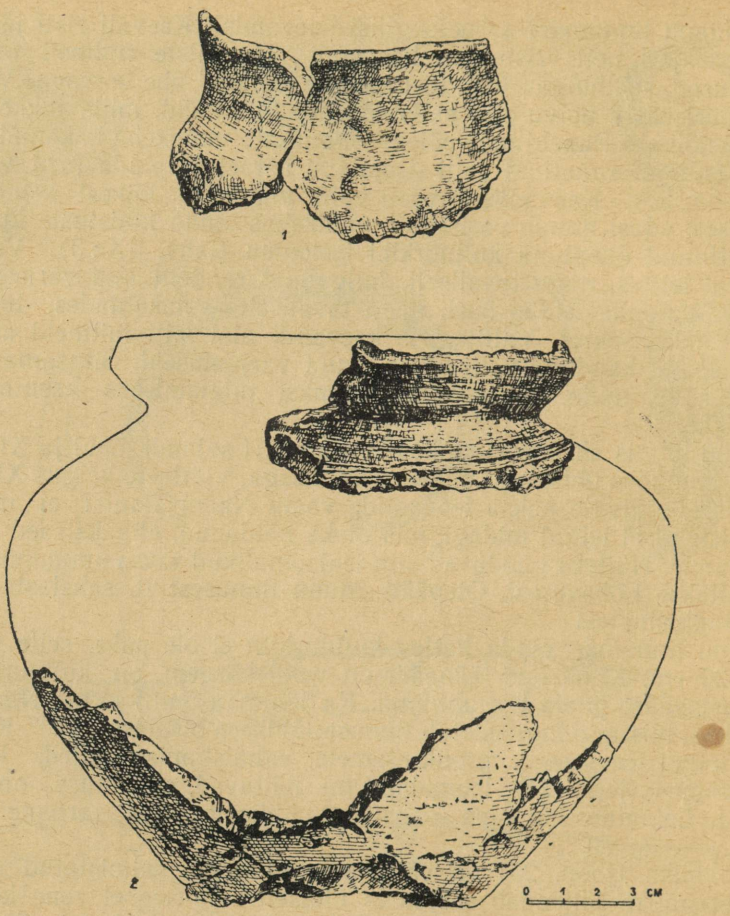
Keraamika (joon. 25) on väheste eranditega valmistatud potikedral. Kedrakeraamika jäljendab seejuures üldiselt samaaegset vene keraamikat. Üksikasjus erineb see lähedalasuva Lõhavere linnamäe keraamikast, millest järeldub, et kummagi linnuse savinõud on valmistatud eri pottseppade poolt.

Kolmas samalaadi linnus oli Sinialliku linnamäel. See asub Naanult umbes samavõrra lõunasse kui Naanu on lõuna pool Lõhaveret, Viljandi rajoonis Sinialliku raudteejaama ligidal vahetult Mõisaküla poole viiva raudteeliini ääres. Raudtee ehitamisel ongi üht linnamäe külge tublisti maha kaevatud, mistõttu mägi on säilinud ainult osaliselt. Algselt on selle pindala olnud umbes võrdne Naanu linnamäe pindalaga. Sinialliku linnus on ka oma ehitusviisilt üldiselt sarnanenud Naanu kantsiga. See oli neemiklinnus, millel oli tugevam vall maapoolses otsas, vastasotsas aga teine, nõrgem vall, sest neemiku tipu looduslik langus oli aeglane.

Sinialliku linnamäel toimus 1947. aastal väikesem proovikaevamine.[28] See näitas, et linnuse õue katab samasugune kultuurkiht ja et siin oli järelikult muiste asunud samasugune majapidamine nagu Lõhavere ja Naanu linnamäel. Leiumaterjal pärineb samuti lühemast ajavahemikust XII sajandi lõpu ja XIII sajandi alguse paiku. Järelikult on see linnus rajatud üldiselt ühtaegu eelmistega. Keraamika, mis nagu mujalgi moodustab enamiku leiuainesest, on peaaegu eranditult valmistatud potikedral. See sarnaneb Naanu ja Lõhavere linnamäelt saadud keraamikaga, näitab aga seejuures üksikasjades teatavaid iseärasusi. Nõnda peab see siingi olema valmistatud

[27] Leiud 1952. a. kaevamistelt Viljandi Rajoonidevahelises Koduloomuuseumis 8682, 1953. a. — AI 4062.

[28] Kaevamismaterjalid Viljandi Rajoonidevahelises Koduloomuuseumis 3580.



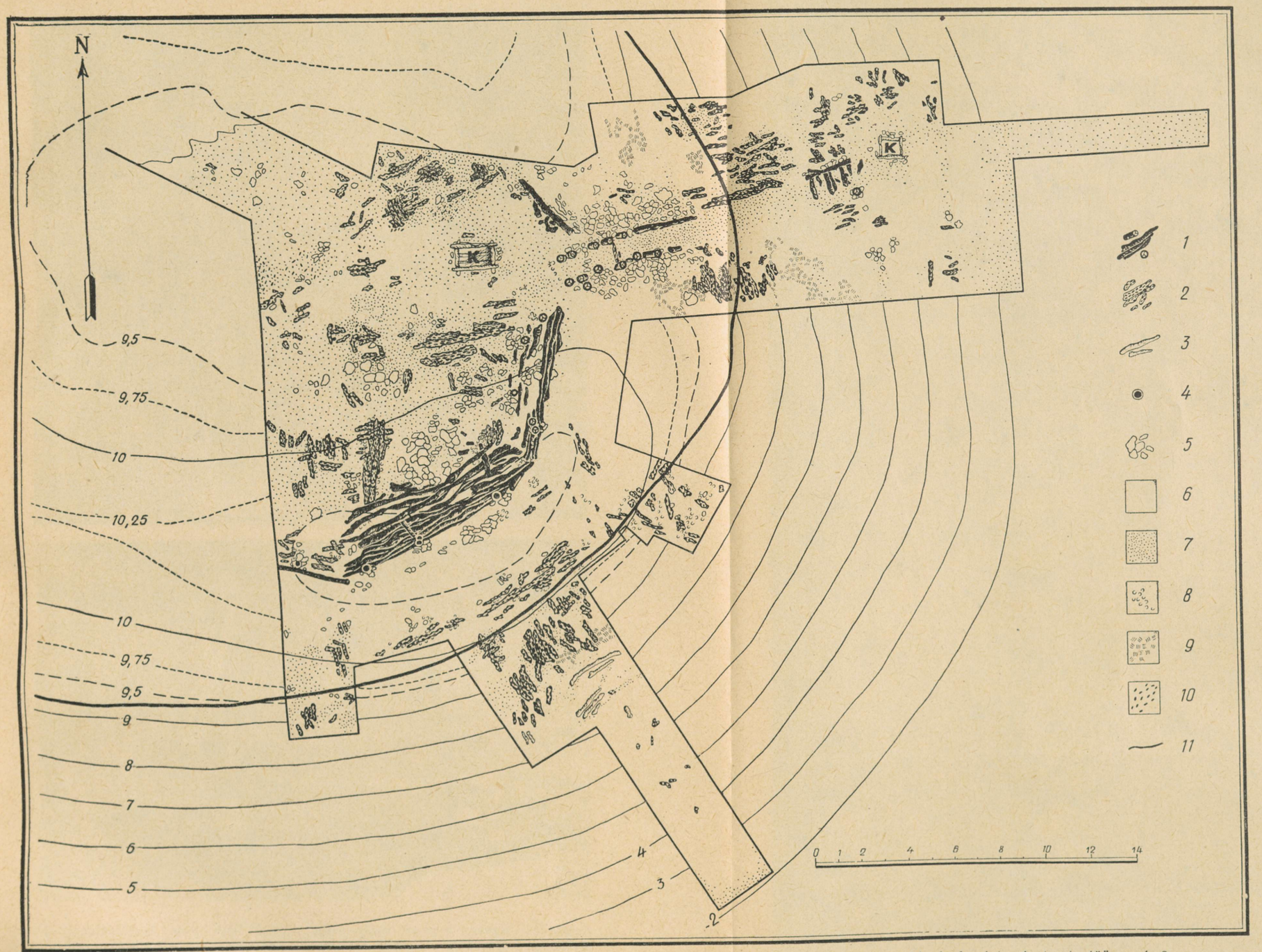
Joon. 25. Näiteid Naanu linnamäelt leitud keraamikast. 1 — käsitsi vormitud nõu kild, 2 — kedral valmistatud nõude katkendid. (VM 8682:133 — nr. 1 — ja 126, 92, 94.)

oma kohaliku pottsepa poolt. Sellest nagu muustki leiumaterjalist on näha, et ülikail, kes valdasid nimetatud kantse, oli oma majapidamise tarvete rahuldamiseks käsitöötegijaid. Need käsitöötegijad olid samuti nagu põllumajanduses töötavad talupojadki sõltuvad ülikaist. Selles ei ole midagi erilist ega ootamatut. On teada, et vene bojaaridel ja teistel suurmaavaldajail, kelle feodaalsed valdused olid enam arenenud kui eesti ülikail, oli oma majapidamistes isegi kõrgesti spetsialiseerunud käsitöölisi.[29]

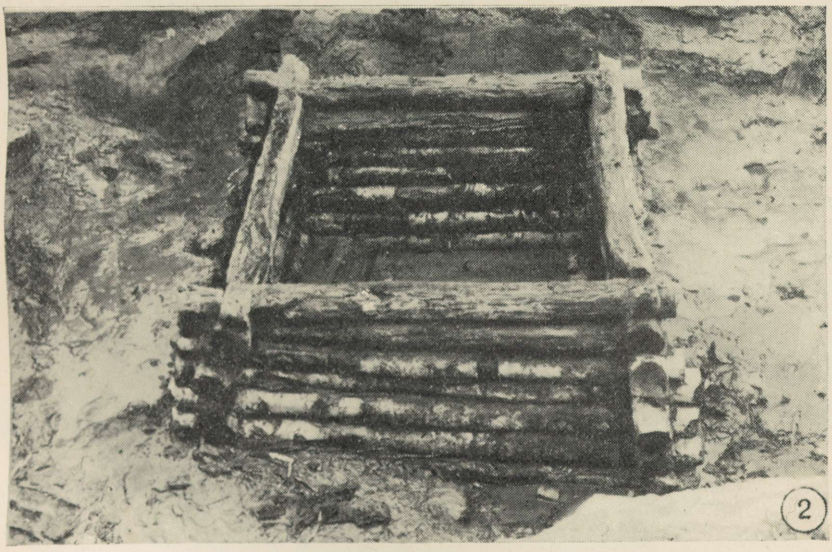
Kõik kolm viimatikirjeldatud mitte just suurt linnust on ilmselt olnud samalaadsed üksikute rikaste feodaliseeruvate ülikate kantsid, võiks öelda hilisemate feodaalsete linnuste eelkäijad. Neist on nimepidi teada ainult üks, Lõhavere linnuse valdaja Lembitu, kuna aga teiste nimed ei ole meieni ulatunud. Kuid Läti Henriku «Liivimaa kroonikast» kuuleme veel mitmest Lembitu taolisest Sakalamaa ülikast, nagu näiteks Meeme, Votele ja Manivalde,[30] kuigi nende lähemat päritolu seal ei märgita.

Kirjeldatud linnused võimaldavad saada teatavat kujutlust nende ülikate eluviisist ja suhteist rahvaga. Kõigepealt paistab silma nende kantside kaitseehituste suurus ja tugevus, võrreldes näiteks Rõuge, Peedu või Iru

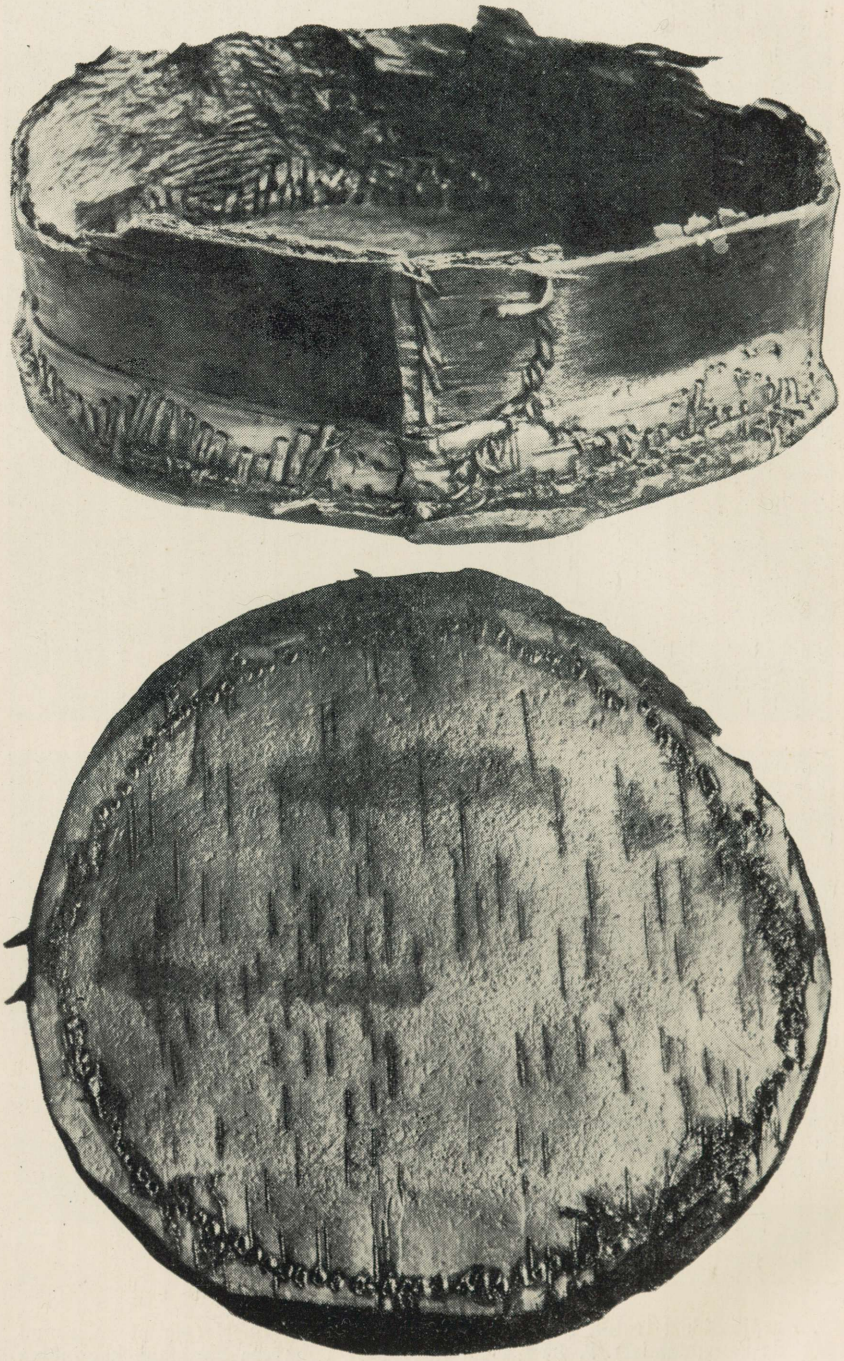
[29] Vrd. История культуры древней Руси, I. М.—Л. 1948, lk. 167 jj.
[30] Liivimaa kroonika — XV, 1 ja XXI, 3.



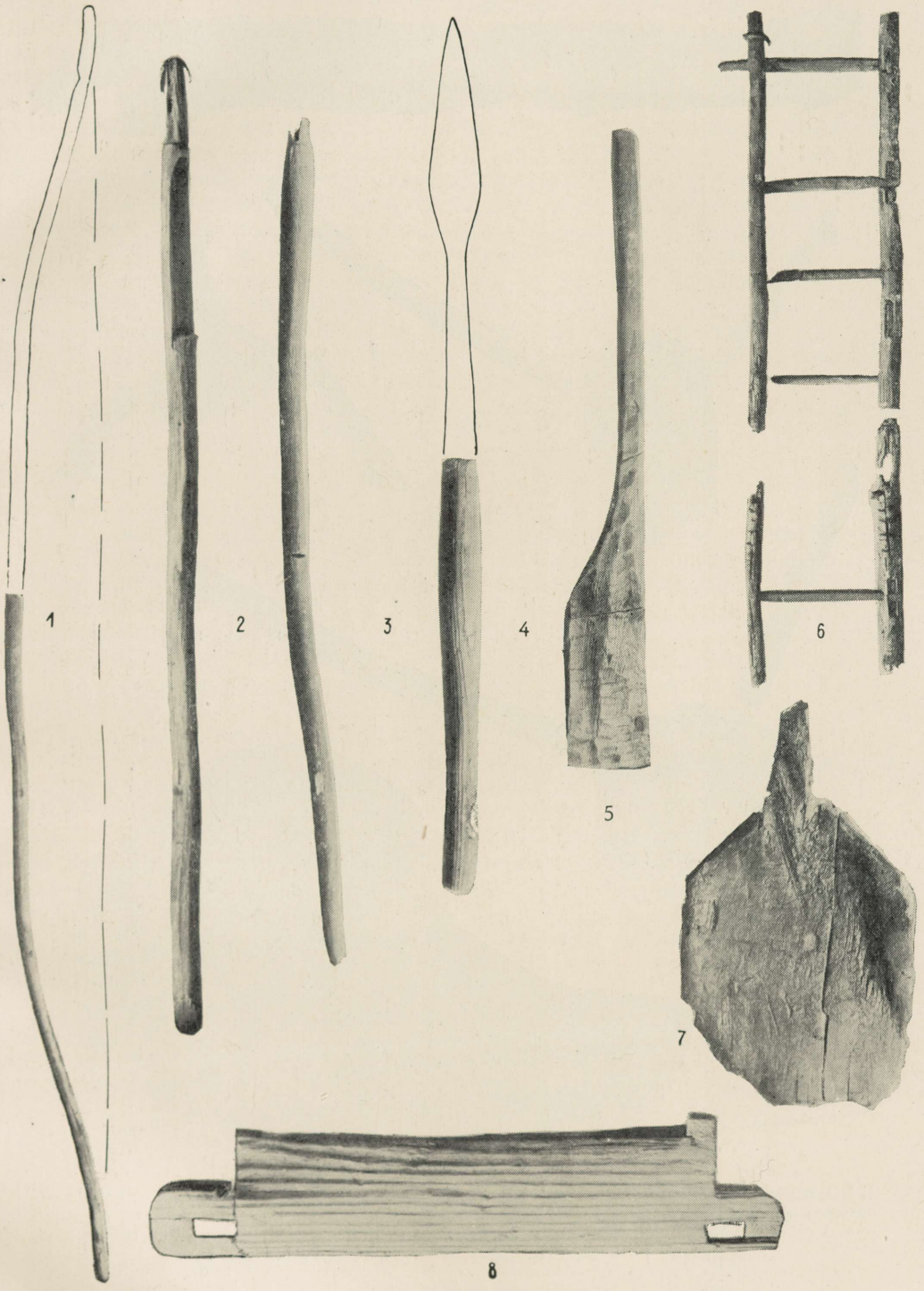
Lõhavere linnamäe kaguosas läbi uuritud ala plaan. 1 — seespool valli olnud seina, läbi valli mineva käigu postide ja nõlval olnud trepiastmete jäänused; 2 — puu, söestunud; 3 — puu, söestumata (valli muldkehas); 4 — postiaugud; 5 — kivid; 6 — liiv, hele; 7 — liiv, tume; 8 — liiv, põlenud; 9 — turvas (valli muldkehas); 10 — süsi; 11 — linnamäe äär tänapäeval; K — kaevud.



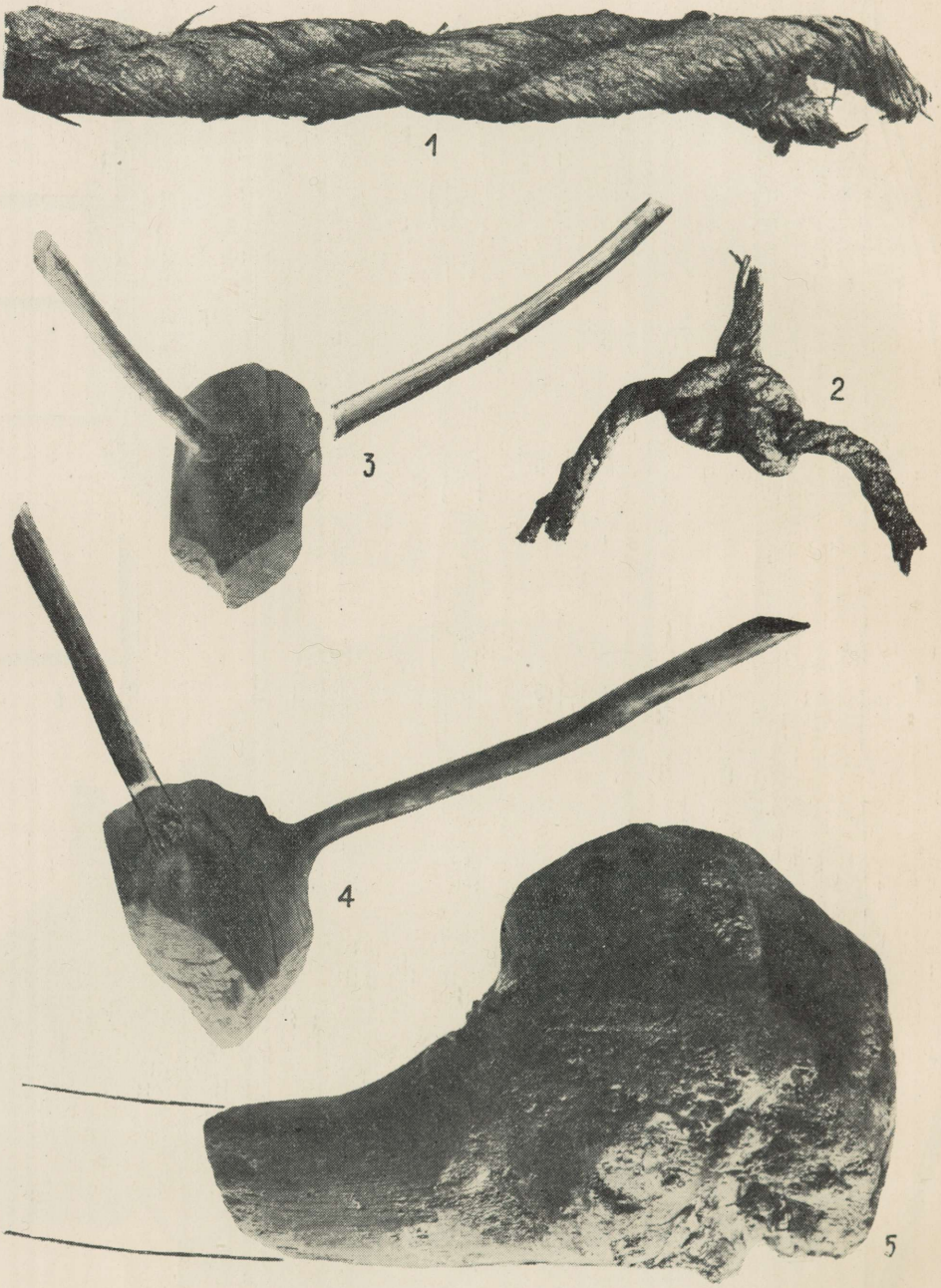
1. Paeplaatidest laotud valli ülemine osa Varbola linnusel (pärast varisenud rusude eemaldamist). 2. Kasepuust kaevusalv Lõhavere linnamäe kagunõlva jalamil.



Niinest vakake Lõhavere linnamäe õuekaevust (kerest säilinud ainult alumine osa, põhi kaetud kasetohuga; AI 3578:1191; umb. ½ loomul. suur.).



Esemeid Lõhavere linnamäe kaevudest. 1, 2 — vibu ja odavarre katkend, kadakapuust (odavarrel laast ära raiutud); 3, 4 — heiteoda- ja odavarre katkendid, tammepuust (nr. 3 kaevus paindunud); 5, 6 — labidas ja tükke redelist, okaspuust; 7 — labidas, okaspuust, murdunud; 8 — teadmata otstarbega ese, okaspuust (AI 3578:1194, 1195, 1201, 1202, 1892, 1193, 1200, 1199; 1 — 1/17, 2 — 1/5, 3, 4 — 1/5, 5 — 1/5, 6 — 1/27, 7, 8 — 1/4).



1, 2 — niinekiududest ja kanepist (?) köit Lõhavere linnamäe õuekaevust; 3, 4 — kaks kuusepuust hitsmepakku e. -atra Lõhavere linnamäe nõlvakaevust; 5 — tammepuust sõjanuia pea Varbola linnuse kaevust. (AI 3578:1192 — mõlemad köieosad —, 1889, 1888, 3656:137; 1 — $^1/_2$, 2 — $^1/_3$, 3, 4 — $^1/_8$, 5 — $^2/_5$ loomul. suur.).

linnamäe kindlustustega, mida omistasime eelmise perioodi rikkaile. Kuigi vahepeal üksikute ülikate rikkused olid suurenenud, nende majapidamised laienenud ja nende päralt olevate orjade arv kasvanud, ei ole ometi mõeldav, et nii suur tööjõu tõus, nagu see kajastub linnuste ehituste järsus suurenemises, oleks võinud toimuda ainult orjade lisandumisega. Siin ilmnevat tööjõu suurt kasvu tuleb kahtlemata seletada sellega, et nüüd oli rikaste tippudel võimalus panna oma töödele arvukaid sõltuvaid talupoegi. Nagu juba tähendatud, kerkisid kirjeldatud feodaalsed linnused mitte niivõrd kaitseks väliste vaenlaste vastu, kui julgestuseks ägedas klassivõitluses alistatavate kogukondlaste, talupoegade vastu, kes visalt kaitsesid oma põlist õigust maale ja kes ühtlasi seisid oma isikliku vabaduse eest. Feodaliseeruvail ülikail oli vaja luua kantse ka tugipunktidena võitluses teiste rikaste vastu, kes nendega võisteldes haarasid maid ja püüdlesid võimule ja kellega seetõttu tekkis kokkupõrkeid.

Vaadeldava perioodi linnused on seega eelkõige mälestusmärgid muistses eesti ühiskonnas toimunud teravast diferentseerumisest ja klassivõitlusest, uute ühiskondlike suhete läbimurdmisest, mis siin arenesid sama seaduspärasuse ja paratamatusega, nagu need juba varem olid hakanud arenema naaberrahvastel, eeskätt vene rahval.

Peale loendatud kolme kantsi võib teatavate väliste tunnuste järgi arvata sellesse tüüpi veel mõned linnused, näiteks T o o l s e linnamäe, mis asetseb mõni kilomeeter Kundast lääne pool, kõrge pankranniku neemikul. Toolse linnus ei ole suur, selle õue pindala hõlmab ainult vähe üle 1000 m², see on aga kaitstud hilistele linnustele iseloomuliku 7 m kõrge valliga. Sellest väljaspool on säilinud teise madalama valli jäänused, mis nähtavasti pärineb mingist varemast ja ühtlasi suuremast kindlustusest, mis oli olemas vahest samaaegselt Koila ja Kloodi linnustega.

Suuruselt ja ehitusviisilt Lõhavere linnusega umbkaudu sarnased on nn. H a l l i m ä g i Haapsalu rajoonis ja Pikasilla V o o r e m ä g i Võrtsjärve lõunatipul, kust on leitud kedrakeraamikat.[31]

Siia kuulub arvatavasti ka umbes 20 km põhja pool Tartut asuv S a a d j ä r v e Kalevipoja-säng. See on suuruselt eelmistega peaaegu võrdne linnus, mille aluseks on kõigist külgedest järskude nõlvadega kaitstud mägi. Selle nõlvu on nähtavasti kohati järsendatud, peale selle on mäe äärele vastu loode- ja kagupoolset külge ehitatud vall. Linnust katab must kultuurkiht, millest on leitud peaasjalikult kedrakeraamikat.[32] See linnus tekkis arvatavasti juba eelmise perioodi lõpul, kuid seda on hiljem tugevamini kindlustatud, mispärast see tuleb arvata hiliste kindlustuste hulka. Selle linnuse nimetus «Kalevipoja-säng», mida kannab veel rida teisigi muistse Vaiga maakonna linnamägesid, paistab viitavat sellele, et siin on omal ajal olnud mõne ülika asukoht.

Nagu näitab kaart joon. 12, on muistsete eestlaste linnuste seas üsna rohkesti kirjeldatud hiliste ülikakantside tüüpi kindlustusi. Rohkete, tugevasti kaitstud kantside tekkimises või varemate varustamises uute tugevate kindlustustega XI, iseäranis aga XII sajandil, kajastub kujukalt ühiskonna feodaliseerumisprotsessi järjest kiirenev arenemine ja ülikkonna vastuolude teravnemine rahvahulkadega kirjeldatava perioodi kestel.

Käsiteldava üksikute feodaliseeruvate ülikate kantside iiigi juurde tuleb arvata ka rida nõrgemaid linnuseid, mis veel eelmisest perioodist oma olemasolu jätkasid, kuid mida ei ole hiljem enam olulisemalt kindlustatud. Nendest nimetatagu näiteks R i p u k a «Punamäge» Jõgeva rajooni loodeosas. See väike, madala valliga kaitstud kindlustus oli, nagu juba eespool (lk. 67) märkisime, rajatud umbes ühtaegu Rõuge linnusega. «Puna-

[31] AI 4058.
[32] AI 4065.

mäel» leidub aga peale eelmisele perioodile iseloomuliku keraamika ka potikedral valmistatud savinõude kilde, millest tuleb järeldada, et see linnus oli alles veel XI—XII sajandilgi. Läti Henriku «Liivimaa kroonika» nimetab 1220. aastal muistse Vaiga maakonna linnust Riolet, mis asukoha poolest paistab vastavat «Punamäele». Seega peaks «Punamäe» linnus olema püsinud isegi veel nii hilise ajani.

Sellisteks eelmistest aegadest edasipüsivateks linnusteks paistavad olevat olnud arvatavasti ka Mädara linnamägi Vändra rajoonis,[33] «Tubrilinn» Läänemaal — nüüdses Haapsalu rajoonis,[34] mõni Virumaa lõunapoolseima osa linnustest, nagu Äntu «Punamägi» jt.

Mõnede varemaist aegadest pärinevate, suhteliselt nõrgalt kaitstud linnuste edasipüsimine uute tugevasti kindlustatud kantside kõrval annab tunnistust ühiskondliku arengu ebaühtlusest muistseil eestlastel. Samal ajal kui teatavais piirkonnis olid feodaliseeruvad ülikad suutnud talurahvast endale juba tugevamalt alistada, ei olnud neil teisal, peamiselt kõrvalisemais piirkonnis, veel nii suurt võimu.

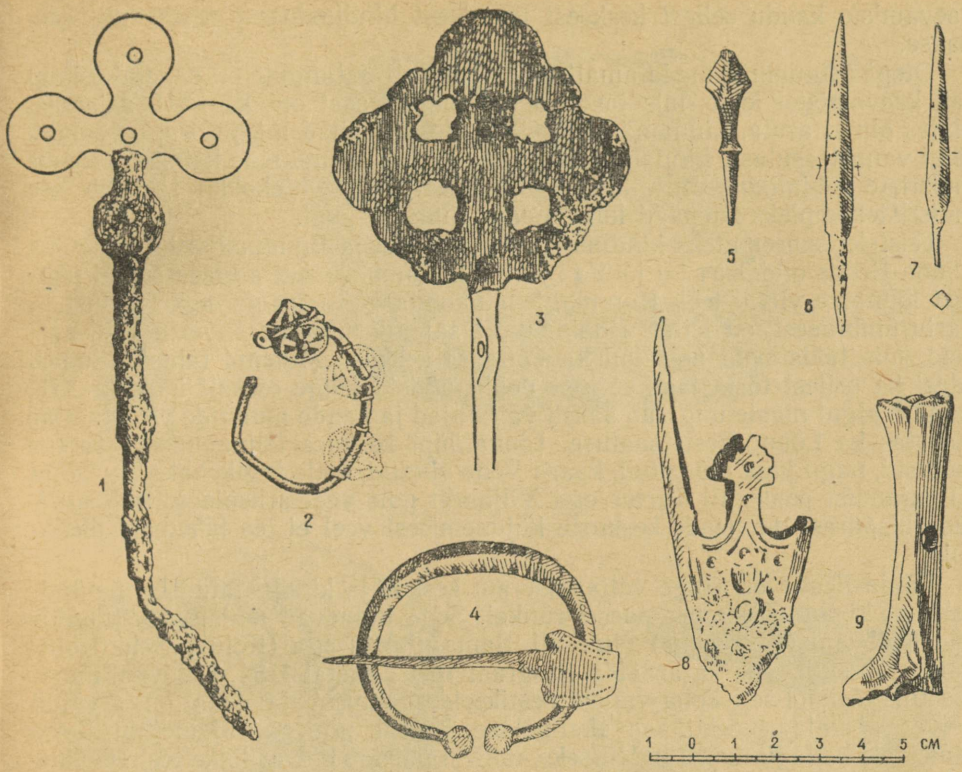
Eraldi tuleb vaadelda suuri keskseid linnuseid. Neist kujunes osa, näiteks Otepää ja arvatavasti ka Tartu ning Viljandi, varemaist kindlustusist ja ehitati nüüd ainult tugevamalt välja, teised aga, nagu Tallinna eelkäija Kolõvan-Lindanise, Varbola jt., tekkisid uutena. Suured linnused kujunesid paikkondadesse, mis osalt juba sugukondliku korra aegadest olid tihedamini asustatud, kus oli viljakamaid maid ja kus seetõttu kiiresti edenes nii majanduse kui ka ühiskonna arenemine. Vastavalt sellele, kuidas kõnesoleval perioodil edenes käsitöö ja laienes kaubanduslik läbikäimine naabritega, tõusid teiste seast esile üksikud kesksed asustatud kohad, mis olid ühendusteede poolest soodsas asendis. Niisugusteks majandusliku arenemise ja ühtlasi liikumise suhtes eriti soodsais tingimusis olevaiks kohtadeks olid äsjamainitud keskused Otepää, Tartu, Kolõvan-Lindanise jt., kuhu seetõttu kirjeldataval varase feodalismi perioodil hakkasid moodustuma Eesti ala esimesed linnataolised asulad, oskuslikuma käsitöö ja arenenuma kaubanduse koonduskohad. Linnatüüpi asulad olid harilikult seotud linnusega, mis sellises kohas kujunes suureks ja tugevaks. Need linnused kujutasid endast feodaliseeruva ülikkonna tugikohti, kust see teostas oma võimu kujunevate käsitöö ja kaubanduse keskuste üle. Linnataolisi asulaid ja nendega seotud suuri linnuseid ei või seepärast üksteisest lahutada, vaid neid tuleb vaadelda koos.

Üheks selle perioodi tugevamaks ja kesksemaks eestlaste linnuseks oli juba korduvalt mainitud Otepää. See asus viljakate põllualade keskel, kus nähtavasti oli juba varakult suhteliselt tihe asustus. Otepää asetseb kohas, kus lõunast, latgali ja liivi maade poolt, põhja suunas, Eesti põhjarannikule viivast suurest ühendusteest hargnes tee ida poole, Pskovi ja Novgorodi. Ühtlasi hargnesid siit ka teised teed läände ja loodesse, Viljandisse ja mujale. Nõnda asetses Otepää tähtsas ühendusteede sõlmkohas, mille osatähtsus eriti XI—XII sajandist alates tõusis, kui tihenes nimetatud Vene linnade läbikäimine Baltimere äärsete sadamakohtadega. Seepärast on arusaadav, et vanad vene kroonikad, letopissid, Otepääd hästi tunnevad. Ühes ühiskondlike tingimuste arenemisega muutus Otepää linnus oma iseloomult, kuid seda ei jäetud mitte maha, nagu paljusid teisi linnuseid. Hilisemate linnuste hulgas ei kuulunud Otepää just suurimate hulka, kuid see oli oma erakordselt kõrgete ja järskude nõlvadega siiski üks tugevamaid.

---

[33] Leiud — AI 4076.

[34] Leitud venepärane ristikujuline pronksripats ja keraamikat, sealhulgas kedral valmistatud nõude kilde, AI 2643 : 125 ja 4081.



Joon. 26. Esemeid XI—XII sajandist Otepää linnamäelt. 1, 3 — rinnanõelad ristikujulise peaga, pronksist; 2 — venepärane oimurõngas, pronksist; 4 — hoburaudsõlg, pronksist; 5—7 — nooleotsad; 8 — mõõgatupe otsik, pronksist; 9 — läbipuuritud sealuu (vurriluu?). (AI 4036:I 713, I 556, I 360, II 605, II 454, I 196 — nr. 6, 7 —, I 178, II 565.)

Nagu on selgunud viimaste aastate arheoloogilistel kaevamistel,[35] on Otepää linnust II aastatuhande algul tugevdatud muldvalli ehitamisega mäe põhjaäärele, vastu selle ees olevat madalamat astangut. Sellega koos on tugevdatud ilmsesti ka selle valli idapoolse otsa kohal olnud väravat. Kaevamised näitasid, et muistne kultuurkiht Otepää linnamäel on 50—80 cm paks, seega paksem kui teistel eespool kirjeldatud linnustel, mis muidugi seletub selle linnuse kauaaegse olemasoluga. Leitud esemelisest materjalist mainitagu peale keraamika, mille hulgas selle perioodi kihtides domineerib kedrakeraamika, veel mitmeid vene päritoluga metallesemeid, mis on selgeks tõendiks selle koha osatähtsusest Vene ja Eesti alade vahelises suhtlemises. Nõnda on siit leitud näiteks tüüpiline vene kolme helmega oimurõngas (joon. 26 : 2), paar venepärast lamedat käevõru, milliseid muidu Eestis ei esine, oma tüübilt venepärane punutud kaelavõru, mis hiljem Eesti mandril laialt levis jne. On leitud ka rida venepäraseid rauast nooleotsi (joon. 26 : 5); XIII ja järgnevate sajandite leidude seas on saksa ammunooleotsi. Kuigi eestlaste linnuse kultuurkiht on tugevasti segatud Otepää linnamäele piiskopilinnuse ehitamisel, on siiski loota, et jätkuvate

[35] Märgitagu, et juba 1895. aastal kaevas Otepää linnamäge vene arheoloog S. K. Bogojavlenski. Neil kaevamistel saadud leiuaines ei ole suur, see säilib Moskvas Riiklikus Ajaloo Muuseumis. Vrd. lühikest aruannet kaevamistest: Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в г. Риге. Вып. II, M. 1896, lk. 34—35.

kaevamiste kaudu sellest kesksest muistsest kindlustusest teatav pilt saadakse.

Otepää linnamäe madalamalt, põhjapoolselt astangult on saadud esialgseil kaevamistel leide, mis lasevad oletada, et seal on XI—XII sajandist alates olnud asula. Linnamäest loode poole, üle kitsa märja oru, on samuti jälgi vanast asulast. Linnamäe idakülje all aga on muistne kalmistu. Nende muististe põhjalikum uurimine on alles veel ees. Ühtekokku tähistab see muististekompleks Otepääd kui omaaja suurt keskust.

Teisteks suurematèks kindlustatud kohtadeks ja linnataolisteks asulateks Lõuna-Eestis olid T a r t u ja V i l j a n d i. Kumbki neist asetses suurel põhjast lõunasse viival teel. Kummagi lähikonnast, iseäranis aga Tartust ja Tartu ümbrusest, on leitud rida IX—XI sajandi müntidest koosnevaid aardeid, mis tähistavad neid kui kaubanduse keskusi. Mõlema tähtsus ilmneb edasi ka sellest tõsiasjast, et just neid püüdsid kõige esmalt haarata XIII sajandi algul maaletungivad saksa vallutajad ja nende punktide vallutamine otsustas ka Lõuna-Eesti saatuse. Linnatüüpi keskuse kujunemisele Tartus mõjusid, nagu juba märgitud, kaasa Vene vürstid, kelle tugikohaks Tartu sai XI sajandist peale. Ei Tartut ega Viljandit pole veel arheoloogiliselt uuritud, mispärast me nende keskuste kujunemisest veel ei tea lähemaid üksikasju.

Põhja-Eestis oli kõige väljapaistvam keskus ja kindlustatud koht nüüdsel T a l l i n n a Toompea paesel rünkal. Seda tunnevad muistsed vene allikad Kolõvani (Колывань) nime all. Sama nimetusega (Koluvan ehk Koluvani) tähistab seda ka araabia geograaf Idrīsi aastal 1154. Kolõvani nimetus tuli tõenäoliselt koha vanast eestikeelsest nimest ja seda on arvatud võivat ühendada eesti rahvakangelase Kalevi nimega. Skandinaavlased nimetasid seda linnust Lindaniseks, millest paistab olevat tõlke teel moodustatud soomekeelne nimetus Kesoniemi. «Lindanisest» paistab olevat tekkinud ka selle koha teine vana venekeelne nimetus Ledenets (Леденец). Nagu näeme, oli see koht tuntud väga kaugel.

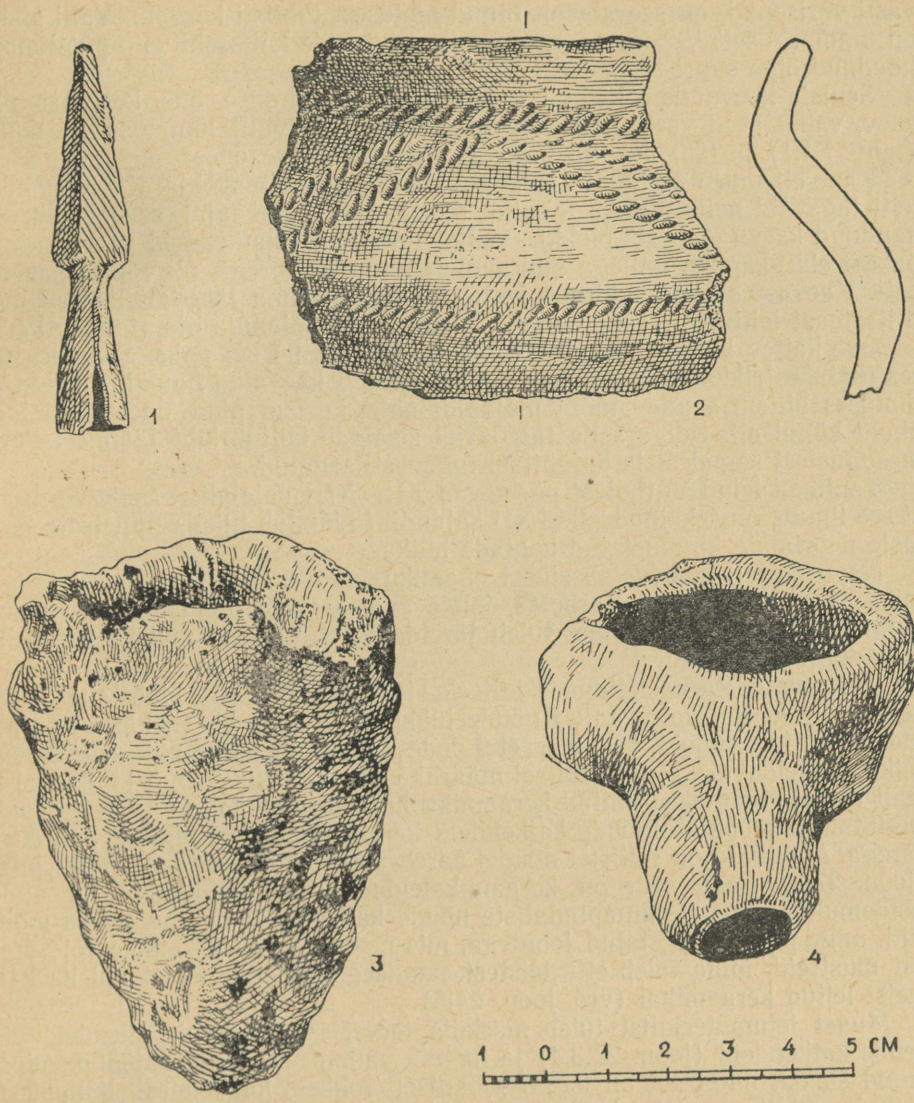
Kolõvan omandas esikoha teiste samalaadsete sadamakohtade seas Põhja-Eesti rannikul (näit. Jägala jõesuu, Toolse jt.) tänu oma erakordselt soodsale asendile ühendusteede poolest. Sellest looduslikult hästikaitstud sadamakohast hargnesid ida, kagu, lõuna ja edela suunas maisteed. Tallinnast ja Tallinna ümbruskonna külade alalt on leitud terve rida suuri IX—XII sajandi mündi- ja aardeleide. Nagu Otepää, Tartu ja teiste linnatüüpi keskuste kujunemisele, nii mõjus ka Tallinna-Kolõvani esilekerkimisele kaasa eriti kaubaühendus Venega, Pskovi ja Novgorodi linnaga.

Tallinna Toompeal asetsenud linnus oli nähtavasti muistsete eestlaste suurim kindlustatud koht. Selle pindala ulatus 6—7 ha-le. Tallinnas viimastel aastatel toimunud ulatuslikud arheoloogilised kaevamised on näidanud, et kindlustus tekkis Toompeale XI sajandi paiku. Neile Tallinnas teostatud arheoloogilistele uurimistele on pühendatud käesolevas väljaandes eri kirjutus.[36]

Juba enne Suurt Isamaasõda algas Põhja-Eesti sisemaa silmapaistvaima linnuse ja keskuse V a r b o l a uurimine. Sõja läbi katkestatud kaevamisi jätkati 1953. aastal.[37] Varbola asus muistses Harju maakonnas, kus peale selle oli veel kaks tugevat kindlustust. Keava linnamägi ja Lohu Jaanilinn, kuid mõlemad olid Varbolast tunduvalt väiksemad kantsid. Varbola oli Tal-

[36] Vrd. ka S. A. T a r a k a n o v a, Arheoloogilised kaevamised Tallinnas, Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, I kd., 1952, nr. 4, lk. 55 jj. — H. M o o r a, Tallinna tekkimisest ja vanusest. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, II kd., 1953, lk. 167 jj.

[37] Kuni 1938. a. teostunud kaevamistel saadud materjalid on avaldatud MEL, lk. 183 jj., hilisemad säilivad AI 3863, 3864, 4084.



Joon. 27. Esemeid Varbola linnusest. 1 — ammunoole ots; 2 — savinõu kild; 3 — savist tiigel pronksi sulatamiseks; 4 — savist valamiskulp. (AI 3864:1; 4084:121, 415, 9.)

linna ja Jägala jõesuu linnuse järgi muistsete eestlaste suuruselt kolmas linnus — selle õue pindala oli ümmarguselt 2 ha.

Nagu teisi suuri kindlustusi, tunti ka Varbolat väljaspool. Seda mainitakse muistseis vene letopissides «Varblase nina» nime all. See nimetus oli täiesti õigustatud, sest Varbola linnus on ehitatud lameda paese neemiku otsale. Kuna neemiku kõrgus ulatus kõigest 2—3 m-ni, siis püstitati vall mitte ainult selle «maapoolsele» küljele, vaid ka äärtele ja tipu kohale, nii et see piiras ümberringi kogu linnust. Vall ehitati Põhja- ja Lääne-Eestile vanast ajast omaseks saanud viisil paeplaatidest kuivmüürina. Valli väliskülje kalle on 65°, mis on enam kui kaks korda järsem kui tavalistel muldvallidel, Valli kõrgus on 5—7 m; kui kaasa arvata neemiku nõlv, kerkib valli välissein praegu 7—10 m kõrguseni. Kuna vall on aegade jooksul tuge-

vasti varisenud, on see algselt olnud nüüdsest tublisti kõrgem. Valli pikkus on ümmarguselt ½ km, seega on selle ja muude kaitseehituste püstitamine nõudnud õige suurt tööd.

Seniste kaevamiste käigus on tühjendatud linnuse õue keskosas olev kaev, vabastatud varisenud rusudest teatav lõik valli lõunaosa välisküljel (tahv. XI:1) ja läbi uuritud mitu kaevandit linnuse õues.

Kaev oli murtud kuni 14 m sügavale paesesse aluspõhja. Kaevu põhjast leiti tugevaid nelinurkseks tahutud palke, mis omal ajal arvatavasti olid kandnud kaevu võlli või plokki. Sealtsamast saadi katkendeid paarist niinevakast ehk -kapast, millega siin samuti nagu Lõhaveres oli võetud kaevust vett. Kaevust saadi ka kirves, mille kuuas oli silma lähedalt läbi raiutud. Siitsamast leiti veel raske pahklik tammepuust sõjanuia ots (tahv. XIV:5).

Õue kattev kultuurkiht on eri paigus 50 kuni 90 cm paks. Seda on suures ulatuses rikkunud õue XVI—XVII sajandil kaevatud hauad. Pealegi on linnuses hiljem asunud mõni majapidamine ja õue pind on suurelt jaolt olnud künni all. Kõige selle tagajärjel sisaldab kultuurkiht jäänuseid mitmesugustest aegadest ja on ühtlasi tugevasti segatud.

Vanimad leiud Varbolast pärinevad XII—XIII sajandist. Sellest selgub, et see linnus on tekkinud alles XII sajandil ja kuulub niisiis muistsete eestlaste noorimate kindlustatud kohtade hulka.

Nagu mujal, moodustab siingi enamiku varasemast leiuainesest keraamika. Seda ei ole aga Varbolas, teiste samaaegsete linnustega võrreldes, kuigi palju. Sellest asjaolust tuleb järeldada, et Varbola muistsete elanike hulk ei ole olnud suur.

Vaatamata Varbola linnuse hilisele tekkimisajale sisaldab siit leitud keraamika kedral valmistatud nõude tükkide kõrval rohkesti käsitsi vormitud nõude katkendeid. Paistab, et Loode-Eestis ei pääsenud kedrakeraamika vaadeldavaks ajaks veel sel määral valitsema, kui lõuna- ja idapoolsemail aladel. Käsitsi vormitud keraamika hulgas tuleb kaunis tihti ette paksuseinaliste mõhkjatè nõude katkendeid kerges kaares väljapoole pöörduva äärega. Mõnikord on sellistel nõudel ääreosas nööri meenutava templi jälgi (joon. 27:2). Peale selle on keraamikaleidude seas üksikuid Eesti alale iseloomulike mustade kiilapinnaliste nõude katkendeid; on saadud ka mõni kild, mille pind on ilustatud joontega, mis moodustavad sik-sakke või võrelisi mustreid, mida tuleb ette teistest samaaegsetest linnustest kui ka kalmeist leitud keraamikal (vrd. joon. 24:5).

Muust leiumaterjalist tuleb märkida tervet rida valamisvahendeid või nende katkendeid (joon. 27:3,4) ja metalli sulamisel ning sepatööl moodustunud šlakki, mida siit on leitud suhteliselt rohkem kui teistest linnustest. Leitud metallesemeist nimetatagu kaht novgorodipärast pronkstraatidest kokkukeeratud käevõru ja venepärast pronksristi ning võrelist ripatsit. Tuleb tähendada, et samalaadseid vene tüüpi ehteid, eriti novgorodipäraseid käevõrusid (vrd. joon. 24:6), on leitud peaaegu kõigist hilistest linnustest, Lõhaverest, Naanult, Tallinnast ja mujalt, mis annab kujukat tunnistust tihedast läbikäimisest Novgorodimaaga.

Varbolast leitud loomaluud,[38] nagu teistegi hiliste linnuste luumaterjal, kuuluvad ülekaalukalt koduloomadele (kõige rohkem on nende seas lamba või kitse, veise ja sea luid, lisaks ka mõned hobuse luud).

Varbola linnuse lähimas ümbruses ei ole leitud jälgi selle juurde kuulunud asulast. Paistab, et selles suures kindlustatud kohas on kogu elu olnud koondatud avarasse valliga kaitstud linnusesse endasse.

Varbola taolisi tugeva ringvalliga piiratud linnuseid kerkis umbes samal ajal tasase pinnareljeefiga Loode-Eestis ja saartel veel terve rida.

[38] Luud määranud prof. V. J. Tsalkin.

Kuigi ükski neist ei ole suuruselt võrdne Varbolaga, tunnistavad kõik need linnused siiski, et selles piirkonnas ülikkond võis käsutada ja tööle panna suuri rahvahulki. Mandri suuremaist linnustest, mis nagu Varbolagi olid piiratud kõrge ringvalliga ja mis nähtavasti omasid ka umbes samasugust tähtsust, nimetame Lihulat ja Soontagat, saartel aga Muhu, Pöide ja Valjala maalinna.

Kirjeldatud suured ja kesksed linnused ning nendega seotud linnatüüpi asulad, samuti nagu tolleaegsed väiksemad kindlustusedki, olid feodaliseeruva ülikkonna tugikohtadeks. On aga vähe usutav, et kesksed linnused ja asulad oleksid olnud samuti nagu Lõhavere või Naanu kants ainult teatava ühe ülika päralt. Niisuguste suurte linnuste, nagu näiteks Tartu või Varbola ehitamine ja kaitsmine ei oleks olnud üheleainsale rikkale tolleaja tingimustes veel jõukohane. Seepärast paistab tõenäolisena, et suured keskused olid teatava piirkonna rikaste päralt, kes omavahel olid teatavas hierarhilises vahekorras, kus vähemjõukad ühes oma sõltlastalurahvaga olid sõltuvuses võimsamaist ülikaist. Nõnda ehitasid ja kaitsesid suurt linnust ja keskust ühiselt selle ümbruskonna mitmesugused ülikad ja nende talurahvas. Kui vanades kroonikates kõneldakse näiteks varbollastest, viljandlastest, otepäälastest või tartlastest,[39] mõeldakse sellega ilmselt teatava linnuse ümbruse ülikaid ja nende rahvast.

Muistsete linnuste järk-järguline muutumine kajastab, nagu lühidalt oleme püüdnud näidata, eesti hõimude ühiskondlikku arenemist ligemale kahe aastatuhande jooksul, sugukondlikust korrast kuni varajaste feodaalsuhete kujunemiseni. Kuna meie teadmised neist mälestusmärkidest on alles küllaltki kasinad, kannavad paljud järeldused esialgu enam või vähem tõenäoliste oletuste iseloomu. Pole kahtlust, et jätkuv uurimistöö annab nende küsimuste kohta enam selgust ja kindlust.

---

[39] Vrd. Liivimaa kroonika, XXIX : 7 (warbolenses) või Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л. 1950, lk. 77 (вельядци, медвежане, юрьевци).

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ В ЭСТОНСКОЙ ССР

Х. А. МООРА

Резюме

Городищ на территории Эстонской ССР значительно меньше, чем в пределах других прибалтийских республик. Их число в Эстонии лишь немногим превышает 100, в то время как в Латвии насчитывается более 350, а в Литве свыше 1000 городищ.

Городища в Эстонии были до недавнего времени изучены слабо. Археологические раскопки городищ в некоторых масштабах были начаты в 30-х годах текущего столетия. Но буржуазная археология не была в состоянии научно поставить даже самый вопрос изучения этих памятников. Только в Советской Эстонии созданы все условия для планомерного и подлинно научного изучения городищ как исторических памятников. Начиная с 1948 года Институт истории АН ЭССР производил ежегодно систематические раскопки ряда городищ. Одновременно проводилось предварительное обследование большого числа других городищ и некоторых связанных с ними поселений.

Результаты этих работ доказывают, что характер древних укреплений пережил примерно за двухтысячелетний период их существования значительные изменения. В развитии эстонских городищ можно в основном различить четыре этапа. Древнейшие городища, относящиеся к последнему тысячелетию до н. э., представляли собой укрепленные поселения. В последующий период, охватывающий первую половину I тысячелетия н. э., они сменяются укрепленными убежищами, использовавшимися временно, когда населению угрожало нападение врагов. Третий период, вторая половина I тысячелетия, представлен сравнительно многочисленными, по преимуществу небольшими городищами, которые были постоянно заселены, но, повидимому, лишь небольшими коллективами; вероятно на городищах жили в этот период представители имущей знати. Четвертый этап, охватывающий период с XI по начало XIII в., характеризуется появлением сильно укрепленных замков феодализирующейся знати и городов.

На карте рис. 12 показано распространение городищ разных периодов на территории Эстонской ССР: 1 — ранние укрепленные поселения, 2 — городища-убежища первой половины I тысячелетия н. э., 3 — городища второй половины I тысячелетия, 4 — городища того же периода, но продолжающие существовать еще и в XI—XIII вв., 5 — городища типа замков XI—XIII вв., 6 — городища типа городов XI—XIII вв., 7 — городища недатированные. На карте показаны также важнейшие пути сообщения.

Укрепленные поселения последнего тысячелетия до н. э. обнаружены пока в Асва на острове Сааремаа, в Иру близ Таллина, в городе Нарве и в Отепяа на юге Эстонии. Ввиду того, что одному из укрепленных посе-

лений, Асва, посвящена особая статья, автор на них подробнее не останавливается.

Ряд городищ первой половины I тысячелетия н. э. исследован на севере Эстонии. Сюда относятся городища Койла в Кивиылиском районе, Пахнимяги в Клооди близ г. Раквере, Таракаллас в Кивиылиском районе на правом берегу нижнего течения р. Пуртсе и Муукси в Локсаском районе[1]. Для этих городищ характерны сравнительно крупные размеры (площадка охватывает 3700—7500 м²), незначительный и бедный вещественным и костным материалом культурный слой и сравнительно слабые защитные сооружения (высота вала не превышает 1—3 м; ср., например, городище Муукси, табл. VIII : 1). Среди обнаруженной на них керамики имеются, наряду с отдельными обломками поздней сетчатой посуды и черепками сосудов с штрихованной поверхностью, также остатки гладкостенных сосудов (рис. 13). Судя по керамике и другим находкам, некоторые из этих городищ возникли, повидимому, уже в конце последнего тысячелетия до н. э. Большинство названных городищ прекратило свое существование в середине или в начале второй половины I тысячелетия. В окрестностях этих городищ отмечены многочисленные современные им могильники.

Этот тип городищ относится ко времени, когда земледелие стало основой хозяйства и когда в связи с этим происходило расселение населения из древних родовых центров на более обширные пространства. Эти городища принадлежали, очевидно, родственным общинам, которые жили не в самом укреплении, а в его окрестностях, и которые сходились сюда лишь временами, укрываясь здесь от врагов.

В середине I тысячелетия н. э. наблюдается возникновение городищ нового типа, представителем которого может служить городище Рыуге в Выруском районе, на юго-востоке Эстонской ССР. Сюда же относятся городище Пеэду в Эльваском районе, приблизительно в 20 км южнее г. Тарту, и еще ряд других укрепленных мест в тех же южных частях Эстонии. Это большей частью небольшие городища, которые показывают значительное сходство между собой. В противоположность предшествующему типу городищ, они имеют довольно значительный культурный слой.

Городище Рыуге расположено на узком мысу (рис. 14) и отрезано, как обычно, с напольной стороны рвом и валом, достигающим в настоящее время высоты до 3 м. Ввиду того, что стрелка мыса была очень узкой, площадка городища отрезана рвом и от нее. На внутреннюю сторону рва был насыпан невысокий вал, который, однако, снесен в недавнем прошлом при нивелировке этого конца городища. Площадка, охватывающая в свое время примерно 1000 м², имеет культурный слой толщиной в среднем 40 см, местами же его толщина достигает 1 м. Проложенная через лицевой вал траншея показала, что насыпь вала состоит из 6 слоев, соответствующих разным периодам существования городища. Слои отделены друг от друга углистыми прослойками, представляющими собой остатки уничтоженных пожаром бревенчатых защитных сооружений. На площадке у внутреннего подножия вала лежали груды метательных камней, сложенных в свое время на деревянных оборонительных сооружениях вала.

На площадке раскопками вскрыты остатки глинобитных полов трех-четырех прямоугольных домов, размерами 2,5—5,5×4,5—7 м. Два из них имели очаги, сложенные из булыжника. Были обнаружены также остатки небольшой бревенчатой постройки, повидимому мастерской, вокруг очага которой лежали обломки тиглей и литейных формочек (ср. рис. 16 : 1, 2).

[1] Более подробно названные городища и их материалы описаны в работе М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин, 1955, стр. 166 и сл.

Южная половина площадки была свободна от построек. Здесь обнаружено несколько очагов. С южной стороны, где городище имело сравнительно высокий естественный склон, площадка была, очевидно, защищена лишь частоколом.

Рис. 14 передает схематический план городища Рыуге и (наверху, слева) профиль его вала (по южной стенке раскопа). *На профиле:* 1 — дерновый слой; 2 — углистый песок; 3 — глинистый песок; 4 — уголь; 5 — строительные периоды; 6 — места, в которых взяты монолиты (табл. IX : 1, 2). *На плане:* 7 — площадка городища; 8 — раскопанная площадь; 9 — глинобитные полы домов; 10 — очаги; 11 — обуглившиеся бревна, уголь; 12 — камни. Западный конец профиля справа, восточный — слева. Сечение горизонталей через 1 м.

На табл. IX : 1, 2 воспроизведены фотографии двух пленочных монолитов, взятых из профиля вала, изображенного на рис. 14. Места, откуда взяты монолиты, отмечены на профиле скобками и цифрами 1, 2. *Ia* — обозначает на пленочном монолите насыпь вала в первой строительный период, *b* — остатки угля над ней; *IIa* — подсыпку вала во второй период и *b* — уголь над ней; *IIIa, b* и *IVa, b* — соответственно, подсыпку и уголь третьего и четвертого периодов.

Раскопки дали ряд металлических и роговых предметов (рис. 15, 16), а также значительное количество керамики V—XI вв. Роговые уточки и гребни имеют параллели среди латгальских и кривичских памятников. Керамика распадается в основном на два типа. С одной стороны, в нее входят горшковидные сосуды, по преимуществу средних размеров, с неровной поверхностью, изготовленные из глины с содержанием дресвы; под отогнутым слегка краем сосудов нередко имеется ряд небольших отверстий (рис. 17: 3). Эти сосуды предназначены главным образом для хранения запасов. Другой тип керамики представляют гладкостенные сосуды, имеющие нередко форму круглодонных мисок (рис. 17: 1, 2). Оба типа керамики характерны вообще для городищ юго-востока Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. Эта керамика имеет значительное сходство с одновременной керамикой городищ Псковщины и Белоруссии.

Обнаруженные на городище литейные формочки, а также сырье для изготовления роговых предметов (рис. 16 : 8) свидетельствуют о ремесленном производстве, рассчитанном в основном на свои потребности.

В 20 метрах восточнее городища Рыуге обнаружены остатки современного ему поселения площадью около 0,7 га.

Другие небольшие городища юго-востока Эстонии, как, например, Пеэду и Унипиха в Эльваском районе, дали материалы, совершенно сходные с материалом из Рыуге. При городище Унипиха обнаружено также поселение.

Наряду с небольшими укрепленными населенными пунктами во второй половине I тысячелетия встречались и отдельные более крупные городища, например Отепяа у районного центра того же названия. Керамика и металлические изделия данного периода из раскопок в Отепяа (рис. 19) соответствуют подобным материалам с городищ Пеэду и Рыуге.

На севере Эстонии, несколько восточнее Таллина, лежит городище Иру. Оно занимает узкое возвышение, вытянутое с севера на юг и омываемое с западной и восточной сторон рекой Пирита (табл. VIII : 2). Городище отрезано с обоих концов валами, остатки которых имеют в настоящее время высоту лишь 1—1,5 м. Площадка пересечена примерно в средней части еще и третьим валом, который разделяет городище на два участка — северный, площадью около 1100 м², и южный, площадью около 4000 м². Основной частью городища был, как установлено раскопками,

северный участок, между тем как южная, бóльшая часть использовалась только временно, под конец существования крепости.

На месте северного участка в середине и во второй половине I тысячелетия до н. э. существовало укрепленное поселение. Из последующего периода, первых веков н. э., пока материалов не обнаружено. Вероятно, в V—VI веке северная часть городища была заново укреплена. Это укрепление пережило три различных строительных периода и просуществовало до XI в. Культурный слой здесь в значительной мере нарушен распашкой, он имеет толщину 20—30 см.

Валы построены характерным для северной Эстонии образом, в виде почти отвесной стены из плитняка, толщиной около 2 м, способом сухой кладки. На них имелись, по всей вероятности, еще деревянные оборонительные сооружения. Вдоль обоих боковых склонов площадка имела, повидимому, также плитняковые ограды. Третий, самый южный вал был построен в VII—VIII вв. и пережил только один строительный период.

Характер культурного слоя, а также добытый раскопками материал свидетельствуют о том, что городище Иру было постоянно заселено. В ходе раскопок были обнаружены следы от деревянных столбов, сложенные из камней очаги, зерна хлебных растений, обломки тиглей для плавки бронзы, железные шлаки и др. остатки. Керамика представлена, с одной стороны, крупными сосудами баночной формы сравнительно небрежной работы, а с другой — небольшими чашевидными сосудами с тщательно сглаженной, часто даже с лощеной поверхностью (рис. 20).

Для городищ второй половины I тысячелетия типично, как мы видели, наличие сравнительного мощного культурного слоя, характер и содержание которого указывают на то, что эти городища были постоянно обитаемы. В нескольких случаях при городищах этого периода обнаружены остатки поселений. Судя по всем данным, эти укрепленные пункты, относящиеся к периоду распада первобытно-общинного строя и зарождения классовых отношений, принадлежали верхушке имущей знати. Из того обстоятельства, что эти городища имеют сравнительно слабые защитные сооружения, можно заключить, что верхи знати в этот период не имели еще в своем распоряжении сколько-нибудь значительной рабочей силы.

Позднейшие городища, относящиеся к XI—XII вв. и к началу XIII в, т. е. к периоду возникновения в древнеэстонском обществе феодальных отношений, отличаются от укреплений предшествующего периода прежде всего значительно большей мощностью защитных сооружений. Городища этого периода неоднородны. Среди них имеются, во-первых, крепости крупных центров городского типа, во-вторых, замки феодализирующейся знати и, наконец, ряд городищ, лишенных культурного слоя.

Примером городищ, не имеющих культурного слоя, может служить Леэримяги в Каукси, Пыльваского района. По своему характеру оно относится к мысовым укреплениям. Городище имеет лицевой вал, высота которого со дна рва в настоящее время достигает 7 м, но, кроме того, оно ограждено еще и невысоким валом по всему краю площадки. Последняя охватывает примерно 1400 м². Площадка не выровнена, а несколько поднимается в средней части. Вообще это городище, как и все другие городища, лишенные культурного слоя, оставляет впечатление, что его постройка не была закончена. На Леэримяги обнаружено несколько обломков лепной керамики с неровной поверхностью, относящейся, вероятно, к X—XI вв.

Характерной особенностью описываемого периода является возникновение крепостей городского типа.

Из этих крупных крепостей назовем Тарту и Отепяа в древнеэстонской «земле» Уганди, Вильянди в «земле» Сакала, Варбола в «земле» Харью-

маа, Таллин—Колывань в «земле» Рявала и др. Крупнейшей из них — Таллину посвящена в настоящем сборнике особая статья.

Эти крепости были опорными пунктами властвования верхушки местной знати над окрестной территорией, в частности над расположенными у этих городищ ремесленными и торговыми центрами. О видной роли этих укрепленных мест свидетельствует упоминание ряда из них в древнерусских летописях (Отепяа — «Медвежья голова», Варбола — «Воробьиный нос» и т. д.). На месте городища Тарту Ярослав Мудрый построил в 1030 г. город Юрьев. Таким образом, основа градостроительству в Прибалтике была положена русскими.

Эти поздние крепости были защищены, как и более ранние, земляными валами и деревянными сооружениями в виде бревенчатых срубов. Но их валы достигают 8—10 и более метров высоты. Площадь большинства крепостей превышает 4000 м². Крупнейшая из них — Таллин (Колывань) имела площадь в 6—7 га.

Крупные городища типа городов изучены пока слабо. Большинство этих городищ было позже застроено и их исследование связано поэтому с большими трудностями. Некоторый материал по этому типу городищ дали раскопки в Отепяа (рис. 26).

Городище Варбола расположено на северо-западе Эстонии, примерно в 45 км южнее Таллина, на невысоком известняковом мысу. Ввиду того, что естественный мыс имеет лишь небольшую высоту (2—3 м), площадка окружена со всех сторон валом, общая длина которого достигает 0,5 км. Вал построен, как обычно на севере и западе Эстонии, из известнякового плитняка по способу сухой кладки (табл. XI : 1). Его развалины еще и в настоящее время достигают местами высоты 10 м. Внешняя сторона плитнякового вала поднимается под углом в 65°, между тем как соответствующий угол у земляных валов на юге Эстонии составляет лишь 30—35°.

Окруженная валом площадка охватывает 2 га. В средней части площадки имеется колодец, выломанный в известняковом грунте до глубины 14 м. Толщина покрывающего площадку культурного слоя колеблется от 50 до 90 см. Культурный слой в значительной своей части потревожен кладбищем XVI—XVII вв. Судя по материалам из раскопок городища Варбола, оно возникло в XII веке и было постоянно заселено.

Раскопками обнаружены сложенные из камней очаги и сравнительно много железных шлаков. Найдены ряд глиняных тигельков и глиняная льячка (рис. 27 : 3, 4). Из металлических предметов, найденных в ходе раскопок, упомянем несколько витых бронзовых браслетов новгородского типа, решетчатую подвеску и бронзовый крестик, оба русского происхождения, несколько бронзовых перстней, жужжалку (?) из свиной кости, несколько наконечников арбалетных стрел (рис. 27 : 1) и т. п. В колодце был найден топор с обрубленным топорищем и обломок дубовой булавы (табл. XIV : 5). Находки представляют собой по преимуществу бытовой инвентарь.

Керамики обнаружено сравнительно немного, что объясняется кратковременным существованием этого города. Среди керамики много обломков лепных сосудов (рис. 27: 2), хотя есть и черепки круговой посуды. Надо отметить, что на севере и северо-западе Эстонии лепная керамика держалась, очевидно, дольше, чем на юге. Значительная часть керамики сравнительно груба, с небрежно сглаженной поверхностью. Есть и отдельные обломки сосудов с характерной для Эстонии черной лощеной поверхностью и с линейным орнаментом в виде зигзагов или плетенки (ср. рис. 24: 5).

Примером замков отдельных представителей феодализирующейся знати может служить городище Лыхавере (Леоле) — замок Лембиту,

выдающегося военачальника эстонцев в начале XIII в. (рис. 21). Лыхавере расположено в 25 км севернее города Вильянди, в Сууре-Яниском районе. Это городище имеет, как и другие замки того же типа, небольшие размеры. Его площадка охватывает примерно 1500 м². При этом оно все же сильно укреплено. Площадка окружена со всех сторон валом, насыпанным из песка, высотой с наружной стороны 8—9 м.

Раскопками охвачен главным образом юго-восточный конец городища (на рис. 21 раскопанная площадь заштрихована). На основании добытых раскопками материалов и письменных источников городище Лыхавере датируется началом XIII в. В культурном слое, как и в насыпи вала, прослеживаются три различных горизонта, отделенные друг от друга углистыми прослойками. Таким образом, этот замок за короткое время своего существования — примерно 2—3 десятилетия — был два раза сожжен.

Лучше всего сохранились остатки построек второго, среднего периода. План раскопок юго-восточной части городища воспроизведен на табл. X. Условными знаками обозначены: 1 — остатки бревенчатой стены за валом, столбов хода и лестницы на склоне (у колодца); 2 — обуглившееся дерево; 3 — необуглившееся дерево (в насыпи вала); 4 — основания столбов; 5 — камни; 6 — светлый песок; 7 — темный песок; 8 — обожженный песок; 9 — торф в насыпи вала; 10 — уголь; 11 — современный наружный край городища; К — колодцы. Сечение горизонталей через 1 м.

После разрушения первого замка, окруженного сравнительно невысоким земляным валом, площадка была обнесена бревенчатой стеной, проходящей примерно на расстоянии 4—6 м от наружного края возвышения, на котором располагался замок. Стена на углах была срублена «в охлуп» («в чашку») и подпиралась с внутренней стороны толстыми вертикальными столбами. С наружной стороны стены был насыпан земляной вал, который своей внутренней стороной упирался в стену. На земляном валу имелись, по всей вероятности, срубные деревянные оборонительные сооружения. С внутренней стороны к стене примыкали опирающиеся на столбы навесы, а также хозяйственные постройки. В ходе раскопок было обнаружено, между прочим, основание овчарни.

На юго-восточном конце городища в упомянутой стене и в земляном валу имелся крытый ход шириной 80 см. Ход был построен уже в период существования первого замка, когда в этом месте у подножия горы имелся колодец (табл. XI : 2), но он сохранился и во второй период, хотя наружный колодец был засыпан и вместо него вырыт новый в самом замке. Ход имел с обеих сторон по 7 столбов, из которых 4 наружных были сделаны из дуба. Вал по обеим сторонам от хода был сложен из известнякового плитняка, который встречается в природном состоянии на расстоянии нескольких километров от городища.

Колодец, расположенный у подножия вала, имел сруб квадратной формы из почти необтесанных березовых бревен. Колодец на площадке замка имел глубину 9,5 м. В нем сохранились лишь нижние венцы и дно сруба. Сруб имел удлиненную форму и состоял из сосновых бревен, слегка обтесанных с внутренней стороны.

В обоих колодцах был обнаружен ряд деревянных предметов (табл. XII—XIV). Назовем из них часть лестницы, совершенно аналогичной тем, которые до настоящего времени применяются в крестьянских хозяйствах; далее было найдено несколько тщательно отделанных древков копий из дуба и можжевельника, половина простого лука из можжевельника, лубяной туес для выемки воды из колодца, два бороздника (табл. XIV : 3, 4), которыми отмечалась засеваемая полоса поля, куски лубяных

канатов из двух прядей и часть пеньковой веревки из трёх прядей (табл. XIV : 1, 2).

Керамика почти целиком круговая. Есть сосуды чисто славянского профиля, но большинство несколько отличается от славянских и изготовлено, следовательно, на месте (рис. 22).

Из остального вещественного материала, найденного на городище Лыхавере, упомянем обломки нескольких кос-горбуш, несколько удил, целый ряд ножей, наконечник копья и части еще нескольких других, наконечники стрел, в том числе ряд тяжелых наконечников арбалетных стрел (ср. рис. 27 : 1), жужжалки (?) из свиной кости (ср. рис. 26 : 9), остатки железных шлаков и т. д.

Данные раскопок, в особенности остатки хозяйственных построек и значительное количество материала бытового характера, свидетельствуют о том, что городище Лыхавере было постоянно обитаемо.

Недалеко от города Вильянди частично исследовано городище Наану, которое относится к концу XII или началу XIII века. По своему характеру и по обнаруженным раскопками материалам это городище совершенно аналогично лыхаверескому.

На рис. 23 передается схематический план городища Наану и профиль раскопа вала и прилегающей части площадки (по линии + ... —). *На плане:* 1 — площадка городища; 2 — раскопы; 3 — очаг; 4 — камни; 5 —обуглившиеся бревна; 6 — ямы от столбов. — *На профиле:* 7 — дернина; 8 — темный песок; 9 — углистый песок; 10 — обожженный песок; 11 — камни; 12 — обуглившиеся бревна; 13 — красноватый суглинок; 14 — смешанный песок; 15 — погребенный дерн; 16 — место, в котором взят монолит, изображенный на табл. IX : 3. Сечение горизонталей через 1 м.

На табл. IX : 3 воспроизводится фотографический снимок пленочного монолита, взятого из профиля вала. Место, в котором взят монолит, обозначено на рисунке профиля (рис. 23) скобками. После пожара, уничтожившего расположенные на валу бревенчатые сооружения, произошло сползание песка с верхней части вала на прилегающую часть площадки. Смешанный и отчасти обожженный песок в нижней части монолита (*р* — на таблице) представляет собой первоначальную поверхность площадки, засыпанную в результате сползания вала.

На рис. 24 представлены некоторые предметы, на рис. 25 — образцы керамики из раскопок городища Наану.

Помимо названных двух городищ, на территории Эстонии имеется ряд других подобных поздних укреплений типа замков.

Резкое усиление защитных сооружений городищ, из которых до нас дошли мощные земляные и каменные валы, говорит о том, что в этот период верхи знати располагали значительно бо́льшим количеством рабочей силы, чем в предшествующее время. Это следует объяснить возросшей эксплуатацией феодализирующей знатью труда закабаляемых крестьян. В то же время появление, в особенности в XII веке, сильно укрепленных замков свидетельствует о резком обострении в этот период противоречий между имущей знатью и массами народа.

Многие городища предшествующего периода были, как мы видели, в начале II тысячелетия заброшены, лишь часть их продолжала существовать и была при этом более сильно укреплена. Местами же, как, например, в древней «земле» Вайга, отдельные слабо защищенные городища предыдущего периода просуществовали вплоть до начала XIII в. Существование наряду с сильно укрепленными замками отдельных слабых городищ старого типа указывает, повидимому, на неравномерность процесса феодализации общественных отношений.

ДРЕВНЕЙШИЕ УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Я. В. СТАНКЕВИЧ

Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР совместно с Великолукским областным и Торопецким краеведческим музеями были предприняты систематические археологические изыскания, начатые в 1949 году и продолжающиеся по настоящее время. Они охватили довольно обширную территорию, связанную с бассейном верхнего течения р. Западной Двины и междуречьем Зап. Двины и Ловати, богатую разветвленной сетью мелких притоков и озер.

Данная территория, составляющая в настоящее время восточную половину Великолукской области, известна в исторической литературе как древняя область расселения славянского племени кривичей. Несмотря на это, она оставалась до последнего времени крайне слабо изученной в археологическом отношении по сравнению с соседними областями — Псковской, Новгородской и Смоленской.

Небольшие работы по предварительному учету и первоначальной регистрации памятников, преимущественно могильников, были предприняты здесь в 1870-х годах еще Псковской археологической комиссией [1]. Они частично охватили Великолукский, Холмский и Торопецкий уезды Псковской губернии, связанные с бассейнами рек Западной Двины и Ловати, и в большей степени западные ее уезды.

В начале 1900-х годов небольшие раскопки могильных памятников в Торопецком уезде Псковской губернии впервые производит В. Н. Глазов [2].

Развернувшиеся в советское время работы по исследованию археологических памятников на территории СССР, в силу случайных обстоятельств, также лишь незначительно затронули область верхнего течения Зап. Двины. Местными музеями в это время был начат сбор сведений о памятниках.

Небольшие планомерные археологические изыскания были здесь начаты лишь в 1930-х годах. За это время разведочными работами, предпринятыми секцией археологии Института истории Академии наук БССР, было бегло охвачено течение р. Зап. Двины до границы с Латвийской ССР[3]. В эти же годы небольшие раскопки раннефеодального городища Кривит на территории г. Торопца произвел Н. П. Милонов; эти раскопки, однако, не получили освещения в печати.

---

[1] Ф. А. Ушаков, Описание древних городищ, городков, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губ. (Материалы для составления археологической карты.) Псков, 1897.

[2] Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 44—66.

[3] Запіскі Беларускай Акадэміі Навук. Кнігa 5, 1934, Менск, 1936. Археалогічные досьледы у БССР, у 1933—1934 гг.

Работами Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством автора в течение шести полевых сезонов (1949—1954 гг.) завершено сплошное обследование бассейна верхнего течения р. Западной Двины, от ее истока и разветвленной системы верхних притоков и небольших озер, вниз по течению, включая территорию граничащую с западной частью Смоленской области, а также междуречье Западной Двины и Ловати, примыкающее к северным районам Белоруссии.

Во время рекогносцировочных работ в этом районе было вновь открыто и обследовано значительное число археологических памятников преимущественно I тысячелетия н. э., составлена археологическая карта, произведены раскопки ряда поселений и могильников. Это дало нам известные основания для характеристики последовательных этапов исторического развития общества на данной территории. Результаты произведенных работ уже частично освещались в печати [4].

Следует указать, что в 1952—1953 гг. небольшие разведочные работы проводились одновременно в западных районах области — Себежском и Идрицком — участником нашей экспедиции Ф. Д. Гуревич. Ею были обследованы памятники I тысячелетия н. э. преимущественно в южной, озерной части Себежского района. В процессе этих работ выявлена известная близость памятников Себежского района, связанных с бассейном р. Великой, с верхнедвинскими, отличающихся, однако, от последних рядом существенных локальных особенностей.

Прежде чем обратиться к основной теме настоящей статьи — характеристике древнейшей группы укрепленных поселений верхнего Подвинья, следует бегло остановиться на памятниках предшествующей поры, отражающих первоначальные этапы заселения человеком данной территории.

К числу этих памятников относятся многочисленные неолитические стоянки (рис. 28 : 1—71) [5]. Весьма характерно их топографическое положение: они расположены, как правило, на сухих песчаных мысах, лежащих в пойме, чаще всего в устье или истоке небольших рек, или в бассейне озер, в местах, какими изобилует верхнее Подвинье, особенно северо-восточная его часть.

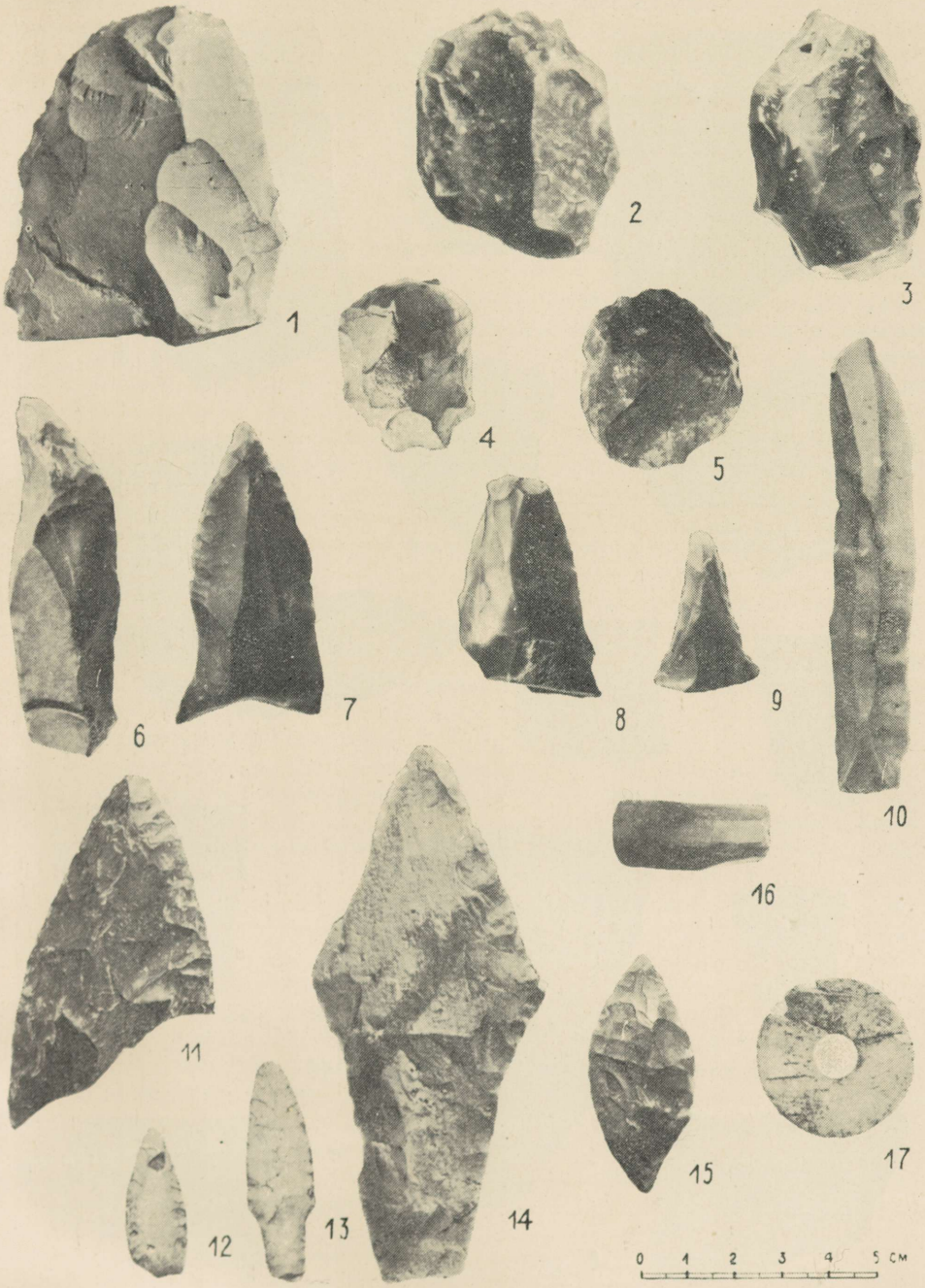
Река Зап. Двина берет здесь свое начало из маленького озерка Двинца, расположенного на водораздельной линии Валдайской моренной гряды, несколько западнее истоков р. Волги. До впадения в озеро Охват Двина представляет собой небольшой ручеек и лишь при истоке из озера становится полноводной рекой. И само озеро Охват, узкое, вытянутое с северо-востока на юго-запад до 17 км, с живописными изрезанными берегами, и весь верхний участок Зап. Двины с примыкающими озерами Отолово, Бросно, Волкото, соединяющимися с Двиной ее правыми притоками Броснецой, Волкотой и др., богаты следами неолитической культуры.

Не менее изобилует неолитическими памятниками бассейн правого притока Двины — р. Торопы, в верхнем своем течении связанной с бассейнами озер Яссы (Туровское), Заликовье, Соломенное, далее на протяжении около 80 км протекающей параллельно руслу Двины и впадающей в нее в одном месте с рекой Жижицей, в области бассейна Жижицкого озера.

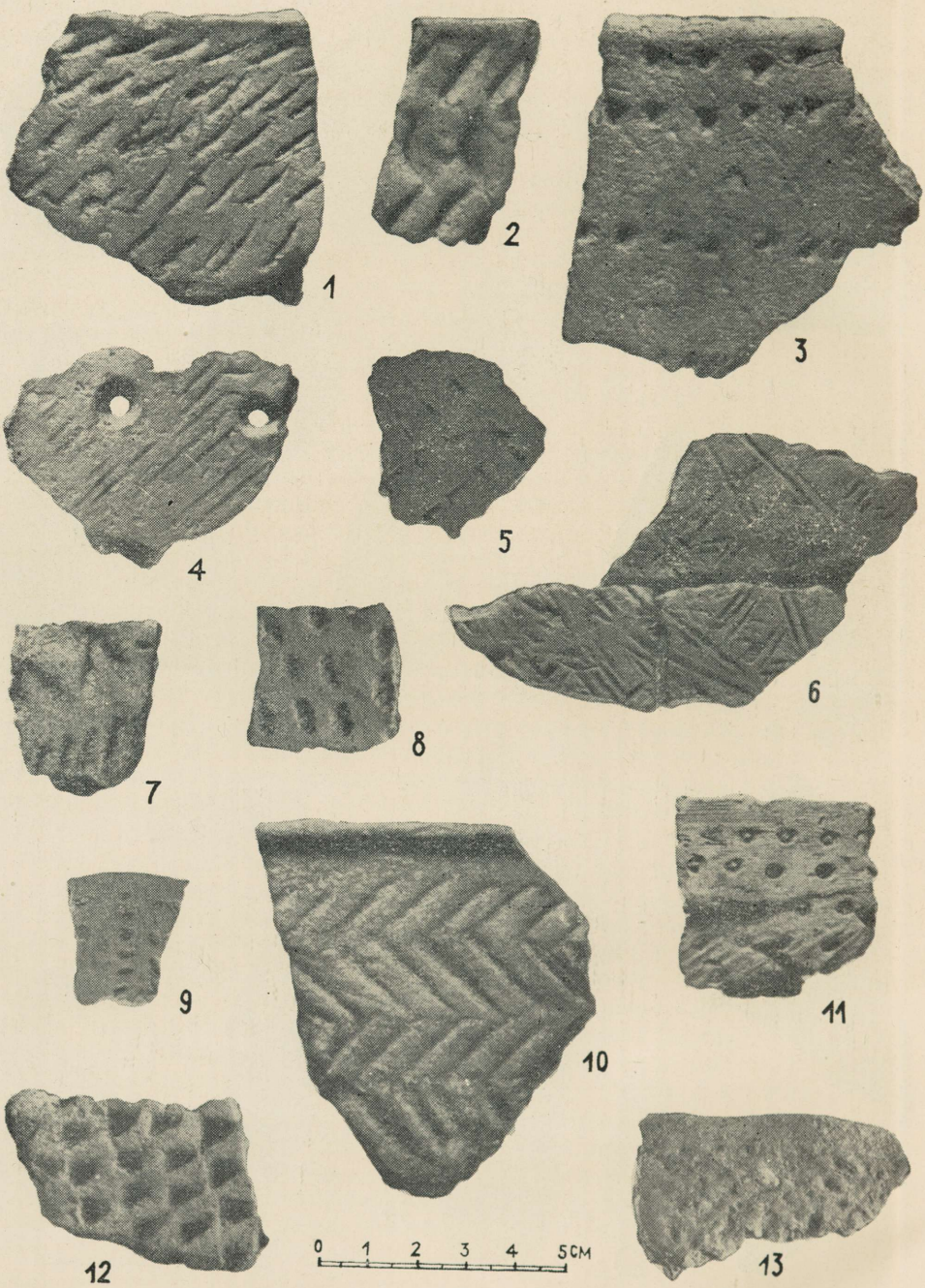
---

[4] Я. В. Станкевич, Археологическая разведка в Великолукской области. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 82 и сл.; е е ж е, Итоги археологических работ 1950 года в Великолукской области. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 86 и сл.; е е ж е, Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 60 и сл.

[5] В 1949 г. обследование неолитических памятников производилось участником экспедиции Н. Н. Гуриной.



Основные типы кремневых орудий и каменных украшений со стоянок у д. Мошки (1, 5), Жерносеки (2, 3, 6, 7, 9), Дербиш (4, 8, 10—13, 15, 17), Обдынь II (14) и «Девичьи Горы» I (16). 1—5 — скребки; 6, 7 — острия; 8, 9 — резчики; 10 — ножевидная пластинка с ретушью; 11, 14 — наконечники дротиков; 12, 13, 15 — наконечники стрел; 16, 17 — украшения из мягких пород.



Образцы неолитической керамики со стоянок в ур. Дербиш (1, 2), Мошки (3—6), Обдынь IV (7, 8), «Девичьи Горы» I (9), Омжецо на Щучьем озере (10), Жерносеки (11), Обдынь III (12) и Бобровец III (13).

По всей отмеченной территории неолитические стоянки обычно расположены группами, разбросанными на расстоянии 20—35 и более километров одна от другой, по берегам озер и рек, в особенности при впадении рек в озера, на первой, реже на второй надпойменной террасе, но не выше 4 м над современным уровнем воды.

Повидимому, в несколько иных топографических условиях залегают неолитические остатки в верхнем и среднем течении Западной Двины, где они обнаруживаются сравнительно редко и всегда несколько в стороне от извилистого русла реки, на возвышенном плато коренного ее берега.

Среди таких хорошо сохранивших культурный слой, задернованных стоянок представляет интерес стоянка в урочище «Девичьи горы», на восточном берегу озера Охват (см. карту на рис. 28 : 14). На верхней площадке вдающегося здесь в озеро мыса, или рога, возвышающегося над уровнем воды на 7 м, на участке, достигающем в длину 20 м, прослеживаются культурные отложения. При шурфовке стоянки в культурном слое, на глубине 0,20—0,60 м от поверхности, обнаружено множество мелких отщепов кремня и несколько десятков крупных отщепов и ножевидных пластин со следами обработки (типа табл. XV : 10), обломки керамики, среди них часть венчика маленькой чашечки, орнаментированной рядами насечек (табл. XVI : 9). Кроме того, встречен фрагмент подвески-кольца из серого шифера, диаметром 6 см, украшенной по ребру насечкой (табл. XV : 16). В слое отмечены также мелкие трубчатые кости грызунов и птиц и угольки.

Наиболее обильный подъемный материал был собран при обследовании стоянок, расположенных в пойме р. Торопы, культурный слой которых был сильно разрушен распашкой. На основании различной мощности культурного слоя и размеров отдельных стоянок можно предположить, что среди них наряду с длительными неолитическими поселениями имелись и кратковременные стоянки.

Наряду с многочисленными кремневыми орудиями, на большинстве стоянок встречены отходы производства — незаконченные заготовки, отщепы, пластинки и мельчайшие чешуйки кремня. Среди мелких кремневых орудий, обработанных отжимной ретушью, наиболее обычны скребки разнообразной формы и размера (табл. XV : 1—5), острия (табл. XV : 6, 7), ножевидные пластинки с боковой выемкой (табл. XV : 10), наконечники стрел и дротиков с хорошо выработанным черешком (табл. XV : 11—15), наконец, весьма типичной формы высокие резчики (табл. XV : 8, 9), предназначенные, повидимому, для резьбы по кости. Подобная форма резчиков распространена в сравнительно поздних неолитических памятниках (например, в Волосовской стоянке) и лишь единично отмечена среди более ранних материалов (Льяловская стоянка и др.).

На применение крупных шлифованных орудий указывают разнообразные заготовки: топоров, долот и острий различной формы, наконец, обломки шлифованных топориков, часто вторично использованных в качестве орудия. Материалом для изготовления орудий служил самый разнообразный, в том числе и желвачный, кремень, о чем свидетельствует корка, сохранившаяся на ряде изделий. Встречена также круглая, плоская подвеска с отверстием, из мягкой породы камня (табл. XV : 17).

В довольно значительном количестве на стоянках была собрана древняя неолитическая керамика из светложелтой или красноватой глины с незначительными растительными примесями. Представлены части небольших и среднего размера сосудов с прямым венчиком, иногда с карнизиком, нависающим с внутренней их стороны. Слабо выпуклые стенки сосудов покрыты разнообразным орнаментом: поясками из косо поставленных отпечатков гребенчатого штампа (табл. XVI : 1, 2, 7, 8), расположенных

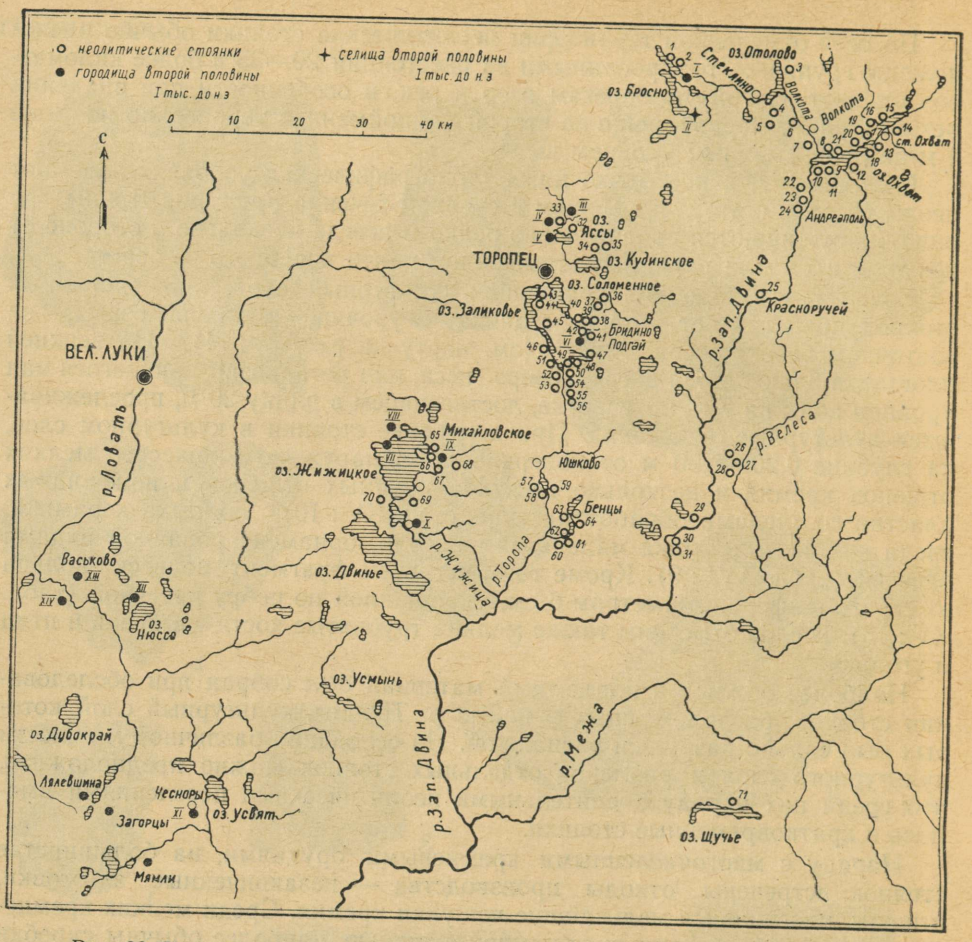


Рис. 28. Карта древнейших поселений верхнего течения Западной Двины.
Неолитические стоянки: 1 — на озере Заборовье; 2 — у д. Песчаха; 3 — в урочище Красный Рюм; 4 — близ д. Стеклино, пункт I; 5 — там же, п. II; 6 — у д. Вдовец; 7 — у д. Волкота; 8 — у пос. Бобровец; 9 — против пос. Бобровец, мыс I; 10 — там же, мыс II; 11 — там же, мыс III; 12 — в устье р. Нетесьмы; 13 — близ пос. Охват; 14 — в урочище «Девичьи Горы», мыс I; 15 — там же, мыс II; 16 — восточнее д. Обдынь; 17 — у д. Обдынь, мыс I; 18 — против д. Обдынь; 19 — у д. Обдынь, мыс II; 20 — там же, мыс III; 21 — на мысу «Журавлиный рог»; 22 — у «Порога» на Зап. Двине, п. I; 23 — там же, п. II; 24 — там же, п. III; 25 — в урочище «Красноручей»; 26 — близ д. Абаканово, п. I; 27 — там же, п. II; 28 — там же, п. III; 29 — на озере Ракомле; 30 — у д. Скрабы, п. I; 31 — там же, п. II; 32 — у бывш. пог. Турово; 33 — у д. Городок; 34 — у д. Остров, п. I; 35 — там же, п. II; 36 — близ д. Талица; 37 — у д. Папортное, п. I; 38 — там же, п. II; 39 — против д. Бридино, п. I; 40 — там же, п. II; 41 — у д. Бридино, п. I; 42 — там же, п. II; 43 — у д. Шатры, п. I; 44 — там же, п. II; 45 — у д. Мокряково; 46 — против д. Лосачи; 47 — близ д. Староселье; 48 — у д. Хворостьево, п. I; 49 — там же, п. II; 50 — там же, п. III; 51 — против д. Хворостьево, п. I; 52 — там же, п. II; 53 — у д. Золотилово; 54 — против д. Золотилово, п. I; 55 — там же, п. II; 56 — у д. Новая; 57 — в урочище «Дербиш», мыс I; 58 — там же, мыс II; 59 — там же, мыс III; 60 — против д. Жерносеки, мыс I; 61 — там же, мыс II; 62 — близ д. Жерносеки; 63 — между д. д. Жерносеки и Боруэда; 64 — у д. Бенцы; 65 — близ с. Михайловского, п. I; 66 — там же, п. II; 67 — у д. Ровонь, п. I; 68 — там же, п. II; 69 — у д. Спичино; 70 — у д. Кривицы; 71 — «Омжецо» на северном берегу Щучьего озера.
Городища и селища: I — у д. Песчаха; II — селище в урочище Ольховец; III — у д. Ахромово; IV — у д. Городок № 1; V — там же, № 2; VI — в урочище Подгай; VII — у д. Залучье; VIII — у д. Анашкино; IX — близ с. Михайловского; X — у д. Ямище; XI — у д. Чесноры; XII — у д. Нюссы; XIII — у д. Васьково; XIV — у д. Исаковщина.

в елочку нарезок (табл. XVI : 5, 10), ямочных вдавлений (табл. XVI : 3, 11, 12); иногда встречаются гладкие сосуды.

Топографическое положение неолитических стоянок верхнего Подвинья, связанных с мелкими водоемами, а также преобладание среди кремневого инвентаря орудий охоты и рыболовства свидетельствуют об охотничье-рыболовческой форме хозяйства первобытно-родовых групп, оставивших эти поселения. Не исключена возможность, что в зачаточной форме здесь же существовало и животноводство.

На основании встреченных на этих стоянках бытовых остатков — керамики, представляющей поздний этап развития ямочно-гребенчатой орнаментации, переходной к эпохе бронзы, а также на основании ведущих форм кремневых орудий, в особенности наконечников стрел с выработанным черешком, резчиков высокой формы и других, эти стоянки следует отнести к позднему неолиту. Вместе с тем, сопоставление наших памятников с неолитической культурой соседней территории, в особенности с наиболее близким ей неолитом Валдайской возвышенности, позволяет предварительно датировать их II тысячелетием до н. э. Очевидно, к этому же времени относятся и стоянки, обнаруженные в южной части верхнего Подвинья, как, например, стоянка на южном берегу Щучьего озера и другие, сближающиеся с неолитической культурой на территории Белоруссии.

Вместе с тем, на основании встреченных в отдельных пунктах (Красный Рюм, Обдынь, Пороги; рис. 28 : 3, 20, 24) орудий микролитического облика можно высказать предположение о существовании в верхнем Подвинье и более древних памятников, относящихся к развитому неолиту.

С другой стороны, весьма существенным является наличие среди наиболее сохранившихся стоянок Верхне-Двинского озерного района местонахождений с характерным сочетанием кремневых орудий позднеолитического облика и древнейшей сетчатой керамики (Бобровецкий плес, Золотилово и другие; рис. 28 : 11, 53 и табл. XVI : 13), а также керамики, покрытой перекрещивающимися штрихами (табл. XVI : 4, 6), столь характерной для памятников эпохи бронзы на территории Прибалтики.

Укрепленные поселения верхнего Подвинья можно подразделить на несколько хронологически последовательных групп. Изучение наиболее древних из них позволяет проследить известную преемственную связь этих памятников с самыми поздними стоянками, длительно сохраняющими неолитический облик культуры еще в эпоху бронзы.

При ближайшем изучении укрепленных поселений верхнего Подвинья прежде всего бросается в глаза одна их характерная особенность — небольшие размеры, однотипность формы и ее максимальная зависимость от топографии местности. При сооружении этих маленьких земляных укрепленных поселений обычно выбирались естественно защищенные береговые возвышенности или мысы, расположенные близ устья небольших рек или по берегам озер. Произведенные при этом сравнительно небольшие земляные работы, в основном ограничивающиеся отвесной подправкой склонов, превращали их сравнительно быстро в достаточно удобные укрепленные поселения.

Особое место среди древних поселений верхнего Подвинья занимает сравнительно небольшая группа древнейших городищ, достаточно ярко выделяющихся своеобразием материальной культуры, разнообразной сетчатой керамикой, грузиками дьякова типа, обильными костяными изделиями и т. п.

Исключительно характерную картину дает территориальное распределение древнейших городищ на карте. В пределах обследованных восточной и центральной частей Великолукской области они размещаются вдоль

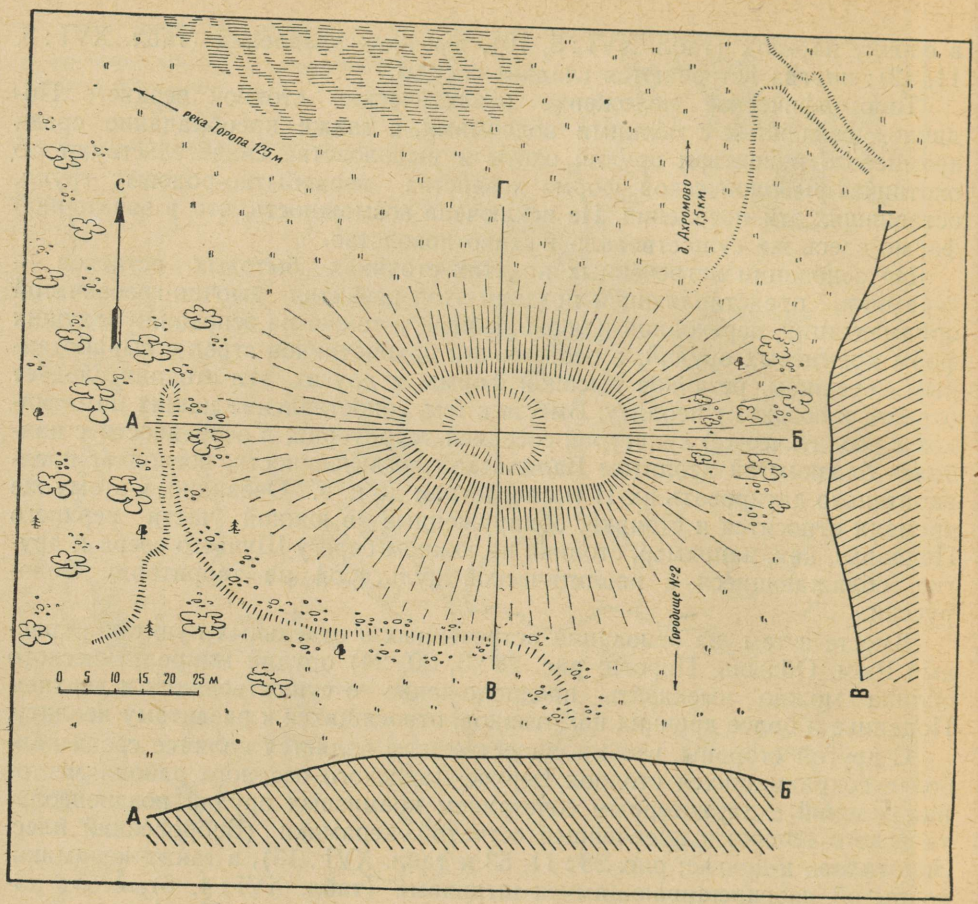


Рис. 29. План и разрезы городища у д. Ахромово.

изобилующей небольшими озерами и истоками мелких рек узкой полосы междуречья Западной Двины и Ловати. Эта полоса вытянута параллельно течению этих рек, в верхнем их отрезке, с северо-востока на юго-запад, и лежит несколько в стороне от основных речных магистралей. Несколько поселений было обнаружено в северо-восточной части отмеченной территории в области междуречья Днепра, Волги и Двины, в бассейне озера Бросно и у верхних притоков Зап. Двины — реках Броснице и Волкоте: городище у д. Песчаха, селище в урочище Ольховец (рис. 28 : I, II). К юго-западу от них вдоль правого притока Двины — р. Торопы, в бассейне озер Яссы и Соломенного, известны городища и поселения у д. Ахромово, Городок №№ 1 и 2, Подгай (рис. 28 : III—VI). Еще далее к югу, в бассейне Жижицкого озера, имеются городища у деревень Анашкино, Залучье, Михайловское, Ямище (рис. 28 : VII—X). Группа древнейших городищ была также обнаружена в верховьях р. Ловати, в южной части Великолукской области: городище у деревень Васьково, Исаковщина, Занюсье, Чесноры (рис. 28 : XI—XIV). Они составляют единое целое с группой аналогичных городищ, известных в примыкающих к этой южной части Великолукской области северных районах Белоруссии (городища у деревень Загорцы, Бураково, Мямли и др.).

Отмеченные пункты тем самым определяют границу распространения поселений первой группы на территории восточной части Великолукской области, которая более четко может быть определена линией, идущей с северо-востока, от верховья р. Зап. Двины у д. Песчаха, к юго-западу, пересекая течение р. Торопы (Подгай), и далее к Жижицкому озеру (Михайловское), к деревням Исаковщина, Васьково в верховье Ловати. Восточнее этой линии древние городища не прослеживаются.

Определяется и юго-западная граница распространения древнейших городищ дьякова типа в северной лесной половине РСФСР, спускающаяся в пределы восточной и центральной части территории Великолукской области в виде языка, незначительно захватывающего также пограничные северные районы Белоруссии. Отсюда эта граница, повидимому, не захватывая юго-западной части Великолукской области, поворачивает в северо-западном направлении к Пскову, где древнейшие отложения с текстильной керамикой были обнаружены при раскопках Псковского городища [6].

Известная преемственная связь древнейших городищ верхнего Подвинья с рассмотренными выше поздненеолитическими стоянками и поселениями эпохи бронзы сказывается в их расположении в местах впадения или истока рек из озера. Здесь они группируются гнездами, отделенными одно от другого глухими лесными пространствами водораздела. В остальном уже выступают существенные различия. Совершенно иным является высотное положение древнейших укрепленных поселений, занимающих удобные, господствующие над местностью береговые холмы и мысы, связанные со второй надпойменной террасой. Это явление было тесно связано с изменением хозяйственной основы жизни населения — с развитием животноводства, требующего удобных пастбищных участков для скота, и с появлением зачатков земледелия.

Могильные памятники, одновременные укрепленным поселениям этой группы, в верхнем Подвинье, как и на всей территории дьяковой культуры, — пока неизвестны.

Древнейшие городища обычно невелики по размерам, их площадь не превышает 20—40 — 40—80 м по двум своим осям. С целью получения уплощенной поверхности у использованной при сооружении городища возвышенности выравнивалась верхняя площадка, которой придавалась более правильная округлая или овальная форма. Склоны такого городища эскарпировались для придачи им большей крутизны и в единичных случаях укреплялись рвом и валом. Наиболее древний и простой по форме тип подобных укрепленных поселений представляет ряд городищ, расположенных у д. Ахромово в верховьях р. Торопы, у д. Исаковщина на левобережье р. Ловати, и некоторые другие.

Первое из упомянутых городищ близ д. Ахромово (рис. 28 : III), обследованное в 1952 году, является одним из наиболее северных в группе древнейших городищ верхнего Подвинья. Оно расположено на левом берегу р. Торопы, неподалеку от ее впадения в озеро Яссы (Туровское), в 1,5 км к югу от д. Ахромово. Городище занимает вытянутую с востока на запад, перпендикулярно руслу реки, береговую возвышенность, которую с западной и восточной сторон огибает поросшая кустарником низменная пойма, шириной до 250 м. С северной стороны городища находится заболоченный луг, дальше к востоку переходящий в возвышенность. Площадка городища имеет правильную овальную форму обычных размеров, с равномерно крутыми склонами, более пологими лишь с восточной стороны, и отделена широкой западиной от продолжающейся в этом направлении возвышенности (рис. 29).

[6] С. А. Тараканова, Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 106.

При зачистке стенки окопа времени Великой Отечественной войны, частично задевшего южный край площадки городища, был извлечен типичный для ранних памятников материал. Здесь, в культурном слое светлокоричневой окраски, общей мощностью до 0,70 м, были встречены образцы сетчатой керамики. Имеются фрагменты крупных, профилированных сосудов с сетчатыми ногтеобразными отпечатками и рядами крупных вертикальных насечек (табл. XVIII : 2, 5), части сосудов, покрытых мелкими отпечатками сетки (табл. XXVIII : 1), и гладких сосудов, украшенных по шейке двойной опоясывающей линией, ниже зигзагообразной линией. Обе линии нанесены гребенчатым штампом и дополнены ямочными вдавлениями (табл. XXVIII : 3—4). Кроме того, в культурном слое были встречены обломок костяного острия (табл. XXVIII : 6) и многочисленные костные остатки животных и рыб.

Значительно полнее было исследовано древнее многослойное городище в урочище Подгай, на раннем этапе своего существования, видимо, представлявшее неукрепленное поселение, подобно единично известным в это время в верхнем Подвинье открытым поселениям (как, например, селище в урочище Ольховец; рис. 28 : II). Как по своему топографическому положению, так и по форме и размерам (рис. 31) укрепленное поселение в урочище Подгай весьма близко рассмотренному выше городищу у д. Ахромово, от которого оно отстоит всего на расстоянии 20 км к югу, вниз по течению р. Торопы (рис. 28 : VI). Городище занимает обращенную к долине реки левобережную оконечность моренной гряды, поблизости от впадения р. Торопы в озеро Соломенное; оно отделено от русла реки полосой заболоченной поймы, переходящей в возвышенное плато шириной до 3 км.

Раскопками 1950 года на городище была вскрыта площадь в 200 м². Раскоп удлиненной формы, ориентированный с востока на запад, перерезал южный край площадки городища и участок западного его склона (табл. XVII). Здесь, в основании мощного, достигающего 1—1,5 м толщины культурного слоя, за пределами вала, были обнаружены древнейшие остатки, частично уходящие под вал. На верхней площадке городища они были значительно разрушены раскрытыми здесь пятью более поздними жилищами наземного типа (табл. XVIII, внизу). Обнаруженные на поселении древнейшие остатки сближаются с материалами, добытыми разведочными работами на рассмотренном выше городище у д. Ахромово.

Более детально на поселении у д. Подгай было исследовано одно жилище земляночного типа, имеющее вид округлой в плане ямы 3,5 м в поперечнике, с боковым ответвлением и завалинкой (табл. XVII). В центральной, углубленной его части были обнаружены остатки открытого очага со стоящим на нем крупным, диаметром 35 см, раздавленным сосудом, в котором находились рыбьи кости (остатки пищи). Выпуклые плечики и отогнутый венчик сосуда покрыты сетчатыми отпечатками, имеющими вид ногтевидных вдавлений, а по плечикам — тремя рядами вертикальных наколов, нанесенных раздвоенной палочкой (табл. XIX : 2), аналогично орнаменту керамики городища у д. Ахромово. Среди других встреченных здесь находок можно отметить фрагментированные костяное острие (табл. XX : 2), рыболовный крючок (табл. XX : 1), гарпун (табл. XX : 3), единичные железные изделия — резчик (табл. XX : 7), миниатюрный нож (табл. XX : 12), — бронзовую трубочку (табл. XX : 8), глиняную поделку (табл. XX : 10), обычную сетчатую керамику (табл. XIX : 1) и прочее.

Что касается раскрытого здесь древнего жилища, то, очевидно, его можно реконструировать в виде шалаша конической формы, с углубленной в материк центральной частью. Этот тип жилища уходит своими кор-

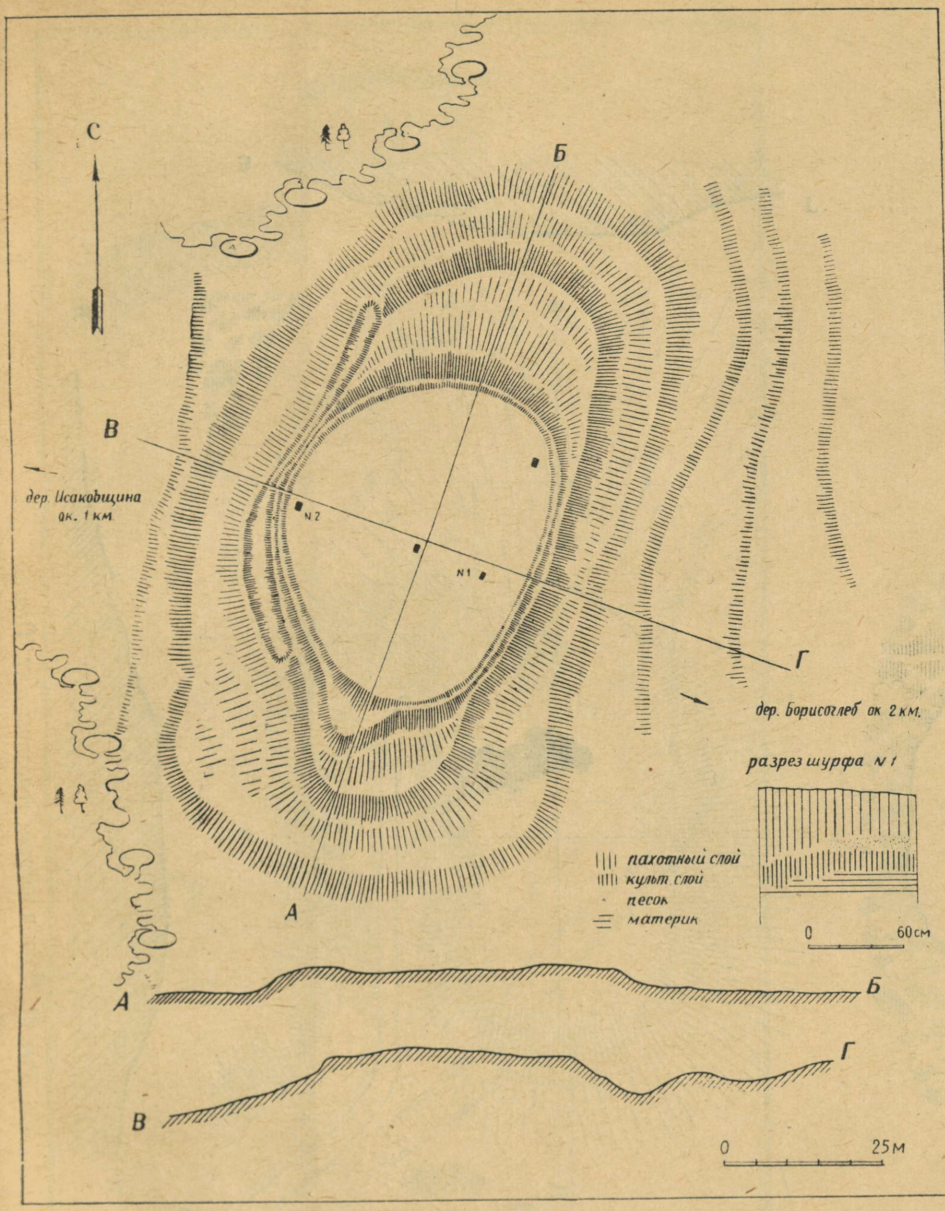


Рис. 30. План и разрезы городища у д. Исаковщина.

нями еще в неолитическую эпоху и в дальнейшем прослеживается на ряде древних городищ дьякова типа (Огубском, Старшем Каширском и других).

Следует упомянуть, что подобного же характера древний культурный слой с остатками аналогичных жилищ типа землянок был обнаружен в 1952 году в основании культурных отложений городища близ с. Михайловского на Жижицком озере (рис. 28 : IX), представляющего также переходный тип от неукрепленных к укрепленным поселениям. К такому

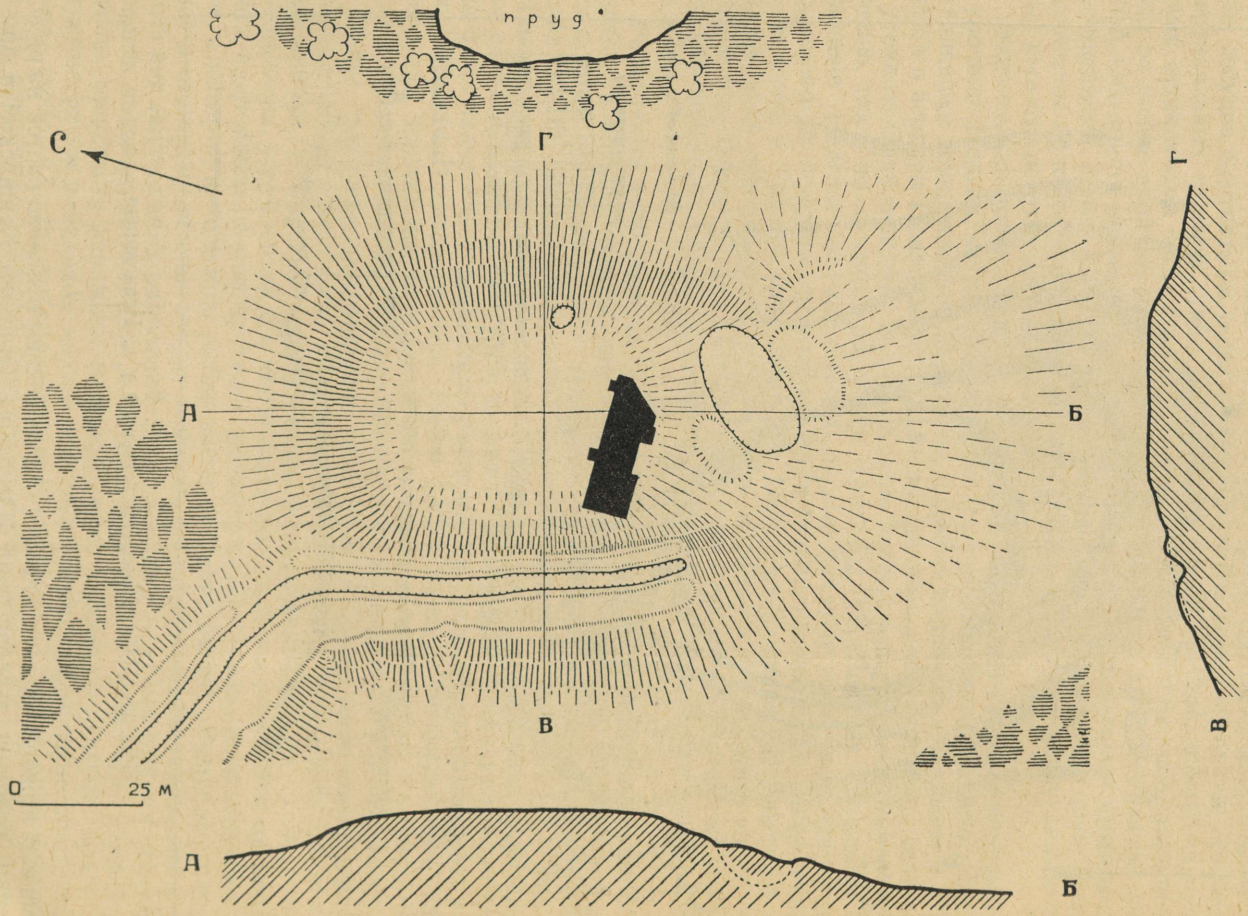
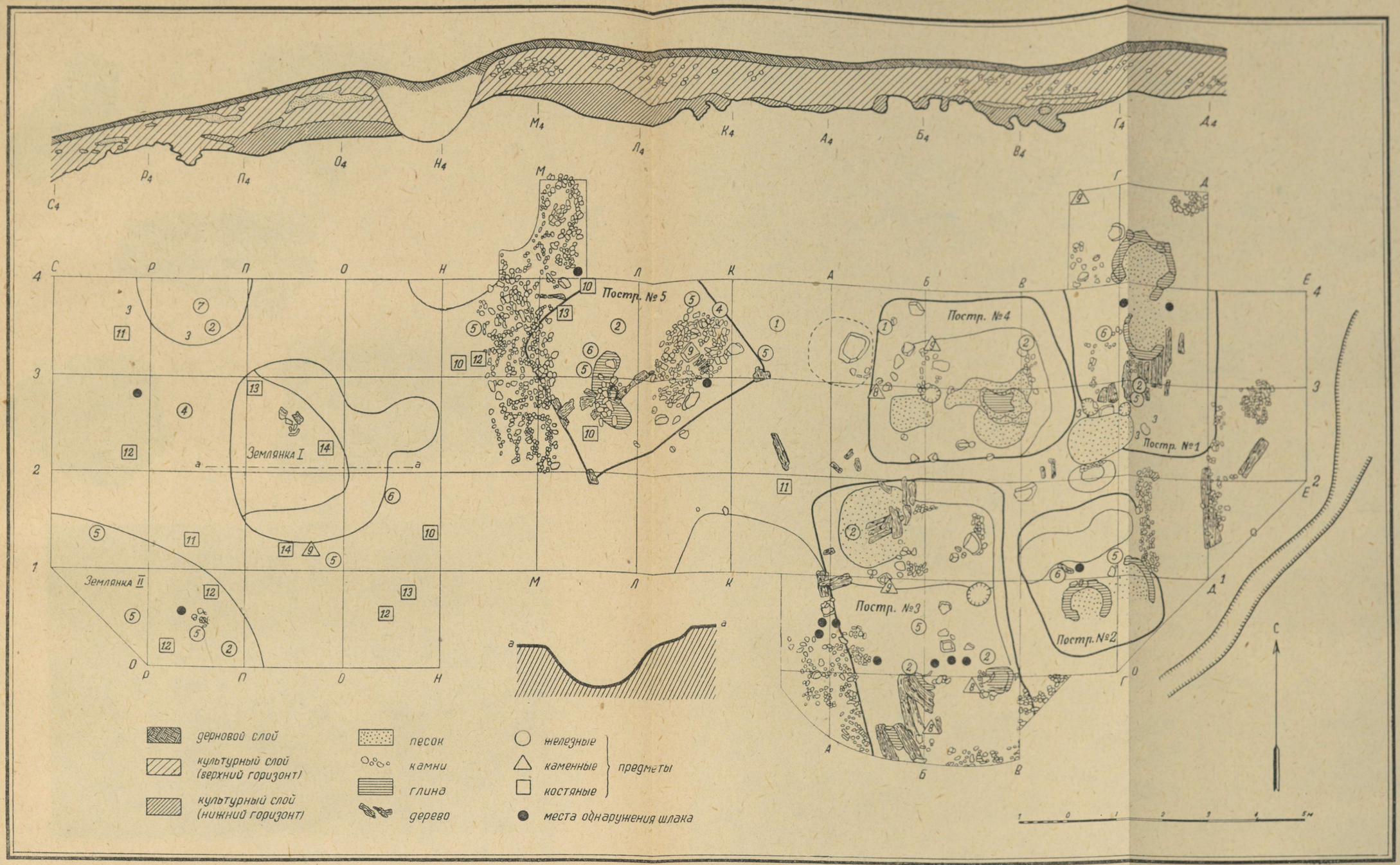
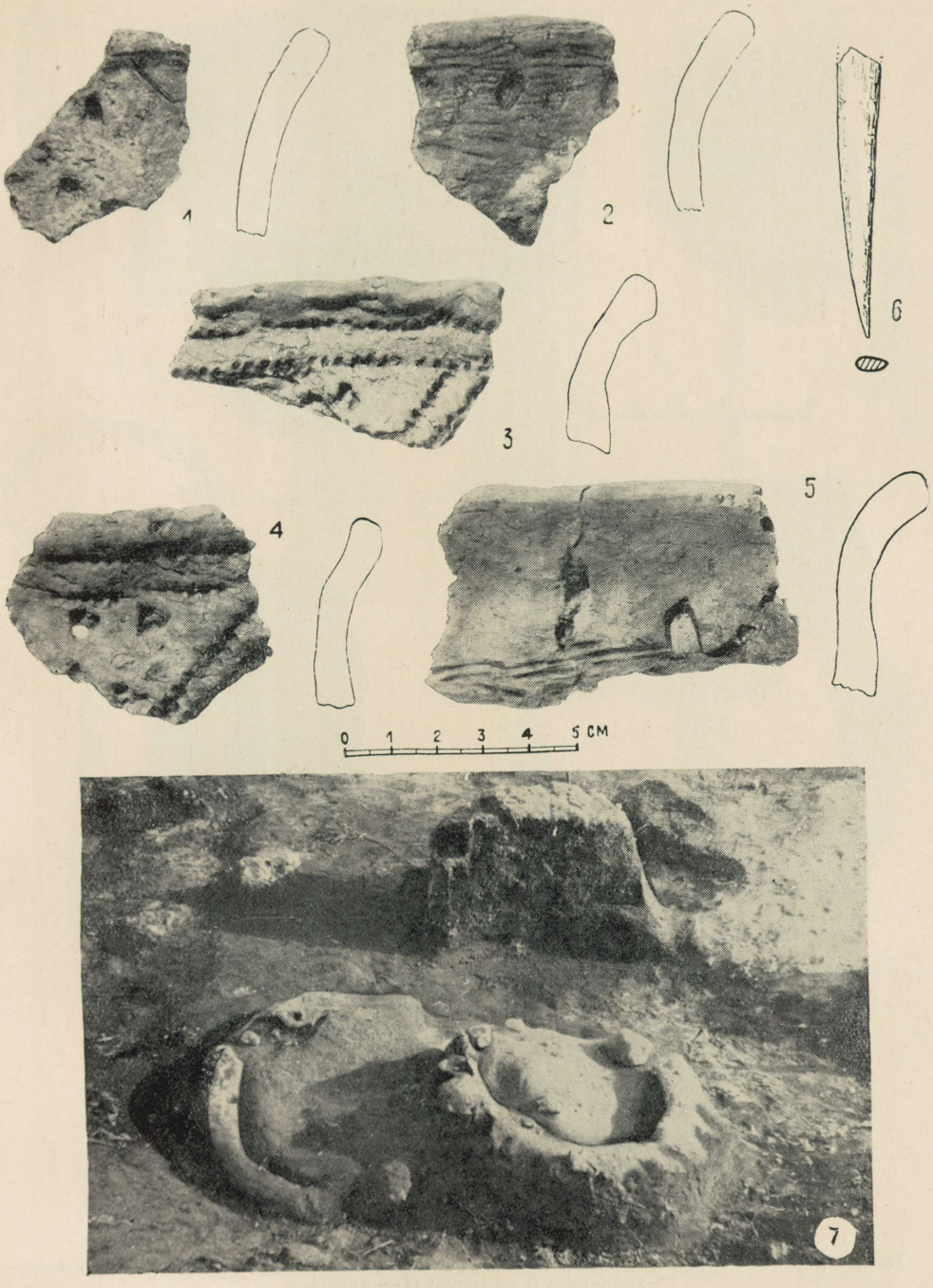


Рис. 31. План и разрезы городища в ур. Подгай.

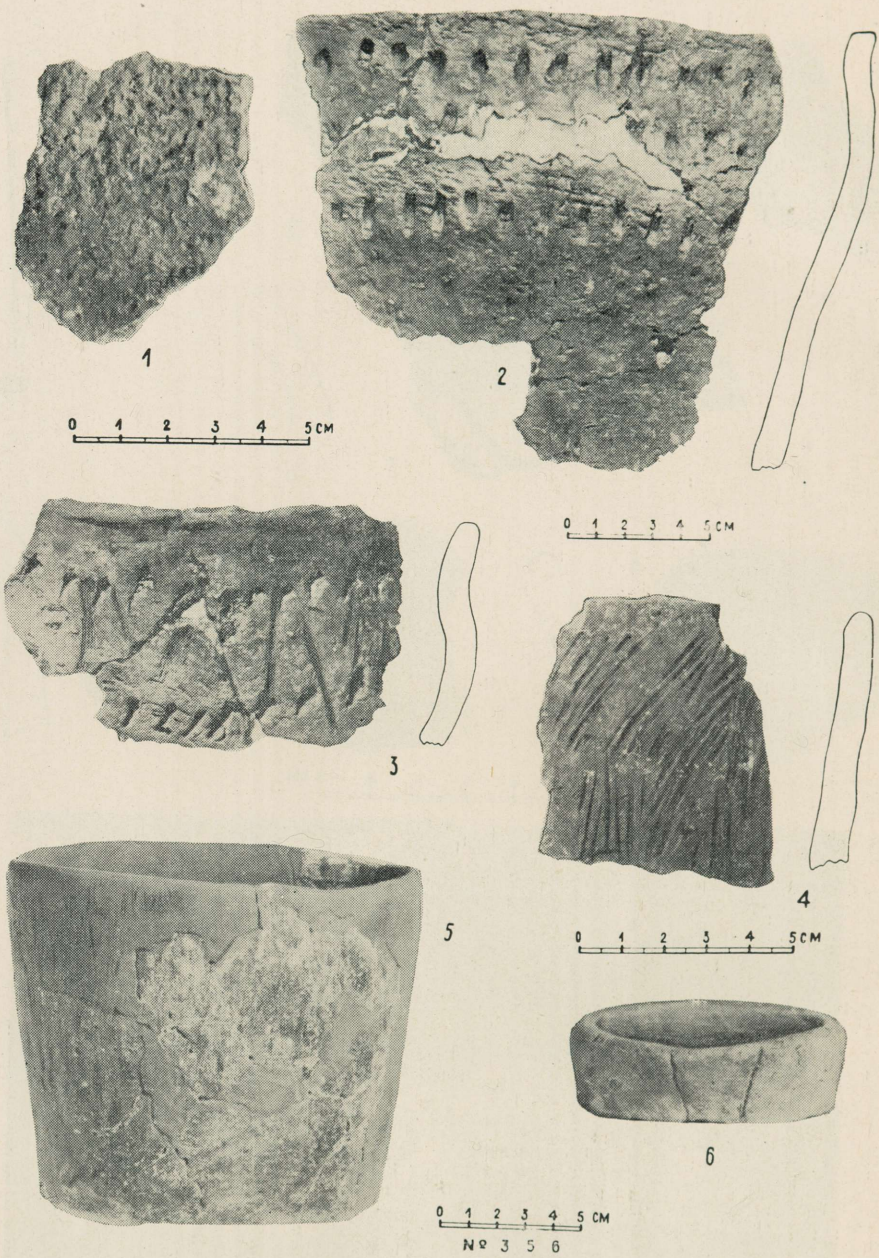


План и разрез раскопа городища Подгай 1950 г.: 1 — серпы; 2 — ножи; 3 — прясла; 4 — наконечники стрел; 5 — железные острия и другие инструменты; 6 — острия с кольцом; 7 — топор; 8 — точильные камни; 9 — зернотерки; 10 — костяные острия; 11 — рукоятки; 12 — цилиндрики; 13 — пуговицы; 14 — гарпуны.



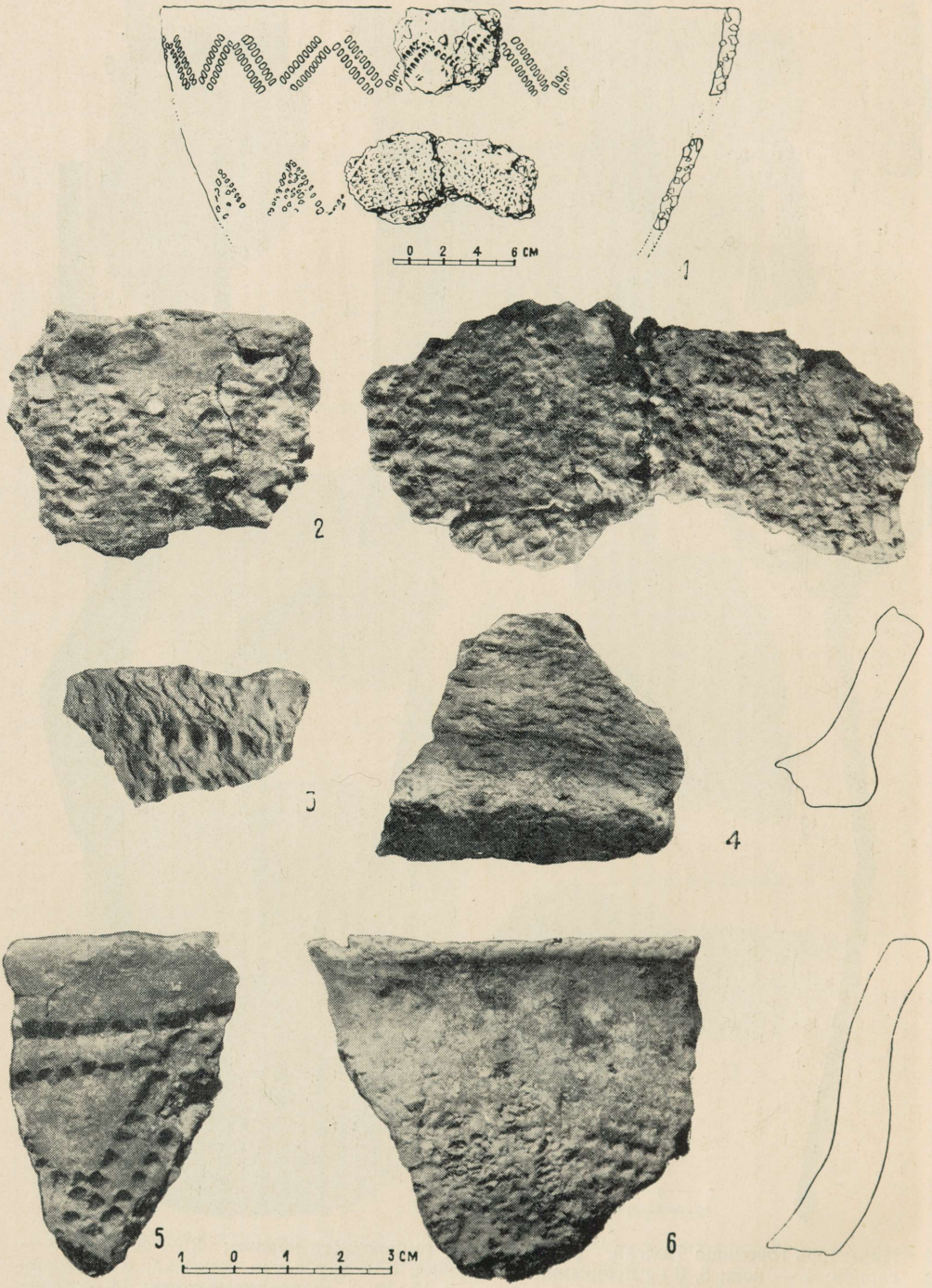
Образцы древней сетчатой керамики (1—5) и костяное острие (6) с городища у д. Ахромово. 7 — Общий вид раскопа на городище Подгай с очагами жилищ.

ТАБЛИЦА XIX



Типы керамики с городища Подгай. 1, 2 — сетчатая; 3, 4 — орнаментированная и штрихованная; 5 — сосуд; 6 — чашечка.

Инвентарь городища Подгай. 1 — фрагмент рыболовного крючка; 2 — острие; 3 — гарпун; 4 — нож; 5, 6 — пронизки; 7 — резчик; 8 — трубчатая привеска; 9 — булавка; 10 — «грузик»; 11 — наконечник стрелы; 12, 13 — серповидные ножи; 14 — пряслице; 15 — грузик дьякова типа. (1—6 — кость, 7, 9, 11—13 — железо, 8 — бронза, 10, 14, 15 — глина.)



Образцы керамики с городищ Городок № 1 (1, 2, 4) и Ямище (3, 5, 6).

же переходному типу относится и другое древнее городище, обнаруженное в юго-восточной части верхнего Подвинья, а именно в верхнем течении р. Ловати, в 0,5 км к северо-западу от д. Исаковщина. Оно занимает мысовое плато при слиянии двух небольших притоков р. Ловати на расстоянии до 2 км от ее русла (рис. 30).

Округло-овальной формы площадка поселения, размером 50×36 м, ориентированная с юго-запада на северо-восток, с отклонением до 30° к северу, представляет незначительно возвышающееся над луговой поймой ровное плато с сильно распаханными невысокими склонами. С юго-западной стороны поселения проходит более высокое плато. На свежезапаханных участках площадки был собран подъемный материал — образцы керамики, близкие описанной выше керамике с городищ у деревень Ахромово и Подгай. Весьма типичны фрагменты венчика сосуда черной глины с чуть отогнутым краем и слегка выпуклым туловом, сплошь покрытые отпечатками тонкой сетки, а по шейке ямками или вертикальными наколами, нанесенными раздвоенной палочкой (типа табл. XXVIII : 2, 5). Кроме того, встречаются фрагменты посуды, украшенные поверх сетки оттисками гребенки (типа табл. XXI : 3), и гладкая лепная керамика.

При шурфовке поселения установлено, что культурный слой его, сильно разрушенный распашкой, сохранился лишь местами под пахотой, на глубине 0,30—0,50 м от поверхности. Здесь встречены отдельные черепки, покрытые косо перекрещивающимися штрихами (типа табл. XVI : 6), относящиеся также к типам древней городищенской керамики верхнего Подвинья, и единичные более древние черепки с веревочным орнаментом.

Для решения, хотя бы и в самой предварительной форме, вопроса о датировке рассмотренных выше поселений у деревень Ахромово, Подгай и Исаковщина, как и некоторых других близких им памятников, необходимо прежде всего рассмотреть более подробно обнаруженный на них материал. Большой интерес представляет древняя сетчатая керамика описанных выше городищ. Наиболее раннюю аналогию ей дает керамика древних поселений эпохи раннего железа Верхне-Волжского и Окского бассейнов, таких, как Никола-Перевоз, Климентовское поселение [7].

Кроме того, среди материалов из раскопок древнейших укрепленных поселений северо-западной части Прибалтики, преимущественно в северной и северо-западной части Эстонской ССР, имеются образцы древней текстильной орнаментированной керамики в составе несколько отличного комплекса, поразительно повторяющие наиболее архаические ее формы, отмеченные на древнейших городищах верхнего Подвинья. Так, одно из древнейших укрепленных поселений на территории Эстонии — Асва, расположенное на острове Сааремаа, содержало в своем нижнем горизонте грубую лепную керамику с текстильными отпечатками. Прямую аналогию ранней сетчатой керамике верхнедвинских городищ дают материалы древнего селища V в. до н. э., на месте которого в V в. н. э. возникло городище Иру, в бассейне р. Пирита, на расстоянии 6,5 км к востоку от г. Таллина. Особенно типичны фрагменты слабо профилированного сосуда, покрытого отпечатком сетки, а по плечикам украшенного двумя рядами вертикальных клиновидных вдавлений [8]. Эти древнейшие поселения северной Эстонии, что было отмечено и их исследователями, связаны с финской группой племен и представляют особый вариант дьяковской культуры.

Возвращаясь к вопросу о ранних городищах верхней Двины, необходимо для более полной их характеристики остановиться еще на несколь-

---

[7] Б. С. Жуков, Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1929, № 1, стр. 70 и рис. 9 в таблице.

[8] A. Vassar, Iru Linnapära. MEL, рис. 54 : 3.

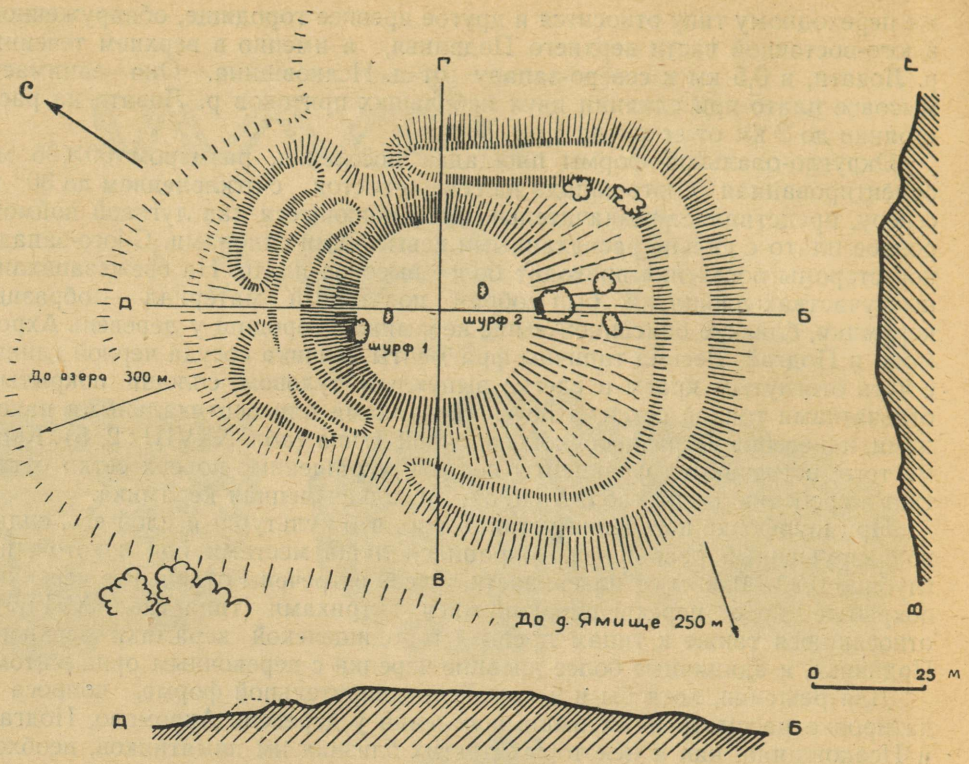


Рис. 32. План и разрезы городища у д. Ямище.

ких памятниках, представляющих более сложный тип городищ, укрепленных рвом и валом. К их числу относятся городища у деревень Анашкино и Ямище в бассейне Жижицкого озера. Первое из них расположено на северо-западном берегу Жижицкого озера и по своему типу приближается к группе городищ на возвышенностях, однако с северо-западной, напольной, стороны оно окружено террасовидным выступом (распаханный вал?). Здесь на поверхности пашни были собраны характерные образцы лепной керамики со слабыми отпечатками сетки, овальными и розетчатыми вдавлениями.

Более характерным является городище у д. Ямище, расположенное при истоке р. Жижицы из озера Жекто. Его уплощенная площадка правильной округло-овальной формы с северо-западной, обращенной к озеру стороны укреплена концевым валом, а с напольной стороны — террасой (рис. 32). Мощный культурный слой городища характеризуется теми же типами древней сетчатой керамики. Особенно характерна для ранних городищ бассейна Жижицкого озера лепная посуда с нанесенными поверх сетки в различных сочетаниях оттисками крупного зубчатого штампа (табл. XXI : 3, 5, 6). Подобного типа текстильная керамика была также встречена и на третьем обнаруженном на Жижицком озере древнем поселении у д. Залучье (рис. 28 : VII), на месте которого в раннефеодальную эпоху возник древний городок Жижиц.

К числу укрепленных валом поселений относится также еще одно городище, обнаруженное в северо-восточной части верхнего Подвинья, которое, кроме того, дает иной тип текстильной керамики. Это городище № 1 у д. Городок на озере Яссы (Туровское) в верховье р. Торопы, располо-

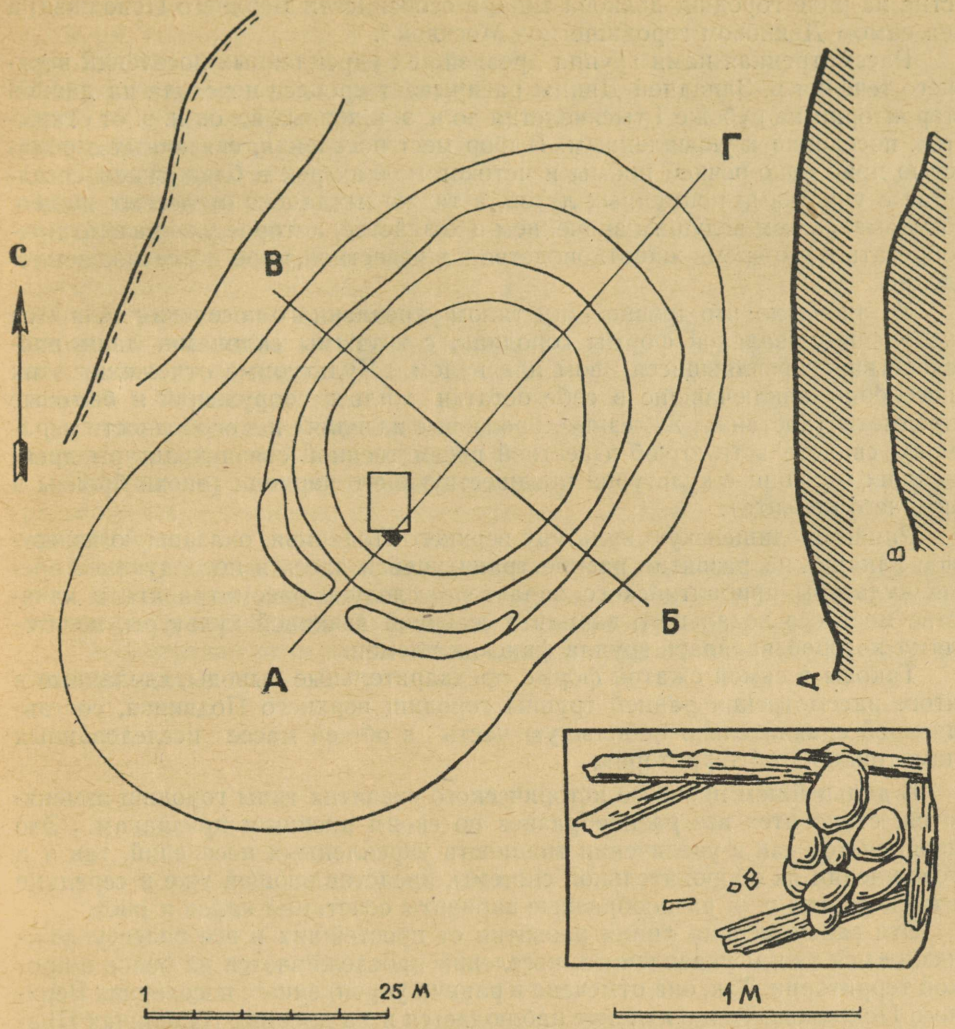


Рис. 33. План и разрезы городища у д. Городок № 1. Внизу план шурфа.

женное всего в 4 км южнее описанного выше городища у д. Ахромово. Городище № 1 у д. Городок имеет округло-овальную форму, площадка его, размером 20×40 м, защищена валом, проходящим на половине высоты склонов поселения с юго-западной стороны (рис. 33). Еще в процессе небольших разведочных работ 1949 года в нижней толще культурного слоя городища были частично прослежены остатки наземного жилища с развалом каменного очага, отсюда же была извлечена лепная гладкая и текстильная керамика. Среди последней имеются фрагменты сосуда баночной формы, диаметром 30 см, изготовленного из глины с примесью крупных кусков толченого гранита. Его поверхность покрыта грубыми квадратными, так называемыми рогожными отпечатками, заканчивающимися в верхней части двойной зигзагообразной линией из таких же оттисков (см. реконструкцию, табл. XXI : 1, 2). Подобная керамика изве-

стна на ряде городищ дьякова типа, в особенности Верхнего Поволжья, и на самом Дьяковом городище под Москвой [9].

Рассмотренная нами группа древнейших укрепленных поселений верхнего течения р. Западной Двины раскрывает процесс перехода на данной территории на рубеже I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. от открытых поселений к укрепленным. Выбор мест поселения, связанных с областью приозерно-речной поймы и истоков мелких рек в ближайшем соседстве с участками пойменных лугов, а также невдалеке от лесных пашен, был вызван тем ведущим значением в хозяйстве, которое уже начало приобретать в это время животноводство и в известной мере подсечное земледелие.

Установлено, что древнейшим типом укрепленного поселения являются небольшие, овальной формы городища с крутыми склонами, лишь впоследствии укреплявшиеся рвом или валом. Культурные отложения этих поселений, заключавшие в себе остатки жилых сооружений и бытовые предметы (костяные, железные, бронзовые изделия) и в особенности керамику, свидетельствуют об известной преемственной связи культуры древнейших городищ с культурой предшествующего периода (эпохи бронзы и позднего неолита).

Раннегородищенскую культуру верхнего Подвинья, оказавшую известное влияние на развитие распространяющейся здесь в последующее время культуры прибалтийского характера, следует рассматривать в качестве местного локального варианта северной дьяковой культуры, носителями которой являлась группа финских племен.

Таковы в самой сжатой форме предварительные выводы, сделанные в итоге рассмотрения ранней группы городищ верхнего Подвинья, составляющей сравнительно небольшую часть в общей массе исследованных памятников этой территории.

В дальнейшем процессе исторического развития типы городищ изменяются, становятся все разнообразнее по своим внешним признакам. Это проявляется как в увеличении мощности укрепленных поселений, так и в усложнении их оборонительной системы, представляющей уже в середине I тысячелетия н. э. разнообразные варианты сочетания валов и рвов.

Эта закономерная линия развития от простейших к все более усложняющимся типам укрепленных поселений прослеживается на более широкой территории. Так, она отмечена в ранних укрепленных поселениях Верхнего Поволжья. То же явление наблюдается и на древних городищах Прибалтики (на территории юго-восточной Эстонии и восточной Латвии). Очевидно, возникновение, постепенное развитие и усложнение основных форм и типов оборонительных сооружений было обусловлено изменениями в процессе исторического развития общественно-экономических отношений.

В бассейне верхнего течения Западной Двины, наряду с возникшими в первые века н. э. городищами с более развитой оборонительной системой, сохраняются городища и более древней формы, с отвесными склонами, иногда подвергавшиеся перестройке. Это было связано с использованием старых мест поселения продвинувшимися на данную территорию из юго-восточной Прибалтики латышско-литовскими племенами.

Характерным примером подобного многослойного поселения является упомянутое выше городище в урочище Подгай. Как уже было отмечено, в верхней толще его культурных отложений обнаружены остатки наземных жилищ, обнесенных земляным валом. Вскрытые раскопом 1950 года

[9] В. И. Сизов, Дьяково городище близ Москвы. Труды IX Археологического съезда в Вильне в 1893 г., т. II, М., 1897, табл. XXIV-а: 1—4.

пять жилищ представляют собой наземные или слегка углубленные в материк, прямоугольные в плане жилища столбовой конструкции, размером 2,5—3,4×3—6 м, ориентированные с юго-востока на северо-запад. Внутри их расположены овальной формы очаги с глинобитным бортиком (табл. XVIII, внизу). Иногда два смежных жилища имели общие продольные стены и соединялись в длинный дом (табл. XVII, постр. № 3).

Существенно изменяется и материальная культура этих поселений. Среди массового материала — лепной керамики — более обычна гладкая и штрихованная посуда баночной формы, чашечки и пр. (табл. XIX : 5, 6). Характерны также пряслица и грузики дьякова типа (табл. XX : 14, 15), архаические типы костяных орудий: ножи, тупики, острия (типа табл. XX : 2), украшения из кости в виде цилиндриков, бусы. Многочисленный железный инвентарь — серповидные ножи (табл. XX : 13), кельты с ушком, наконечники стрел (табл. XX : 11), булавки (табл. XX : 9) и другие остатки — свидетельствуют не только о знакомстве древних жителей городища с выплавкой железа, но и о ведущем значении в хозяйстве подсечного земледелия и животноводства.

Повидимому, к середине I тысячелетия н. э. на данной территории расселяются пришедшие из юго-восточных областей славянские племена кривичей.

К этому времени относятся поселения, укрепленные не только земляным валом, но и деревянной оборонительной стеной, а также открытые поселения и могильники из длинных и удлиненных курганов.

Рассмотрение этих памятников, однако, уже не входит в задачу настоящей статьи.

VANIMAD KINDLUSTATUD ASULAD ZAPADNAJA DVINAA JÕE ÜLEMJOOKSUL

J. STANKEVITŠ

Lühikokkuvõte

Mitmed Vene NFSV territooriumi osad, mis vahetult külgnevad Baltimaadega, olid kuni viimase ajani arheoloogiliselt vähe uuritud. Seepärast pakub nende alade muistsete mälestusmärkide lähem tundmaõppimine erilist huvi. 1949. aastal alustati NSV Liidu Teaduste Akadeemia Materiaalse Kultuuri Ajaloo Instituudi poolt koos Velikije Luki Oblastimuuseumiga süstemaatilisi arheoloogilisi otsinguid Velikije Luki oblasti territooriumil. Need otsingud haarasid nimetatud oblasti kesk- ja idaosa, Zapadnaja Dvinaa ja Lovati jõgikonda, mida seni oli arheoloogiliselt kõige vähem uuritud.

Aastail 1949—1954 toimunud tööde tulemusena avastati suur hulk peamiselt m. a. I aastatuhandesse kuuluvaid mälestusmärke, koostati uuritava ala arheoloogiline kaart ja toimetati teaduslikke väljakaevamisi real asulatel ja kalmistutel.

Kõige vanemateks mälestusmärkideks on siin neoliitilised asulad, mille jäänuseid leiti 71 kohas (vt. kaarti joon. 28). Neoliitilised asulakohad paiknevad rühmadena väiksemate jõgede suudmeis ja järvede kallastel. Neis on olnud nii püsivaid kui ka ajutisi, sesoonseid asulaid. Asulate leiumaterjal sisaldab rohkesti tulekivist ja teistest kiviliikidest esemeid: kõõvitsaid (tahv. XV : 1—5), teravikke (tahv. XV : 6, 7), uuritsaid (tahv. — XV : 8, 9), noolte ja viskodade otsi (tahv. XV : 11—15), noakesi (tahv. XV : 10), poolvalmis kirveid ja talbu, ehteid (tahv. XV : 16, 17) jne. Keraamika on ilustatud mitmesuguste stampide abil sissevajutatud ornamentidega, mis vastavad kammkeraamika hilisele arengujärgule (tahv. XVI).

Sugukondlikud rühmad, kellele nimetatud asulad on kuulunud, on elatunud peamiselt küttimisest ja kalapüügist. Kõige lähemaid paralleele siinsetele leidudele pakuvad ühelt poolt Valdai kõrgustiku ja teiselt poolt Zapadnaja Dvinaa keskjooksu piirkonna neoliitiliste asulate materjalid. Lähtudes sellest sarnasusest, võib siinseid asulaid esialgselt dateerida II aastatuhandesse e. m. a.

Kõneall oleval territooriumil esinevad kindlustatud asulad võib jagada neljaks kronoloogiliselt üksteisele järgnevaks rühmaks. Kõige varasematel neist on teatud arenguline seos kõige hilisematega äsja mainitud kindlustamata asulate hulgas. Need hilised kindlustamata asulad kajastavad alles neoliitilist kultuuritaset, kuigi tegelikult kuuluvad juba pronksiaega.

Esimese, vanima rühma kindlustatud asulad asuvad tavaliselt nagu neoliitilisedki asulad Zapadnaja Dvinaa ja Lovati jõe vahelisel alal, kus leidub rohkesti väikseid lisajõgesid ja järvi. Neid linnusasulaid iseloomustavad võrdlemisi väikesed mõõtmed (laius 20—40 m, pikkus 40—80 m), kindlustatud platoo ümmargune või ovaalne kuju ja järsud nõlvad, millede kujunemisel on kaasa mõjunud inimene. Nende mälestusmärkide leiuainesele on eriti tüüpilised tekstiilkeraamika ja rohked luuesemed.

Kõige iseloomulikumad varased kindlustatud asulad paiknevad Toropa jõe kaldail Ahromovos ja Podgais ning Lovati jõel Issakovštšinas (kaart joon. 28, punktid III, VI, XIV; nimetatud linnuste plaanid ja läbilõiked on esitatud joonistel 29—31).

Podgai linnusel kaevati 1950. aastal lahti 200 m² suurune ala (tahv. XVII), mis lõikas läbi linnuse platoo lõunaosa ja osa nõlvu. Kultuurkiht ulatus kuni 1,50 m sügavuseni. Selle vanimad osad olid tekkinud ajal, millal siinne asula, mis asetses juba looduslikult kaitstud kohal, ei olnud veel kunstlikult kindlustatud. Sellesse varasesse perioodi kuuluvad maasse süvendatud põhjaga elamu jäänused 3,5-meetrise läbimõõduga ja lahtise koldeasemega keskel (tahv. XVII, vasakul). Elamut oli katnud arvatavasti püstkojakujuline okstest ja lattidest katus. Sama tüüpi elamute jäänuseid on teada neoliitilistest asulatest naaberaladel. Podgai asula varaseim keraamika on kaetud riidekoe jälgedega ja ilustatud sälgukujuliste sissevajutustega (tahv. XIX : 1—3). Samasugust keraamikat leiti ka Ahromovo asulast (tahv. XVIII : 1—5). Rohkearvuliste luuesemete (tahv. XVIII : 6 ja XX : 1—6) kõrval esineb nende asulate kultuurkihi vanimas osas ainult üksikuid väikseid rauast riistu (tahv. XX : 7, 12).

Vaadeldavate asulate omapärane materjal, eriti keraamika, omab paralleele Volga ülemjooksu ja Okaa jõgikonna varase raua-aja, nn. Djakovo kultuuri kindlustatud asulates, näiteks Nikolo-Perevozis ja Klimentovskojes. Tekstiilkeraamikale leidub kõige lähemaid vasteid ka Ida-Baltimaade loodeosas, peamiselt Loode-Eestis, kus teatavasti asusid läänemeresoome hõimud ja kus samalaadset keraamikat on saadud Asva kindlustatud asulast, Iru linnuse vanimast kihist jm.

Peale varemnimetatud kõige lihtsamat tüüpi kindlustatud asulate leidub Zapadnaja Dvinaa ülemjooksul ka niisuguseid varaseid linnuseid, mis on kindlustatud valli ja kraaviga. Nende hulka kuuluvad Anaškino ja Jamištše linnused Žižitskoje ja Žekto järve basseinis ning kaks linnust Gorodoki küla juures Jassõ järvel (kaart joon. 28, punktid IV, V, VIII, X; Jamištše ja Gorodoki nr. 1 linnuse plaanid ja lõiked on esitatud joonistel 32 ja 33). Gorodoki I linnusest on saadud erilaadset jämeda riidekoejälgedega ehk nn. «roguskikeraamikat» (tahv. XXI : 1, 2, 4,), mis on iseloomulik varajastele linnustele Volga keskjooksu aladel.

Zapadnaja Dvinaa ülemjooksu piirkonna varased kindlustatud asulad kajastavad seal elanud hõimude üleminekut kindlustamata asulatest kindlustatud asulatele meie ajaarvamise algul ja esimestel sajanditel. Asulatüübi muutuse põhjustas uute elatusalade esilekerkimine. Juhtivaks tootmisharuks oli saanud nüüd karjakasvatus ja mõningal määral selle kõrval ka aletegu.

Arheoloogilist kultuuri, mida esindavad kirjeldatud kindlustatud asulad, tuleb pidada samal ajal Volga ülemjooksu ja Okaa jõgikonna aladel esineva nn. Djakovo kultuuri kohalikuks alarühmaks. Vastavalt sellele tuleb arvata, et see kultuur on kuulunud soome-ugri hõimudele.

Meie ajaarvamise esimestest sajanditest alates ilmuvad Zapadnaja Dvinaa ülemjooksu piirkonnas paremini kaitstud linnused, mis on kindlustatud kunstliku mullavalliga või vallidest ja kraavidest koosneva keerukama kaitsesüsteemiga. Arvatavasti on sel ajal Baltimaade kaguosadest siia siirdunud leedu-läti hõime, kes on osalt ehitanud uusi linnuseid, kuid tihti on nad kasutanud ka vanade kindlustatud asulate kohti, neid tugevamini kindlustades.

Mitmekihiliste kultuurijäänustega asula tüüpiliseks näiteks on juba eespool mainitud Podgai linnus, millele hiljem on ehitatud vall. Selle linnuse kultuurkihi ülaosast leiti maapealsete elamute jäänused. Need on olnud väikesed postidele tuginevad nelinurkse põhiplaaniga, 2—3 m laiused ja

umbes 4 m pikkused ehitused savikolletega sees (tahv. XVII, elamud nr. 1—5, tahv. XVIII — all on vaade ühe elamu põhjas välja kaevatud koldejäänustele). Esemeline materjal on teistsugune kui vanimates kindlustatud asulates. Siia kuuluvad püstjate seintega savipotid, mille pind on riibitud (tahv. XIX : 4—6), erilised väikesed saviesemed, mis tihti esinevad Djakovo kultuuri linnustes (tahv. XX : 14, 15), mitmesugused luu- ja raudesemed, nagu riietekinnitamisnõelad (tahv. XX : 9), nooleotsad (tahv. XX : 11), sirbikujulised noad (tahv. XX : 13) jne. Need leiud tunnistavad, et linnuse selle perioodi elanikud oskasid toota rauda ja et nende põhilisteks elatusaladeks olid karjakasvatus ja maaharimine.

I aastatuhande keskpaiku paistavad kirjeldatud maa-alale ilmuvat slaavlaste, krivitšite muistised — vallide ja puuseintega kindlustatud linnused, lahtised asulad ja pikad ning ümmargused kääpad.

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АСВА НА ОСТРОВЕ САРЕМАА

А. К. ВАССАР

Ранний период металла в Эстонии в течение долгих лет очень мало изучался буржуазными археологами. Систематических раскопок памятников эпохи бронзы и начала железного века не производилось. Это в значительной степени было обусловлено формалистическим подходом к археологическому материалу, неправильным истолкованием малочисленности металлических предметов, относящихся к данному периоду, т. е. ко второй половине II тысячелетия и к I тысячелетию до н. э. В музейных коллекциях на этот период, охватывающий почти полторы тысячи лет, приходилось всего лишь около двух десятков предметов из бронзы. Немногочисленность находок металлических предметов объясняли якобы редкой заселенностью или даже уходом в этот период населения с территории Эстонии.

Малочисленность памятников эпохи бронзы и начала железного века использовалась для создания и распространения в интересах эстонской буржуазии и иностранных империалистов лживых антинародных концепций. Буржуазные археологи подходили к решению вопросов этого периода, как и других периодов, с антиисторических, идеалистических и расистских позиций. Буржуазный профессор Тартуского университета Б. Нерман пытался связать материальную культуру ранней эпохи металла в Эстонии прежде всего со Скандинавией, рассматривая отдельные находки предметов этого периода в отрыве от их совокупности. Одновременно культурные связи племен Прибалтики со славянами или праславянами либо замалчивались, либо изображались в искаженном виде.

Задача наших советских археологов заключается в том, чтобы всемерно углублять изучение мало исследованного периода раннего металла в Прибалтике. В это время древнее население Прибалтики достигло в своем развитии значительных успехов. Производительные силы росли быстрее, чем когда-либо прежде. Животноводство и земледелие стали основным занятием населения. Внедрялась обработка бронзы, в конце периода началось применение также железных орудий труда, которые впоследствии произвели полный переворот в производстве. Обмен приобретал регулярный характер. Развивался патриархальный родовой строй. На основе позднеэолитических охотничье-рыболовческих и животноводческих племен, обитавших во II тысячелетии в Прибалтике, сложились к I тысячелетию до н. э. новые этнические группы, непосредственные предки племен и народностей, известных по древним письменным источникам. Укреплялись связи с соседними племенами. Таким образом, изучение памятников этого периода имеет особую важность для выяснения межплеменных связей и прослеживания процесса развития начальной стадии образования народов нашей Родины.

Изучение ранней эпохи металла в Эстонии включено в план исследовательских работ Института истории Академии наук Эстонской ССР на ближайшие годы.

Из известных нам до сих пор памятников раннего периода металла в Эстонии наибольший интерес имеет укрепленное поселение Асва. Задача настоящей статьи дать краткое изложение предварительных результатов произведенных на месте этого поселения раскопок.

*

Укрепленное поселение Асва расположено в юго-восточной части острова Сааремаа, в районе Ориссааре, примерно в 5 км от морского побережья. Местное население называет место этого поселения «Городищенским полем». Поскольку поселение перестало быть укрепленным местом уже в начале н. э. и давно потеряло всякие внешние признаки валов или других защитных сооружений, то в этом названии народная традиция сохранила воспоминание о существовании на данном месте укрепления около двух тысяч лет назад. Это в свою очередь свидетельствует о непрерывном существовании оседлого населения на острове Сааремаа начиная по крайней мере с I тысячелетия до н. э. Указанное название способствовало и обнаружению древнего поселения в Асва в начале 1930-х годов, когда один из местных жителей принялся копать здесь с целью выяснить, имеет ли название «Городищенское поле» какое-либо историческое обоснование[1].

Укрепленное поселение Асва расположено на узкой продолговатой моренной гряде, тянущейся с севера на юг (рис. 34). На восток и запад от гряды в настоящее время расположены сенокосы с тонким торфянистым почвенным покровом. Площадка поселения поднимается примерно на 4—5 м над уровнем сенокосов. Как с северного, так и с южного конца место поселения отделено от остальной части гряды лишь небольшими впадинами. Восточный и западный склоны гряды спускаются сравнительно круто. Северный же и южный склоны пологи. Место поселения используется уже с давних времен под поле, о чем свидетельствует и его вышеуказанное название. При обработке поля поверхность площадки везде была разровнена, и верхний культурный слой был основательно перемешан. Северную и южную границы поселения можно установить примерно только по более черному, чем обычно, цвету почвенного покрова на месте поселения, а также по остаткам различных древних предметов, костей и черепков глиняной посуды, выходящих тут на поверхность поля. Наибольшая ширина поселения достигает 47 м, длина — 90 м.

Поселение Асва расположено выше нынешнего уровня моря только на 8,5—9,5 м. Как известно, в ранний послеледниковый период значительная часть побережья нынешней территории Эстонской ССР и ее островов была продолжительное время затоплена водами Балтийского моря. Повидимому, только во II тысячелетии до н. э. описываемая Асваская возвышенность поднялась над уровнем моря. В начале I тысячелетия до н. э. это место представляло из себя, вероятно, еще островок, находившийся у самого морского побережья и возвышавшийся над уровнем моря на 2—3 м. Постоянное обитание здесь людей в более раннее время, учитывая бури и временные затопления морем, было невозможно. Как свидетельствуют археологические находки, постоянное поселение на этом месте возникло в первой половине I тысячелетия до н. э., когда там сложились необходимые для этого условия.

[1] MEL, стр. 17.

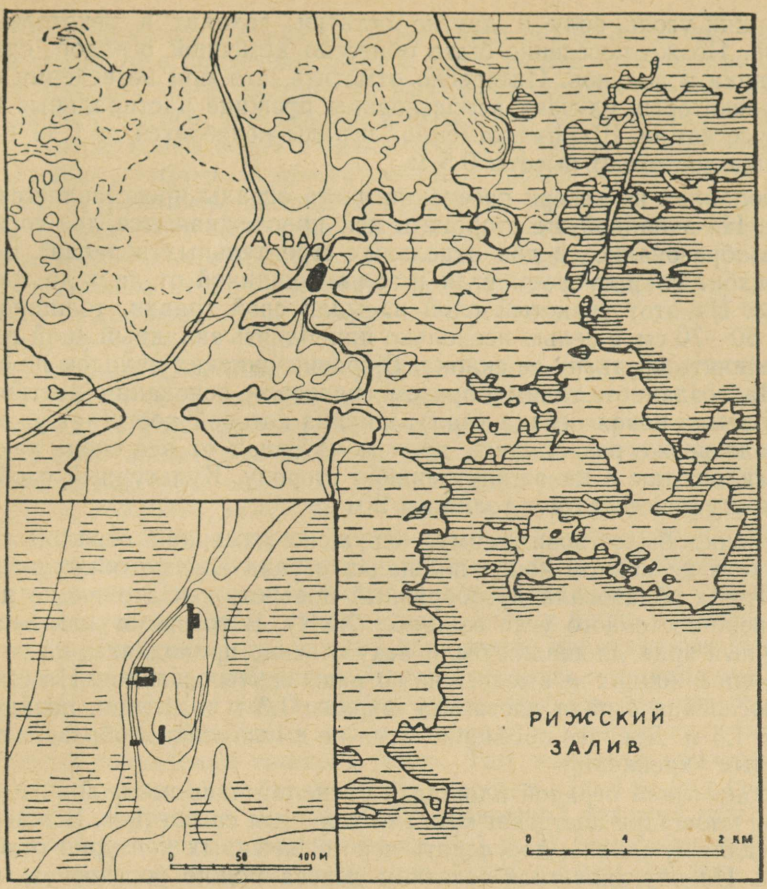


Рис. 34. Расположение и план (внизу слева) укрепленного поселения Асва. Раскопы обозначены на плане черным. Сечение горизонталей на плане через 1 м.

До настоящего времени исследована только незначительная часть поселения Асва. Раскопки производились в западной, южной и северной частях поселения (рис. 34). В общем раскопками охвачена площадь примерно в 325 м², которая дала свыше 3400 номеров находок. Таким образом, исследование этого памятника носило пока главным образом разведочный характер[2]. Поэтому добытые материалы не позволяют еще разрешить ряд важных, связанных с этими материалами вопросов.

Первые обитатели поселились на Асваской гряде в столь раннее время, когда морена, образующая данную гряду, не успела еще покрыться сколько-нибудь значительным гумусом. Это явствует из того, что культурные остатки, в том числе очаги, залегают непосредственно на каменистом гравиевом грунте.

Вначале поселение, очевидно, не имело сколько-нибудь значительных защитных сооружений или было огорожено лишь простой деревянной изгородью. На западной стороне поселения древнейший культурный слой,

[2] О раскопках 1934 и 1938 гг. см. MEL, стр. 17—52; материалы из этих раскопок, как и из работ 1939, 1948 и 1949 годов, хранятся в фондах ИИ 2767, 3307, 3658, 3799, 3994, 4012. Раскопки поселения в 1949 г. произвела старший научный сотрудник Института М. Х. Шмидехельм.

содержащий уголь, золу и другие остатки, заходит в некоторой мере на склон. Позже поселение было обнесено каменной оградой, сложеной из плитняка и валунов. Интересно отметить, что при возведении ограды были в некоторых случаях использованы прежние растиральные и шлифовальные камни. Ширина каменной ограды колеблется от 1 до 1,8 м, ее развалины достигают высоты 0,5 м.

Раскопанная на севере поселения часть ограды представляется однослойной. На западной же стороне в ней прослеживаются два горизонта, которые образовались в два отдельных строительных периода[3]. Ее нижний горизонт покрыт слоем угля и золы, толщиной от двух до трех сантиметров. На этот углистый слой насыпан слой гравия, толщиной примерно в 50—70 см, с целью несколько приподнять западный край площадки и увеличить крутизну ее склона. В гравии никаких находок не обнаружено. На созданном таким образом гравиевом основании построена из камня и земли новая ограда (вал), ширина которой достигает уже 1,8 м. Эта ограда позже развалилась, причем материал от нее сполз как наружу, на склон, так и на ее внутреннюю сторону. Культурный слой здесь на месте ограды достигает толщины 2 м.

Поселение было, повидимому, окружено каменной оградой со всех сторон, хотя на южном конце площадки ограда еще не обнаружена. На углах ограда образовала дугообразный поворот, как это видно на примере северо-восточного угла ее (табл. XXII). В то время как западный и восточный края площадки были искусственно приподняты, на ее северном и южном концах не имелось вне ограды крутых склонов. На северном конце поселения ограда достигала ширины 1,3 м и высоты, повидимому, не более 1,5 м. Древнее поселение Асва не имело, таким образом, особенно сильных укреплений.

На обнесенной оградой площадке располагались постройки. Культурный слой площадки достигает местами толщины свыше 1 м. В нем до сих пор не удалось, однако, проследить ясно очерченных контуров отдельных построек. По обуглившимся остаткам дерева можно установить, что постройки частично были бревенчатыми, с глиняной обмазкой стен (рис. 37 : 5). Большинство обгорелых остатков бревен обнаружено непосредственно за внутренней стороной каменной ограды и залегает параллельно последней. Таким образом, бревенчатые постройки располагались непосредственно у каменной ограды или даже прислонялись к ней. Обвалившиеся при пожарищах обгорелые остатки стен местами лежат в два-три ряда. От вертикальных столбов сохранились обгорелые нижние части и битый камень, которым в свое время были забиты вкопанные в грунт концы столбов. Эти столбы поддерживали навесы или крыши. Другая часть построек была более легкого типа и имела либо вид шалашей с каркасом из жердей, либо навесов, поддерживаемых столбами.

В результате того, что поселение было обитаемо веками, крайне трудно при раскопках различать разновременные наслоения. В его северной части все же можно было проследить до трех строительных периодов (см. профиль на табл. XXII). Самый нижний слой, подстилаемый непосредственно каменистой моренной основой, отличался более темным, почти черным цветом. Он отложился на протяжении длительного времени и содержал много угля и отбросов. Следы строений в этом слое было весьма трудно различить; камень для построек использовался мало. Местами прослеживались песчаные пятна. В профиле обрисовывалось место очага с вогнутым, котлообразным основанием, вкопанным в грунт. Слои угля и золы сменялись тонкими прослойками песка.

[3] MEL, табл. II и планы раскопок 1939 года в ИИ.

На стыке нижнего и среднего слоев часто обнаруживались прослойки песка и глины, что свидетельствует о наступлении нового строительного периода. Средний слой состоит из крупнозернистого гравия. По цвету этот слой был светлее, чем нижний и верхний. Гравий был сюда привезен, но он не представлял собой стерильного слоя. Он послужил основой для более поздних построек. В нем встречались гнезда вертикальных столбов; в гнездах сохранились камни, при помощи которых были укреплены столбы. В гравиевом слое прослеживались полы, выложенные булыжником или известняковой плитой. Можно было наблюдать, что в более поздние строительные периоды камень употреблялся чаще. Таким образом, за время существования поселения в строительной технике произошел известный прогресс.

В культурном слое было обнаружено много остатков от очагов. Большинство очагов было сложено из булыжников и плитняка. Часть очагов представляла собой простые, разложенные на поверхности земли кострища, многие из которых даже не были ограждены камнями. Это, очевидно, временные летние очаги, расположенные вне жилищ. Отдельные очаги были, напротив, углублены в землю и имели котлообразное основание. Подобный очаг, внутренняя поверхность стенок которого была особенно тщательно отделана камнями и глиной, был обнаружен в западной части поселения. На подобных очагах создавался более сильный жар. Такие очаги устраивались, очевидно, для плавки бронзы. Третий тип очагов сохранился в виде груд камней, напоминая примитивные печи-каменки. Углубленные и кучеобразные очаги находились в помещениях. Такими очагами до появления печей обогревались жилища. На северном конце поселения в ходе раскопок в очагах, покрытых плитняком, обнаруживались следы сохранения «живого огня». Там же были обнаружены два очага, отличавшиеся известными особенностями. Один из них (табл. XXII, справа) имел округлые очертания. Покрывавший его слой золы и других следов огня достигал толщины более 0,5 м. В нем было, повидимому, сожжено большое количество топлива. Вокруг очага найдено много обломков формочек для литья предметов из бронзы. Таким образом, этот очаг служил, повидимому, для плавки металла. На этом очаге было замечено много золы от сгоревшего торфа. Можно полагать, что очаг при плавке металла для достижения более высокой температуры покрывался вырезанными на поверхности соседнего торфяника кусками дерна. Второй очаг имел также округлую форму (табл. XXII, слева). Его основание было сложено из больших плит и камней, обмазанных глиной. Это основание многократно исправлялось новыми выкладками камня, обмазанными глиной. Вокруг очага было много золы, угля и черепков глиняной посуды. Можно предполагать, что этот очаг использовался для обжига посуды.

Культурный слой в целом сильно насыщен углями, золой, отбросами, костями, рыбной чешуей, керамикой и другими остатками.

Раскопки, произведенные в южном конце поселения, показали, что и там находились деревянные постройки и очаги. Центральная часть поселения еще не раскапывалась; по данным пробных шурфов, культурный слой там значительно тоньше. Можно предположить, что жилые постройки располагались вокруг площадки, а центральная часть поселения оставалась свободной; здесь содержался скот, вешались сети и т. п.

*

Расположение поселения, обнаруженные раскопками костные материалы и другие находки свидетельствуют о том, что население его зани-

малось в основном рыбной ловлей, охотой, животноводством и земледелием.

Рыболовство и охота на тюленей играли значительную роль. Поселение было окружено сравнительно неглубоким морем, побережье которого было изрезано многочисленными заливами, что благоприятствовало ловле рыбы. В ходе раскопок было обнаружено много рыбьих костей и чешуи; чешуя залегала местами сплошными слоями. Судя по дошедшим до нас остаткам, ловились щука, окунь, язь, плотва, рыбец и осетр. В значительном количестве найдены тюленьи кости. Среди них имеются кости обыкновенного, серого, кольчатого и гренландского тюленя. По данным костного материала, Балтийское море было в то время богаче разными видами тюленей, чем в наши дни. Тюленя били гарпунами, от которых сохранились крупные костяные наконечники с широким зубцом (рис. 35 : 1—2). Из Асва известны пока лишь обломки таких гарпунов, но на городище Иру вблизи Таллина найден полностью сохранившийся наконечник этого типа (рис. 35 : 3).

Костяные гарпуны меньших размеров (рис. 35 : 6) использовались, очевидно, для ловли рыбы. Из найденных в Асва орудий рыбной ловли назовем еще роговое ботало (табл. XXIII : 7). Рыба ловилась также сетями. О существовании неводов свидетельствуют обнаруженные в нашем поселении грузила мотни (табл. XXIII : 6).

Меньшее значение для древнего населения острова Сааремаа имела, повидимому, охота, хотя и охота засвидетельствована рядом находок. Из животных, являвшихся предметом охоты, представлен костным материалом прежде всего лось, кости и рога которого использовались для изготовления различных орудий труда и украшений. Далее обнаружены кости кабана, косули, медведя, куницы, белого зайца и бобра; из птиц засвидетельствованы утка, гоголь, кряква, серый гусь, лебедь-кликун, черныш, турухтан, речная или полярная крачка, малая крачка, западная сизая чайка и орлан-белохвост. Эти птицы водились здесь же на побережье или на внутренних водоемах и в лесах. Как свидетельствуют кости бобра и диких птиц, древнее население Асва охотилось не только на побережье, но и в центральных частях острова Сааремаа. Охотничьим оружием был в основном лук. Раскопки дали наконечники стрел разных форм (рис. 35 : 4—5, 7—8). Надо учитывать, что охотники не приносили в поселение туши крупных хищников. Не встречаются, например, кости волка, хотя этот хищник, несомненно, был одним из врагов скотоводов.

Костный материал состоит в подавляющем большинстве из костей домашних животных. Из костей, обнаруженных раскопками северного конца поселения в 1948—1949 гг., проф. В. И. Цалкину удалось определить менее 10 процентов (остальные были настолько фрагментарны, что их определение оказалось невозможным). Из числа определенных костей около 78 процентов принадлежит домашним и только 22 процента диким животным. Большинство, именно 73 процента, костей домашних животных принадлежит крупному (*Bos taurus*) и мелкому рогатому скоту (*Ovis aries, Capra hircus*) — поровну обоим видам. Из общего количества определенных костей домашних животных кости свиньи составляют 14 процентов, лошади — 10 и собаки — всего лишь 2 процента.

Лошадь была низкой породы, встречающейся еще и сейчас на Сааремаа, и служила для верховой езды, как это можно заключить по находкам костяных псалий (рис. 36 : 8). Наличие домашней свиньи свидетельствует об оседлом образе жизни обитателей поселения и о существовании у них земледелия. Повидимому, население Асвы использовало уже в пищу молоко и изготовляло одежду из овечьей шерсти. В последний период существования поселения скот, очевидно, уже служил тягловой силой.

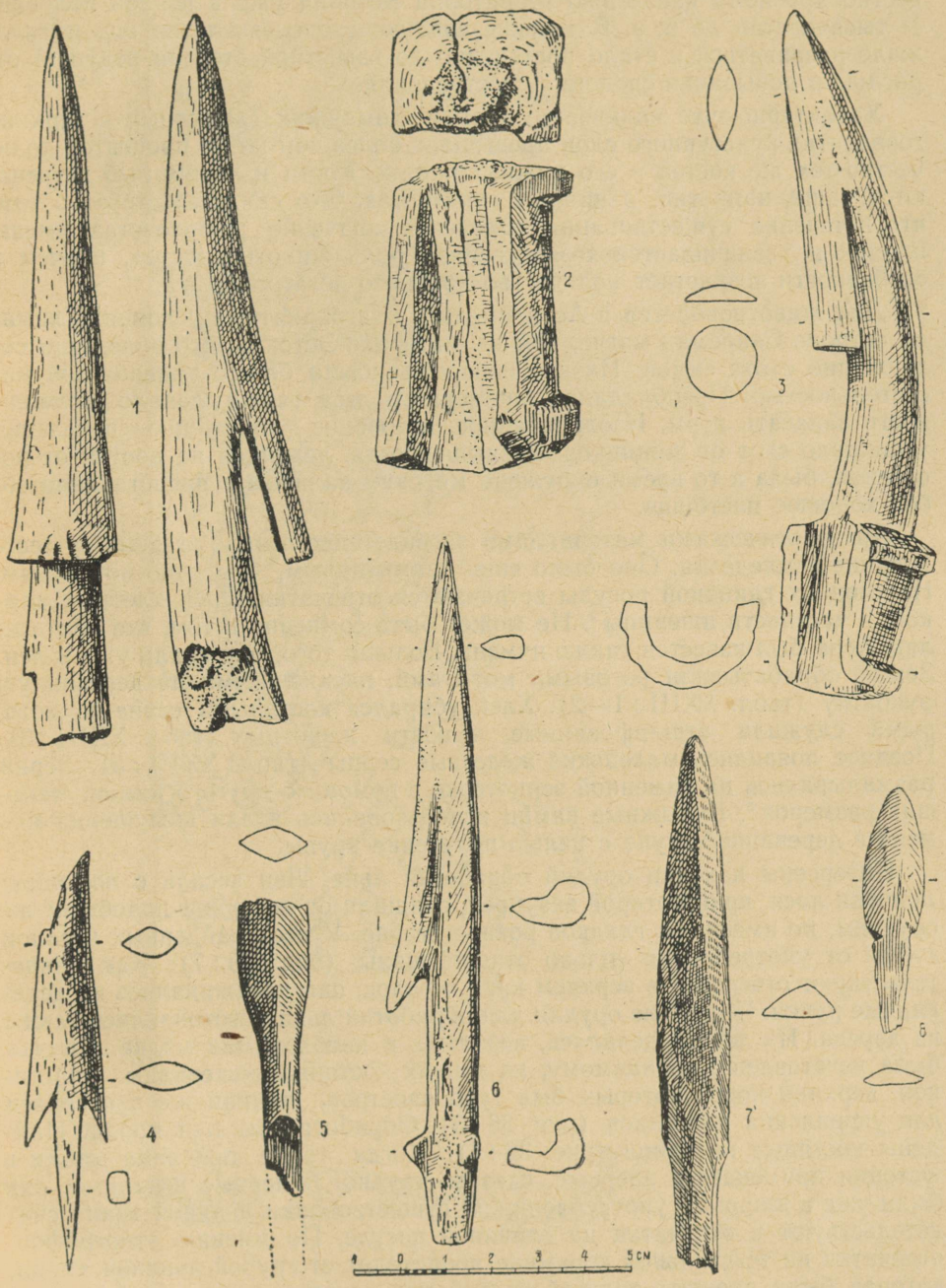


Рис. 35. Рыболовные и охотничьи орудия из рога и кости из Асва (1—2, 4—8) и Иру (3). 1 — наконечник гарпуна; 2 — обломок гарпуна типа № 3; 3, 6 — наконечники гарпунов; 4, 5, 7, 8 — наконечники стрел (ИИ 4012 : 113; 3658 : 530; 4051 : 236; 3994 : 277, 1722, 580, 377, 703).

Многочисленность домашнего скота свидетельствует о большой роли животноводства в хозяйстве населения Асвы. Животноводство было известно древнему населению территории Эстонии уже в первой половине II тысячелетия до н. э. В течение следующего тысячелетия оно продолжало развиваться и стало постепенно до известной степени ведущей отраслью в добывании средств существования.

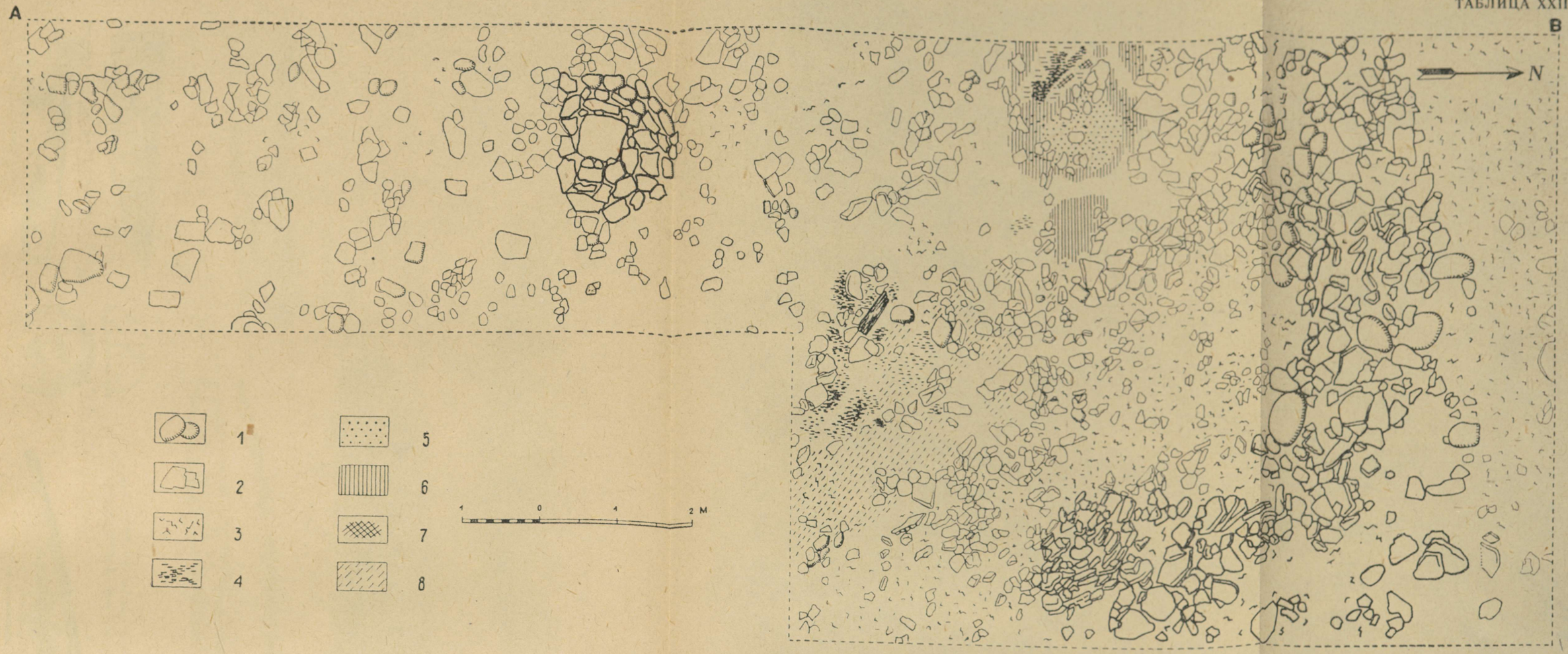
Характерно, что количество костей домашних животных в верхних горизонтах культурного слоя превышает более чем на 66 процентов количество тех же костей в его нижних частях. Кости и чешуя рыб встречаются чаще, напротив, в нижних горизонтах. Это свидетельствует о том, что в течение существования поселения значение рыболовства уменьшается и увеличивается хозяйственная роль животноводства, причем в особенности возрастает количество крупного рогатого скота.

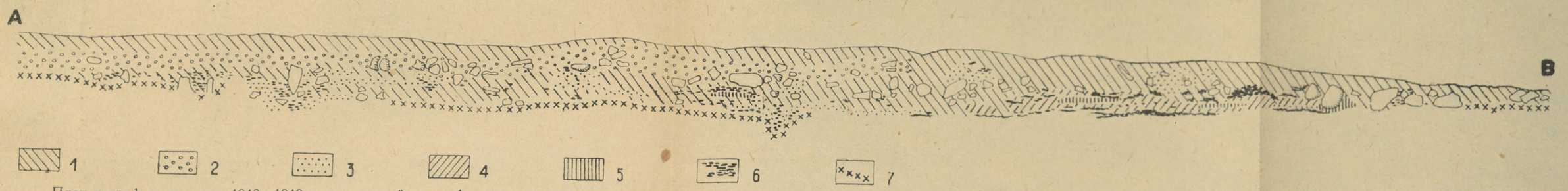
Для животноводства в Асва имелись благоприятные условия. Климат на острове Сааремаа мягче, чем на материке Эстонии, что облегчало содержание скота зимой. Низкое побережье было богато травянистой растительностью. Преобладание лиственного леса также давало возможность запасать корм. Изолированное, островное положение поселения защищало скот от хищников. Возвышенность, лежащая на восток от поселения, была в то время окружена морским заливом и представляла собой хорошее пастбище.

Археологическими материалами засвидетельствовано также существование земледелия. Оно было еще примитивным, подсечно-мотыжным. На стенках глиняной посуды встречаются отпечатки зерен хлебных злаков, в частности пшеницы [4]. Не может быть сомнения в том, что обитателям Асва был известен также ячмень. Больше того, они знали уже и лен. Землю обрабатывали роговыми мотыгами, насаженными на деревянную рукоятку (табл. XXIII : 1—2). Хлеб убирался костяными серпами, которыми служили отшлифованные челюсти животных (табл. XXIII : 3). Позднее появились маленькие железные серпы (табл. XXIII : 5). Зерна размалывались на каменной зернотерке с помощью другого камня, меньших размеров [5]. Булыжные камни использовались и для шелушения ячменя в деревянной ступе с целью получения крупы.

Интересны находки орудий обработки льна. Лен чесали с помощью лопатки лося, край которой зазубрен, очищали от кострики подобным же орудием, но имеющим гладкое ровное лезвие. У всех найденных чесалок зубцы от употребления сильно отшлифованы (рис. 36 : 7). Как свидетельствуют отверстия в верхнем крае чесалок, они насаживались на деревянные ручки. Подобные орудия для обработки льна изготовлялись также из дерева. Из дерева делалась, вероятно, и необходимая мялка. Драчка была изготовлена, повидимому, из тонких костяных ножевидных пластинок, верхний конец которых был тупо заострен, нижний же просверлен для укрепления пластинок (рис. 36 : 5). Обработанный лен пряли. Найдены костяные пряслица (рис. 36 : 4). Когда такие пряслица стали в Эстонии применяться впервые, сказать трудно. В первые века н. э. они были уже в широком употреблении. О существовании льняной ткани свидетельствуют и отпечатки на глиняной посуде. По мнению этнографов, отпечатки на текстильной керамике происходят от грубой льняной ткани, которая была прошита толстой грубой нитью; оставленные этой тканью следы имеют чешуеобразный характер [6]. Из льняной ткани готовилась также обувь. Подобная обувь и сейчас еще носится на острове Сааремаа.

[4] MEL, стр. 31, рис. 10.
[5] Там же, стр. 30, рис. 9 : 2, 3.
[6] Там же, стр. 29—30.





План и профиль раскопа 1948—1949 гг. в северной части Асваского укрепленного поселения. *На плане:* 1 — валуны; 2 — плитняк; 3 — плитняковая щебенка; 4 — уголь; 5 — сильно перегорелая прослойка с содержанием золы и извести; 6 — прослойка с содержанием остатков торфа; 7 — глина; 8 — коричневатый слой со значительным содержанием остатков пищи.
На профиле: 1 — темный культурный слой; 2 — культурный слой с примесью гравия; 3— песчаные прослойки; 4 — коричневатый слой со значительным содержанием остатков пищи; 5 — зола; 6 — уголь; 7 — подстилающий слой.

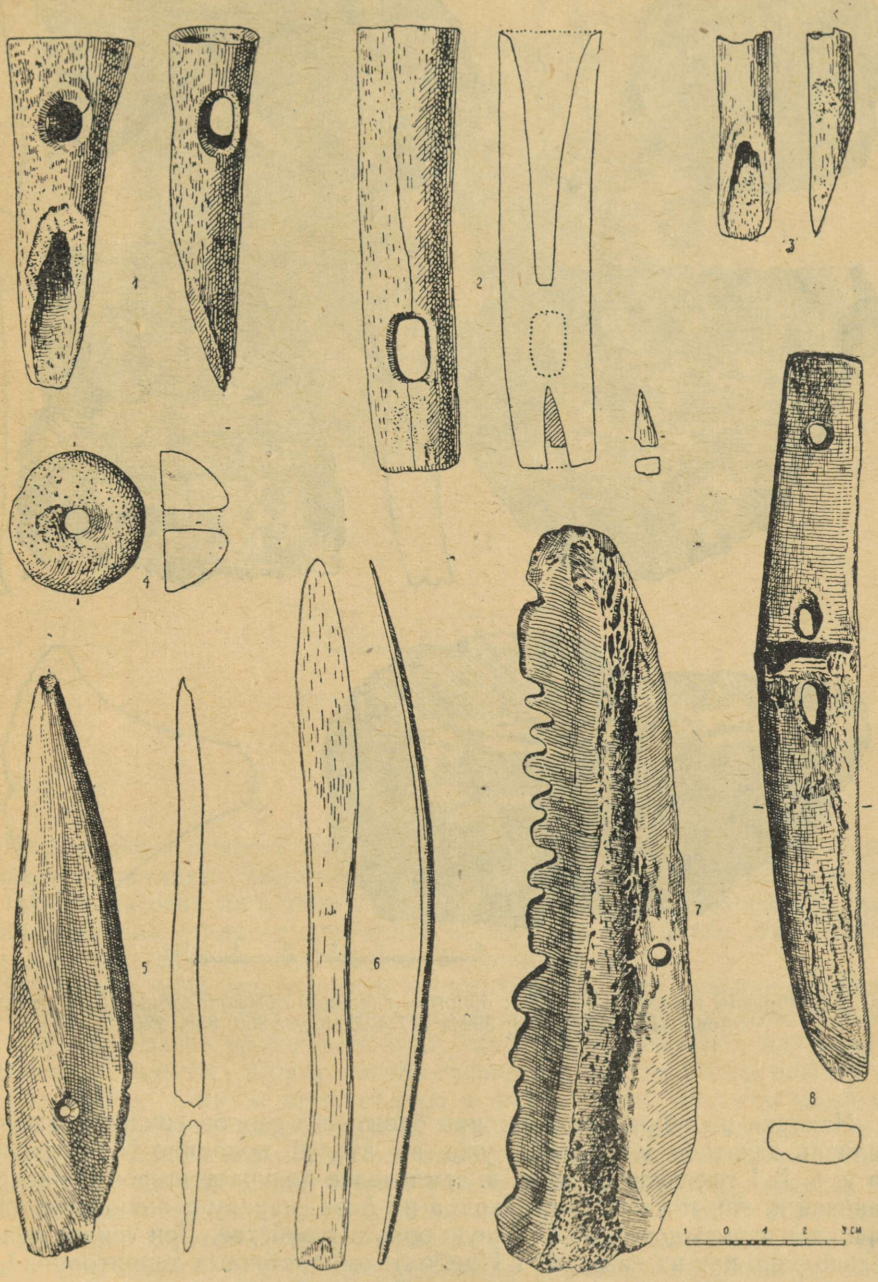


Рис. 36. Костяные предметы с поселения Асва. 1—2 — предметы неизвестного назначения; 3 — долотовидное орудие; 4 — пряслице; 5 — зубец драчки; 6 — ножевидное орудие; 7 — льночесалка; 8 — псалия (ИИ 3994 : 1182, 1178; 4012 : 101; 3994 : 777, 158, 1113; 4012 : 94; 3799 : 124).

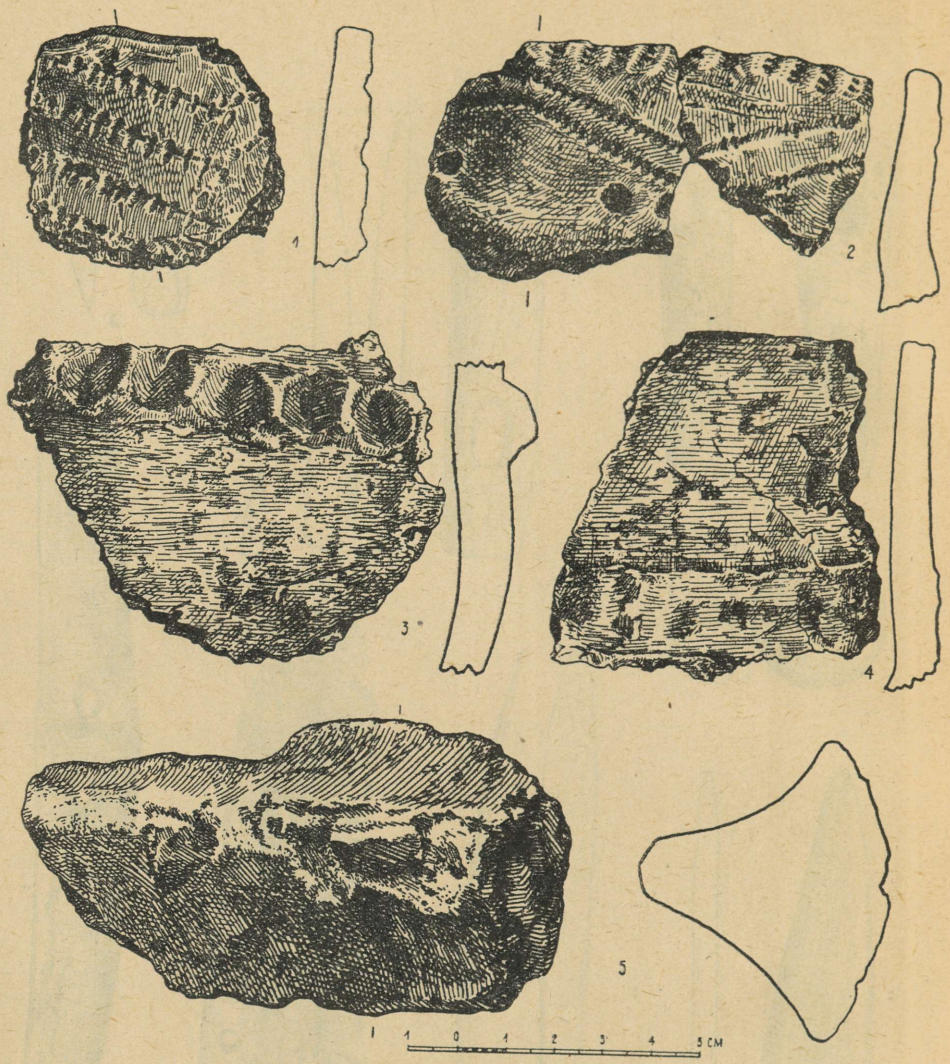


Рис. 37. Образцы керамики (1—4) и обломок глиняной обмазки стены (5) с поселения Асва (ИИ 3799 : 229; 3994 : 787/865; 3799 : 350, 338, 220).

Находки на территории Эстонии бронзовых серпов свидетельствуют о наличии зачатков земледелия уже во второй половине II тысячелетия до н. э. В I тысячелетии до н. э. земледелие получает широкое распространение и, как показывают находки из Асва, наряду с животноводством начинает играть довольно большую роль в хозяйстве. Лен сеялся сравнительно рано как на соседних с Прибалтикой восточных территориях [7], так и на юге, у раннеславянских племен. Таким образом, эта культура могла сравнительно рано проникнуть в Прибалтику. Эта точка зрения подкрепляется, по сообщению П. А. Аристэ, также лингвистическими данными, судя по которым эстонские племена познакомились с льноводством у балтийских или славянских племен.

[7] А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951, стр. 21—26.

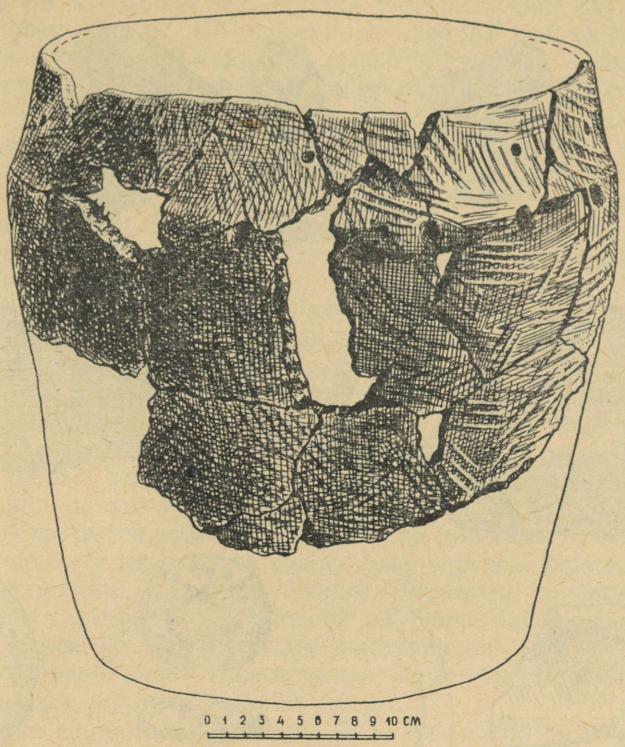


Рис. 38. Глиняный сосуд с поселения Асва (ИИ 4012 : 65).

Из домашних ремесел мы упоминали уже прядение и ткачество. Одежда шилась костяными иглами, из которых некоторые имели ушко, другие же просто насечки на одном конце (рис. 41 : 1—2). Раскопками было обнаружено значительное количество орудий для обработки кож. Особенно много имеется различной величины костяных шильев.

Поселение Асва очень богато керамикой. Об изготовлении керамики на месте говорят запасы глины-сырца и некоторые костяные орудия (рис. 36 : 6). Выше упоминался очаг, служивший, вероятно, для обжига керамики. Глиняную посуду лепили женщины. Состав глины обычно содержит дресву. Сосуды толстостенны и плоскодонны, обжиг у части посуды слабый. Преобладает грубая керамика со штрихованной поверхностью, которая на переходе к плечикам, на шейке или по краю нередко украшена более или менее частым рядом ямочек (рис. 38); ямочки бывают большего или меньшего размера (табл. XXIV : 1, 5, 7, 10). Встречается также керамика, украшенная ямочками или насечками, образующими треугольный узор [8]. Часть керамики украшена на плечиках валиком (табл. XXIV : 4, рис. 37 : 3—4), который вдавлениями пальцев превращен в волнообразную полосу. Ямочки, образованные вдавлением пальца или ногтя, или другие узоры расположены обычно параллельно ребру, т. е. изгибу к плечикам. О текстильной или сетчатой керамике (табл. XXIV : 8, 12) уже говорилось выше.

[8] MEL, рис. 11, 14, 17 и др.

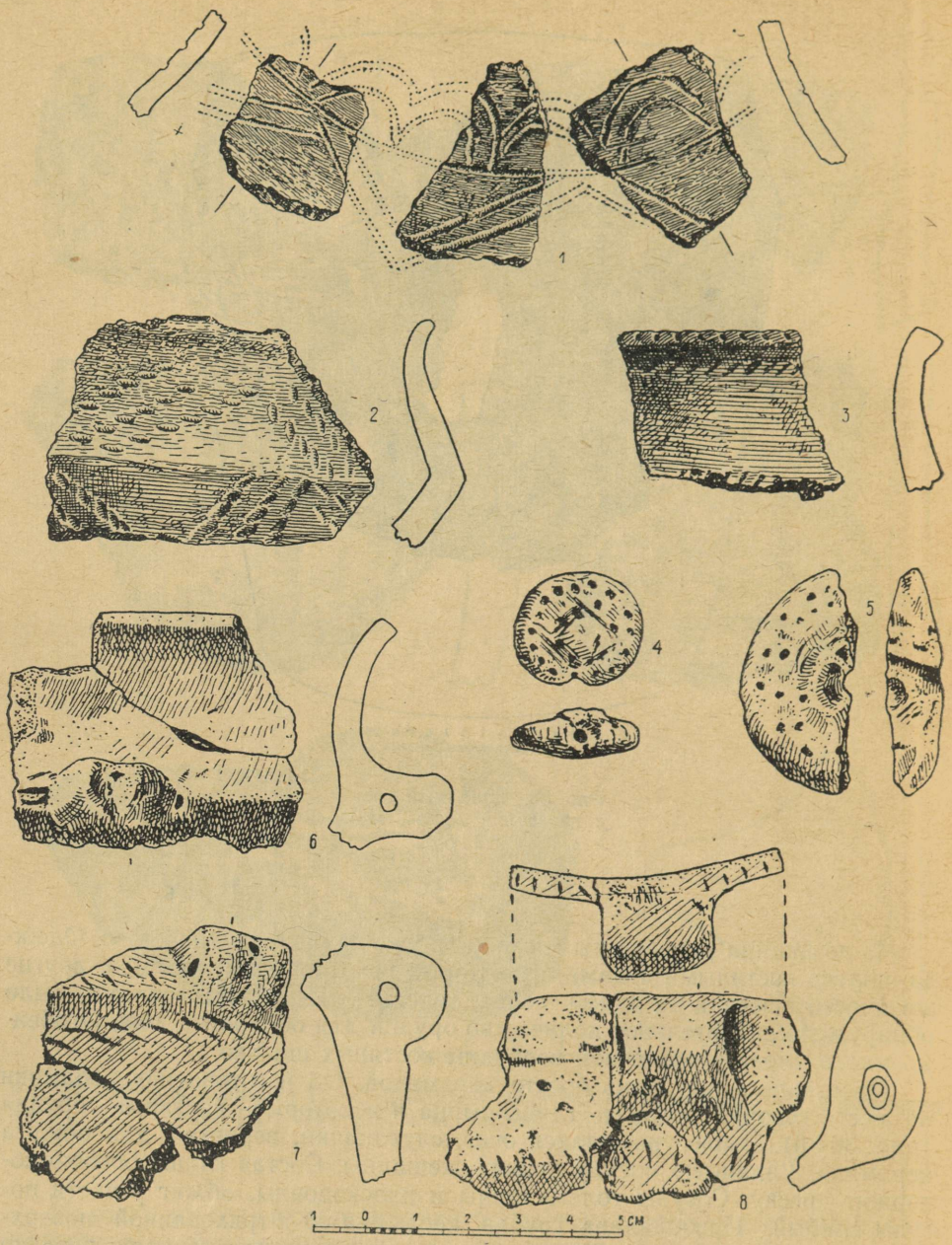


Рис. 39. Образцы керамики с поселения Асва (1, 4, 5 — ИИ 3799 : 261, 339, 346; 2, 3, 6—8 — ИИ 3994 : 348, 1379, 1019, 1620, 817).

Найдены также сосуды с шероховатой поверхностью (табл. XXIV : 3, 6). Редко встречаются черепки, украшенные гребенчатым штампом (рис. 37 : 1, 2). Аналогии подобной керамике известны с поздненеолитических стоянок в юго-восточной части Эстонской ССР [9].

[9] Л. Ю. Яниц, Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, XIX, 1954, стр. 180, рис. 15 : 1, 3.

Кроме грубой керамики, встречается гладкостенная посуда из теста с примесью мелкого песка. По сравнению с грубой керамикой, это почти всегда небольшие сосуды. Среди них имеются сосуды с темнокоричневой или черной поверхностью, с острым ребром и вогнутой шейкой (табл. XXIV : 2, 9). Часть подобных сосудов украшена шнуровым орнаментом, расположенным либо в виде ромбиков (рис. 39 : 2), либо полоской по обеим сторонам ребра. Часть посуды этого рода снабжена ушками, в которых проделаны отверстия (рис. 39 : 6, 7). Как показывают отбитые ушки (табл. XXIV : 11, 13), они иногда делались отдельно и прилеплялись затем к сосуду. Отдельные глиняные сосуды, украшенные вдоль ребра рядом вдавленных ногтем насечек, снабжены широким плоским ушком (рис. 39 : 8). Некоторые черепки гладкостенных сосудов имеют украшение в виде ряда нарезных дугообразных черточек (рис. 39 : 1).

Как гладкостенная, так и грубая керамика употреблялась для различных целей — для хранения запасов пищевых продуктов, для приготовления, а также для приема пищи. Прослеживая стратиграфию находок глиняной посуды, можно отметить, что в нижнем слое встречается только керамика из теста с примесью дресвы; среди этой керамики есть сосуды со штрихованной и сетчатой поверхностью с ямочным орнаментом. Посуда с валиком на ребре встречается также на довольно большой глубине. Верхний горизонт нижнего слоя давал уже черепки керамики с черной гладкой поверхностью, с острым ребром. Керамика со шнуровым украшением появляется только на средней глубине. Здесь же обнаружены сосуды как с плоскими, так и с более выступающими наружу ушками. В верхних слоях преобладает тонкостенная керамика, типичная на территории Эстонии для раннего периода железа.

Большинство глиняных сосудов из Асва по своему общему виду сильно напоминает керамику городищ дьякова типа, среди которой преобладает сетчатая керамика, но встречаются также и сосуды со штрихованным и ямочным орнаментом, как и со шнуровыми и ногтевыми вдавлениями [10]. Но в то время как для городищ дьяковской культуры наиболее характерна сетчатая керамика, посуда этого типа встречается в Асва сравнительно в меньшем количестве. Здесь, напротив, преобладает штрихованная керамика, которая особенно типична для одновременных памятников балтийских племен. На городищах Латвии и Литвы встречаются, кроме штрихованной, и другие типы керамики, имеющие сходные черты с керамикой поселения Асва (валики, шероховатая поверхность, группировка орнамента выше ребра) [11].

Но в керамике Асва встречаются элементы, которых мы не находим у соседних северных и юго-восточных племен (использование дужек, ушек, дуговой орнамент, двухконусный профиль). В то же время она имеет известные соответствия на юге, в бассейнах Одера и Вислы, в позднелужицкой праславянской культуре VII—V вв. до н. э. [12]. Общей чертой с керамикой лужицкой культуры являются, между прочим, и валиковые украшения на глиняной посуде, а также глиняные диски с ямочками на поверхности (рис. 39 : 4, 5). Очевидно, лужичане бассейна Вислы поддерживали через Балтийское море связи с эстонско-ливскими племенами.

---

[10] А. А. Спицын, Городища дьякова типа. ЗОРСА, V, 1903, стр. 130. П. Н. Третьяков, Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, IX, 1947, стр. 75.

[11] Труды IX Археологического съезда в Вильне 1893, т. II, М., 1897, табл. XIII : 40. Л. В. Ванкина, Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 73 и рис. 25; Х. А. Моора, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XLVIII, 1953, стр. 20—22.

[12] Gród praslowiański w Biskupinie. Pod redakcja J. Kostrzewskiego. Poznań, 1938, табл. XXII, XXIII, XXV, XVII.

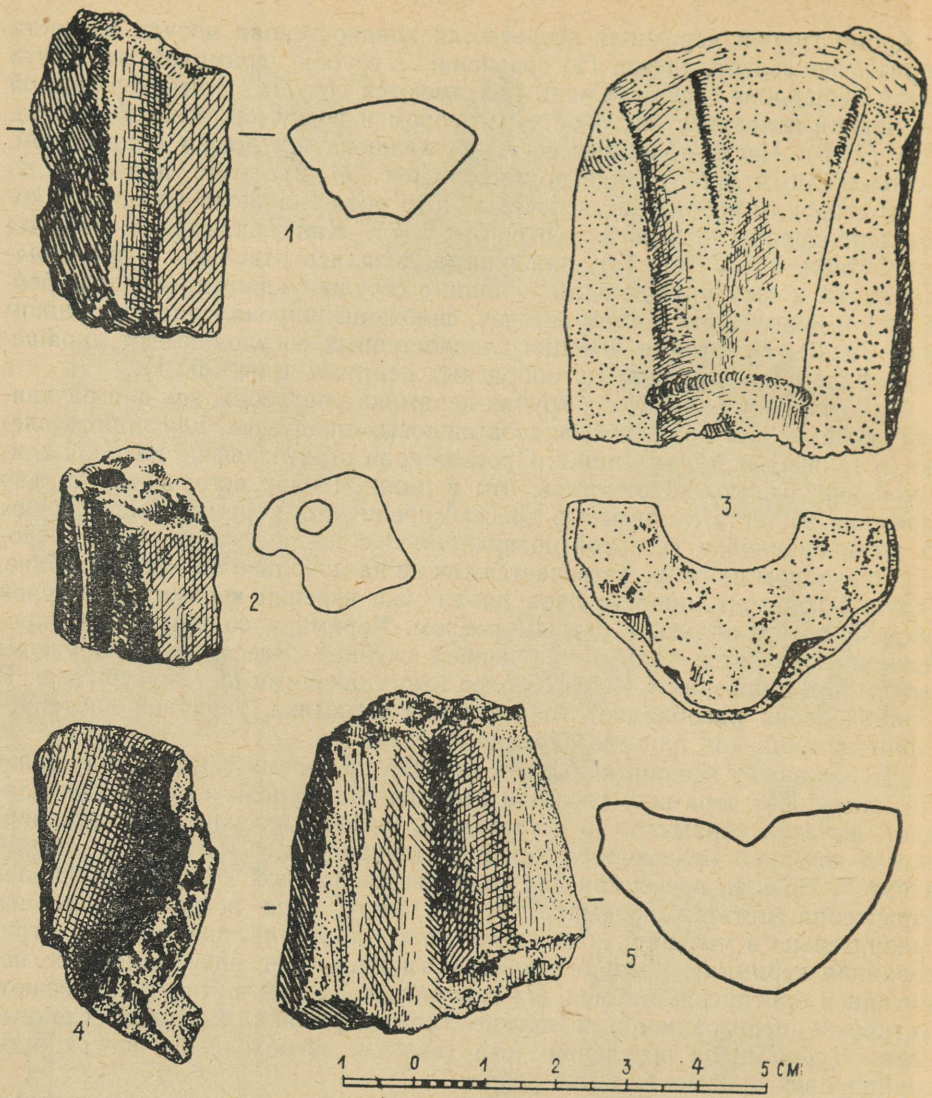


Рис. 40. Литейные формы (1—3, 5) и тигель (4) из глины с поселения Асва (1, 2, 4, 5 — ИИ 3994 : 1566, 483, 1025, 1586; 3 — ИИ 4012 : 111).

На поселении Асва обнаружено немало следов литья бронзы. Выше уже упоминалось об очагах, на которых, вероятно, производилась плавка металла. На обоих исследованных до сих пор участках в северной и западной части поселения найдено значительное число обломков глиняных литейных формочек и плавильных тиглей (рис. 40 : 4). Большая часть литейных формочек изготовлена для отлития круглых бронзовых шейных гривен [13]. На некоторых обломках формочек имеются два желобка (рис. 40 : 2). Формочки имеют отверстия для выхода воздуха. Найдены обломки форм и для литья предметов больших размеров, для наконечника ко-

[13] Х. А. Моора, Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 32, рис. 6 : 6.

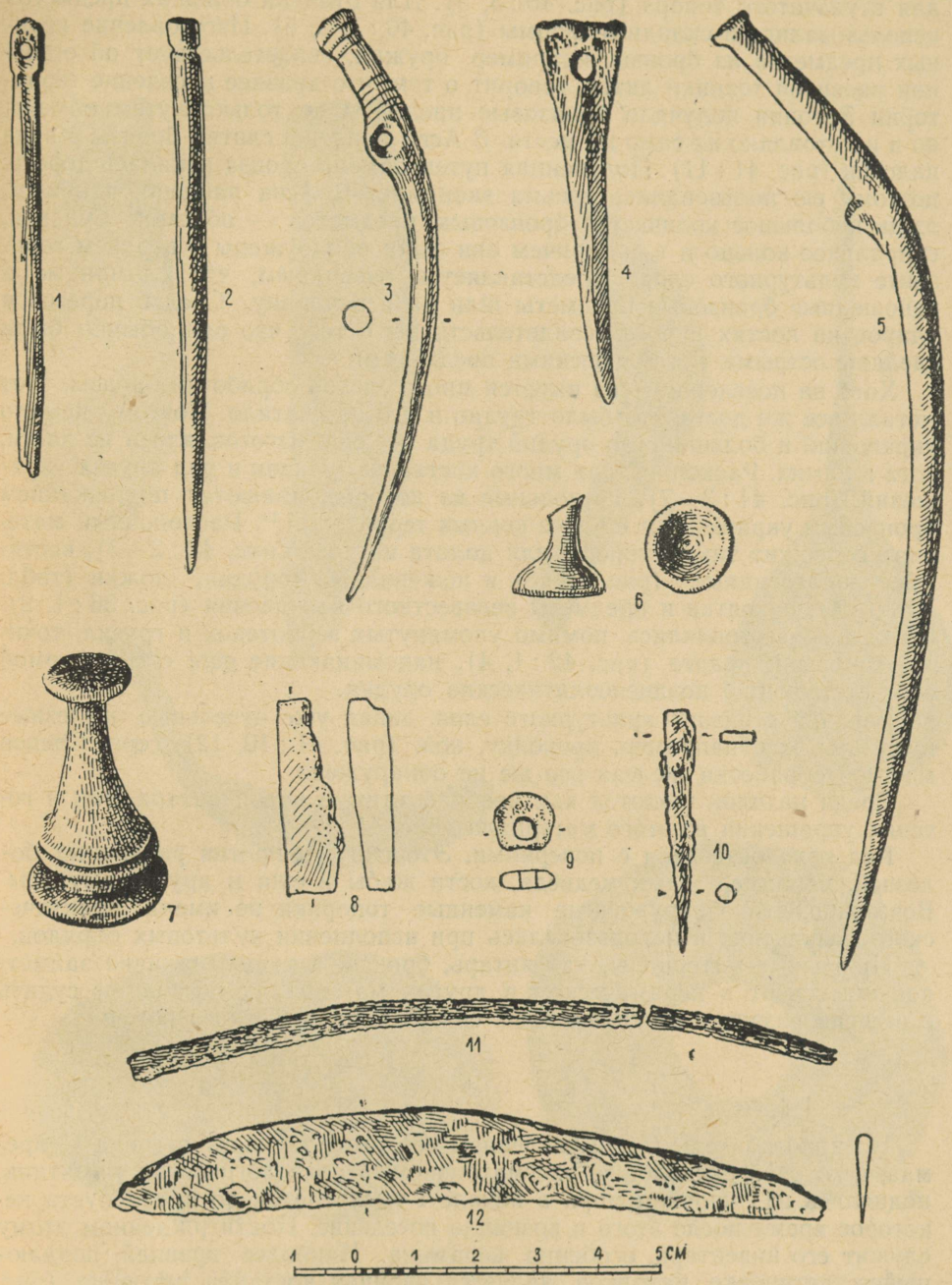


Рис. 41. Разные орудия и украшения с поселения Асва. 1—2 — костяные иглы; 3—5 — костяные булавки; 6 — обломок украшения из рога; 7 — коническая пуговка из рога; 8 — кусок янтаря; 9 — янтарная бусина; 10 — железное шило; 11 — бронзовый слиток; 12 — железный нож (ИИ 3799 : 356, 82, 39; 3994 : 1570; 3799 : 136; 3994 : 655; 3658 : 500; 3994 : 1007, 1472, 568, 3658 : 102; 3799 : 432).

пья с острыми гранями и дугообразно расширяющимся пером, а также для втульчатого топора (рис. 40 : 3, 5). Для отливки больших предметов использовались и складные формы (рис. 40 : 1, 3, 5). Изготовление крупных предметов из бронзы, например оружия, свидетельствует об освоении развитой техники литья, говорит о том, что древнее население территории Эстонии получало бронзовые предметы не только путем обмена, но и изготовляло их само на месте. В Асва найдены слитки бронзы в виде палочек (рис. 41 : 11). Полученная путем обмена бронза ценилась дорого, поэтому ею пользовались весьма экономно. В Асва найдено, в общем, лишь небольшое количество бронзовых предметов — обломок булавки, спиральное кольцо и т. п., причем они были обнаружены в верхнем горизонте культурного слоя. Представляется очевидным, что сломанные и изношенные бронзовые предметы шли на переплавку. Следы порезов и ударов на костях и рогах свидетельствуют о том, что они обычно были сделаны острыми металлическими предметами.

Хотя на поселении Асва имеется много следов обработки бронзы, этот металл все же доставать было трудно и его не хватало. Поэтому немало украшений и большинство орудий труда все еще изготовлялось из кости, рога и камня. Раскопки дали много костяных булавок и ряд других украшений (рис. 41 : 3—7), отдельные из которых являются подражанием бронзовым украшениям с более южных территорий [14]. Раскопочный материал содержит также топоры или долота из рога (рис. 42 : 2—3), костяные долотовидные (рис. 36 : 3) и ножевидные орудия, ложки (табл. XXIII : 4), рукоятки и предметы неизвестного назначения (рис. 36 : 1, 2). Из камня изготовлялись, помимо упомянутых зернотерок и грузил, точила, топоры и долота (рис. 42 : 1, 4), напоминающие еще своей формой соответствующие поздненеолитические орудия.

Верхний горизонт культурного слоя давал уже отдельные железные предметы, как, например, проколку, нож (рис. 41 : 10, 12), серп. Следов местной обработки железа все же не обнаружено.

Среди находок имеются как необработанные куски янтаря, так и готовые украшения из этого материала (рис. 41 : 8—9).

Ряд находок связан с поверьями. Это обереги против различных болезней, например клык медведя, кости жабы и ежа и другие амулеты. Возможно, что обнаруженные каменные топорики не имели практического назначения и использовались при исполнении культовых обрядов.

Привозные материалы, как янтарь, бронза, а также наличие заимствованных черт в керамическом и других материалах позволяют судить о степени развития межплеменных связей и первобытного обмена.

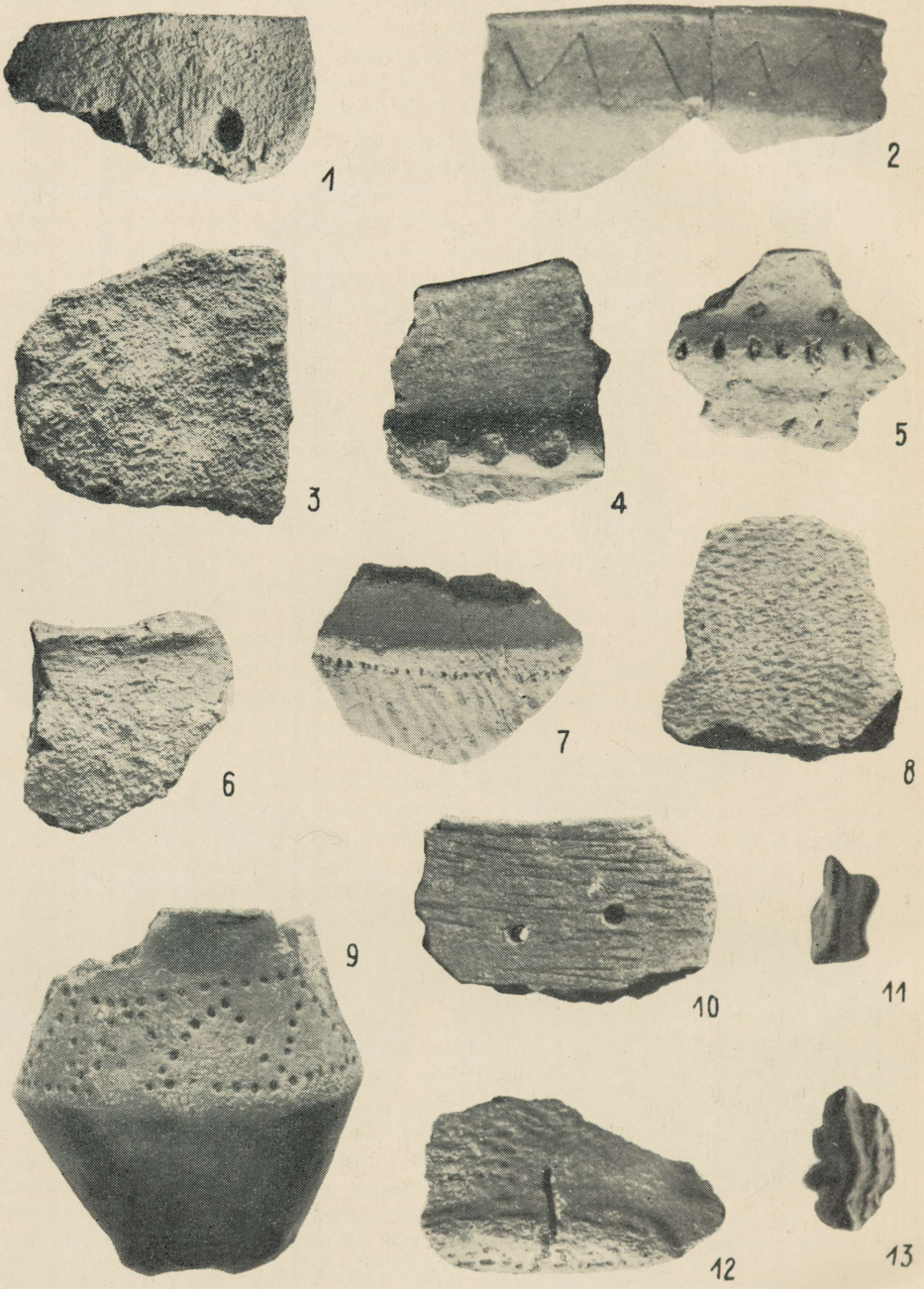
*

По приблизительным вычислениям геологов, та часть острова Сааремаа, в которой расположен рассматриваемый археологический памятник, поднялась над уровнем моря в начале I тысячелетия до н. э. Спустя некоторое время после этого и возникло поселение. Подтверждением этому служит его инвентарь, особенно керамика. Наиболее древней, поддающейся датировке находкой является двойная костяная пуговица (рис. 41 : 7), имеющая аналогии в более южных подобных же бронзовых предметах украшения. Она датируется VIII или VII в. до н. э. Керамика, костяные иглы, черепки литейных формочек и прочие находки подтверждают, что наиболее древний горизонт культурного слоя относится к позднему бронзовому веку. К сожалению, мы не можем еще точнее дати-

[14] Х. А. Моора, указ. соч., стр. 32, рис. 6 : 3 и 5.

Рыболовные и земледельческие орудия с поселения Асва. 1—2 — роговые мотыги; 3 — костяной серп; 4 — роговая ложечка; 5 — железный серп; 6 — каменное грузило мотни; 7 — роговое ботало. (ИИ 3994 : 985, 1721, 802; 3799 : 83; 3658 : 67; 3799 : 286; 3994 : 1466. 1—3 — прим. 2/5; 4, 5, 7 — прим. 2/3; 6 — прим. 1/2 нат. вел.)

ТАБЛИЦА XXIV



Образцы керамики с поселения Асва. (1—13 ИИ 3658 : 257; 3994 : 799/814; 3658 : 337; 3799 : 273; 3658 : 109, 337, 457; 3799 : 421, 212/305, 421, 90, 427; 3994 : 1620. 1, 3, 6, 7 — прим. 1/2; 2, 9, 11, 13 — прим. 3/5; 4, 8, 10, 12 — прим. 2/5; 5 — прим. 2/3 нат. вел.)

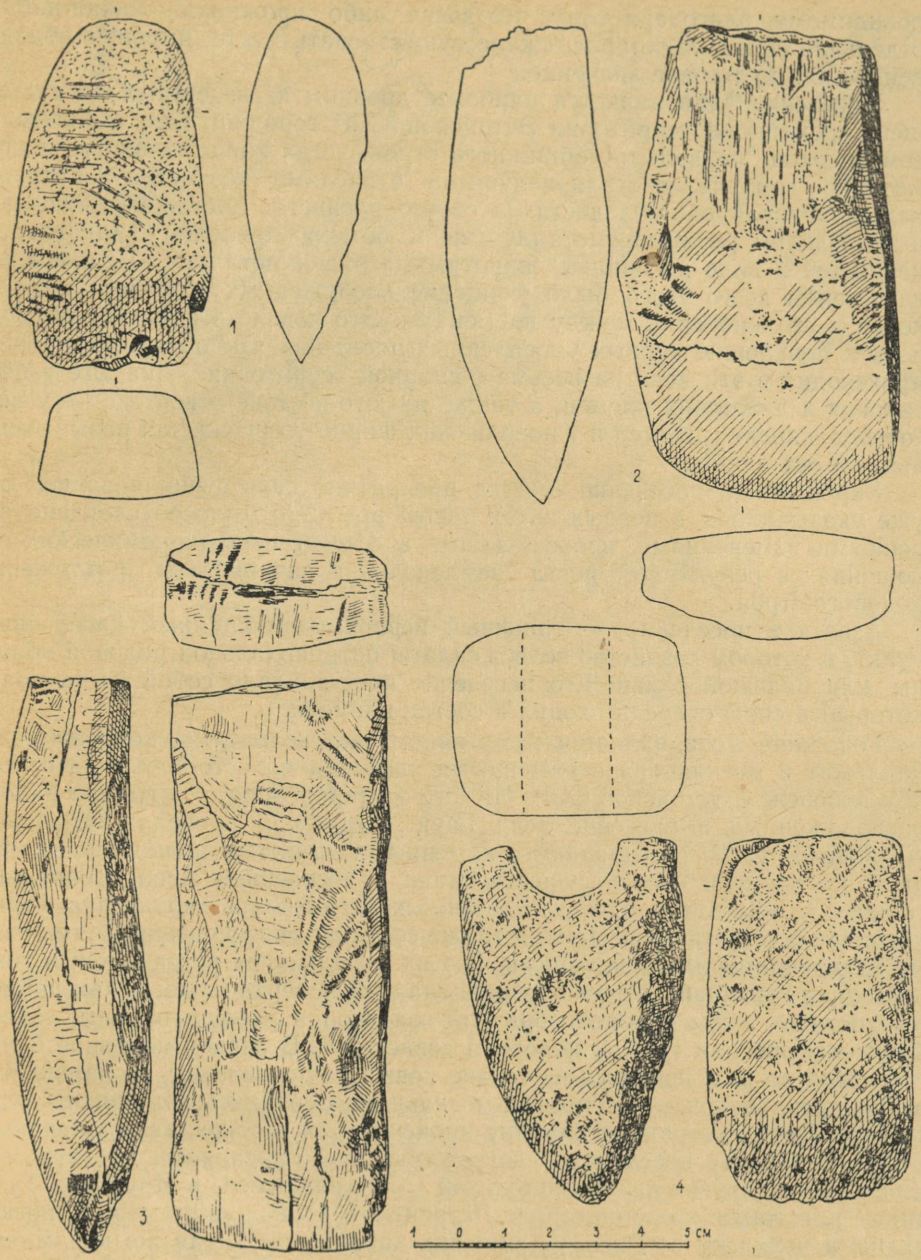


Рис. 42. Каменные (1, 4) и роговые долота и топоры с поселения Асва (1, 3, 4 — ИИ 3799 : 291, 85, 443; 2 — ИИ 3994 : 448).

ровать отдельные горизонты остатков поселения. Укрепленное поселение в Асва просуществовало, повидимому, до первых веков н. э. После этого произошло расселение обитавшей здесь патриархально-родовой или большой семейной общины, причем какая-нибудь небольшая группа могла остаться на прежнем месте. На месте найдены отдельные вещи, датируемые более поздним временем, вплоть до XII—XIII вв. Они попали сюда,

повидимому, благодаря тому, что здесь либо проживала какая-нибудь отдельная семья, либо продолжало существовать место, имевшее общественное или культовое значение.

Поселение Асва является наиболее древним из известных до настоящего времени на территории Эстонской ССР городищ. Оно относится к тому периоду первобытно-общинного строя, когда животноводство и примитивное земледелие стали ведущими отраслями хозяйства и патриархально-родовая община достигла своего расцвета. Рост животноводства и земледелия, развитие металлургии и обмена привели к накоплению ценностей в виде домашних животных, зерна и металлов. Неизбежным следствием всего этого было учащение вооруженных грабительских походов и столкновений между племенами. Это повело в конце бронзового века к появлению первых укрепленных поселений. Подобный же процесс происходил в эти века на весьма обширной территории — на юге у балтийских и лужицких племен, а также на юго-востоке и востоке — у восточнославянских племен и у поволжских финно-угорских, так называемых дьяковских племен.

Укрепленное поселение в Асва прекратило свое существование, как уже указывалось, в первых веках нашей эры. Это было обусловлено коренными изменениями, происшедшими в общественно-экономических отношениях в результате роста земледелия и начавшегося разложения родового строя.

Асваское поселение — типичный первобытно-общинный населенный пункт, в котором хозяйство велось силами патриархальной родовой общины или большой семьи. Его население представляло собой часть рода, который в свою очередь входил в состав племени.

Городище Асва является памятником тех же племен, которым принадлежат и могильники с каменными ящиками на островах и на северном побережье Эстонской ССР. На юге их территория охватывала район, расположенный в бассейне реки Гауи (Койва) в пределах нынешней Латвийской ССР. Могильники с каменными ящиками полностью совпадают по времени своего существования с поселением Асва. Совпадает также и их инвентарь. Так, для каменных могильников характерна штрихованная и сетчатая керамика, а также сосуды с гребенчатыми и ямочными вдавлениями или с защипами. В этих могильниках встречается и тонкостенная глиняная посуда с черной гладкой поверхностью; в них найдены костяные иглы с лопатообразной головкой и, между прочим, также бронзовая шейная гривна, подобная асваской [15]. В первой половине I тысячелетия до н. э. появился не только новый тип поселений, но изменился и тип могильников — грунтовые могильники сменились каменными курганами. Все это отражает глубину происшедших в обществе изменений.

Укрепленные поселения, соответствующие описанному асваскому, известны и в других частях Эстонской ССР (например, в Иру близ Таллина [16]), а также на территории Латвийской ССР (например, Клангюкалнс, неподалеку от Риги [17]). Для них характерны такая же керамика, такие же костяные и роговые изделия, формочки для литья бронзовых предметов, какие мы находим в Асва. В настоящее время не может быть сомнения в том, что населением, обитавшим в начале нашей эры на территории Эстонской ССР и в северных районах нынешней Латвийской

---

[15] A. Vassar, Drei Steinkistengräber aus Nordestland. OES Ar. 1937, I, стр. 304 и сл. A. Vassar, Die Knochennadeln mit Spatenkopf aus Estland. Opetatud Eesti Seltsi Toimetused, XXX, 1938, стр. 803 и сл.

[16] MEL, стр. 53 и сл. Х. А. Моора, Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 54—55. A. Vassar, Uut Iru linnuse ajaloost. Газета «Õhtuleht», от 14 августа 1954 г.

[17] Senatne un Māksla 1936, I, стр. 57 и сл. В а н к и н а, указ. соч., стр. 74.

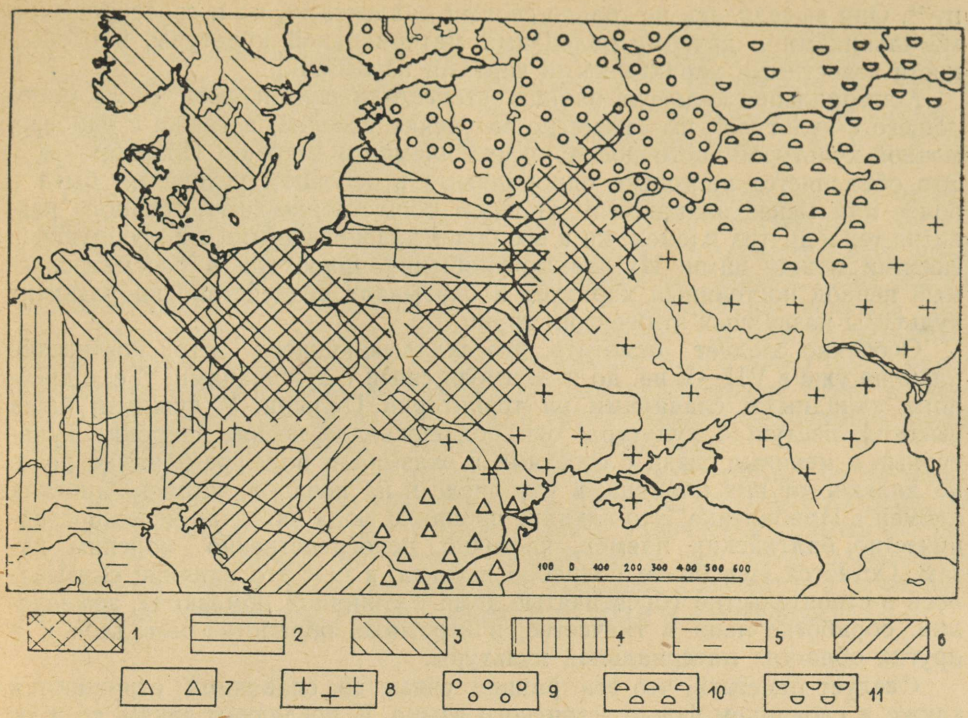


Рис. 43. Основные группы племен Восточной и Средней Европы в середине I тысячелетия до н. э. По П. Н. Третьякову. 1 — раннеславянские племена; 2 — латышско-литовские (балтийские) племена; 3 — протогерманские племена; 4 — кельтские племена; 5 — этруски и италийцы; 6 — иллирийцы; 7 — фракийские племена; 8 — скифо-сарматские племена; 9 — западная (дьяковская), 10 — средневолжская (городецкая) и 11 — северо-восточная (ананьинская) группы финно-угорских племен.

ССР, были эстонско-ливские племена. На основании преемственной связи археологических памятников этого периода с памятниками последнего тысячелетия до н. э. на той же территории можно утверждать, что эстонско-ливские племена развились здесь на основе местных скотоводческо-земледельческих племен последнего тысячелетия до н. э. Таким образом, описанное выше поселение Асва и связанные с ним одновременные памятники на территории Эстонии и северной Латвии принадлежали определенной этнической группе, предкам эстонских и ливских племен[18].

Выше отмечалось уже значительное сходство материальной культуры поселения Асва с культурой дьяковских городищ. Это сходство проявляется как в общем характере рассмотренного нами укрепленного поселения с дьяковскими, так и во многих общих чертах их инвентаря, а также в преобладании животноводства в хозяйстве их населения. Как показал П. Н. Третьяков, территория распространения западной (дьяковской) группы финно-угорских племен простиралась в середине I тысячелетия до н. э. от бассейнов Верхней Волги и Оки до восточного побережья Балтийского моря (рис. 43). В этой общей группе дьяковских племен древние эстонско-ливские племена составляли все же свою особую груп-

[18] Аналогичные находки — текстильная керамика, глиняные формочки для литья бронзовых шейных гривен и др. — с I тысячелетия до н. э. обнаружены также в южной Финляндии (см. A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, LII:1, Helsinki 1953, стр. 84 и след.

пу [19]. Они выделялись не только своими диалектами, но и своеобразными могильниками и другими явлениями материальной культуры, в особенности известными характерными чертами керамики.

Материальная культура ранних эстонско-ливских племен имела много общего с культурой их латышско-литовских соседей, а также с одновременной культурой восточнославянских племен в Верхнем Поднепровье [20]. Это объясняется не только однородными в основном условиями быта и более или менее одинаковым уровнем общественно-хозяйственного развития тех и других племен, но и все более развивающимися и крепнущими связями между ними. Их взаимоотношения приобрели в рассматриваемый период постоянный характер и оказывали воздействие на развитие культуры названных этнических групп.

Особенно следует отметить, что складывающиеся эстонско-ливские племена уже в VII—V вв. до н. э. имели связи с лужичанами, т. е. с древними западными славянами на территории Польши. У лужичан была высокая, цветущая культура, они поддерживали весьма широкие культурные и меновые связи с соседями и оказывали большое влияние даже на далекие от них племена, в том числе и на предков эстонско-ливских племен в Прибалтике. Это влияние проникло сюда частично через посредничество балтийских племен, частично непосредственно морским путем. Остается еще более подробно изучить, в чем это влияние сказывалось в строительстве (бревенчатые дома с глиняной обмазкой), земледелии, обработке льна и ткачестве, в керамике, обработке металлов и в других областях материальной культуры.

Следует отметить, что эти ранние связи со славянами отражаются также в словарном фонде эстонского языка. К последним векам до н. э. относятся такие заимствования из славянских языков, как, например: *ike* (иго, ярмо), *hirs* (жердь), южно-эстонское *luhits* (лъжица), *koonal* (кондель, кудель) и др.[21]. На то, что приемы обработки льна проникли к древним эстонским племенам через славян, указывает древнее заимствование славянского слова рачить (*raatsima*). О ранних связях с древнеславянскими племенами в бассейне Вислы свидетельствует наименование потомков лужичан — венеды, (*venelased*) которое сохранилось для обозначения славян у эстов, ливов и финнов.

Таким образом, плодотворное культурное влияние славян на складывающиеся эстонско-ливские племена стало проявляться уже с I тысячелетия до н. э. в самых разнообразных областях культурной жизни.

Итак, предки эстонско-ливских племен были, очевидно, самой западной группой обширных финно-угорских племен. Ими оставлены памятники в виде укрепленных поселений и курганных могильников с каменными ящиками, относящиеся к I тысячелетию до н. э. и отчасти еще и к началу нашей эры. Племена Прибалтики в то время уже давно миновали в своем общественно-экономическом развитии каменный век и стояли примерно на том же уровне, как и современные им соседние племена.

В настоящее время вследствие слабой изученности памятников ранней эпохи металла на территориях Эстонской и Латвийской ССР еще трудно полностью восстановить картину исторического процесса развития местных племен и конкретный ход их этногенеза.

В целях дальнейшего изучения памятников данного периода необходимо, во-первых, продолжать в Асва систематические раскопки в значительно бо́льших размерах, чем они производились до сих пор, чтобы луч-

[19] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 94.
[20] Там же, стр. 83 и сл.
[21] P. Ariste, Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keelelisist kokkupuuteist, «Looming» 1952. стр. 702 и сл.

ше проследить в особенности остатки построек и разные горизонты культурного слоя; систематически продолжать разведки и изучение других укрепленных поселений, а также могильников на территории Эстонской ССР; во-вторых, координировать эти работы с изучением памятников последнего тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР и в соседних западных частях РСФСР.

Только путем такого взаимного согласованного и комплексного исследования памятников можно будет добиться успеха в дальнейшем выяснении процессов развития производительных сил и производственных отношений на этих территориях в данный переломный период, проследить основные этапы этого развития и уточнить их хронологию, вскрыть процесс складывания и развития племен и племенных групп и их взаимные связи. Только таким образом можно установить более точно территорию расселения предков эстонско-ливских племен, характерные черты их материальной культуры, их место в общей группе дьяковских племен, связи со славянами, балтийскими и германскими племенами.

Вопросы изучения этого периода представляют собой, несомненно, одну из основных проблем археологии Прибалтики, успешное разрешение которой возможно лишь при условии тесной, творческой совместной работы над ней русских, эстонских, латвийских и литовских археологов. Эта работа явится одним из звеньев в изучении древнейшего прошлого народов нашей великой Родины, идущей по пути к коммунизму.

KINDLUSTATUD ASULA ASVAS SAAREMAAL

A. VASSAR

Lühikokkuvõte

Varane metalliaeg oli kodanlike uurijate poolt kauaks ajaks jäetud vaeslapse ossa. Suurel määral oli see tingitud formalistlikust uurimismeetodist, sest metallesemete leidude vähesuse tõttu II aastatuhande teisest poolest ja I aastatuhandest e. m. a. ei osatud selle ajajärgu muistiseid dateerida ega uurida. Neidki väheseid leide kasutati vääralt lääne kultuuri mõju igakülgseks rõhutamiseks, andes seega moonutatud pildi varasest metalliajast Eestis.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut on võtnud oma tööplaani ka varase metalliaja uurimise. Sellel ajajärgul tegi siinne ühiskond oma arenemises suuri edusamme, toimus koduloomakasvatuse ja maaviljeluse pidev kasv, mille tagajärjel need muutusid põhilisteks elatusaladeks, õpiti tundma ja kasutama algul pronksi, hiljem ka rauda. Sel perioodil kujunesid siin hilisneoliitiliste küttijate-kalastajate ja karjakasvatajate hõimude baasil uued etnilised rühmad, eesti-liivi hõimude vahetud eelkäijad. Vahetuse arenemisega tugevnesid sidemed naaberhõimudega.

Varase metalliaja üheks tähtsamaks muistiseks Eestis on Asva kindlustatud asula Orissaare rajoonis Saaremaal. Seda kohta tunnevad kohalikud elanikud «Linnamäe põllu» nime all. Muistse asula avastas sellel üks kohalik elanik veerandsada aastat tagasi. Teaduslikke kaevamisi on seal teostatud rea aastate vältel kokku 325 ruutmeetrisel alal, kust on saadud üle 3400 numbri muinasleide.

Asva kindlustatud asula asetseb kitsal põhja-lõuna suunas asetseval moreenseljakul, praegusest mererannast umbes 5 km eemal (joon. 34). Ida ja lääne pool seljakut on praegu õhukese turbakattega niiske heinamaa, millest asula pind tõuseb 4—5 m kõrgemale; lõuna- ja põhjaotsas on asula muust seljakust eraldatud madalamate kohtadega. Kindlustatud asula suurim laius on umbes 47 m, pikkus — kuni 90 m. Koht on maatõusu tagajärjel merevete alt pikkamööda vabanenud alles II aastatuhande jooksul e. m. a. Järgneva aastatuhande algul moodustas asulakoht veel tolleaegse mereranniku lähedal kerkiva saarekese. Selle võttiski nüüd endale püsivaks eluasemeks patriarhaalne sugukond või osa sellest.

Nagu näitavad kaevamised, on inimesed siinsele kruusaseljakule algselt elama asunud ilma kaitseehitusteta. Peagi on aga asula piiratud kividest laotud valliga (taraga), mille laius on olnud 1,3—1,8 m. Seljaku pikinõlvu on järsendatud ja kõrgendatud, nii et siin valli kohal on kultuurkiht kuni 2 m paksune. Lääneserval võis vallis eraldada kaht kihti, põhjaotsal aga ainult üht. Valliga oli asula piiratud nähtavasti ümberringi; nurkade kohal kulges kivivall kaarjalt (tahv. XXII).

Piki müüri sisekülge paiknesid laia vööndina elamud. Kultuurkihi paksus on siin paiguti üle 1 m. Selgesti eraldatavaid hoonete piirjooni pole seni saadud kindlaks teha. Söestunud puujäänuste ja muu põhjal otsustades on

hooned osalt olnud ehitatud palkidest, mille vahed olid tihendatud saviga (joon. 37 : 5). Osa ehitusi on olnud kergemad, roigastest püstkojad või postidele toetuvad varjualused. Sajandeid kestnud pideva kohalelamise tõttu on äärmiselt raske eraldada eri kihte. Põhjaotsa kaevandis olid siiski teataval määral eraldatavad kolm erisugust kihti, millest kõige alumine oli ühtlasi kõige tumedam; kolmandast, ülemisest kihist eraldas seda heledam kruusasegune keskmine kiht. Kultuurkiht on täis sütt, tuhka, mitmesuguseid toidu- ja muid jäänuseid, luid, savinõutükke jne. Asula keskosa oli nähtavasti ilma ehitusteta, kus hoiti karja.

Asula õues olnud lihtsate tuleasemete kõrval on koldeid, mis kas on süvendatud maapinna sisse ja põhjast vooderdatud kivide ja saviga, või mis on olnud maapinnal ja millest on säilinud kivilasud. Sellised kividest laotud kolded asusid arvatavasti eluhoonete sees ja soojendasid neid külmal ajal.

Asula paiknemine, leitud luud ja esemed näitavad, et Asva elanikud elatusid kala- ja hülgepüügist, küttimisest, koduloomakasvatusest ja maaharimisest. Kalastuse ning hülgepüügi tähtsust tõendavad kalaluud ja -soomused, hülgeluud, samuti vastavad püügiriistad: sarvest ja luust harpuunid (joon. 35 : 1—2; võrdluseks on toodud terve eksemplar joon. 35 : 3, mis on leitud Irust), sarvest mütakabi (tahv. XXIII : 7) ja noodapärakivi (tahv. XXIII : 6). Eeskätt küttimiseks kasutati mitmesuguseid luust nooleotsi (joon. 35 : 4—5, 7—8).

Koduloomaluude rohkus asula kultuurkihis näitab, et karjakasvatus oli ilmselt põhilise tähtsusega elatusalaks. Asula põhjaotsal aastail 1948—1949 teostatud kaevamistel saadud luud olid säilinud enamasti ainult väikeste kildudena, mistõttu prof. V. J. Tsalkinil (Moskva) oli võimalik määrata neist vähem kui 10 protsenti. Määratud luudest kuulub aga ligi 78 protsenti koduloomadele ja ainult 22 protsenti metsloomadele. Koduloomade luudest on 36,5 protsenti veise, sama palju lamba või kitse, 14 protsenti sea, 10 protsenti hobuse ja 2 protsenti koera luid. Seejuures on iseloomulik, et koduloomaluude hulk on kultuurkihi ülemises osas rohkem kui 66 protsendi võrra suurem kui alumises osas, vastupidi kalaluudele ja soomustele, mida rohkem esineb just alumises kihis. See näitab, et asula olemasolu kestel väheneb kalastuse osatähtsus selle elanike elatuses ja suurenes koduloomakasvatuse oma, eriti veiste osas. Hobust kasutati ka juba ratsuna, nagu näitab sarvest lõigatud suitsete osa (joon. 36 : 8).

Arvukaid tõendeid on maaharimisest, mis sel ajal toimus nähtavasti aleteo näol. Külvati nisu ja tõenäoliselt ka otra, kasvatati juba ka lina. Seda tõendavad kivid viljaterade jahvatamiseks, nisuterajälg ühe savinõu seinas, looma lõualuust (tahv. XXIII : 3) ja rauast (tahv. XXIII : 5) sirbikesed, sarvest kõplad (tahv. XXIII : 1—2), luust linaraatsi piid (joon. 36 : 5), luust linakammid (joon. 36 : 7).

Kodusest käsitööst on rohkesti leide. Luust värtnakeder (joon. 36 : 4) ja riidekoe jälgedega keraamika (tahv. XXIV : 8, 12) on tõendiks, et tunti ketramist ja kudumist. Arvukaid luunõelu (joon. 41 : 1—2) ja -naaskleid kasutati rõivaste ja nahkade õmblemiseks.

Eriti rohkesti on Asva asulast leitud keraamikat. Savinõude valmistamisest kohapeal on mitmesuguseid tõendeid (vt. ka joon. 36 : 6 luunuga savinõu silumiseks). Kõige rohkem esineb pinnalt riibitud ja lohkudega koredat keraamikat (joon. 38, tahv. XXIV : 1, 7, 10), peale selle ka riidekoejälgedega ehk nn. tekstiilkeraamikat, sõrmeotsaga vajutatud lohukestega (joon. 37 : 3) ja nööri jälgedega keraamikat (joon. 39 : 2—3). Keraamika näitab suurt sarnasust Volga ülemjooksu alal levinud nn. djakovo gorodištšede keraamikaga. Samal ajal on Asva keraamikal ühiseid jooni ka hilislužitsi (varase slaavi) kultuuri savinõudega Visla basseinis (joon. 39 : 1,

4—8). Vähesel määral on leitud ka hilist kammkeraamikat (joon. 37 : 1—2). Savinõude hulgas on võimalik eraldada vanemat ja hilisemat keraamikat.

Asulas on rohkesti jälgi pronksivalamisest. Sellest annavad tunnistust eeskätt arvukad savist valmistatud valamisvormide katkendid (joon. 40 : 1—3, 5) ja tiiglitükid (joon. 40 : 4). Asula põhjaotsas otse seespool kivivalli avastati suur metallisulatamise kolle (vt. tahv. XXII, paremal). Turbatuhast sellel koldel tuleb järeldada, et suurema kuumuse saavutamiseks kaeti kolle arvatavasti kõrvalasuvast turbasoost lõigatud mätastega. Peale pronksvõrude (joon. 40 : 2) on koha peal valatud ka odaotsi (joon. 40 : 5) ja teisi suuremaid riistu (joon. 40 : 3). Samuti on leitud valamismaterjalina kasutatud pronksikangide tükke (joon. 41 : 11). Pronksi tuli hankida vahetuse teel, seepärast on sellega ümber käidud väga ökonoomselt.

Enamik töö- ja tarberiistadest, relvadest ja ehetest valmistati sellal luust, sarvest ja isegi kivist (vt. sarv- ja kivitalvad ning kivikirve katkend joon. 42). On leitud ka sarvest valmistatud lusikas (tahv. XXIII : 4), mitmesuguseid luust tehtud riistu (joon. 36 : 1—3) ja ehtenõelu (joon. 41 : 3—5), sarvest kaksiknööp (joon. 41 : 7) jm. Rida ehtenõelu ja -asju jäljendavad lõunapoolseil hõimudel levinud pronksist vorme. Ehteid on valmistatud ka merevaigust (joon. 41 : 8, 9).

Asula ülemises kihis leidus ka juba üksikuid raudasjakesi, nagu naaskel (joon. 41 : 10), nuga (joon. 41 : 12), sirbike jm. Kohapealsest sepisest siiski jälgi ei ole.

Leidude põhjal võib Asva kindlustatud asulat arvata ajavahemikku VIII—VII sajandist e. m. a. kuni meie ajaarvamise algussajanditeni. See on vanim senini teadaolev kindlustatud asula Eesti NSV territooriumil ja vastab ürgkogukondliku korra sellele arenguetapile, mil seoses loomakasvatuse, maaharimise ja metallkäsitöö ning patriarhaalsete sugukondade arenemisega mitte ainult siin, vaid ka naaberaladel hakati asulaid kindlustama. Pärast seda — seoses maaharimise edusammudega ja sugukondlike suhete lagunemise algusega — asusid siinsed asukad elama laiali lahtistesse asulatesse. Kuna Linnamäe põllult on leitud ka üksikuid juhuslikke leide I aastatuhande teisest poolest ja isegi XII—XIII sajandist, siis võib arvata, et selles kohas asus ka hiljem mõni üksik pere või omas koht veel pikemat aega mingit ühiskondlikku või kultuslikku tähtsust, kus teatavail puhkudel koos käidi.

Asva kindlustatud asula on samade hõimude muistiseks, kellele kuuluvad ka kivikirstkalmed Eesti NSV ja osalt Läti NSV alal. Analoogilisi kindlustatud asulaid tunneme ka mujalt Eestist (Iru Tallinna juures) ja Lätist (Klaņģukalns) Riia lähedal. Need muistised kuuluvad selleks ajaks kujunenud varajaste eesti-liivi hõimude etnilisele rühmale. Need moodustasid sellal ulatusliku soome-ugri hõimude läänepoolse, nn. djakovo hõimurühma kõige läänepoolsema osa (joon. 43). Eesti-liivi hõimud eraldusid juba I aastatuhandel e. m. a. teatavate iseloomulike joonte poolest mitte ainult keeles, vaid ka ainelises kultuuris, eriti keraamikas, samuti matmiskommetes.

Palju ühist leiame käsitletud ajajärgul varajaste eesti-liivi hõimude ja läti-leedu ning slaavi hõimude ainelises kultuuris. See ei olnud tingitud ainult enam-vähem samastest elutingimustest ja ühiskondlik-majandusliku arengu tasemest, vaid ka sellal arenevaist hõimudevahelistest sidemetest. Ühenduste kõrval naaberhõimudega on eesti-liivi hõimudel olnud sidemeid ka Visla basseinis elavate varajaste slaavi ehk lužitsi hõimudega. Tuleb märkida, et need varased sidemed slaavlastega kajastuvad ka eesti keele sõnavaras. Arvatavasti juba I aastatuhande lõpust e. m. a. või meie ajaarvamise algusest pärineb rida slaavi laensõnu eesti keeles, nagu *ike, hirs, luhits, koonal,* samuti nimetus *venelased.*

Varase metalliaja edasiseks uurimiseks tuleb jätkata kindlustatud asulate ja kivikirstkalmete süstemaatilisi kaevamisi ning uute leiukohtade väljaselgitamist. Vastavad uurimistööd Eesti NSV alal tuleb koordineerida samaaegsete muististe uurimisega Läti NSV alal ja Vene NFSV läänepoolsetes osades. Sellise laialdase uurimistöö teostamine võimaldab välja selgitada tootlike jõudude ja tootmissuhete arenemist neil aladel ning selle arengu põhietappe, täpsustada kronoloogiat ning valgustada hõimude ja hõimurühmade kujunemise ning arenemise protsessi. Ainult sel teel on võimalik üksikasjalisemalt selgitada varajaste eesti-liivi hõimude asuala piire, nende ainelise kultuuri iseloomulikke jooni ning nende sidemeid teiste soome-ugri, läti-leedu, slaavi ja germaani hõimudega.

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ В САРНАТСКОМ ТОРФЯНИКЕ (ЛАТВИЙСКАЯ ССР)

Л. В. ВАНКИНА

Сарнатский торфяник расположен в западной части Латвийской ССР, на полпути между Вентспилсом и Павилостой, приблизительно в 2,5 км от берега Балтийского моря. Он вытянут в направлении с севера на юг и представляет собой большое заросшее озеро, от которого еще остались два небольших открытых бассейна, озера Семба и Пажу, с низкими, очень топкими берегами. Образование Сарнатского торфяника относится к атлантическому периоду. В средней части торфяник пересекается речкой Сарнате, вытекающей из озера Семба, и дорогой Сарнате—Семба. По обе стороны речки и дороги болото поросло смешанным лесом и кустарником, местами же оно окультурено и используется под пастбища, луга и пашни.

Территория древней стоянки расположена в западной части торфяника, в 0,75 км на восток от поселка Сарнате, по обе стороны дороги Сарнате—Семба; она охватывает площадь около 2 га. Болото в этом месте сравнительно сухое.

Первые остатки древнего поселения были обнаружены в Сарнате в 1938 году при прокладывании мелиорационных канав к северу от названной дороги. В следующем, 1939 году после вспашки трактором осушенной части торфяника на его поверхности южнее дороги обозначились в виде песчаных пятен 27 очагов.

Археологические раскопки производились в 1938—1940 гг. в трех местах севернее дороги (между рекой Сарнате и дорогой) и в пяти местах к югу от нее. Раскопки дали очень ценные находки. Из них наибольший интерес представляют многочисленные, прекрасно сохранившиеся изделия из дерева. Столь древних и притом столь многообразных предметов из дерева не было до сих пор найдено в Прибалтике. В ходе раскопок была изучена своеобразная конструкция очагов, типа самих домов, однако, проследить не удалось [1].

Учитывая тот исключительный интерес, который остатки древнего Сарнатского поселения имеют для изучения материальной культуры, хозяйства и быта своего времени, в 1949 году Центральный государственный исторический музей Латвийской ССР продолжил раскопки этого замечательного памятника [2]. В раскопках принимали участие московские археологи — профессор А. Я. Брюсов и научный сотрудник Государственного исторического музея В. М. Раушенбах, а также директора Вентспилсского и Лиепайского краеведческих музеев А. Шульц и Я. Судмалис. Было заложено три раскопа, общей площадью в 181 м², и три шурфа, разме-

[1] Senatne un Māksla 1940, I. Rīgā, 1940, стр. 41 и след.

[2] Раскопки производились при содействии Вентспилсского краеведческого музея и местных организаций.

ром 1×2 м каждый. Раскопки дали новый богатый материал, позволяющий установить тип жилищ древних обитателей этого поселения и характеризующий также различные отрасли их хозяйства. Остатки домов были обнаружены во II и III раскопах.

II раскоп был заложен на месте 16-го очага [3]. Он имел вначале размеры 5×5 м. После удаления рыхлого верхнего слоя, толщиной приблизительно в 35 см, в северной части раскопа вскрылась округлая площадка (размером около 4 м²) из светлого песка с примесью угля в центре. С северной и северо-восточной сторон песчаной площадки были обнаружены три березовых кола, толщиной 8 см, наклонно вогнанные в землю. Два березовых кола были обнаружены также с юго-западной стороны площадки. Эти колья были нижними концами древних столбов. Других остатков деревянных конструкций не удалось проследить.

Толщина песчаного наслоения достигала 10—20 см. Первоначально этот слой был толще, но верхняя часть его была снесена трактором. За песчаным наслоением шел твердый коричневый торф. На этой песчаной площадке располагался в свое время очаг. Во избежание загорания сухого подстилающего торфа, последний был покрыт слоем песка, на котором разводился огонь.

Было очевидно, что обнаруженные при очаге колья являлись остатками постройки. С целью проследить деревянные конструкции этого дома, который мы обозначили литерой «J», раскоп был расширен в юго-восточном направлении и достиг общей площади в 56 м². В средней части раскопа культурный слой оказался перекопанным, так как тут проходила дренажная труба.

В южной части раскопа, на глубине 20—38 см, выступали жерди, лежавшие в разных направлениях (табл. XXVI : 1). Это скопление жердей на северо-востоке и юго-западе оканчивалось двумя березовыми жердями. Вперемежку с жердями лежала сосновая кора, береста и развалившееся плетение из лучин и сучьев. На северо-западной стороне под корой и берестой сохранился целый фрагмент плетения из лучин. Мелкие лучинки и жердочки на южной стороне и против середины описанной залежи жердей и других остатков образовывали нечто вроде углов. После снятия жердочек и лучин в коричневом торфе выявились контуры четырехугольника. На северо-восточной стороне контур отмечался темными и светлыми полосами между пятью вогнанными в землю необстроганными березовыми кольями (толщиной 5—8 см), а на юго-восточной стороне — двумя параллельными темнокоричневыми полосками неразложившегося торфа. На северо-западе площадь, занимаемая остатками дома, пересекалась канавой более позднего времени.

На глубине 60 см контуры дома исчезли, шел слой слаборазложившегося мохового торфа, в котором местами обнаруживались наклонно вогнанные в землю необстроганные колышки (толщиной приблизительно 3—3,5 см), стесанные на концах с одной стороны. Подобная целая жердочка, примерно в 2 м длиной, лежала на юго-восточной стороне площади дома. Ее комель был стесан с одной стороны, сучья были срезаны. Судя по обстоятельствам находки, эти колышки, возможно, принадлежали к конструкции постройки.

За пределами площади дома, с северной ее стороны, на глубине 20—50 см, было найдено несколько больших развалившихся глиняных горшков. Сосуды были украшены ямочным орнаментом или арочками. Тут же были найдены фрагментарные лыжи, два обломка луков и весло, стержень которого доходил до глубины 85 см. Обломок лопасти другого

[3] По обозначению, данному при прежних раскопках.

подобного весла был найден в южной части раскопа на глубине 70—80 см; вблизи его лежала концевая часть лука. При проверке нижнего слоя торфа на глубине 85 см было найдено несколько каменных грузил для сетей с остатками обвязки волокнами лыка.

Описанные остатки представляли собой, совершенно очевидно, части четырехугольного легкого шалашеобразного жилища, площадью около 16 м². Его конструкция представлялась нам примерно следующим образом. По двум сторонам постройки (со стороны входа и, вероятно, также с противоположной стороны) в землю были вогнаны березовые жерди, по две на углах; между этими жердями была укреплена такая же горизонтальная жердь, предназначенная для поддерживания плетения крыши. По обеим другим (боковым) сторонам жилища в землю втыкались осиновые или березовые сучья с листьями; эти сучья сгибались с обеих сторон к середине и связывались между собой. Узел, обнаруженный посередине площади жилья, был, очевидно, таким узлом из сучьев. Таким образом получалась шалашеобразная постройка, стены и крышу которой образовало плетение из сучьев и лучин; она перекрывалась мхом, травой и корой. Отметим, что подобные шалаши изготовлялись косарями на сенокосах еще в прошлом столетии [4]. Рядом с этим жилищем, на его северной стороне, находился открытый очаг.

Это жилище, надо полагать, не было постоянным, а использовалось временно, на что косвенно указывает отсутствие в нем очага, а также отсутствие на его полу характерного для сарнатских жилищ слоя ореховой скорлупы. Возле этого жилья происходила обработка янтаря и кремня, о чем свидетельствует большое количество кремневых осколков и, в особенности, осколков янтаря. Янтарные и кремневые осколки были обнаружены по всей песчаной площадке вокруг упомянутого выше очага, а также на площади близлежащего раскопа «Е» 1939 года. С обработкой янтаря связаны также обнаруженные здесь 12 шлифовальных камней.

В III раскопе 1949 г. (общей площадью 125 м²) были также вскрыты остатки древнего жилища («К», см. табл. XXV). И в этом случае их пересекала водоотводная канава. При просмотре выброшенной из канавы земли было установлено, что она состояла из смеси песка и торфа.

После снятия дерна на глубине 35 см (а в части раскопа, обращенной к лесу и не затронутой трактором, уже на глубине 20 см) выступили очажный песок и лежащие в разных направлениях жерди, сучья и куски коры (табл. XXVII : 1). С южной стороны раскопа, где культурный слой начинался глубже, чем в остальных частях раскопа, остатки жилища перекрывал слой сгнивших пней. Здесь на месте древнего жилища вырос лес. По удалению пней в южном углу раскопа были обнаружены в слое листьев необстроганные, заостренные с обоих концов березовые столбы или балки длиной 1,5 м и толщиной 15 см; они располагались по отношению друг к другу почти под прямым углом и как бы отмечали угол дома. Вблизи этого угла был обнаружен также ряд вогнанных в землю кольев и несколько поврежденных деревянных предметов. После расчистки лежавших в этом месте сучьев, коры и разного рода отбросов можно было яснее различить несколько подобных березовых балок (толщиной 15 см и длиной 1,5—2 м), заостренных с обоих концов или только с одного конца; эти балки лежали по краям площади жилья или же размещались радиально и являлись, возможно, частью верхней конструкции жилища. Некоторые балки, находившиеся с краю, у северо-западной стены площадки, были отброшены в сторону при обрушении жилища. С юго-восточной стороны обнаружены также две березовые жерди с развилиной

[4] A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, II. Petrograd 1918, стр. 673.

на конце; эти жерди служили, вероятно, подпоркой для князовой слеги крыши.

На всей площади жилья были обнаружены вогнанные в землю колья, толщиной 6—8 см. Эти колья представляли собой нижние части каркаса дома. Мы обнаружили такие колья вокруг очага, в два ряда посреди жилища (по обе стороны отводной канавы), а также по краям жилища. Местами они были вогнаны в землю по два рядом. Эти колья были расставлены на расстоянии около 1,5 м друг от друга. Средние ряды кольев были, очевидно, нижними частями столбов, поддерживавших крышу дома.

Стены жилища между вогнанными в землю жердями, концы которых сохранились в торфе, состояли, вероятно, из плетения из сучьев и травы. Крыша была покрыта древесной корой, на что указывает большое количество разбросанной по всей площади жилья коры. Пола, в собственном смысле, жилище не имело, но остатки жилища лежали на сравнительно твердом культурном слое, состоявшем из торфа с большой примесью ореховой скорлупы, листьев и сучьев. В нескольких местах были замечены скопления листьев, травы и мха. Вне площади жилья торф был мягче и содержал меньше названных остатков.

Вход в дом находился, вероятно, с южной его стороны, где прослеживались два ряда кольев. Контуры жилища отмечались вогнанными в торф столбами, а также, как нам казалось, твердым слоем отложившихся на его полу отбросов. Дом имел продолговатую форму, с выступающим входом. Возможно, что с обеих длинных сторон к дому примыкали (отмеченные также нижними частями столбов) пристройки [5] или навесы для хранения различных орудий труда и других предметов хозяйственного назначения. Особенно много ценных предметов было найдено на южной стороне. На северо-западной стороне была обнаружена вне стены дома верша из лучин, раздавленная упавшим на нее бревном от жилища. Жилище занимало общую площадь в 30—35 м² (табл. XXV).

В северо-восточной части жилища находился очаг, размером около 4 м², разрезанный упомянутой выше водоотводной канавой на две части. В меньшей части, на северо-западе от канавы, конструкцию очага проследить было трудно, тут от него остался лишь песок, беспорядочно перемешанный с остатками луба. Напротив, юго-восточнее канавы, где сохранилась бóльшая часть очага, можно было хорошо проследить его конструкцию. А. Я. Брюсов полагает, что здесь имелись два очага. Это свидетельствовало бы о наличии в доме двух самостоятельных хозяйств [6].

По своей конструкции очаг был сходен с очагами, обнаруженными в ходе прежних раскопок. Отметим, что особенно хорошей сохранностью отличался очаг, обнаруженный в раскопке «F» 1939 г. [7].

Вскрытый нами очаг устроен следующим образом: на поверхности торфяника был сложен настил из нетолстых деревянных балочек; этот настил покрывался несколькими слоями луба (древесной коры). Поверх луба, для предотвращения загорания луба и балочек, был насыпан слой песка, толщиной от 5 до 20 см. На этом песке и раскладывался огонь. Следами огня в песке были углистые и золистые пятна. Такой своеобразной конструкции очаг был необходим, очевидно, по той причине, что разводить огонь непосредственно на торфянике нельзя было из-за опасности возникновения пожара. С течением времени под раскалившимся песком луб все же начинал обугливаться. Поэтому над первым очагом устраивался новый

---

[5] А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 175.

[6] А. Я. Брюсов, указ. соч., стр. 177.

[7] Senatne un Māksla 1940, I. Rīgā 1940, стр. 44 и 47.

настил из балочек, коры и песка и т. д. Таким образом конструкция данного очага была возобновлена всего шесть раз (табл. XXVI : 2). Из-за своей тяжести очаг постепенно в некоторой мере оседал в слой торфа. Его основание представлялось поэтому в виде ямы. Край ямы отмечался вогнанными в торф колышками. Многократное возобновление очага свидетельствует о том, что им пользовались продолжительное время.

Укажем еще, что четвертый слой песка (считая с верхнего) имел посередине золистое пятно в 4 см толщины; в нем были найдены мелкие обожженные косточки. После расчистки песочного покрова у края очага было обнаружено грузило и кусочек веревки от рыболовной сети длиной приблизительно 15 см. Поблизости была найдена глиняная мисочка и 2 колотушки для разбивания орехов. На дне ямы, под очагом, найден поплавок от сети и осколок янтаря.

С северо-восточной стороны полоса сучьев, ореховой скорлупы и разного рода отбросов, шириной 60 см, отделяла очаг от продолговатого песчаного пятна, имевшего по краям примесь угля. По расчистке этого песчаного пятна на его месте оказалась яма, размером примерно 150×130 см, глубиной приблизительно 45 см. Яма была выложена мхом и песком, на дне ее, над слоем песка, были обнаружены угольки. Яма была наполнена ореховой скорлупой, между которой имелись в небольшом количестве остатки листьев и древесной коры. В этой яме найден фаллус из дубового дерева.

Вокруг очага залегал полосой приблизительно в 80—100 см ширины и 25—40 см толщины слой скорлупы лесных и водяных орехов. С южной стороны очага была обнаружена плаха, возможно, для сидения; она имела на концах следы обработки. Поблизости ее были найдены три колотушки для раскалывания орехов, лубяной сосуд, завернутое в бересту грузило с остатками сети, черные, закоптелые черепки глиняной посуды, овальная глиняная мисочка и янтарные подвески. Находками был особенно богат участок, окружавший очаг, а также расположенные вне жилища юго-восточная, южная и юго-западная части раскопа.

В этих частях раскопанной площади, после удаления вышеупомянутого слоя пней, были, между прочим, обнаружены остатки челна (табл. XXVII : 2). Его передний конец лежал на березовом бревне, между тем как другие мелкие остатки от него были разбросаны в мягком торфе. В тех же частях раскопа нами были обнаружены весла, изготовленные целиком из дерева копья, деревянный ковшик, колотушка, грузила от сетей, несколько глиняных горшков и т. д.

Культурный слой, содержавший остатки жилища и описанные предметы, имел в общем мощность 20—80 см, между тем как яма очага доходила до глубины 115 см. Культурный слой подстилался коричневым, ненарушенным торфом, в который заходили лишь концы столбов, стесанные обычно с двух сторон. Жилища были, очевидно, выстроены на поверхности болота в засушливый период и оставлены с наступлением более влажного климата. Их остатки вскоре заросли торфом.

Судя по материалам из раскопок Сарнатского поселения, главным занятием его обитателей были коллективное рыболовство и охота. Этим, прежде всего, объясняется само расположение поселения на берегу озера, занимавшего в то время значительную часть нынешнего болота.

Челн, обнаруженный нами вблизи жилища «К», служил важным средством передвижения древних рыболовов. Этот челн был выдолблен из лиственного дерева, осины или липы. Еще и в XIX веке челны-однодеревки изготовлялись по преимуществу из тех же видов дерева. Судя по сохранившимся фрагментам, сарнатский челн имел сравнительно тонкие стенки, острую, хорошо отесанную носовую часть и, вероятно, плоскую

корму. Точно реконструировать размеры челна и его вид не является возможным, так как от него сохранились, кроме заостренной носовой части, лишь один край и отдельные разрозненные обломки. Можно все же утверждать, что челн определенно принадлежит к комплексу предметов жилища «К».

На территории Латвии это первая подобного рода находка, к тому же четко увязанная с остальным инвентарем стоянки. Челн составлял необходимую принадлежность сарнатских рыболовов, как и охотников, при охоте на водоплавающую птицу. Другой, более массивный, почти целый дубовый челн около 4 метров длины, с острой носовой и плоской кормовой частью был найден в 1940 году в том же Сарнатском торфянике при прокладывании водоотводной канавы вблизи Сембского озера на глубине 1 метра. Возможно, что этот челн является одновременным с находками в сарнатском жилище.

В том же, III раскопе 1949 г., вблизи челна, а также и в раскопах прежних лет, было обнаружено (общим числом) 15 весел. Их отделка свидетельствует о хорошей обработке и продуманной форме. Весла изготовлялись из ясеня и дуба. Особенно хорошо сохранились два весла. Одно из них, относящееся к группе больших сарнатских весел, было найдено в 1939 году в жилище «G», почти в вертикальном положении. Это весло длиной 1,5 м имеет стройную лопасть, длина которой составляет 73 см, а ширина 8 см. Его стержень имеет овальное поперечное сечение (2,8×1,9 см), при переходе же в лопасть — ромбическое. Одна сторона лопасти выпуклее, чем другая (табл. XXVIII : 7, 9). Второе весло было найдено в 1949 году в жилище «J» и отличается от описанного весла формой лопасти. Его лопасть имела длину 60 см и ширину в средней части 11,8 см, к концу же лопасть резко сужена (табл. XXVIII : 8). Как и у предыдущего весла, она с одной стороны более выпукла, чем с другой. Диаметр стержня 3 см. Оба весла являются легкими и тонкими. Подобные весла в конце XIX века употреблялись на озере Альберта в Африке [8]. Очевидно, весла этого типа были удобными и для древних сарнатских рыболовов при передвижении по спокойным водам зарастающего озера. Можно предполагать, что они пользовались для гребли обычно только одним веслом. Такой прием гребли практикуется еще и в настоящее время при плавании на челнах в Видземе на маленьких озерках. В такой челн могут поместиться один или два человека.

Интересно отметить, что весел второго типа в Сарнате найдено только два — оба в доме «J» (1949 г.); из них одно целое, а от второго сохранился только заостренный конец лопасти. Целый экземпляр найден вместе с обломком лука, на котором сохранилась еще и часть тетивы. Вблизи весла были обнаружены лыжа, второй обломок лука и фрагмент острия деревянного копья. Близ фрагментарного весла был найден обломок от третьего лука. Не исключена возможность, что эти своеобразные весла представляют собой лыжные палки и использовались при зимней охоте.

В III раскопе 1949 г., у западной стены жилища «К», была обнаружена, как указывалось выше, верша из сосновой лучины, или, точнее, из специально обструганных палочек с прямоугольным поперечным сечением (табл. XXIX : 1). Верхняя сторона верши была сильно повреждена, очевидно, упавшими на нее бревнами от жилища. Поэтому вначале было трудно определить ее конструкцию. После тщательной ее расчистки выяснилось все же, что лучинки верши были связаны между собой лыком подобно тому, как это делается еще в настоящее время. В трех местах

[8] Г. Шурц, История первобытной культуры. Перев. с немецкого И. Н. Смирнова, под ред. Д. А. Клеменца. СПБ (1907), стр. 40.

жгуты, связывающие лучины, сохранились со всей плетенкой. Найденная нами верша имела, очевидно, коническую форму, причем тот конец, на котором между лучинами сохранился связывающий лык, был узким, другой же — широким входным концом. Попавшая в такую коническую узкую вершу рыба не могла в ней повернуться и выйти из нее. Подобные верши встречались еще в прошлом столетии на севере Курземе[9]. Была ли сарнатская верша точно такой формы, трудно сказать, так как расширяющийся ее конец был сильно поврежден.

Рыба ловилась также сетями. В Сарнате в большом количестве обнаружены части сетей: 51 поплавок из сосновой коры, 5 деревянных поплавков, 2 распорки, 56 различных грузил от сетей и т. п.

Поплавки из сосновой коры — четырехугольной или овальной формы; они имеют на поверхности вырезанный рубец или же зазубрины на обоих концах для привязывания к сети (табл. XXIX : 2—5, 8—11). На отдельных поплавках сохранились в рубцах остатки веревки. Некоторые поплавки были завернуты в бересту, другие же имели в средней части или на одном конце отверстие. Последние обыкновенно толще и крупнее других. Имеются также поплавки в виде свитков бересты (табл. XXIX : 7). Деревянные поплавки снабжены обычно посередине или на одном конце отверстием.

В качестве грузил употреблялась плоская морская галька, снабжавшаяся выемками на обоих концах или по бокам для привязывания к сети (табл. XXX : 4, 7). Некоторые грузила подобного рода сохранили в выемках следы обмоток. Грузилами служили также простые камни, перевязанные веревкой, и мелкая галька, оплетенная берестой и перевязанная тоненькой веревочкой. Одно такое грузило с хорошо сохранившейся обмоткой было найдено в 1949 году вблизи очага в жилище «К». Вместе с этим грузилом сохранилась и часть привязанной к нему веревки (тетивы) от сети, длиной 15 см, свитой из двух прядей (табл. XXX : 1—3). Обнаруженная в Антреа, на северо-западном побережье Ладожского озера, часть сети была изготовлена из волокон лыка или крапивы[10]. Возможно, что и для сарнатской веревочки использован тот же материал, так как нет никаких указаний на то, чтобы обитателям Сарнате был уже известен лен. Кроме того, лыко хорошо выносит влагу.

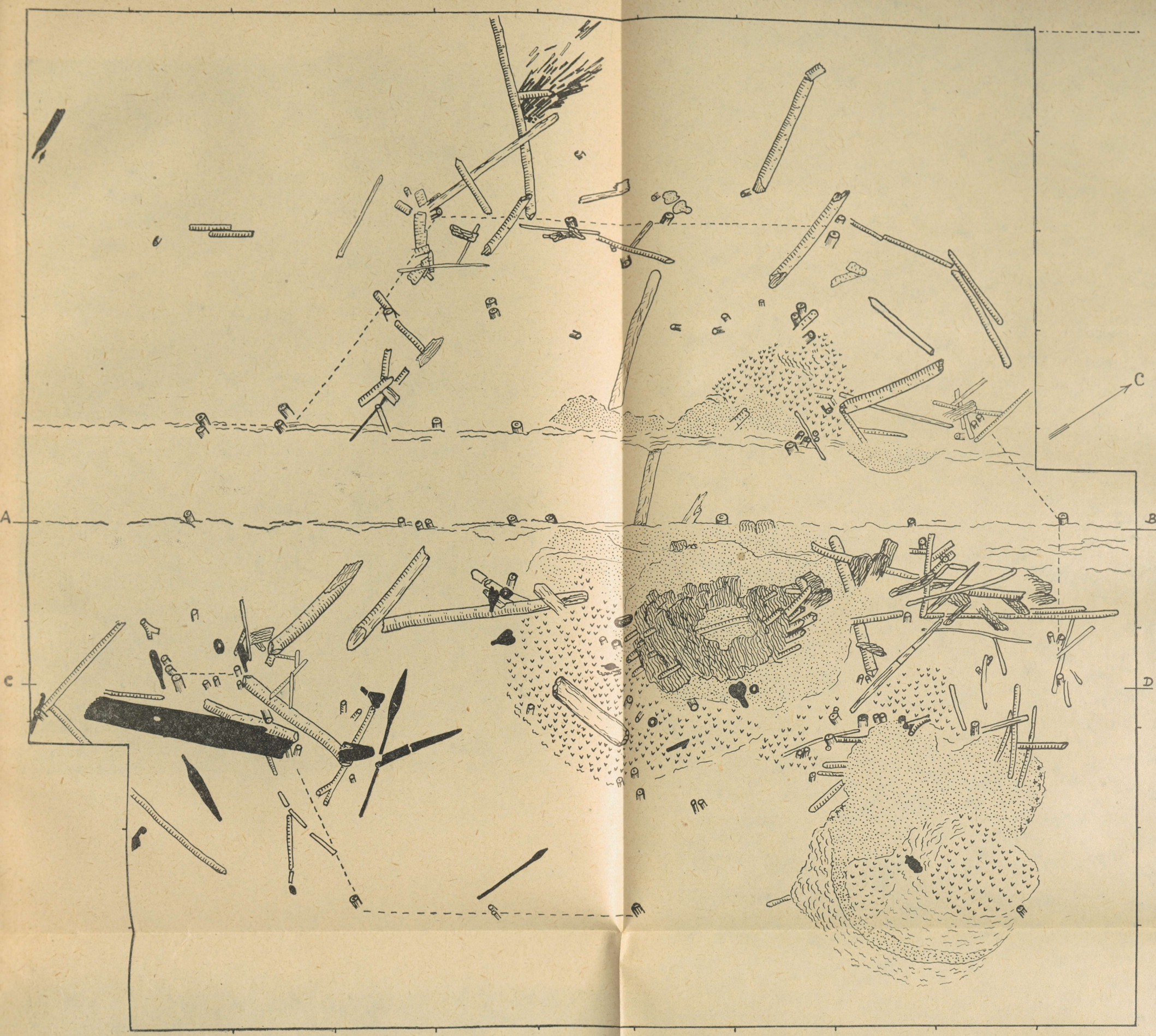
О роли охоты в хозяйстве обитателей Сарнатского поселения свидетельствуют обнаруженные в нем орудия охоты. Сюда относятся найденные нами в 1949 году впервые на территории Латвийской ССР целые копья из ясеня. В особенности хорошо было отделано копье, обнаруженное в жилище «К» III раскопа почти в вертикальном положении. Копье имеет общую длину 1,2 м. Его наконечник, правильной листовидной формы, шириной 3,1 см, составляет одно целое с древком (табл. XXVIII : 5). На последнем наблюдается вблизи наконечника небольшое утолщение. Наконечник слегка обожжен для придания большей твердости. Противоположный конец древка отсутствует. В том же жилище «К» было найдено и второе копье из ясеня, длиной около 1,80 м. Его наконечник обработан менее тщательно (табл. XXVIII : 6). В ходе раскопок 1939 года был найден обломок третьего копья. Древко копья без острия имеется также из раскопок М. Е. Фосс на стоянке Веретье[11].

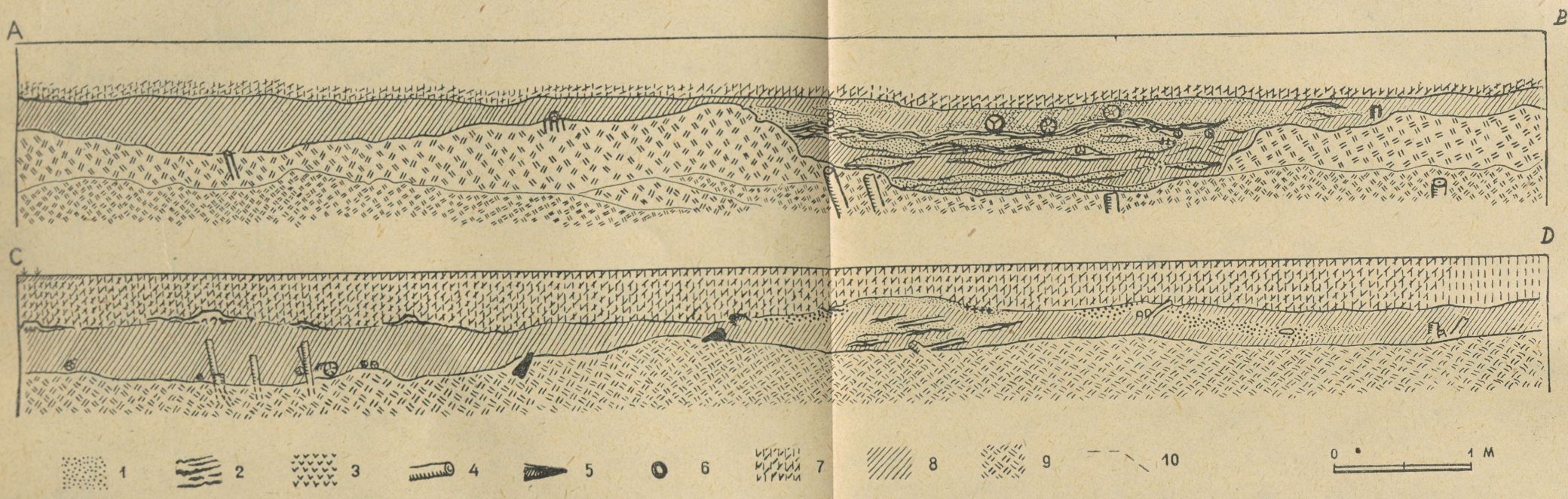
---

[9] A. Bielenstein, Holzbauten u. Holzgeräte II, стр. 673.

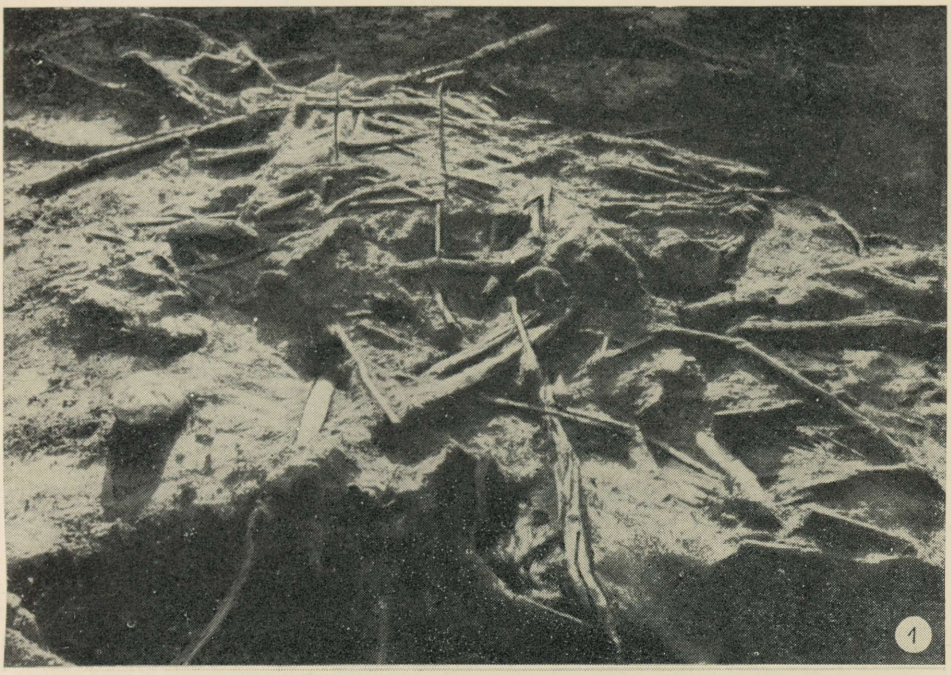
[10] S. Pälsi, Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Ksp. Antrea. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XXVIII, Nr. 2, Helsinki 1920, стр. 17. (По новому, произведенному позже проф. В. Куяла определению, остатки сети из Антреа состоят из волокон какого-то вида ивы. Suomen Museo 1947—1948, Helsinki 1949, стр. 24 и сл. — *Ред.*).

[11] М. Е. Фосс, Стоянка Веретье. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 37.



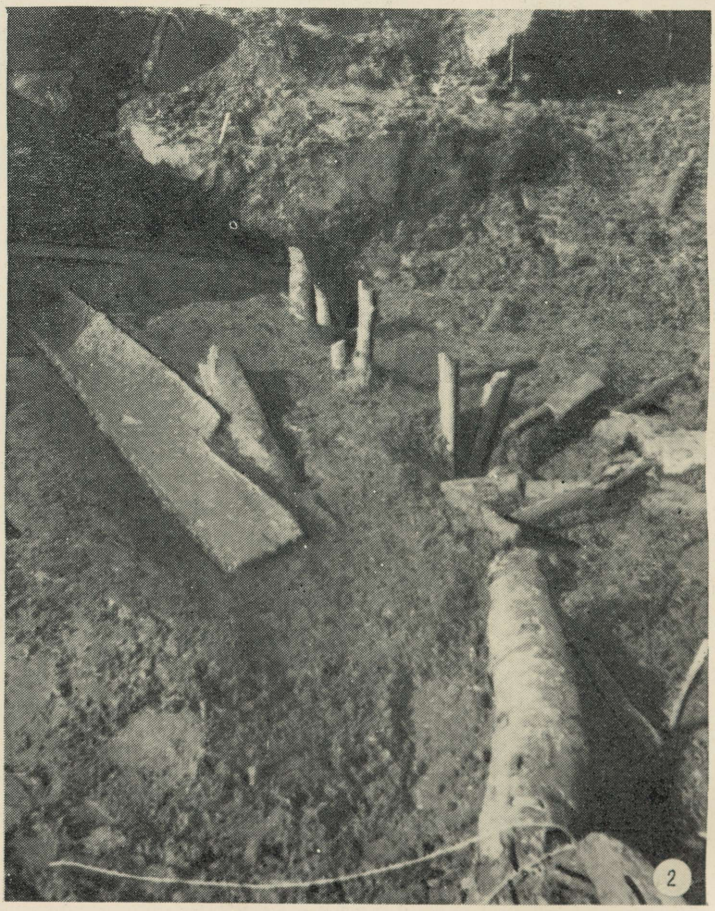


План и разрезы жилища «К» Сарматского поселения. 1 — песок; 2 — кора; 3 — скорлупа орехов; 4 — кол; 5 — деревянные предметы; 6 — янтарь; 7 — верхний (древний) слой; 8 — культурный слой; 9 — подстилающий слой; 10 — приблизительная граница жилища.



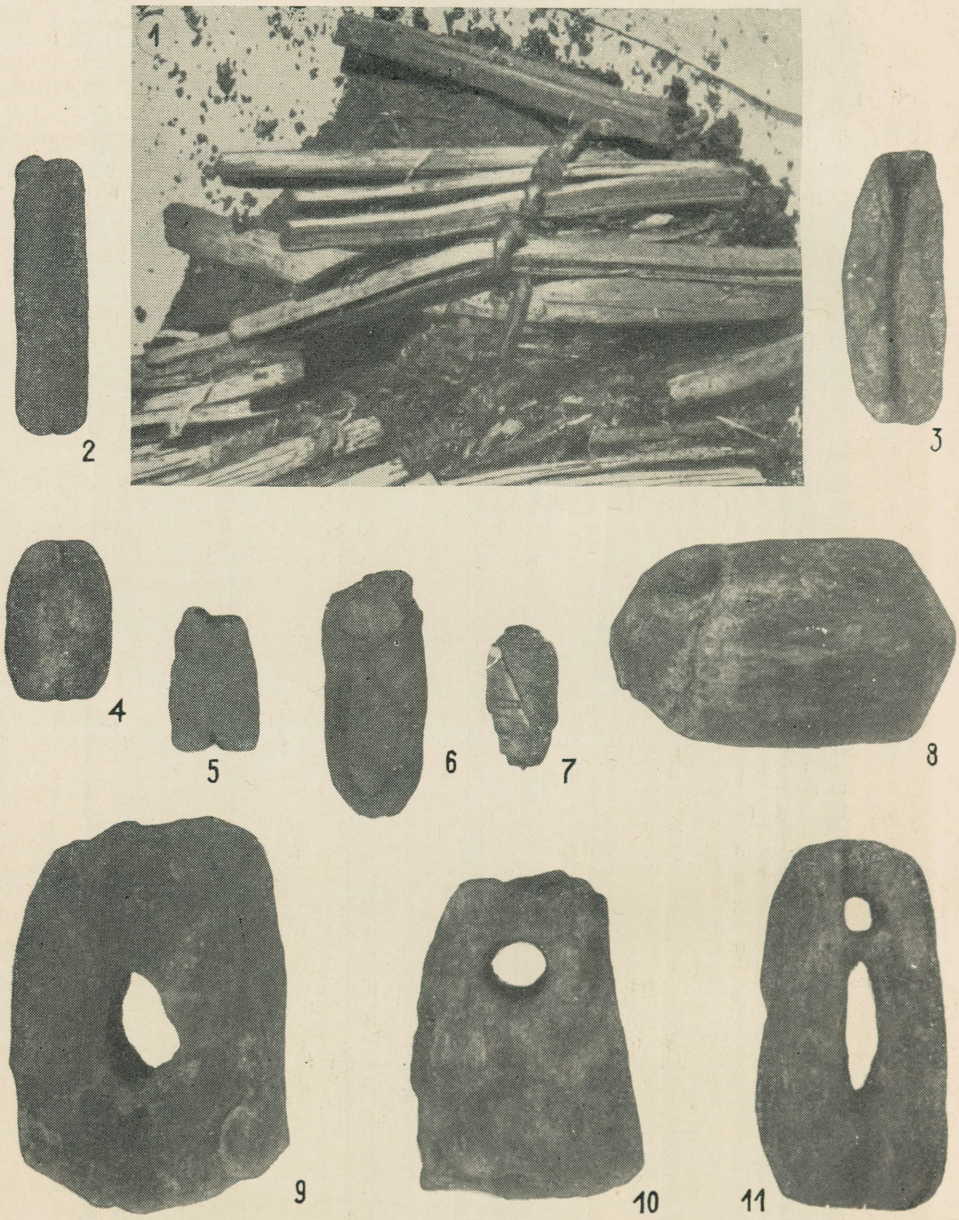
Сарматское поселение. 1 — остатки жилища «J»; 2 — третий настил на очаге жилища «К».

ТАБЛИЦА XXVII

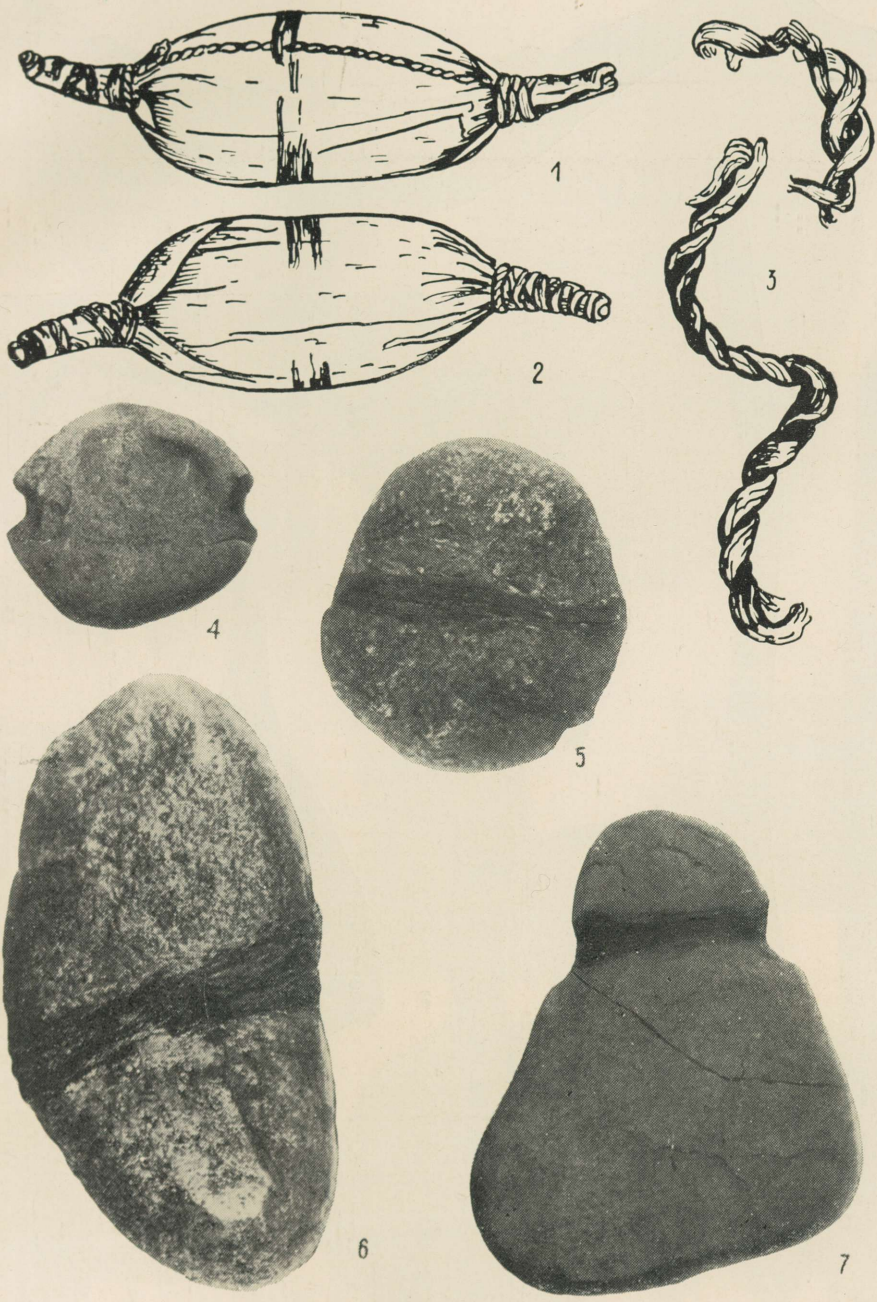


Сарматское поселение. 1 — северная часть жилища «К» с востока; слева очаг с верхним слоем песка (*1*), на переднем плане место ямы (*2*); 2 — южный угол жилища «К» с остатками челна.

Деревянные предметы с Сарматского поселения. 1 — обломки лыжи; 2 — распорка от сети; 3—4 — фрагменты луков; 5—6 — копья; 7—9 — весла. (1,9 — 1/8, 2 — 4, 7, 8 — 1/9, 5, 6 — 1/10 нат. вел.)



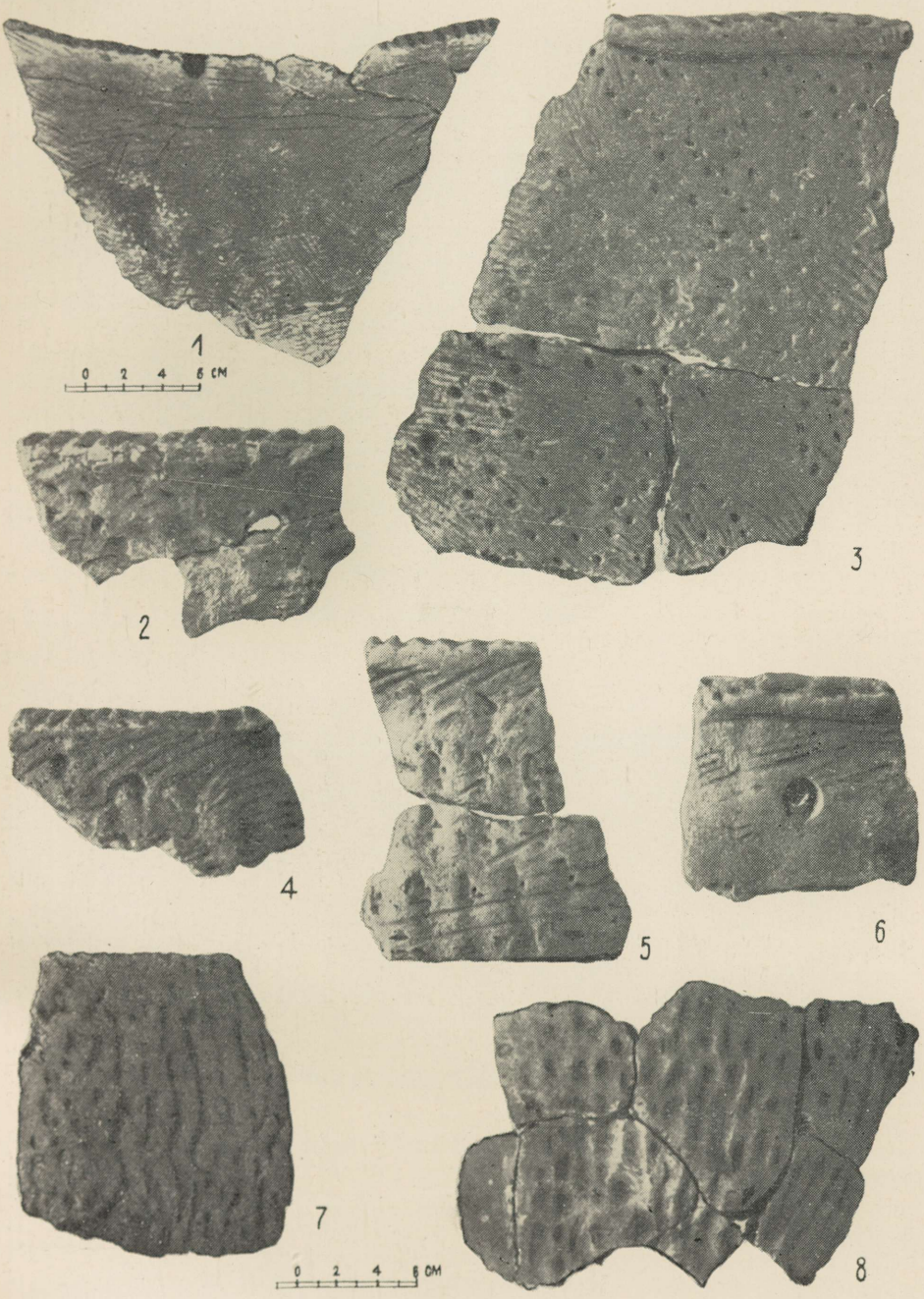
Рыболозные принадлежности с Сарнатского поселения. 1 — остатки верши; 2—11 — поплавки от сетей из сосновой коры и берсты. (2—11 — прим. ⅓ нат. вел.)



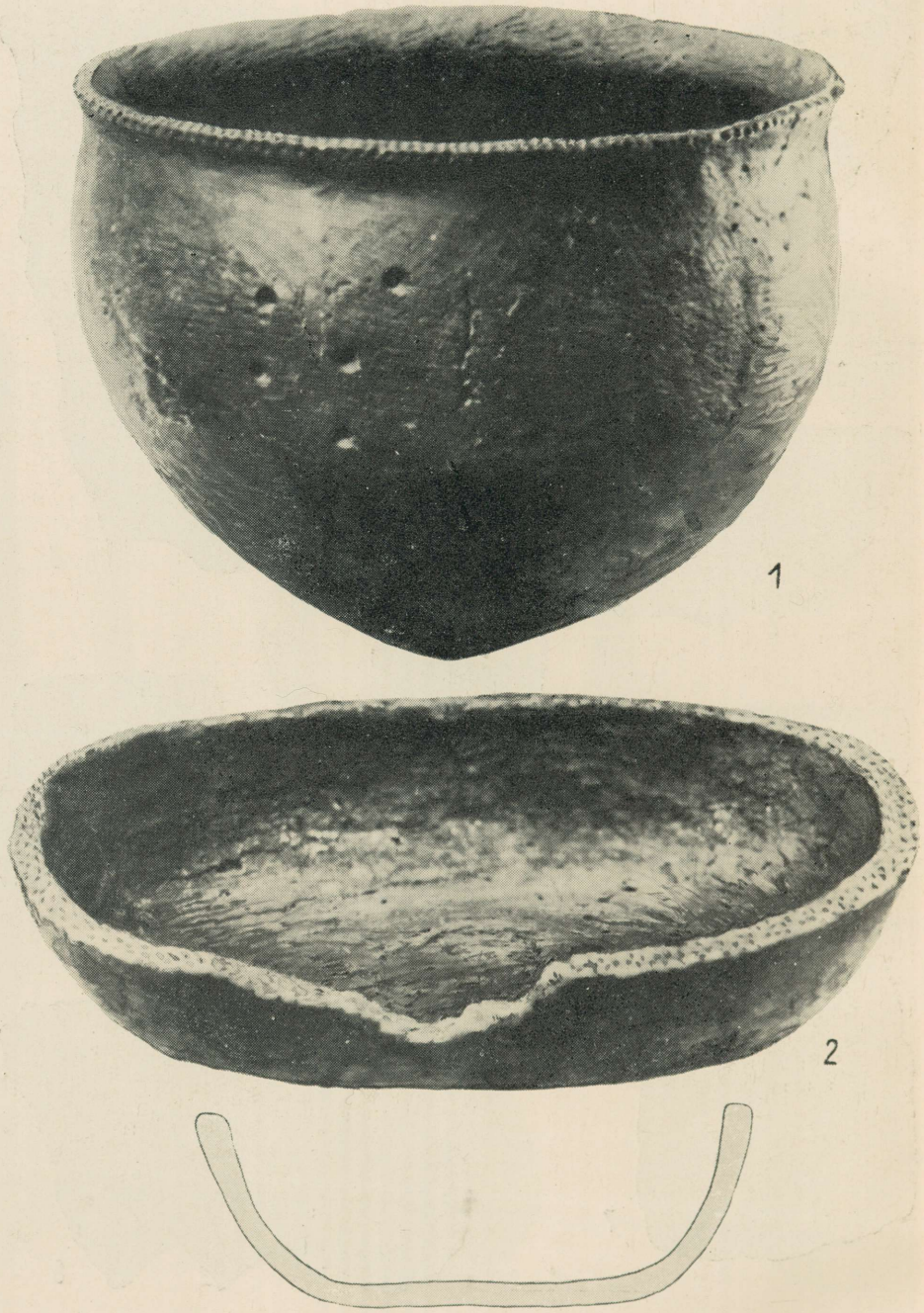
Рыболовные принадлежности с Сарнатского поселения. 1—2 — грузило от сети, завернутое в бересту; 3 — остатки веревки от сети; 4—7 — грузила от сетей. (1—3 — $^5/_7$, 5, 6 — прим. ½, 4, 7 — прим. $^4/_5$ нат. вел.)

ТАБЛИЦА XXXI

Предметы из дерева с Сарнатского поселения. 1 — ковшик с утиной головкой; 2 — часть ковшика; 3 — ручка ложки в форме утиной головы; 4 — туловище птицы; 5, 6 — мотыги; 7—9 — колотушки для разбивания орехов. (1, 3—6 — прим. 1/3, 2 — прим. 2/5, 7—9 — прим. 1/4 нат. вел.)



Керамика с Сарнатского поселения.



Глиняные сосуды с Сарнатского поселения (1 — прибл. ⅓, 2 — прибл. ½ нат. вел.)

Из снаряжения охотников необходимо упомянуть еще фрагментарную лыжу, найденную в жилище «J». Длина ее сохранившейся части 1,37 м, ширина переднего конца 10 см, заднего — 7,5 см (табл. XXVIII : 1). Применение лыж значительно облегчало зимнюю охоту.

Среди находок из Сарнате имеется один фрагментарный лук и два обломка луков, имеющие круглое поперечное сечение (табл. XXVIII : 3, 4). Концы двух луков сплющены на задней стороне, на передней поверхности они имеют зазубрину для прикрепления тетивы. Третий, меньший, имеет круглый в сечении конец, с небольшим утолщением; он зазубрен кругом. Наиболее длинный обломок (длина 1,01 м), показывающий наилучшую обработку, имеет посередине толщину 2,6 см и изготовлен из ясеня. На обломке второго лука сохранился остаток тетивы. До настоящего времени на территории Латвийской ССР луков не было найдено. Древние луки известны по находкам из Шигирской, Горбуновской и Веретьевской стоянок [12].

В связи с находками луков следует упомянуть и 5 найденных в Сарнате ромбовидных наконечников стрел из кремня. Вообще же в Сарнате обнаружено до сих пор мало кремневых предметов. Кроме упомянутых наконечников стрел, имеется еще несколько кремневых скребков. Это поселение дало тем не менее значительное количество осколков кремня, хотя и плохого качества. Тут кремень, очевидно, заменяли в большой мере другие материалы, в первую очередь кость.

Наряду с охотой и рыболовством обитатели Сарнатского поселения занимались также примитивным земледелием. Об этом свидетельствуют обнаруженные в жилище «А» три деревянные мотыги, из которых две сохранились почти целиком. Мотыги были изготовлены из одного куска дерева, лопаткой служила часть ствола, а рукояткой — сук (табл. XXXI : 5, 6). Длина самой длинной мотыги составляла 47 см.

Обитатели сарнатского поселения собирали и употребляли в пищу в большом количестве лесные и водяные орехи. В жилищах сохранился, как мы видели, толстый слой ореховой скорлупы. На северной стороне жилища «А» был обнаружен на площади в 6 м² слой, толщиной 25—30 см, целых водяных орехов.

Для разбивания орехов употреблялись специальные деревянные колотушки. Колотушки имеют четырехугольную или треугольную форму, на их поверхности видны следы ударов, а также застрявшие в древесине острые шипы водяного ореха. Треугольные колотушки изготовлены из той части ствола дерева, где из него исходил сук и где древесина обладает наибольшей твердостью (табл. XXXI : 7—9). Всего в Сарнате обнаружено 14 колотушек.

Четыре деревянные мешалки использовались при приготовлении пищи.

В Сарнате найдено сравнительно много керамики (табл. XXXII), рис. 44). Значительная часть черепков принадлежит большим сосудам с прямым, несколько отогнутым, а иногда и с вогнутым венчиком и заостренным дном (табл. XXXIII : 1). Эти крупные сосуды изготовлены из сравнительно чистой пористой глины без примеси дресвы. Сосуды плохо обожжены, так что в мокром болотном торфе их черепки размягчились и разрыхлели. Поверхность сосудов по большей части покрыта штрихами. Но имелись и сосуды с гладкой, неорнаментированной поверхностью. Часть сосудов покрыта мелкими ямочками и другими вдавлениями. Орнамент чаще всего размещается на верхней части сосуда в виде горизонтальных или косых полос, иногда также в виде елочки. Орнамент редко покрывает

[12] Там же, стр. 34, табл. II : 10. П. А. Дмитриев, Шигирская культура на Восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951, стр. 78.

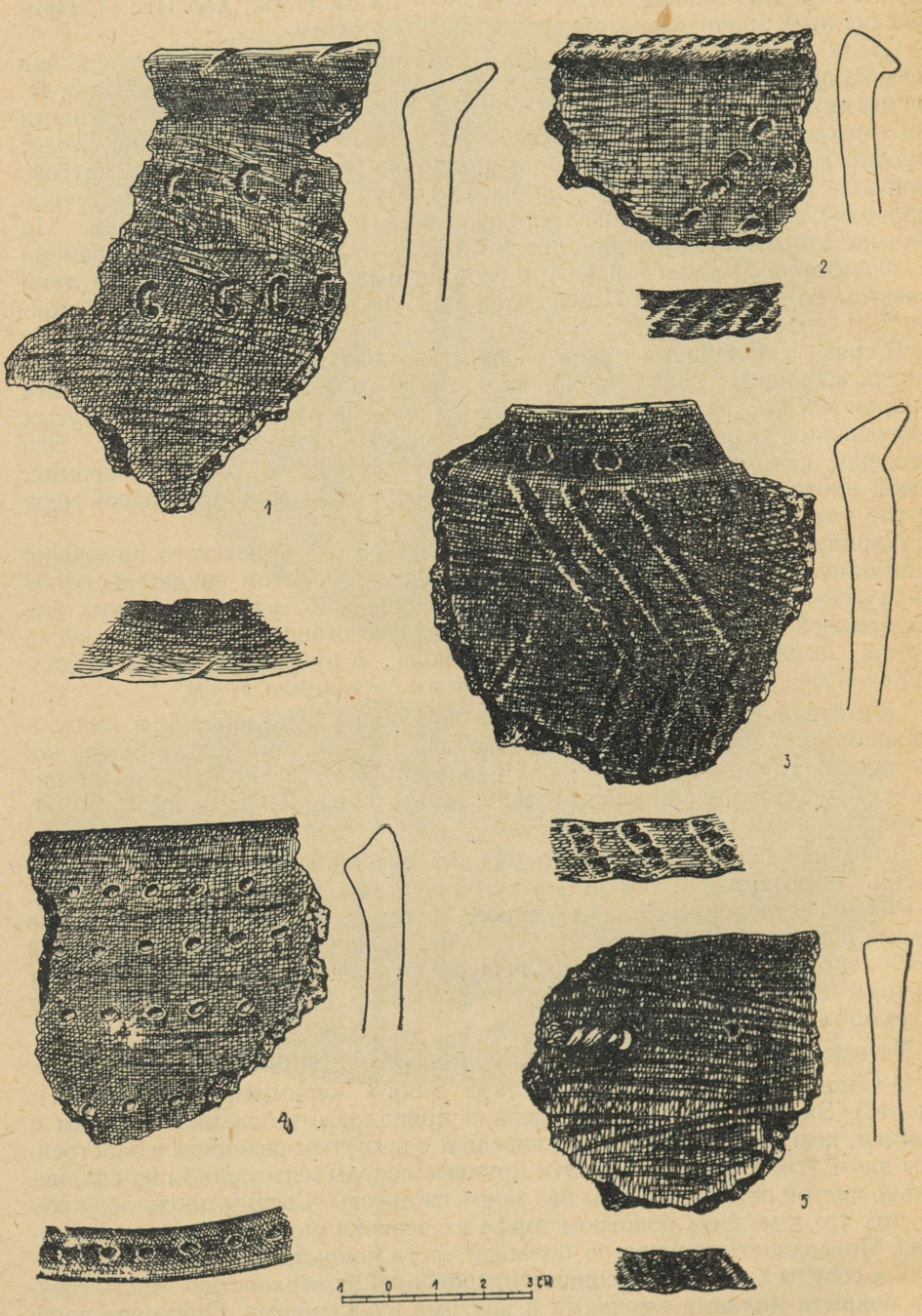


Рис. 44. Керамика с поселения в Сарнате.

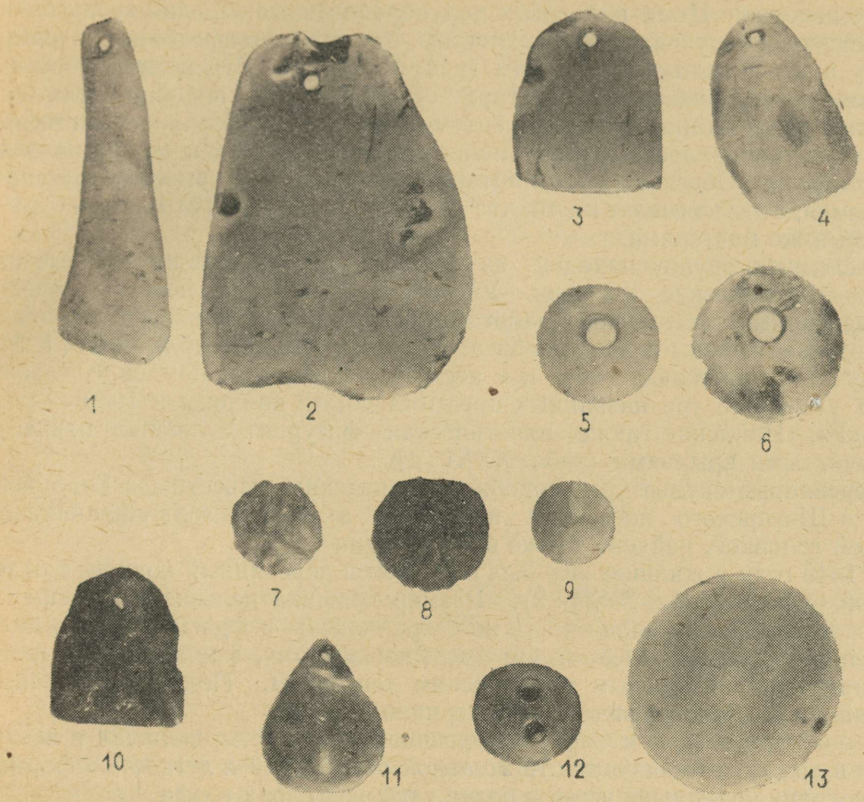


Рис. 45. Янтарные изделия с поселения в Сарнате (прим. нат. вел.).

весь сосуд. Чаще всего орнаментация ограничивается лишь венчиком сосуда. Найдены также и сосуды с волнистой поверхностью. Эти сосуды сравнительно хорошо обожжены и не разрыхлели во влажной почве; они обычно покрыты черной копотью. Глиняная посуда употреблялась как для хранения запасов, так и для варки пищи, на что указывают найденные вблизи очага черепки и черный нагар внутри сосудов.

Из исследованных до настоящего времени на территории Латвийской ССР стоянок подобную керамику дал верхний слой стоянки «С» в Пурциемсе Дундагского района, относящийся к началу эпохи бронзы. Несколько подобных черепков обнаружено также среди керамики из Двиетэ Илукстского района; последние, однако, не могут быть точнее датированы.

Наряду с большими глиняными сосудами в Сарнате найдены также обломки небольших сосудов и овальных мисочек. Одна целая овальная мисочка (размерами 19,7×14 см) была найдена в 1949 году около очага жилища «К». У этой мисочки орнаментирован мелкими вдавлениями только край (табл. XXXIII : 2).

Кроме глиняной посуды употреблялись также и лубяные сосуды, на что указывают найденные в 1949 году фрагменты подобного сосуда.

Богато представлены изделия из янтаря (рис. 45). Среди них имеются 44 различного вида привески и бусины, 22 пуговки с V-образным отверстием и большое количество янтарных осколков.

Янтарь получен с ближнего берега Балтийского моря и обработан на месте, о чем свидетельствуют необработанные куски янтаря, а также мно-

жество осколков. Нами найдены и полуобработанные изделия — пуговки и подвески с «чешуйчатой» поверхностью, отчасти отшлифованные, с наполовину просверленным отверстием (рис. 45 : 7—9). Эти полуобработанные поделки показывают, что янтарь обрабатывался подобно кремню: вначале кусок янтаря оббивался, затем его неровная поверхность шлифовалась (полировалась), одновременно высверливалось и отверстие для привешивания. Обычно осколки янтаря обнаруживались вместе с отщепами кремня, что указывает на то, что оба материала обрабатывались одними и теми же мастерами.

Последнюю группу находок из Сарнате составляют вырезанные из дерева пластические фигурки. Упомянем из них в первую очередь фрагментарный тщательно обработанный деревянный ковшик с ручкой в виде птичьей головы и две подобные же ручки ложек (табл. XXXI : 1, 3). Эти ручки изображают, хотя и в несколько стилизованном виде, голову дикой утки. Все три названных предмета были найдены в 1939 году в доме «F». Найдена также пластическая фигурка туловища птицы с приподнятыми крыльями (табл. XXXI : 4).

Деревянные скульптуры, подобные сарнатским, известны с Горбуновского и Шигирского поселений на Урале; а ложка, заканчивающаяся птичьей головкой, найдена также в Финляндии [13].

В 1949 году в жилище «К» был обнаружен деревянный ковшик с отделанной ручкой (табл. XXXI : 2). Размер ковшика нельзя точно определить, так как его передняя часть не сохранилась; в фрагментарном виде его длина составляет 21,3 см. Он имел, повидимому, форму разрезанного пополам яйца, с круглым или плоским донышком. Подобные ковшики встречаются в этнографическом материале Латвии.

Все обнаруженные в Сарнате деревянные предметы, включая и весла, копья и др., характеризуются тщательной обработкой и легкостью формы. Они сохранились лучше всего в более глубоких слоях торфа.

До сих пор в Сарнате не найдено ни одного орудия труда, предназначенного специально для обработки дерева. Ведь дерево надо было срубить, очистить, расколоть и вырезать из него соответствующий предмет. Для всего этого были необходимы по меньшей мере топор и нож; для отделки поверхности могли служить и кремневые скребки. Возможно, что место, где происходила обработка дерева находится в какой-либо другой, нераскопанной еще части поселения. Возможно также, что наиболее выдающиеся изделия из дерева (весла, копья, пластические изображения) изготовлялись лишь особенно опытными мастерами, обслуживавшими нужды всей общины.

Инвентарь поселения в Сарнате показывает некоторые характерные неолитические черты, как, например, янтарные пуговки с V-образным отверстием подобные которым обнаружены и на других неолитических стоянках Латвийской ССР (Пурциемс — жилище «С», Ича и др.). А. Я. Брюсов относит пуговки с V-образным отверстием к концу эпохи неолита [14]. Сарнатская керамика — большие глиняные сосуды с заостренным дном — напоминает по своей форме сосуды ямочно-гребенчатой керамики; она отличается от неолитической посуды все же наличием венчика, а также характером орнамента. Как уже было упомянуто, подобная по составу глины и орнаменту керамика на территории Латвии обнаружена единственно в верхнем слое Пурциемской стоянки, относящейся к эпохе бронзы. По предварительным результатам пыльцевого анализа, стоянку Сарнате следует отнести к середине суббореального климатиче-

[13] Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, вып. X, 1940, стр. 35 и сл. и рис. 71.

[14] А. Я. Брюсов, Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951, стр. 27 и сл.

ского периода. В общем, на основании всего имеющегося в нашем распоряжении материала Сарнатское поселение датируется серединой или второй половиной II тысячелетия до н. э.

В это время на территории Латвии происходили важные изменения в общественно-экономической жизни населения: постепенно развивалось животноводство и земледелие, складывался патриархально-родовой строй. Материалы Сарнатского поселения отражают развитие различных отраслей производства и образ жизни населения второй половины II тысячелетия до н. э. Наряду с развитым рыболовством, охотой и собирательством, которые являлись основой хозяйства в предыдущий период, теперь развивались новые отрасли производства — земледелие и, надо полагать, также животноводство. Ввиду отсутствия костных остатков, материалы нашего поселения не дают прямых доказательств о существовании животноводства, но эту отрасль хозяйства надо предполагать на основании данных других материалов [15].

Древнее поселение в Сарнате, как и подобные ему торфяниковые поселения в Горбунове и Шигире на Урале, относится, благодаря исключительной сохранности деревянных предметов, к самым замечательным памятникам древности нашей страны.

*

Археологические раскопки в Сарнатском торфянике были продолжены после написания данной статьи в 1953 и 1954 годах. Полученный в ходе этих работ материал дает дальнейшее дополнение к описанным нами выше находкам.

Среди новых находок имеются опять-таки деревянные предметы, но также и фрагмент костяного наконечника гарпуна и обнаруженное впервые небольшое количество костей животных, остатки сетей с грузилами и поплавками, несколько овальных глиняных мисочек и др.

Особенно большой интерес представляло одно из вскрытых нами новых мест очагов. Здесь вокруг обширного очага на площади 86 м² и на глубине 5—40 см было обнаружено самое большое из всех известных до сих пор на территории Латвийской ССР скоплений обработанного и необработанного янтаря, содержавшего 116 янтарных предметов, большое количество осколков янтаря, шлифовальные и точильные камни, а также множество отщепов кремня и фрагментов кремневых предметов. Находки наглядно раскрывают весь процесс обработки янтаря и кремня. Очевидно, здесь находилась мастерская, работавшая как на свою общину, так, возможно, изготовлявшая предметы из янтаря и для обмена.

---

[15] Х. А. Моора, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XLVIII, 1953, стр. 10.

MUISTNE ASULA SĀRNATE SOOS (LÄTI NSV)

L. VANKINA

Lühikokkuvõte

Sārnate soo asub Läti NSV lääneosas Liepāja linnast põhja pool, umbes 2,5 km kaugusel Läänemerest. Muistne asula paikneb soo keskosas, umbes 0,75 km Sārnatest ida pool, ja hõlmab enam kui 2 hektari suurust pindala. 1938. ja 1939. aastal märgati siin pärast soo kuivendamist selle üleskündmisel tumedale turbapinnale nähtavale ilmuvat ühtekokku 30 liivast laiku. Seejärel toimunud arheoloogilistel kaevamistel avastati kaheksa liivalaigu kohal muistsed leeasemed. Samuti leiti väga väärtuslikke esemeid, sealhulgas väga vanu puuesemeid, mida arheoloogilise materjali hulgas tuleb muidu ette ainult harukordadel. 1949. aastal teostas Läti NSV Riiklik Ajaloo Keskmuuseum seal uusi uurimistöid, mille tulemusi käesoleva kirjutuse autor eeskätt kirjeldabki.

1949. a. kaevamistöödel avastati kahe elamu jäänused ja saadi muid huvitavaid leide. Väiksem elamu («J»), otsustades turbas leitud vaiade ja mahavarisenud roigaste, okste ja pirdude järgi (tahv. XXVI : 1), oli olnud nelinurkne onn, pindalaga umbes 16 m². Selle kõrval asus liivast leease. Koldeliivas ja selle lähedal esines merevaigukilde ja tulekivilaaste, mis tõendasid, et selle elamu juures oli töödeldud neid materjale. Elamu läheduses leiti ka mitu suurt purunenud savinõu, puust vibude katkendeid, suuskade osi, aere, võrgukive jm.

Teise elamu («K») jäänustele (tahv. XXV ja XXVII : 1) satuti juba 20—30 cm sügavusel[1]. Sellegi elamu kohal leidus rohkesti mahavarisenud roikaid, oksi ja puukoort. Nende hulgas võis eristada mitut horisontaalselt asetsevat koorimata kasetüve, mis olid kuni 15 cm jämedused ja kas mõlemast või ühest otsast teravamaks tahutud (näiteks tahv. XXVII : 2, esiplaanil). Turbas olid säilinud ka maasse löödud vaiade või postide teritatud alumised otsad, mille read tähistasid peajoontes omaaegse elamu kontuure. Otsustades nende jäänuste järgi, oli elamul piklik nelinurkne kuju, etteulatuva sissekäiguga. Mõlemal pikemal küljel olid selle hoone kõrval võib-olla olnud juurdeehitused või varjualused, kus hoiti majapidamistarbeid ja tööriistu. Elamu põrandapinna suurus oli 30—35 m². Näib et elamu seinad olid moodustatud maasse löödud postide ja ritvade vahele põimitud okstest ja rohust, katus aga oli puukoorest. Põrand puudus, kuid maapind elamu põhjas oli kõvem kui väljaspool elamut, mis omakorda võimaldas selgitada elamu aset ja suurust. Sissekäik oli arvatavasti maja lõunaotsas, kus leidus kaks rida maasse löödud vaiade otsi. Elamus asus umbes 4 m² suurune kolle. See oli ehitatud, nagu kõik teisedki leeasemed selles soo-asulas, erilisel viisil. Kõigepealt oli turbapinnale laotud roigastest ja puukoorest

[1] Plaanil, tahv. XXV, tarvitatud tingmärkide seletus: 1 — liiv, 2 — puukoor, 3 — pähklikoored, 4 — vaiad ja roikad, 5 — puuesemed, 6 — merevaik, 7 — ülemine kiht, 8 — kultuurkiht, 9 — aluskiht, 10 — elamu ligikaudne piir.

alus (tahv. XXVI : 2). See kaeti turbaraba süttimise vältimiseks 5—20 cm paksuse liivakihiga, mille peal tehtigi tuld. Kuna puukoorest ja roigastest alus kuumenenud liiva all aegapidi söestus, laoti kolde pinnale uuesti roikaist ja puukoorest alus ja kaeti see uue liivakorraga. Nõnda oli kollet aja jooksul kuus korda uuendatud. Kolde kohale aegapidi kogunenud paksu liivalasu raskuse all oli kolde alus teataval määral vajunud turba pinnasesse.

Kolde ümber esines hulk pähklite ja vesipähklite koori, kokku umbes 1 m laiuse ja 40 cm paksuse lasuna. Samast leiti kolm puukurikat pähklikoorte purustamiseks (tahv. XXXI : 7—9). Kultuurkiht, milles olid elamujäänused ja leiud, asus 20—80 cm sügavusel praegusest maapinnast. Nähtavasti oli elamu ehitatud soo pinnale kuival perioodil, aga hiljem ilmastiku niiskemaks muutudes ja turba uuesti tekkima hakates maha jäetud.

Särnate sooelanike peamisteks elatuse hankimise viisideks olid kalapüük ja küttimine. Kalastusvahendite hulgas tuleb nimetada 1949. a. kaevamistel elamu «K» sissekäigu kõrvalt leitud mingi lehtpuu tüvest valmistatud venet (tahv. XXVII : 2, vasakul), kõigi kaevamiste kestel saadud 15 hästitöödeldud saarepuust aeru (tahv. XXVIII : 7—9), elamu «K» juurest leitud männipirdudest mõrda (tahv. XXIX : 1) ja suurt hulka võrkude osi: 51 männikoorest käba ja 5 kasetohust võrgupullu (tahv XXIX : 2—11), 2 kahlepulka (tahv. XXVIII : 2), 56 võrgukivi (tahv. XXX : 4—7) jne. Üks kasetohtu keeratud ja peene nööriga ümber mähitud võrgukivi leiti koos 15 cm pikkuse niinest valmistatud võrgunööri (võrguselise?) tükiga (tahv. XXX : 1—3).

Küttimisriistadest on leitud kolm saarepuust oda, mille teravad pajulehekujulised otsad olid välja voolitud varrega ühest puust ja kõvaduse suurendamiseks üle põletatud (tahv. XXVIII : 5—6). Eriti hästi oli töödeldud elamust «K» leitud oda, mis oli 1,2 m pikkune, kuid mille päraotsast osa puudus. Küti varustuse hulka kuulusid ka 1,37 m pikkuselt säilinud suusaosa (tahv. XXVIII : 1), vibude katkendid (tahv. XXVIII : 3, 4), rida tulekivist nooleotsi jm.

Särnate elanikud tundsid ka algelist maaharimist, nagu tõendavad eelmiste aastate kaevamistel elamust «A» leitud kolm puukõblast (tahv. XXXI : 5, 6).

Taimtoidu ulatuslikust korjamisest ja kasutamisest tunnistavad peale juba mainitud sarapuu- ja vesipähklite koorte hulga ka 14 kurikat, mida kasutati nende pähklite purustamiseks (tahv. XXXI : 7—9). Toidu keetmisel kasutati puust segamiskulpe.

Rohkesti leiti kaevamistel savinõude kilde (tahv. XXXII ja joon. 44). Nõud olid olnud enamasti teravavõitu kumera põhjaga, võrdlemisi puhtast savist ja nõrgalt põletatud (tahv. XXXIII : 1). Savinõude välispinda ilustasid lohukesed, mõnedel nõudel aga oli see jämedalt riibitud. Läti NSV territooriumil on samalaadset keraamikat leitud Põhja-Kurzemes Purciemsi C-asula ülemises kihis, mis kuulub pronksiaja algusesse. Särnates esines ka väikeste savinõude ja ovaalsete liuakeste kilde. Elamus «K» asetsenud leeaseme juurest saadi terve selline liud (tahv. XXXIII : 2).

Arvukalt leiti merevaigust esemeid (joon. 45) : 44 mitmesuguse kujuga ripatsit ja helmest, 22 nööpi V-kujulise puurauguga ja suur hulk merevaigu kilde. Merevaiku töödeldi asulas samuti kui tulekivigi pisikeste kildude äralöömise teel, millele järgnes eseme lihvimine vastaval kivil.

Suurt tähelepanu väärivad mõned puulusikad, osalt linnupeakujulise käepidemega, ja puust linnukujukese katkend (tahv. XXXI : 1—4). Samasuguseid puuesemeid on leitud ka Uraalis Gorbunovo ja Šigiri asulates ning Soomes. Kõik Särnate puuesemed on väga hoolikalt töödeldud.

Keraamika iseloomu järgi võib Sārnate asulat dateerida umbes II aastatuhande keskpaika või teise poolde e. m. a.

Sārnate asula omab suurt tähtsust Läti NSV ja naaberalade vanima ajaloo uurimisel. Selle asula rikkalikud ja mitmekesised leiud iseloomustavad hästi tootlike jõudude arenemist II aastatuhande keskel e. m. a. ja näitavad, et vanade tootmisharude, kalastuse ja küttimise, kõrval tundsid siinsed asukad ka algelist maaharimist ja arvatavasti ka karjakasvatust. Viimast ei saa veel pidada kindlasti tõestatuks, kuna turbas ei ole peaaegu säilinud loomaluid. Kuna Sārnate leidudel on rohkesti sarnasust Šigiri ja Gorbunovo materjalidega, siis pakub see asula suurt huvi kogu NSV Liidu metsavööndi muistse kultuuri uurimisele.

Kaevamiste jätkamisel 1953. ja 1954. aastal avastati Sārnates töökoht, kus oli valmistatud merevaigust ja tulekivist esemeid. Selles kohas leiti peale hulga tulekivi kildude massiliselt mahalangenud merevaigupuru ja 116 valmis ning poolvalmis merevaigust eset, samuti arvurikkalt lihvimiskive. Teist sellise rikka leiumaterjaliga «töökoda» ei ole Baltimaade muistsetel asulakohtadel seni leitud. Paistab, et Sārnates toimunud hulgaline merevaigust esemete valmistamine oli määratud mitte ainult asula oma kogukonna tarbeks, vaid ka vahetuseks naabritega.

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

Н. Н. ГУРИНА

Побережье р. Нарвы в значительной своей части богато археологическими памятниками. В верхнем и среднем течении ее известны многочисленные курганы и могильники XI—XIII вв., в нижнем течении имеется ряд неолитических и мезолитических местонахождений, расположенных непосредственно на берегу реки.

Среди последних следует указать на исключительно интересные находки сети, сплетенной из лыка, обнаруженные к северу от г. Нарвы, на левом берегу реки [1], а также костяной кинжал и изображение змеи из рога, найденные на правом берегу р. Нарвы, в местности Тырвала.

Кроме того, следует упомянуть, что непосредственно в черте города было встречено несколько орудий, относящихся к эпохе неолита, а также ряд каменных топоров фатьяновского времени. В 1953 году в Нарве было обнаружено и неолитическое поселение; оно было частично исследовано Л. Ю. Янитсом в следующем, 1954 году.

В 1951 году окрестности г. Нарвы были подвергнуты обследованию археологической экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР. При разведках удалось обнаружить на месте разрушенного в ходе войны поселка Рийгикюла несколько археологических памятников, на которых и были развернуты в 1951—1953 гг. стационарные раскопки.

Изучению подвергались три неолитических поселения, расположенные в непосредственном соседстве друг с другом и названные нами Нарва-Рийгикюла I, II и III [2]. Как показал анализ материала, два из них относятся к эпохе неолита, но несколько различны по времени, а третье, повидимому, следует отнести к переходному периоду от неолита к бронзе.

Все три памятника расположены в 8—9 км севернее города Нарвы, на левом берегу одноименной реки, в непосредственном соседстве с последней.

Данный участок берега резко выделяется из окружающего ландшафта, представляя собой песчаную дюну, шириной около одного километра. В прошлом эта дюна узким мысом врезалась в море, которое отступило затем к северу [3]. Все три поселения расположены на протяжении 500 метров. От остального пространства они ограничены на юго-востоке речкой

---

[1] История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1952, стр. 7.

[2] Нумерация Нарва-Рийгикюла I, II, III отражает не хронологическую их последовательность, а лишь очередность открытия. Поселение Нарва-Рийгикюла I было в 1951 г. открыто и частично раскопано первым, поселение II было открыто в том же году в конце работ, а поселение III открыто лишь в 1952 г.

[3] В настоящее время море отделено от места древнего поселения расстоянием не менее 8 км.

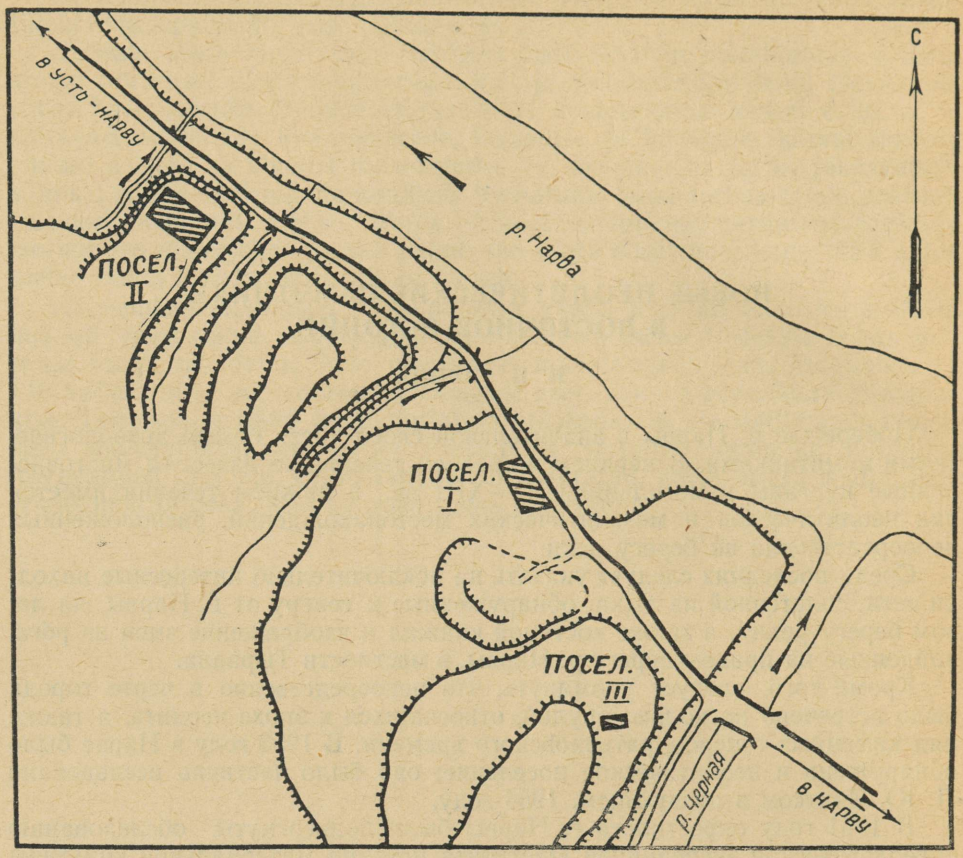


Рис. 46. Расположение поселений Нарва-Рийгикюла I, II и III (глазомерный план).

Черной, на северо-западе — небольшим теперь ручейком, впадающим в р. Нарву (рис. 46).

Самым северо-западным поселением является Нарва-Рийгикюла II, расположенное на сравнительно ровной песчаной площадке, непосредственно примыкающей к северо-западной окраине дюны и поднятой над современным уровнем реки на 8 м. К северо-западу от него, на протяжении около 5 км простирается ровное пространство, вплоть до новых дюн, лежащих близ современного берега моря.

Второе поселение, Нарва-Рийгикюла I, расположено к югу от поселения II, на расстоянии около 250 м, и отделено от него песчаной грядой, являющейся наиболее высокой частью всей дюны. Высота расположения поселения I над рекой равна 8,5 м.

Наконец, третье поселение, Нарва-Рийгикюла III, лежит еще южнее, на расстоянии около 170 м от первого, на вершине второго всхолмления, резко обрывающегося к речке Черной. Высота расположения поселения III над современным уровнем р. Нарвы исчисляется в 11 м.

В непосредственном соседстве со всеми поселениями, между их восточным краем и обрывом берега, проходит дорога, испортившая часть площади поселения I. Поверхность участков, занятых древними поселениями, сильно разрушена воронками от снарядов и фундаментами домов

существовавшего здесь ранее поселка Рийгикюла. Все три поселения были обнаружены в результате зачистки стенок ям и воронок.

Учитывая весьма редкое явление столь близкого расположения памятников, дающих, как показали уже рекогносцировочные работы 1951 г., материал, относящийся к различным периодам неолита, экспедиция предприняла в 1951—1953 гг. полное исследование всех трех поселений.

Поселение Нарва-Рийгикюла II

Как было уже указано выше, данное поселение является самым северо-западным из всех трех раскопанных нами поселений (рис. 46). В восточной части поверхность его сильно изрыта воронками, а в середине занята остатками фундамента дома. Общая площадь, подвергшаяся раскопкам, равна 275 м² (рис. 47). Как выяснилось, культурный слой залегает непосредственно под тонкой прослойкой серого подзола, покрытого сверху растительным травянистым покровом. Подстилающим слоем повсюду служит светложелтый материковый песок. Мощность культурного слоя не превышает в среднем 30 см. Наибольшей толщины он достигает в восточной стороне, обращенной к р. Нарве и являющейся краем террасы. Местами мощность культурного слоя здесь достигает 0,70 м, что объясняется его смывом по склону. Этому соответствует и характер находок — значительно более мелкие, чем обычно, фрагменты керамики, легкая их окатанность, а также отсутствие каких-либо комплексов. Подобная же, но менее ярко выраженная картина прослеживается и в южной части раскопа, обращенной к ручью, отделяющему поселения от возвышенности. На остальной площади раскопа легкое западание культурного слоя наблюдалось лишь на месте ям, две из которых имели размер 2×2,20 м и четыре — до 0,40 м и были расположены группой в средней части раскопа II. Культурный слой в северо-восточной и юго-западной частях поселения постепенно выклинивался и, наконец, совершенно исчезал.

Жилых комплексов обнаружено не было: это может, однако, объясняться тем, что средняя часть поселения была занята фундаментом стоявшего здесь ранее дома, уничтожившего культурный слой. Возможность существования жилища именно в этой части поселения не исключена, поскольку именно здесь наблюдались сосредоточенность хозяйственных ям, скопления керамики и отщепов кремня.

Мысль о том, что данная часть поселения должна была являться центральной, подтверждается и наличием здесь остатков весьма интересного очага. В верхней части очаг был заметен лишь в форме округлого интенсивного углистого пятна с подчетырехугольным выступом в юго-восточной стороне, свидетельствующем о наличии здесь устья печи (рис. 47). После расчистки на глубине 0,30 м от верхней границы культурного слоя показался полукруг, сложенный из сильно обожженных камней (табл. XXXIV : 1). В результате окончательной расчистки выяснилось, что весь очаг сложен из камней, носивших сильные следы огня (табл. XXXIV : 2). Диаметр очага равнялся в верхней части 1,90 м, в нижней части, на глубине 0,65 м (от верхней границы культурного слоя), — до 1,50 м. В заполнении его, помимо камней и угольков, встречены пережженные обломки глиняных сосудов. Повидимому, этот очаг имел форму каменки, слегка углубленной своим основанием в землю и имеющей устье на юго-восточной стороне. Полная ненарушенность культурного слоя над ним и наличие фрагментов неолитических сосудов, среди камней и под камнями, не оставляют сомнения в том, что этот очаг неразрывно связан со всем комплексом неолитических находок на поселении II.

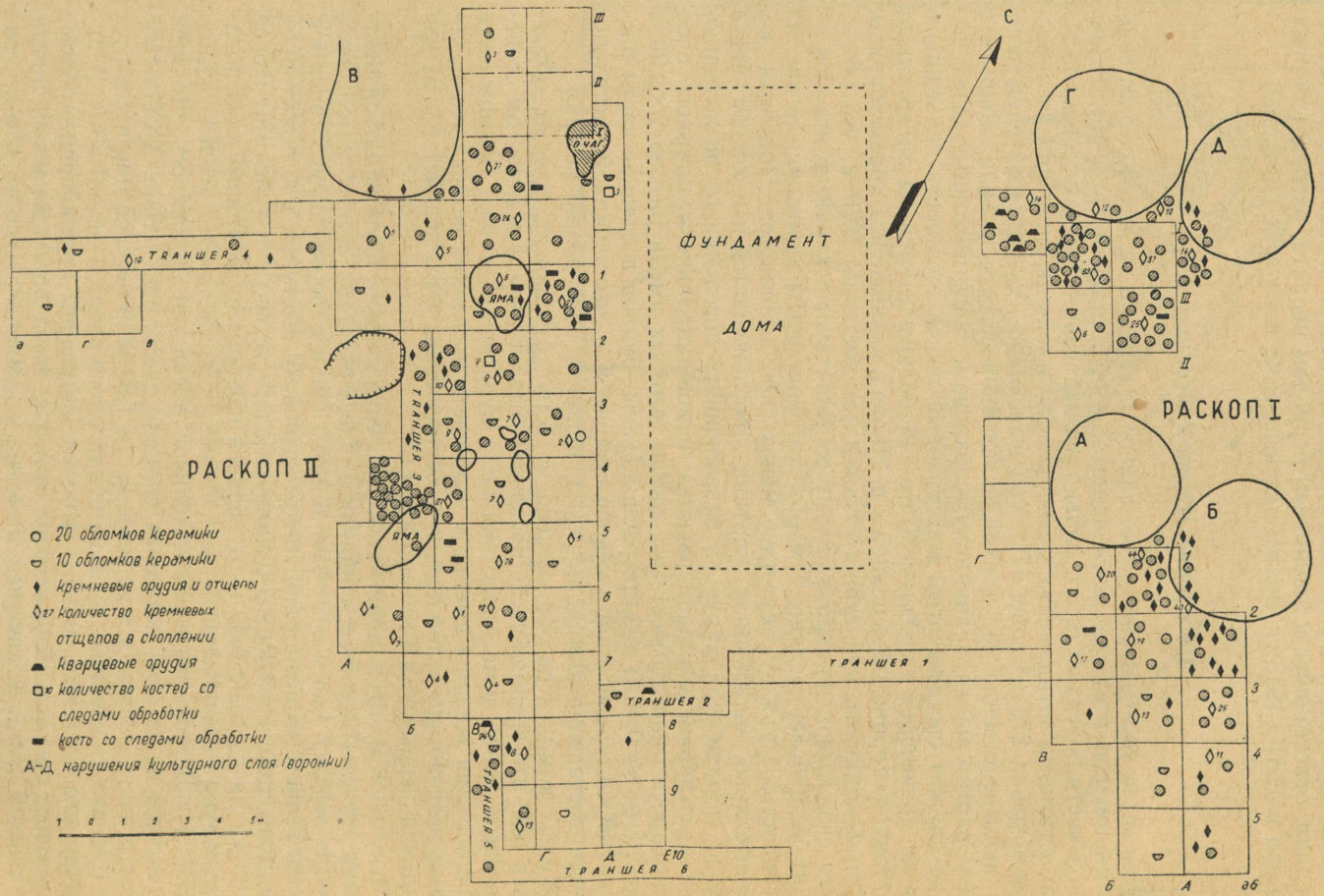


Рис. 47. План поселения Нарва-Рийгикюла II.

Материал, найденный здесь, весьма многочисленен. Он состоит из каменных и костяных орудий и керамики.

Из кремневых орудий необходимо отметить наконечники стрел (табл. XXXV : 5—7) и скребки. Среди первой категории встречается несколько форм. Один из наконечников имеет выраженный черешок, другие близки к листовидным. Обращает на себя внимание сильно асимметричный наконечник, вероятно, утилизированный из листовидного, более крупного экземпляра (табл. XXXV : 6). На такую же утилизацию указывает асимметричный наконечник копья, со вторичной подправкой на части основания (табл. XXXV : 13). О бережливом отношении к кремню свидетельствует кремневая проколка, изготовленная из наконечника стрелы некрупной величины (табл. XXXV : 14).

Скребки, встреченные на поселении, имеют округлую или подтреугольную форму с ретушью по одному или по всем трем краям. Нередко они изготовлены из отщепов, на одной из сторон которых остается не снятой корка.

Помимо кремневых скребков, встречены один кварцевый скребок со слегка вогнутым рабочим лезвием — тип, часто встречающийся на эстонских стоянках (например, в Кунда) и стоянках Кольского полуострова.

Помимо специально изготовленных скребков, встречаются кремневые отщепы случайной формы с частичной ретушью по одному или двум краям, а также чрезвычайно большое количество кремневых отщепов весьма различных по цвету и качеству, без следов обработки. Процент отщепов кремня значительно больше, нежели на поселении I.

Среди предметов, изготовленных из камня, имеется обломок подвески серовато-зеленоватого шифера, прекрасно отшлифованной, с просверленным отверстием в узком крае и следами вторичного, незаконченного сверления ближе к середине.

Крупных каменных орудий не встречено. Имеются лишь довольно многочисленные фрагменты шлифовальных плит и обломок кварцитовой пилы. Как увидим далее, обломки таких пил в большом количестве встречены на поселении I.

Костяные орудия весьма редки. Наиболее отчетливо выраженными из них являются тесло и удлиненное орудие, изготовленное из длинной трубчатой кости животного с одним краем, срезанным под углом в 45°. Встречены обломки рогов и эпифизы с отпиленными от них частями. Наличие кварцевой пилы и приемы пиления кости чрезвычайно сходны с таковыми же на поселении I.

Наиболее многочисленной является керамика. Общее количество фрагментов сосудов, встреченных на поселении, исчисляется в несколько тысяч экземпляров (табл. XXXVI). Такое обилие керамики требует тщательного изучения, в силу чего в данной предварительной публикации мы дадим лишь общее ее описание, оставляя полный анализ на дальнейшее время.

В целом можно сказать, что керамика не отличается очень большим разнообразием, которое заставило бы исследователя считать отдельные ее группы разновременными. Абсолютное большинство составляют крупные (до 40 см в диаметре и более) горшки с прямым краем, толстыми (иногда до 1,5 см) стенками и округлым дном. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов и состоит из глубоких ямок, чаще округлой, реже овальной формы и оттисков длинного гребенчатого штампа. Узор, образованный указанными элементами орнамента, не сложен. Как правило, это чередование горизонтальных полос из ямок и косо поставленного гребенчатого штампа. В отдельных, весьма редких случаях последний образует зигзаги, расположенные по краю сосуда. Сложных геометриче-

ских узоров не встречается вовсе. Перечисленные черты являются общими для всей керамики поселения II.

Признаком, заставляющим разделить всю массу сосудов на две группы, является характер примеси к глиняному тесту. Значительное большинство сосудов в качестве примеси к глине имеет толченый кварц. Зерна его часто крупные, а количество примеси, введенное в глину, сравнительно велико, что придает черепку определенную шероховатость. Эта группа сосудов отличается особой толстостенностью.

Вторую, значительно меньшую по численности группу составляют сосуды, у которых примесью к глине служит не кварц, а какое-то растительное вещество, выгоревшее при обжиге. Черепки этой группы очень легки по весу и в изломе имеют небольшие пустоты [4]. Глина их хорошо отмучена. Орнамент состоит также из ямок и оттисков гребенчатого штампа, хотя заметно преобладание последнего. Встречены единичные фрагменты с оттиском веревочки.

Судя по незначительной мощности культурного слоя и относительному однообразию керамики, следует считать, что поселение Нарва-Рийгикюла II было обитаемо в течение сравнительно небольшого отрезка времени. Вероятнее всего, его следует отнести к развитому неолиту и датировать приблизительно началом II тысячелетия до н. э.

Наиболее близким нашему поселению, хотя и не тождественным по типу керамики, следует считать стоянку Ломми, расположенную на одном из небольших притоков р. Луги. Подобно Нарве-Рийгикюла II там встречено два типа керамики. Одну группу составляют сосуды, в глиняное тесто которых введены зерна кварца и дресва, а вторую — сосуды с примесью растительности и шерсти, выгоревших при обжиге. Форма и орнамент сосудов близки к сосудам поселения II, хотя, повидимому, стоянку Ломми следует считать несколько более поздней.

Поселение Нарва-Рийгикюла I

К юго-востоку от описанного поселения II располагается второе неолитическое поселение (I). Площадь поселения вытянута вдоль реки и в настоящее время в значительной части уничтожена проходящей здесь дорогой (рис. 48). Внешняя поверхность данного поселения в еще большей мере, чем поселения II, испорчена воронками от снарядов, остатками траншей и фундаментами домов.

В отличие от поселения II, культурный слой поселения Нарва-Рийгикюла I имеет значительно бóльшую мощность, в среднем 0,50 м, местами же он достигает 1 м. Наибольшая мощность его прослеживается в центральной части поселения; к периферии он делается заметно тоньше и к северо-западу постепенно совершенно выклинивается. Помимо значительно большей мощности культурного слоя на поселении I, от поселения II его отличает и более интенсивная окраска в темный, местами почти черный цвет. Наконец, третьей отличительной чертой следует считать насыщенность культурного слоя на большей части поселения ракушками *Unio*, местами залегающими очень плотной массой и образующими на отдельных участках врезающиеся в материк западины. Скопление ракушек локализуется в центральной части поселения, на площади жилищ (о которых речь будет идти ниже) и на территории, непосредственно к ним примыкающей. Ближе к периферии ракушняк выклинивается и на краях поселения исчезает совершенно.

[4] Не исключена возможность, что примесью служили очень мелко размолотые ракушки, не оставившие в результате обжига после себя следа.

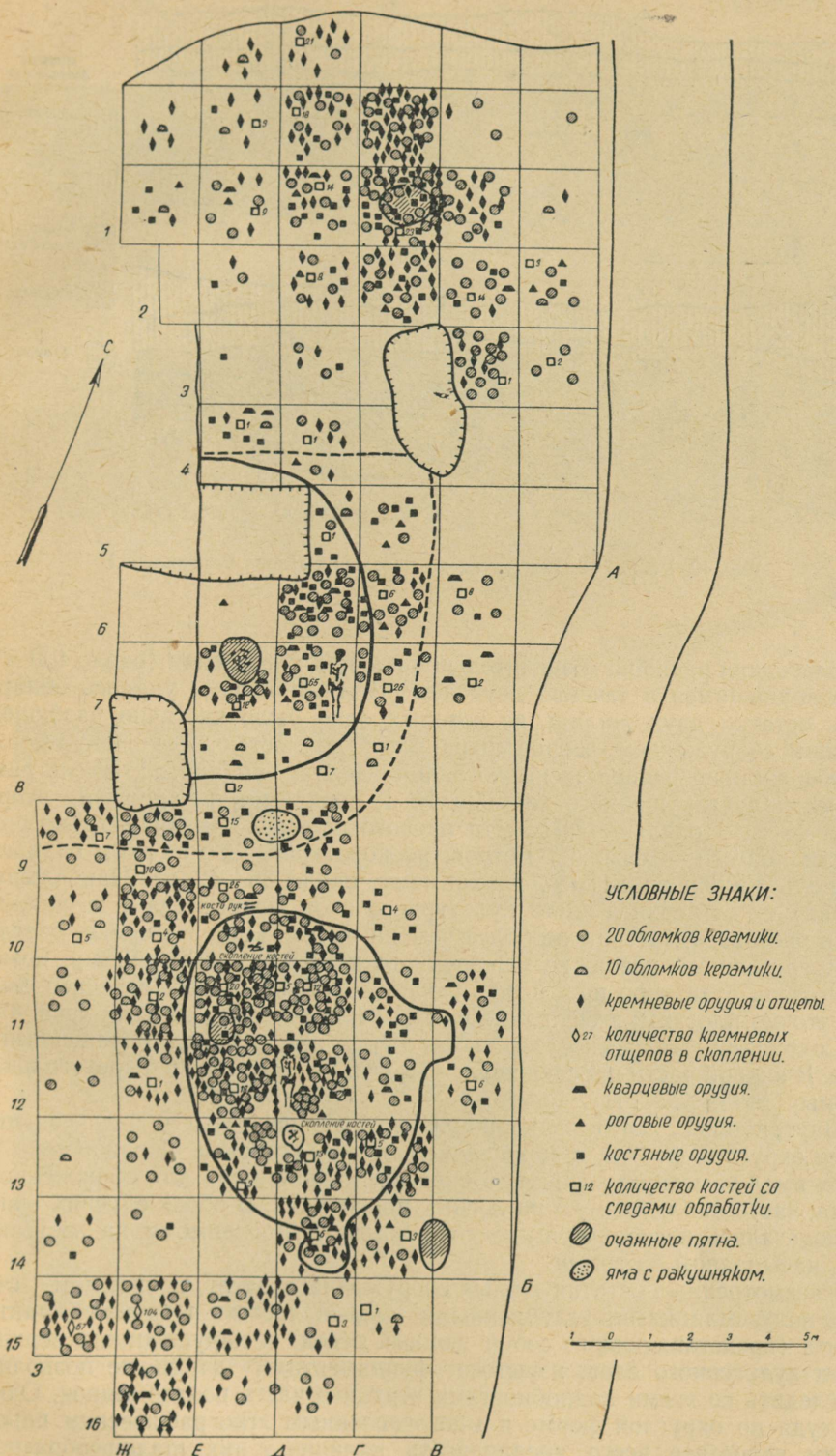


Рис. 48. План поселения Нарва-Рийгикюла I.

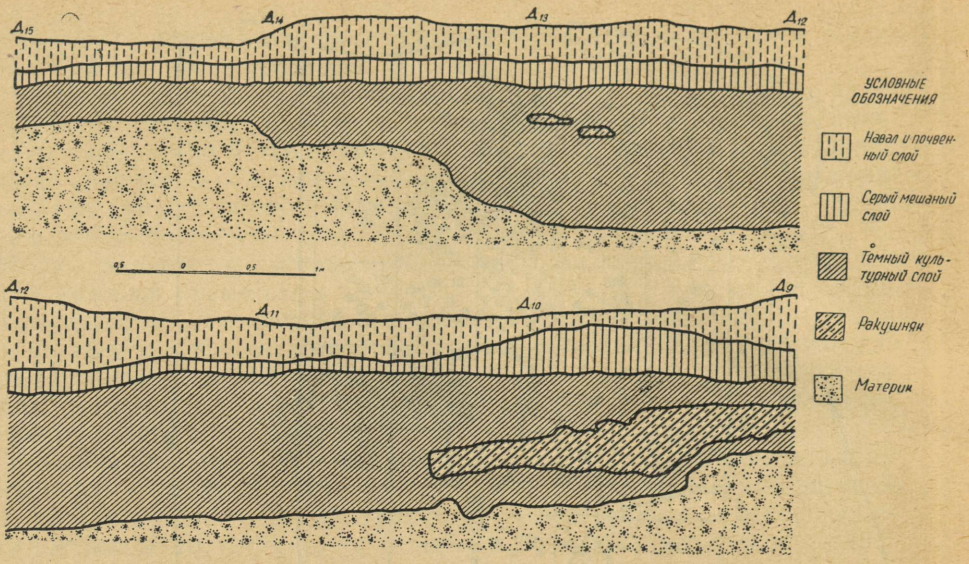


Рис. 49. Разрез землянки № 2 на поселении Нарва-Рийгикюла I (по линии *Д*).

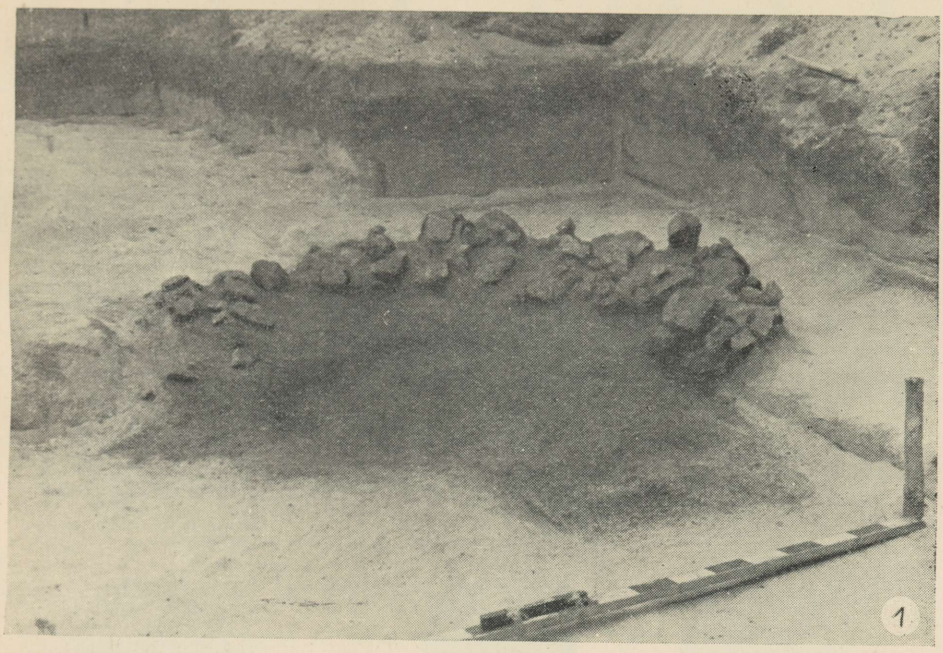
Благодаря раскопкам значительной площади поселения (около 400 м²), производившимся в течение двух лет (1951—1952 гг.), удалось обнаружить остатки двух жилищ, из которых одно было частично разрушено поздним сооружением, второе сохранилось полностью.

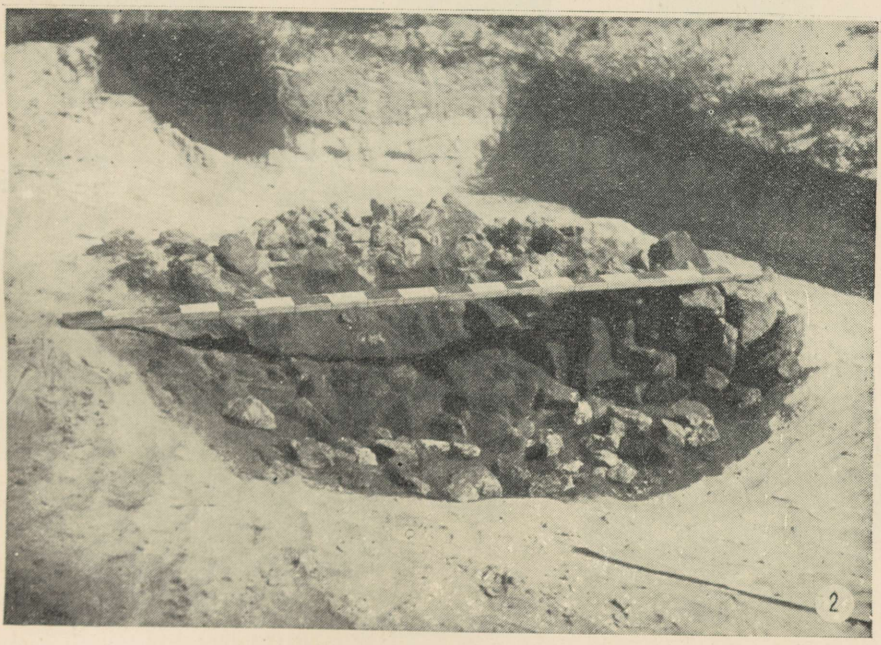
Оба жилища расположены по одной линии, вытянутой вдоль реки. Форма полуразрушенного жилища № 1, повидимому, округлая, второго — № 2 — овальная. Диаметр первого равен 6,5 м, диаметр второго по длинной оси — свыше 7 метров, по короткой — 6 м. Таким образом, площадь жилищ равнялась, повидимому, около 36—42 м². Наибольшая глубина их от верхней части культурного слоя превышала 1 м, нижняя часть врезана в материк не более чем на 0,30 м. Цвет материка, светло-желтого дюнного песка, не нарушенного никакими включениями, позволяет очень отчетливо проследить границу дна жилища. Последнее было достаточно плоским; стенки же жилища были весьма покатыми (рис. 49).

Сохранившееся полностью жилище № 2 имело выход, обращенный к реке. В южной части прослеживался выступ неправильно четырехугольной формы (табл. XXXVII).

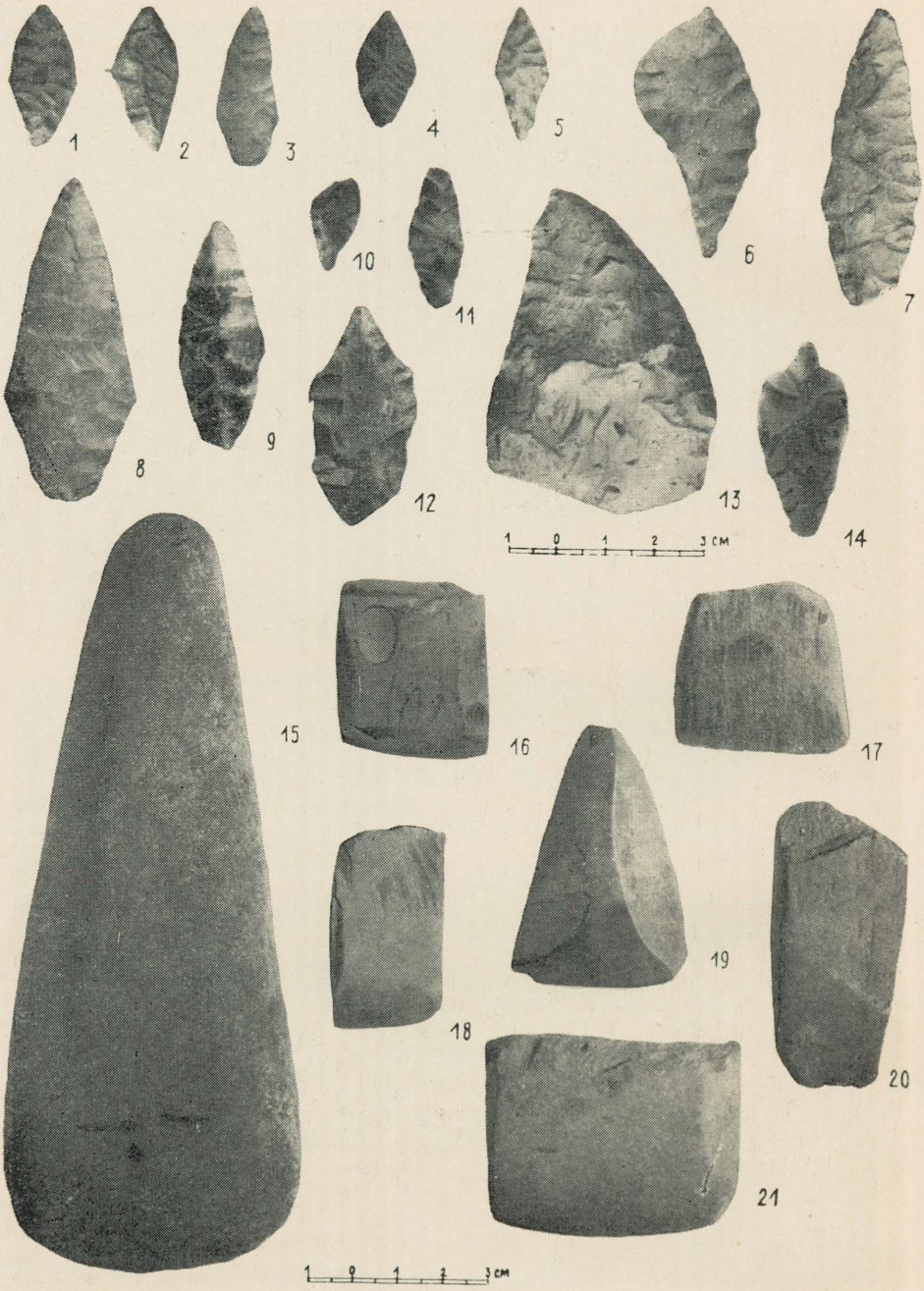
Внутри обоих остатков жилищ располагались очаги в виде зольных пятен округлой формы, с вкраплением мелких угольков. Окружающий их песок имел заметную розоватую окраску, характерную для обожженного песка, часто наблюдаемую на лесных пожарищах. В обоих случаях очаги располагались несколько выше пола жилища, повидимому на возвышении, насыпанном из земли.

Рассмотренные остатки жилых сооружений следует, повидимому, считать полуземлянками, углубленными нижней частью в грунт. Характер грунта (представляющего собой дюнный песок) и нарушенность верхней части культурного слоя, изрытого фундаментами домов, не позволили проследить со всеми подробностями верхнюю часть полуземлянок. Однако, судя по округлой форме и многочисленным этнографическим параллелям, вероятнее всего предполагать наличие у них шалашеобразного перекрытия.

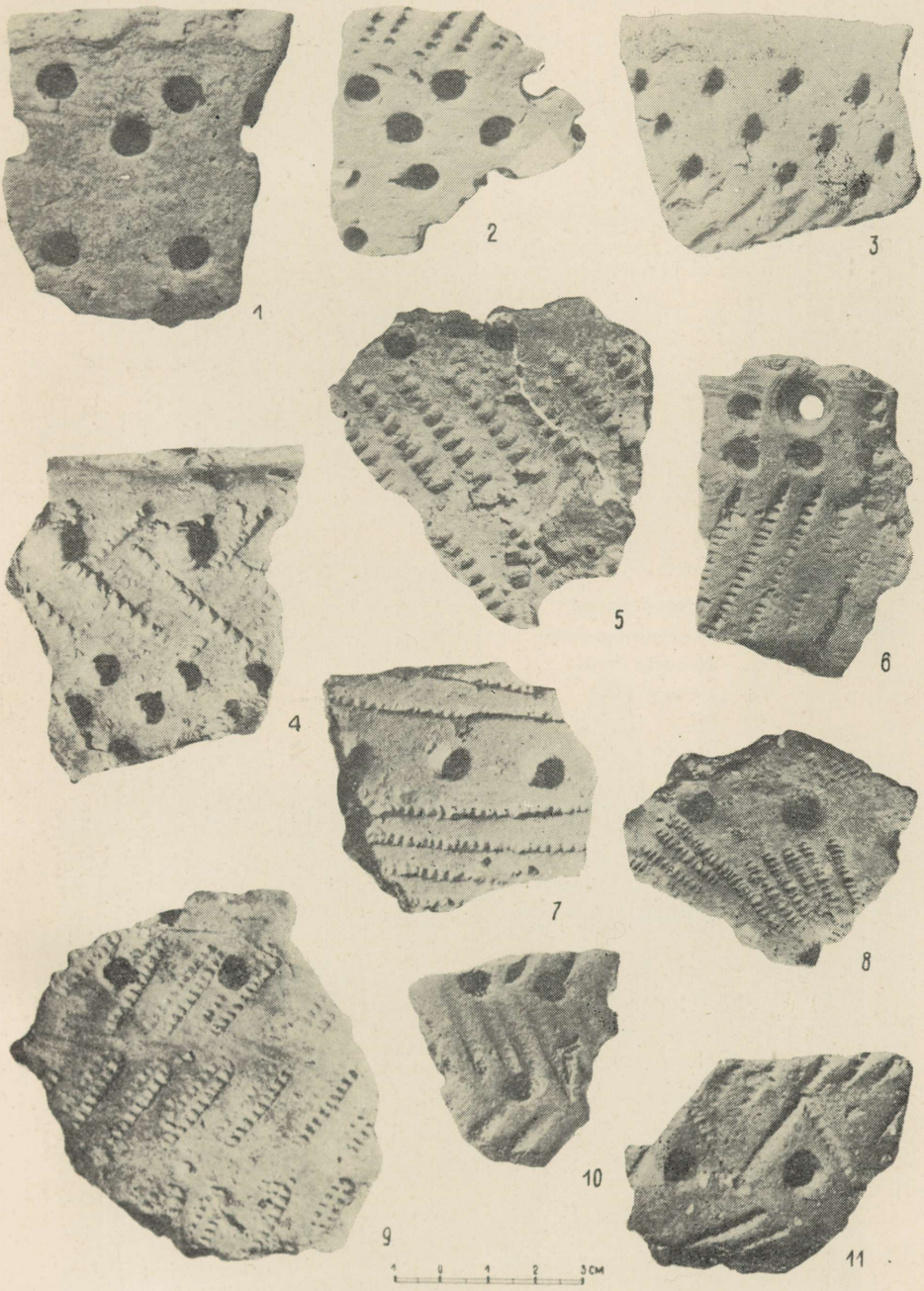




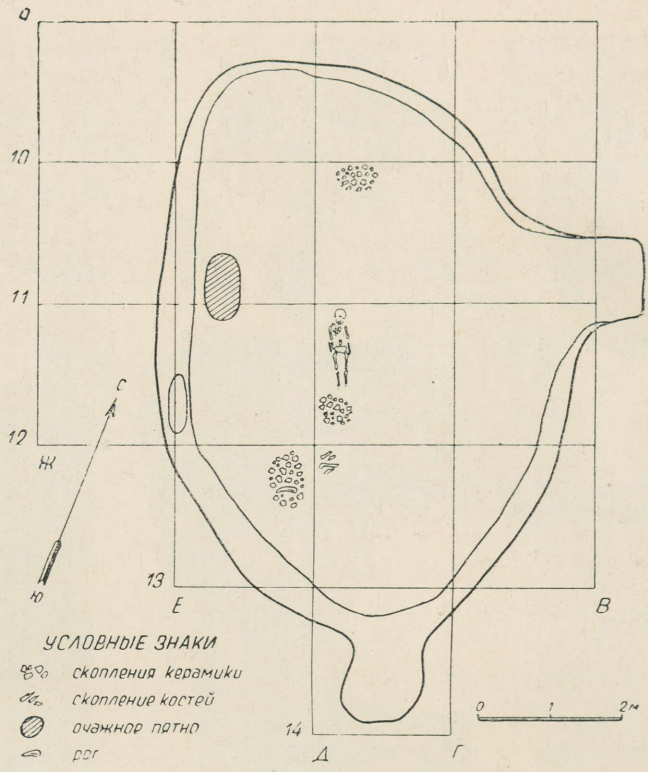
Очаг поселения Нарва-Рийгикюла II. 1 — верхняя часть очага; 2 — очаг после расчистки

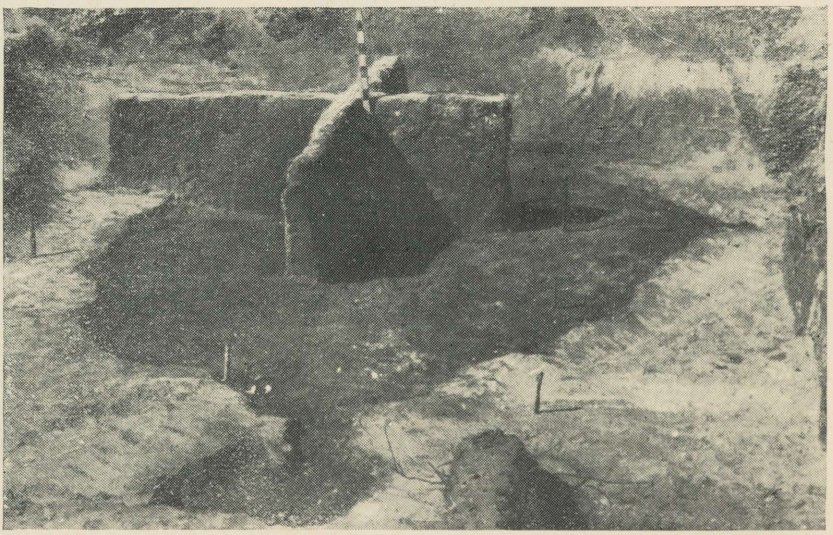


Каменный инвентарь поселений Нарва-Рийгикюла I (1—4, 8—12, 15—21) и II (5—7, 13, 14). 1—11 — наконечники стрел; 12, 14 — проколки; 13 — наконечник копья; 15 — топор; 16—21 — долота.



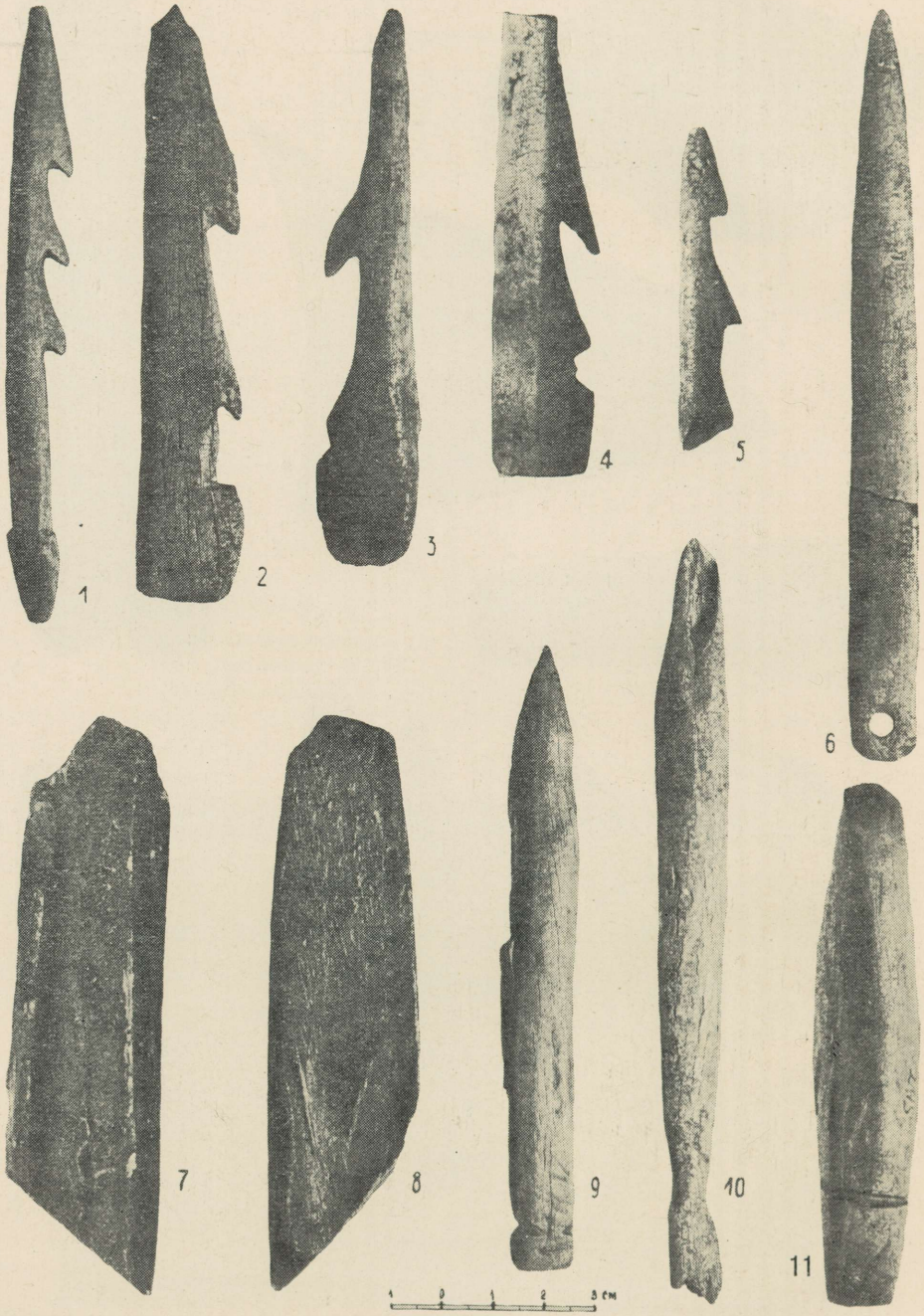
Обломки сосудов с поселения Нарва-Рийгикюла II.



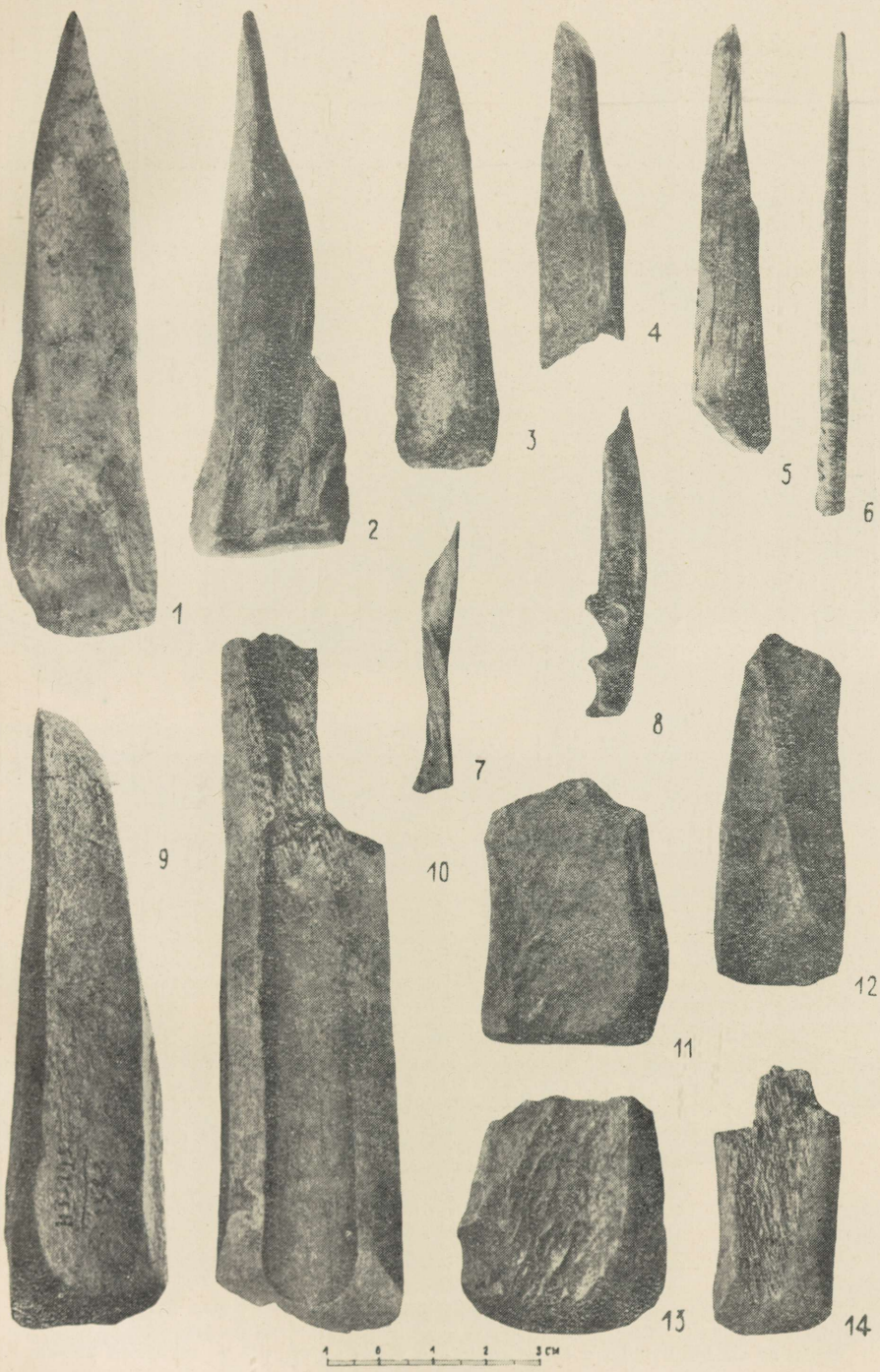


План (наверху) и нижняя часть (внизу) жилища-землянки № 2 на поселении Нарва-Рийгикюла I.

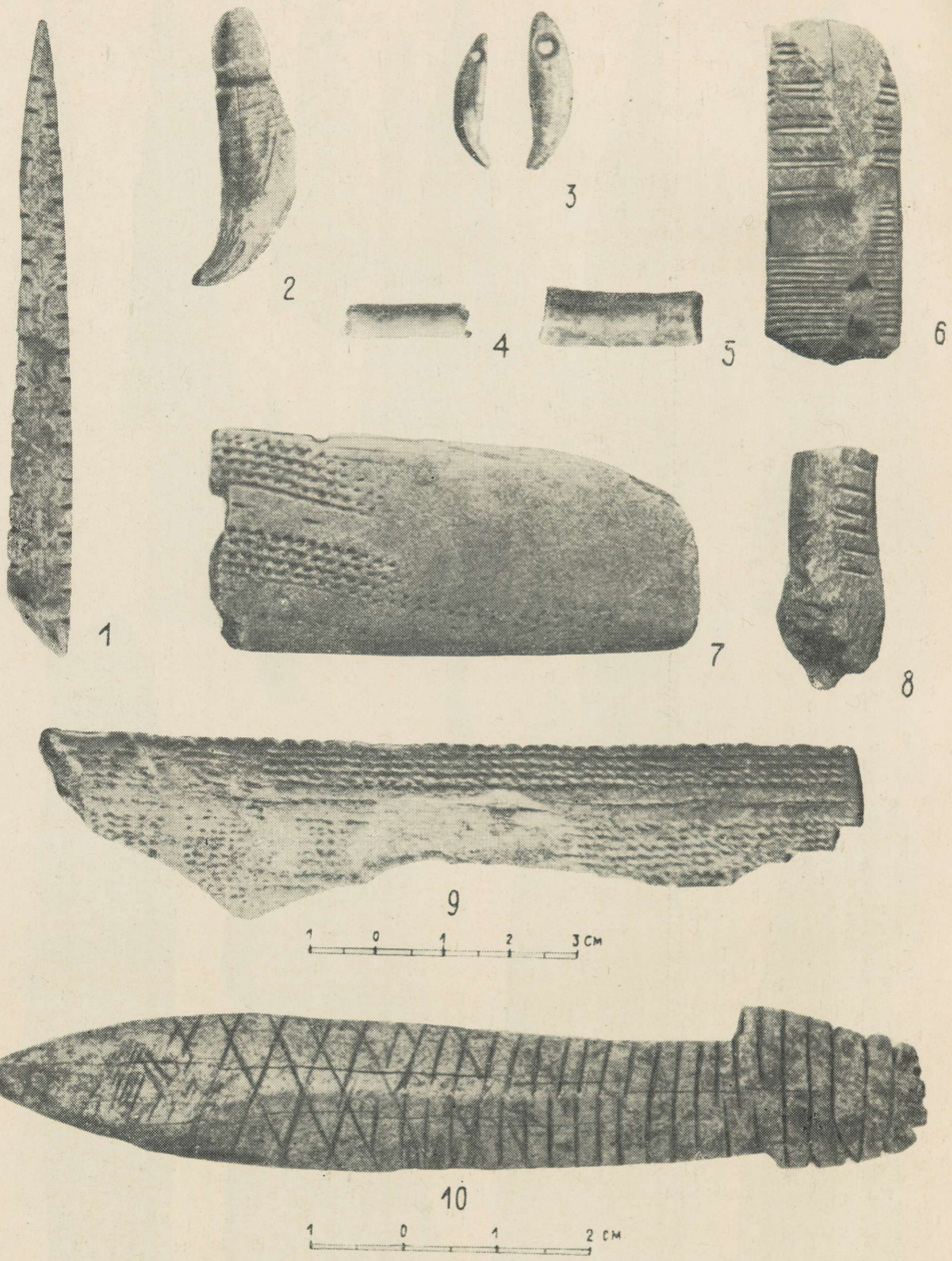
Костяные и каменные изделия с поселения Нарва-Рийгикюла I. 1 — кость со следами пиления; 2 — рог со следами пиления; 3, 7, 8 — роговые мотыги; 4 — обломок кварцитовой пилы; 5, 6 — пластинки из клыков кабана.



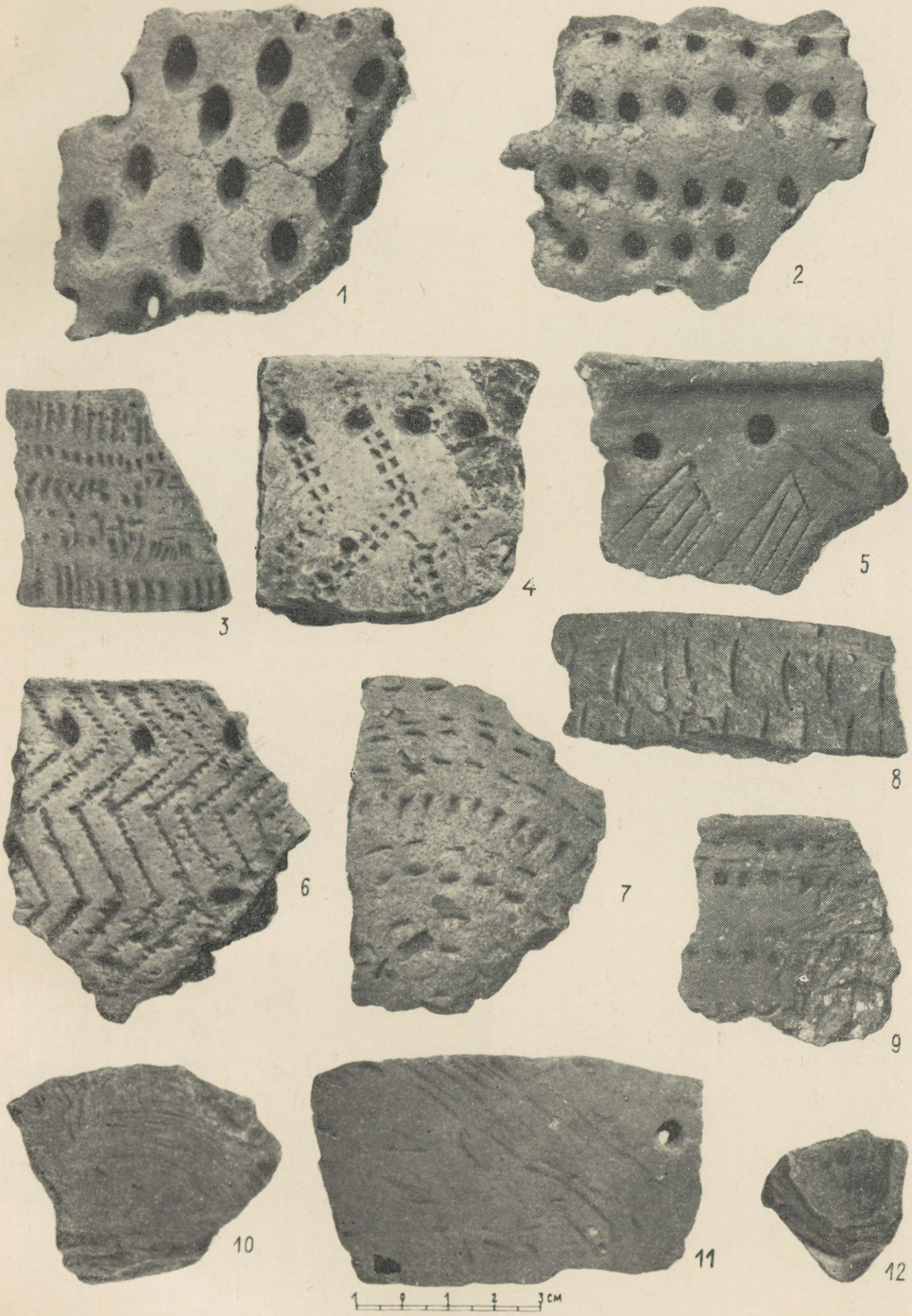
Костяные орудия с поселения Нарва-Рийгикюла I. 1—5 — гарпуны; 6, 9, 10 — иглы для плетения сетей; 7, 8 — орудия с лезвием под углом в 45°; 11 — костяное орудие.



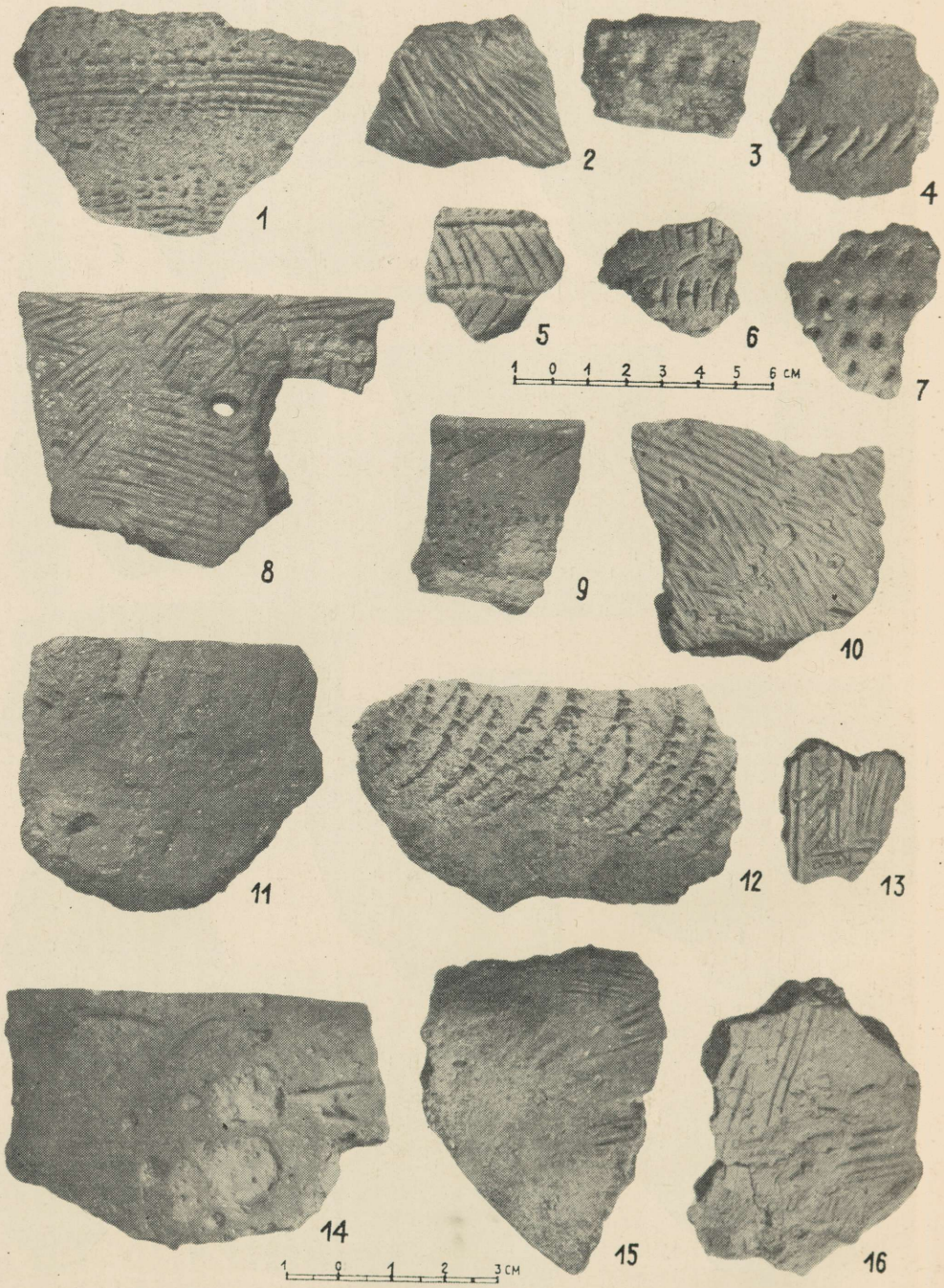
Костяные орудия с поселений Нарва-Рийгикюла I (2—14) и III (1), 1, 2 — долотовидные орудия; 3—8 — шилья; 9—14 — тесла.



Украшения и предметы искусства с поселений Нарва-Рийгикюла I (1—8, 10) и III (9), 1, 6—8 — предметы с орнаментом, 2, 3 — подвески — зубы животных; 4, 5 — произки из костей птицы; 9 — пластинка с орнаментом; 10 — костяная рыбка.



Обломки сосудов с поселения Нарва-Рийгикюла I.



Обломки сосудов с поселения Нарва-Рийгикюла III.

Аналогичные жилища в виде полуземлянок весьма широко известны на неолитических поселениях лесной полосы Восточной Европы. Примером этого могут служить стоянки: Панфиловская [5], Федоровская [6], Яна [7], Кубенинская [8], Вой-Наволок, Оров-Наволок [9] и другие.

В заполнении жилищ встречено значительное количество находок, залегающих нередко скоплениями. Помимо очагов и многочисленных орудий труда, в контурах обоих жилищ были обнаружены человеческие захоронения; в жилище № 1 — взрослого, в жилище № 2 — ребенка. Погребение в жилище № 1 располагалось у края землянки, погребение в жилище № 2 — в средней его части. Положение обоих костяков сходно. Они вытянуты и обращены головой на север; руки положены вдоль туловища. Сохранность костей детского скелета хорошая, взрослый скелет сохранился несколько хуже; отдельные кости его оказались разбитыми. Детское погребение располагалось на 20 см выше пола жилища. Погребение № 1 (взрослого) залегало на 40 см выше пола жилища в культурном слое, густо насыщенном ракушняком; такой же сильно сцементированный культурный слой перекрывал погребение и сверху. Следов какого-либо нарушения культурного слоя, перекрывавшего погребения, не прослеживалось.

Сопровождались ли погребения какими-либо вещами, сказать затруднительно, поскольку погребения находились непосредственно в культурном слое, вследствие чего вещи могли оказаться рядом с ними случайно. С бо́льшим основанием можно говорить о вещах, сопровождающих погребение № 2. В ногах детского захоронения, несколько ниже его, залегал раздавленный сосуд, очень крупного размера, повидимому умышленно поставленный рядом с захороненным (табл. XXXVII, наверху).

В контурах жилища № 2 было обнаружено также и второе скопление керамики, но отстоявшее сравнительно на большом расстоянии от головы погребенного. Помимо того, недалеко от ног костяка найден еще один сосуд и скопление костей, среди которых находился целый рог крупного животного. Полный анатомический порядок костяков, точное совпадение в их ориентировке, залегание в контурах жилищ и, наконец, целостность культурного слоя над ними заставляют считать, что перед нами специальные захоронения в землянках. Аналогичные случаи широко известны на ряде поселений, примером чего может служить стоянка Гавриловская Горьковской области, исследованная И. К. Цветковой [10].

Вещественный материал, найденный на поселении Нарва-Рийгикюла I, представляет значительный интерес. Общее количество предметов исчисляется приблизительно в 10 000 экземпляров.

Кроме сравнительно большого числа каменных орудий, встречены многочисленные и разнообразные орудия из кости, как известно, весьма редкие на северных неолитических стоянках. Следует особо подчеркнуть наличие исключительно многочисленных костей и рогов со следами пиления и найденные вместе с ними кварцитовые пилы.

---

[5] В. А. Городцов, Панфиловская палеометаллическая стоянка. Труды Владимирского обл. музея, вып. 2. Владимир, 1925.

[6] А. Я. Брюсов, Федоровская стоянка. Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, II. М., 1928, стр. 26—32.

[7] Л. Я. Крижевская, Неолитическая стоянка на р. Яне. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 102—105.

[8] М. Е. Фосс, Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, стр. 31—54.

[9] Н. Н. Гурина, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 115—117, 124.

[10] И. К. Цветкова, Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 73—74.

В данной статье нет возможности дать полное и исчерпывающее описание всего огромного добытого материала, что предстоит сделать лишь в будущем, здесь же мы остановимся на главнейших категориях орудий.

Орудия из камня

Среди данной группы следует обратить внимание прежде всего на сланцевые орудия некрупной величины (от 4 до 6 см длины) (табл. XXXV : 16—21). Большинство их имеет подчетырехугольные очертания; тыльная часть их столь же широка, как и лезвие[11]. Последнее у ряда орудий имеет сработанность ближе к одному краю. Лезвие остальных орудий часто отчетливо симметрично: следы сработанности, равномерно, распределяющиеся по всему рабочему краю, свидетельствуют об употреблении их в качестве тесла. Особое внимание обращает на себя небольшое орудие длиной 3 см и шириной 2,5 см (у лезвия), изготовленное из сланца, с поперечным желобком, расположенном на лезвии (круммайсель), имеющее, как известно, совершенно определенную территорию распространения (Эстония[12], Финляндия[13], Карелия и Вологодская область[14]). Лезвие его исключительно хорошо заточено и следов сработанности не имеет. Внешняя поверхность орудий зашлифована, причем у некоторых особенно тщательно.

Из крупных орудий найдены лишь 3 топора, изготовленные из удлиненных по форме галек. Тыльная часть одного из них узкая (табл. XXXV : 15), двух других — широкая, округленная. Лезвие имеет резкий скос с одной стороны, полученный с помощью шлифования. Рабочий край одного из топоров сильно сработан. Такое использование галек, далеко не всегда обеспечивающих высокое качество изготовляемых из них орудий, стоит, вероятно, в связи с недостатком соответствующего сырья и необходимостью его замены.

Из кремневых орудий следует отметить наконечники стрел различной величины, от очень мелких (1,5 см) до более крупных (7 см). Форма их несколько варьирует, однако в целом можно сказать, что они ближе всего стоят к ромбовидным орудиям с более короткой и широкой тыльной частью и более узким и удлиненным рабочим концом (табл. XXXV : 1—4, 8—11).

Ко второй группе кремневых орудий следует отнести скребки. Несмотря на весьма ограниченное количество (немногим более 10), форма их разнообразна. Несколько скребков имеют четырехугольные очертания с ретушью по трем концам, другие же удлиненные или подтреугольных очертаний с одним или тремя ретушированными краями. Обращает на себя внимание обломок исключительно тщательно обработанного наконечника стрелы, превращенный и с помощью крутой ретуши на месте слома в скребок, а также два скребка на отщепах, утолщенных с одного и уплощенных с другого конца. В месте утолщения оба они обработаны крутой ретушью. Подобная форма скребков особенно отчетливо выражена в стоянке «Под сопкой», исследованной автором в 1950 г. на р. Волхове, где данные типы скребков являются единственной формой и исчисляются многими десятками[15], а также в нижних слоях городища у с. Городища

---

[11] Только в двух случаях они резко сужены к тыльной части.

[12] Л. Япитс, Позднеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК XLII, 1952, рис. 20; его же, Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, XIX, 1954, стр. 192, 193.

[13] J. Ailio, Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, I. Helsingfors 1909, рис. 22.

[14] Е. Е. Фосс, Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 60.

[15] Н. Н. Гурина, Археологические исследования на северо-западе европейской части СССР. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 65—77.

близ Калязина, изученного П. Н. Третьяковым [16]. Данный тип скребка представлен в стоянках эпохи бронзы и сочетается с текстильной керамикой.

Помимо отчетливо выраженных скребков, имеется значительное количество отщепов кремня, различных по форме, с частичной ретушью по одному или двум краям. Наконец, следует указать на сравнительно большое число кремневых отщепов, встреченных на поселении, хотя процент их здесь значительно меньше, чем на поселении Нарва-Рийгикюла II.

Из орудий, изготовленных из прочих пород камня, встречены немногочисленные отщепы кварца, отдельные экземпляры которых имеют следы обработки в виде частичной ретуши, расположенной по одному из краев.

К числу каменного инвентаря следует отнести также различной величины и формы точильные бруски и гальки, используемые в качестве лощил, о чем свидетельствуют заполированные до блеска отдельные их части, песты для растирания, а также многочисленные обломки шлифовальных плит. Наконец, необходимо упомянуть о кварцитовых (?) пилах, имеющихся в количестве более двух с половиной десятков.

Они все представляют собой сильно уплощенные пластины, изготовленные из камня, очень похожего на кварцит, однако более хрупкого [17] (табл. XXXVIII : 4). Размер их различен, от 3 до 16 см; ширина в среднем равна 6 см. Рабочим краем служит один из длинных краев пластины, заметно суженный, но редко острый, чаще округлый, на котором отчетливо заметны многочисленные параллельные друг другу и краю орудия мелкие штрихи. Иногда толщина пил достигает 5 мм, в других случаях она равна 0,2 мм. Повидимому, толщина пил и степень заостренности их краев стояли в прямой связи с выполняемой работой. Довольно грубая работа, как, например, отделение эпифиза от кости, могла выполняться массивными пилами, тонкая, какой являлось изготовление самих костяных орудий, — более тонкими пилами. Очень возможно, что при распиливании применялся мокрый песок, на что может указывать исключительная залощенность места распила. Присутствие этих орудий особенно интересно в связи с нахождением огромного количества костей и рогов со следами распилов (табл. XXXVIII : 1, 2). Таким образом, на поселении имеется прекрасный материал для полного суждения о технике изготовления костяных орудий, начиная от его первичной стадии — отпиливания эпифизов от кости и кончая вполне готовыми костяными орудиями. Данный вопрос вполне заслуживает быть выделенным как предмет специального исследования.

Орудия из кости и рога

Среди изделий из кости и рога обращают на себя внимание прежде всего весьма многочисленные (около 30 экземпляров) роговые мотыги различной величины: от 7 до 16 см длины (табл. XXXVIII : 3, 7, 8). По форме они варьируют; имеются более длинные, узкие и более короткие, широкие. Форма мотыг в поперечном сечении или округлая, или подчетырехугольная. Рабочая часть получена путем стачивания одной стороны, в силу чего их лезвие всегда асимметрично. На отдельных орудиях заметен продольный пропил по длинной оси с целью получения уплощенности сторон. Тыльные части абсолютного большинства хранят на себе следы отпила их от корня рога. Лезвие некоторых орудий сработано. Помимо целых экземпляров, имеется большое количество их обломков. Функциональное назна-

[16] П. Н. Третьяков, Древние городища Верхнего Поволжья. СА, IX, 1947, стр. 70.
[17] Определение породы произведено еще не было.

чение данной категории орудий пока не вполне ясно, они требуют специального изучения. Следует отметить лишь исключительную залощенность всей их внешней поверхности.

Помимо роговых мотыг, встречена еще целая группа орудий, назначение которых пока еще не совсем ясно (табл. XXXIX : 7, 8). Все они имеют удлиненную форму, полученную вследствие распила вдоль длинной трубчатой кости животного (количество заготовок под такие орудия в нашей коллекции весьма велико). Рабочий край их получен путем отпила его под углом в 45° от эпифиза трубчатой кости (эпифизов с такими косыми срезами насчитывается в коллекции несколько десятков), в результате чего получилось орудие со скошенным краем, имеющее полукруглое, вогнутое поперечное сечение. В отдельных случаях край приострен с внутренней стороны, чтобы сделать его округлым в сечении; подобный или близкий ему тип орудий встречается в ряде прибалтийских [18], приладожских [19] и каргопольских [20] стоянках.

Очень близким к ним по форме и, возможно, по назначению являются орудия, обработанные теми же приемами, но с рабочим концом, срезанным под острым углом. В большинстве случаев это острие получено в результате отпила с одной стороны и скола с другой. У отдельных предметов при этом оно слегка заточено.

Многочисленные костяные орудия типа тесла имеют чаще всего небольшую величину и удлиненную форму (табл. XL : 9—14). Будучи изготовленными из крупных трубчатых костей животного, они имеют вогнутое поперечное сечение. Боковые грани их в большинстве случаев получены с помощью спилов, реже сколов, тыльная часть сбита или слегка притуплена, часто же сильно стесана и с помощью пришлифовки превращена во второй рабочий край. Последний всегда с внутренней вогнутой стороны зашлифован, с внешней же, в абсолютном большинстве случаев, сохраняет естественную округлость кости, в силу чего лезвия всех орудий асимметричны. У отдельных экземпляров рабочий край имеет значительную остроту. Следы работы на данных орудиях выступают в виде определенной залощенности всей поверхности и сильной сработанности лезвия. Назначение их, повидимому, следует связывать с обработкой шкур и мелких деревянных предметов.

Из орудий охоты и рыболовства отметим гарпуны (табл. XXXIX : 1—5). Отдельные экземпляры их массивны и несколько грубы по обработке, другие тонкие и очень тщательно изготовлены. Все экземпляры, кроме одного, имеют выступ на насаде в виде заметного расширения, предназначенного для более прочного прикрепления к ним ремешка (маута). Два гарпуна, помимо того, имеют в насаде заметный желобок, позволяющий наконечнику гарпуна плотно соединиться с округлым древком и в то же время в нужные моменты легко отделяться от него, удерживаясь на привязанном к нему ремешке. Некоторые из крупных гарпунов, по всей вероятности, изготовлены из костей морских животных. Следует указать также на обломок гарпуна, имеющего два просверленных отверстия. Повидимому, массивные широкие гарпуны употреблялись при ловле крупной рыбы и охоте на морского зверя.

Помимо гарпунов, к охотничьему вооружению относятся костяные наконечники стрел, прямые по форме или с хорошо выраженным черешком. Размер их невелик, обработка очень тщательная.

---

[18] Кунда, Пярну. ИИ 1579 : 20, 29.

[19] А. А. Иностранцев, Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПБ, 1882, табл. VII, XII.

[20] М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 31 : 7, 8.

К числу предметов рыболовства, кроме игл для плетения сетей, о которых речь будет идти ниже, и грузил, следует также отнести части рыболовных крючков. Один из них представляет фрагмент — бородку — очень тоненького, в 2 см длиной, рыболовного крючка, изготовленного с удивительной тщательностью. Конец бородки очень сильно заострен, в нижней части имеется вырез. Второй предмет представляет собой составную часть рыболовного крючка в виде сравнительно тонкой пластинки, имеющей на одном из концов косой желобок. К противоположному концу пластинка становится заметно у́же и тоньше, поскольку именно эта часть и служила местом прикрепления бородки к стержню крючка.

Широко представлены проколки и шилья, начиная от весьма крупных и кончая очень мелкими, изготовленными из трубчатых костей птицы, снабженные очень острым рабочим концом (табл. XL : 3—8). Из трубчатой же кости птицы изготовлена и тоненькая иголочка.

Особого внимания заслуживают три предмета, которые, несмотря на некоторые различия в форме, следует считать близкими по назначению. Два из них изготовлены из трубчатой кости довольно крупного животного, имеют подчетырехугольное поперечное сечение (табл. XXXIX : 9—10). Рабочие концы орудий заточены, а у одного острие слегка уплощено. Тыльные части имеют зарубки для привязывания к ним нити. В данных предметах следует, вероятнее всего, видеть иглы для плетения сетей, хотя не исключена и другая возможность — использование их в качестве кочедыков для плетения лаптей. На такой способ употребления указывает тело орудия, несколько массивное для иглы, и следы сработанности, располагающиеся на самом его конце. Последние могли получиться от усиленного употребления именно этой части.

Третий предмет, отнесенный к данной категории орудий, с большим правом следует считать иглой для плетения сетей (табл. XXXIX : 6). Форма его сильно удлинена и уплощена, обработка очень тщательна по всей поверхности. Конец заострен, в тыльной части имеется просверленное отверстие. Залощенность наблюдается по всей поверхности в равной мере.

Наконец, чтобы закончить описание костяного инвентаря, необходимо указать на группу мелких предметов из кости, часть которых использовалась в качестве орудий, хотя большинство их явно служило украшениями и, возможно, амулетами. Из числа предметов этой категории следует упомянуть несколько пластин из кабаньих клыков крупной величины со срезанными и заточенными концами (табл. XXXVIII : 5, 6). В тыльной части одной из них имеется просверленное отверстие, во второй — прорезанное. Заостренные рабочие концы и следы работы ими, а также сильная залощенность всей внешней поверхности заставляют видеть в данных предметах не простое украшение, а своеобразные орудия производства. Упомянем также тоненькую плоскую костяную подвеску и два очень маленьких клыка животных с отверстиями в корневой части, а также костяные пронизки из тонких трубчатых костей птицы, концы которых срезаны очень острым инструментом (табл. XLI : 3—5).

Помимо того встречены многочисленные пластинки из резцов бобра, резцы лося с частичной обработкой на концах, клыки кабана и клыки медведя. Один из маленьких клыков медведя имеет глубокую кольцевую нарезку, расположенную на его корне; сильная залощенность его внешней поверхности указывает на весьма частое и длительное употребление (табл. XLI : 2).

Среди инвентаря поселения I обнаружено несколько предметов, могущих дать некоторое представление о характере искусства и художественных навыках древнего населения (табл. XLI : 1, 6—8, 10).

К их числу относятся костяные пластинки, изготовленные из ребра крупного животного, украшенные точками подтреугольной формы, образующими горизонтальные линии (табл. XLI : 7). Край одной из пластин покрыт мелкими нарезками, придающими ему зубчатость.

Мелкий нарезной орнамент покрывает также тонкий костяной стержень и небольшой предмет, утилизированный затем в качестве тесла (табл. XLI : 6). Орнаментом в форме чередующихся нарезок украшен и фрагмент маленькой флейточки.

Последним, наиболее отчетливо выраженным предметом искусства является изображение рыбки, тело которой сплошь покрыто тонким нарезным орнаментом (табл. XLI : 10). С одной стороны он выступает в форме елочного узора, с другой, в верхней части, ближе к голове, — в виде сетки, а в нижней, ближе к хвосту, — в виде параллельных линий. Глаз рыбы изображен в форме угла, внутри которого помещена точка; хвост зубчатый. Сильная залощенность предмета указывает на весьма частое употребление, а наличие зубчатого хвоста заставляет предполагать использование его в качестве штампа для нанесения узора на сосудах.

Изделия из глины

Наиболее массовым материалом на поселении Нарва-Рийгикюла I являются обломки глиняных сосудов. Их многочисленность и значительное разнообразие позволит в будущем выделить керамику в качестве предмета самостоятельного исследования, тем более, что именно этот материал может быть положен в основу относительной хронологии рассматриваемых нами поселений. Рамки же данной статьи позволяют дать ему лишь весьма общую характеристику. Исходя из наиболее отчетливо выраженных признаков, весь имеющийся в нашем распоряжении керамический материал можно грубо разделить на три группы.

Первую, наиболее многочисленную из них составляют сосуды, близкие и в отдельных случаях тождественные первой группе керамики поселения II (табл. XLII : 1, 2). Они представлены большим количеством крупных, чаще толстостенных сосудов с прямым краем и острым дном. При их изготовлении примесью к глине послужили толченый кварц и дресва. Количество примеси различно; в отдельных сосудах процент ее весьма значителен. В этом случае черепок непрочен и легко рассыпается. Сосуды с меньшим количеством примеси более прочны, чему в значительной степени способствует и весьма сильный обжиг. Данный тип сосудов, как мы видели, очень многочисленен на поселении II. Орнамент на сосудах этой группы всегда глубокий, составными элементами его служат круглые, реже овальные и совсем редко ромбические ямки, четкая гребенка и изредка нарезки. На отдельных экземплярах встречаются оттиски веревочки и короткие, как бы перегороженные внутри овалы. Узор на сосудах, образованный ямками и оттисками гребенчатого штампа, довольно разнообразен (табл. XLII : 5). Несомненно, он гораздо богаче, чем на сосудах этой группы с поселения II. Ямки и гребенка образуют часто горизонтальные чередующиеся линии, в различных сочетаниях сменяющие друг друга. На нескольких сосудах имеется узор в виде косой клетки, нанесенный оттисками гребенчатого штампа, перекрывающими друг друга.

Изредка встречается орнамент в виде четырехугольников или ромбов, образованных коротким гребенчатым штампом, отпечатки которого сгруппированы вместе по 3—4 штуки. В отдельных случаях сосуды украшены одним рядом ромбов, идущих вдоль края сосуда и заполненных часто мелким гребенчатым штампом. Указанный узор сочетается с оваль-

ными ямками. Бережок и срез края у ряда сосудов, в результате защипа его, — волнистый.

Вторую группу составляют сосуды, в глиняное тесто которых введена какая-то примесь, совершенно выгоревшая при обжиге (табл. XLII : 3—4, 6—8). Изредка в изломе черепка проступают едва заметные чешуйки раковин, заставляющие предполагать, что и вся примесь к глине состояла из раковин, которые могли быть уничтожены в результате сильного обжига. По характеру глиняного теста данные сосуды напоминают подобную посуду с поселения II, с той лишь разницей, что сосуды поселения I обладают более сложной орнаментацией, хотя и здесь все же наблюдается общая черта — преобладание поверхностных, легких вдавлений, нанесенных гребенчатым штампом.

К третьей группе керамики следует отнести очень многочисленные черепки от сосудов, в глиняное тесто которых введено большое количество раковин *Unio* (табл. XLII : 9).

Наиболее характерной чертой данной группы керамики в целом являются резкие штрихи, идущие в различных направлениях по внешней и внутренней поверхности сосудов. В большинстве случаев орнаментация отсутствует (табл. XLII : 10—12), и лишь изредка встречаются очень легкие отпечатки гребенчатого штампа, образующие горизонтальные полосы на стенках сосуда или короткие косые линии на их краях. В данной группе, наряду с горшками крупного размера, имеются очень тоненькие, иногда совсем крошечные горшочки, не имеющие, несомненно, практического значения.

Что касается формы сосудов, то насколько сейчас удается проследить, они имеют прямой, часто несколько скошенный внутрь и заметно более тонкий край и округлое, иногда слегка оттянутое днище.

Указанная группа керамики является новой по сравнению с керамикой, знакомой нам по поселению II. Отсутствие орнамента и резкие штрихи на поверхности невольно вызывают желание сопоставить данную керамику с сосудами поселений эпохи бронзы. Во всяком случае, повидимому, ее следует связывать с наиболее поздним этапом существования поселения I, в особенности, учитывая, что количественно данная группа очень значительна.

Некоторую разновидность рассмотренной третьей группы керамики представляют сосуды, на которых резкие штрихи проступают гораздо сильнее на внутренней поверхности, тогда как внешняя остается почти гладкой. Примесь раковины в них менее заметна, а иногда заменена примесью мелкого песка. Обжиг сильный. Орнаментация отсутствует.

Общей чертой, объединяющей все сосуды, начиная от первой группы керамики, встреченной на поселении II, вплоть до только что рассмотренной последней группы поселения I, является техника лепки сосудов, причем на поселении II она проступает менее заметно и, может быть, не является единственной, тогда как совершенно очевидно, что на поселении I она господствует полностью. Речь идет о том, что при производстве сосудов с помощью ленточной техники глиняные ленты не налеплялись, как обычно, заходя своими концами друг на друга, а как бы наставлялись одна на другую, причем в этом случае в изломе по стыку лент один из черепков имел вогнутый край, а второй выпуклый. Данный прием допускает весьма вероятное предположение об использовании шаблона для лепки сосудов. Существенно отметить, что совершенно тождественную технику мы встречаем в одной из групп сосудов Приладожских стоянок [21], а также в стоянках близ Кавголово и Бологое.

---

[21] А. А. Иностранцев, указ. соч., табл. XII.

К числу изделий из глины следует отнести также многочисленные, небольшой величины глиняные, хорошо обожженные стерженьки с округлым поперечным сечением. Судя по тому, что примесью к глине служат толченые раковины, так же как и у самих сосудов, вероятнее считать их пробой, производившейся перед обжигом керамики.

На поселении обнаружен богатый фаунистический материал, позволяющий полнее представить окружавшую человека географическую среду и форму хозяйства древних обитателей побережья р. Нарвы.

Определение остеологического материала, произведенное В. И. Бибиковой в 1951—1952 гг., показало, что здесь представлены животные 20 различных видов. Среди них: косуля, лось, благородный олень, тур, кабан, медведь, норка, куница, волк, лисица, заяц, бобр, выдра, а также многочисленные кости тюленя. Помимо остатков диких животных, присутствуют и кости домашних животных — быка, овцы [22], собаки; среди большого количества костей птиц были определены 11 особей — утки, гагары, гусь, тетерев, глухарь, крупный хищник; из рыб — щука, судак, карповые.

Учитывая, что уцелела сравнительно незначительная часть поселения, можно сделать заключение, что охота древними обитателями наших поселений велась весьма успешно. Во время существования поселения вся окружающая его территория была покрыта крупным и густым лесом, изобилующим многочисленными и разнообразными животными, среди которых видное место занимали лось, олень, кабан, медведь. Все они являлись объектами охоты, снабжая человека мясом и шкурами. В пищу использовалось также мясо птиц и рыб. Все это вместе взятое давало человеку возможность добывать себе необходимое пропитание, в особенности, если принять во внимание разнообразие животных и птиц, часть из которых жила здесь постоянно, другая же — появлялась в определенный сезон. Вот почему поселение Нарва-Рийгикюла I было обитаемо в течение значительного отрезка времени. Свидетельством этого является большая площадь, занятая поселением и в особенности мощный культурный слой. Успеху охоты в значительной мере способствовал помощник человека — собака. Небезинтересно отметить, что на сравнительно небольшой площади раскопа найдено 34 особи собак. Значительный интерес вызывают кости тюленя, свидетельствующие о том, что, помимо сухопутной охоты, человек занимался и охотой на морского зверя, пополняя им свои запасы пищи, в особенности в весеннее, наиболее голодное время года. Охоте на тюленя способствовала в значительной мере близость моря. Ввиду близкого соседства с морем и устьем большой реки население имело возможность применять разнообразные приемы охоты на суше и на море, а также заниматься морским и речным рыболовством. Последнее в основном производилось сетями, что подтверждается найденными на поселении в большом количестве грузилами в виде одинаковой величины окатанных водой и слегка оббитых галек. Судя по аналогии с грузилами, употреблявшимися в этих районах еще недавно, следует считать что они оплетались берестой и прикреплялись к небольшому кольцу, согнутому из деревянного прутика. На способы индивидуальной охоты указывают найденные костяные рыболовные крючки.

Наличие костей домашних животных — быка и, возможно, овцы, дает основание считать, что древнее население побережья р. Нарвы было уже

---

[22] Кости овцы, возможно, являются более поздними.

(Следует отметить, что на других столь ранних поселениях в пределах Эстонской ССР пока не обнаружено костей домашних животных, не считая собаки. Ввиду того, что на месте описываемых поселений до последнего времени существовал поселок (Рийгикюла), приходится считаться с возможностью, что не только кости овцы, но и быка относятся к более позднему времени. — *Ред.*)

знакомо с животноводством, вероятно лишь в его первоначальной форме. Охота и рыболовство явно были господствующими, но уже появилась новая отрасль хозяйства, которая некоторое время сосуществовала со старыми видами — охотой и рыболовством и имела подчиненное положение по отношению к последним. Однако это была та отрасль хозяйства, которая должна была занять в будущем одно из ведущих мест.

Судя по мощному культурному слою и обилию материала, в особенности по различным группам керамики, можно считать, что поселение I было обитаемо весьма длительное время. Возникновение его следует, повидимому, отнести к концу существования поселения II, т. е. приблизительно к первым векам II тысячелетия до н. э., тогда как его конец, возможно, следует датировать серединой II тысячелетия до н. э.

Ряд вещей, орнаментация и техника изготовления сосудов позволяют говорить о сходстве Нарвских стоянок с Приладожскими [23], стоянками восточной Эстонии (Акали) [24] и поселениями Новгородской области.

Поселение Нарва-Рийгикюла III

Большое значение для расчленения керамического материала поселения I на разные по времени группы и выделение из него более поздних комплексов имеет поселение III.

Как было уже указано выше, поселение III расположено к юго-востоку от поселения I (рис. 46). Внешняя поверхность поселения сильно испорчена траншеями и ямами, в большинстве случаев полностью уничтожившими культурный слой. Общая площадь раскопа на поселении равнялась 200 м^2 (была взята вся возможная для этого площадь). Стратиграфия имела следующий характер: 1 — растительный слой мощностью 5—6 см; 2 — серый подзол — 4—6 см; 3 — культурный слой в среднем 40—45 см. Подстилающим слоем повсюду был желтый материковый песок.

В средней части поселения были вскрыты две хозяйственные ямы глубиной до 1 м, заполненные интенсивным темным культурным слоем и обломками керамики, а также остатками костей животных. В близком соседстве с указанными ямами, на глубине 90 см от поверхности, были обнаружены остатки очага, сложенного из некрупных камней. Материал, найденный на поселении III, немногочисленен, но представляет определенный интерес. Так же как и на поселении I, здесь найдены костяные орудия, среди которых наиболее отчетливо выраженными являются роговые мотыги, тождественные по форме многочисленным мотыгам с поселения I, обломки костяных гарпунов и наконечники стрел, повидимому, игловидной формы. Из предметов, имеющих полную аналогию с предметами поселения I, следует отметить костяное орудие, изготовленное из распиленной вдоль трубчатой кости довольно крупного животного (табл. XL : 1). Тыльную часть его составляет эпифиз. Ближе к рабочему концу, на расстоянии 3 см от края, орудие резко сужено и у самого лезвия уплощено (ширина его равняется 7 мм). Лезвие орудия очень острое и с одного конца сработано больше, чем с другого. Совершенно аналогичная форма и одинаковые следы сработанности на таких же орудиях с поселения I (табл. XL : 2) указывают на тождественное их использование. Помимо орудий, встречаются кости со следами пиления под углом или вдоль длинной оси, достаточно хорошо знакомые нам по поселению I.

Наибольший интерес представляет керамика, однотипная по своему характеру (табл. XLIII). В глиняное тесто сосудов примешана толченая

[23] А. А. Иностранцев, указ. соч.
[24] См. публикуемую ниже статью Л. Ю. Янитса.

раковина *Unio*. Край их всегда прямой, как бы срезанный внутрь. На отдельных экземплярах имеются отверстия, просверленные близ края. Средняя толщина стенок равна 7—8 мм, однако отдельные фрагменты гораздо толще, до 1,5 см. Абсолютное большинство посуды совсем не орнаментировано; внешняя и внутренняя, а иногда только внутренняя, поверхности их покрыты штрихами от заглаживания, причем на некоторых сосудах последние выступают с особенной отчетливостью. Сосуды с глубоким орнаментом в виде ямок и оттисков гребенчатого штампа отсутствуют [25]. Лишь очень небольшое количество сосудов имеет украшение, состоящее исключительно из поверхностных, едва заметных отпечатков гребенки, образующих горизонтальные полосы. Данный тип керамики совершенно тождественен третьей группе сосудов поселения I.

Значительного интереса заслуживают сосуды, украшенные оттисками тонкого гребенчатого штампа, образующими узор так называемой «шагающей гребенки», характерный для сосудов поселений эпохи бронзы на Урале (табл. XLIII : 12).

Удивительная однотипность керамики и отсутствие более ранних ее форм, обильно представленных на соседних поселениях Нарва-Рийгикюла II и I, а также относительно небольшая мощность культурного слоя заставляют прийти к выводу о сравнительно недолговременном обитании этого поселения.

Весьма оригинальный характер керамического материала поселения III и очень ограниченное количество аналогий ему затрудняют в настоящее время точную датировку данного памятника. В значительной мере это происходит еще и потому, что мы не имеем в большинстве поселений, сходных по материалу с поселением III, точной стратиграфии [26]. Надо надеяться, что последующие работы в значительной мере увеличат имеющиеся факты и позволят тем самым подвести под датировку этого памятника более прочную основу.

В настоящее же время можно лишь предполагать, что, повидимому, оно возникло в самом конце существования поселения I и должно поэтому относиться к концу неолита и, возможно, к периоду появления бронзы, т. е. приблизительно к самому началу второй половины II тысячелетия до н. э.

*

Подводя итоги краткому обзору вновь открытых трех древних поселений, расположенных близ г. Нарвы, следует сказать, что они имеют интерес для изучения неолитических памятников северо-запада европейской части СССР.

Рассматривая все три поселения вместе, можно прийти к выводу, что указанный участок берега р. Нарвы был обитаем в древности длительное время, чему в сильной мере способствовали весьма благоприятные физико-географические условия: близость моря и крупной реки, а также обилие и разнообразие животного мира. Поселок вначале был расположен непосредственно у моря, на северо-западном крае дюны (поселение II), затем перенесен несколько дальше от него к юго-востоку (участок, названный нами поселением I). Здесь люди жили долгое время, о чем свидетельствует мощный культурный слой, разнообразие в костяном инвентаре и, в особенности, в керамике. Последняя претерпела значительные

[25] Исключение представляют несколько фрагментов от одного сосуда, найденные в одном месте.

[26] Это относится прежде всего к Приладожским стоянкам, исследованным А. А. Иностранцевым, где материал был собран, повидимому, с нескольких памятников, и Коломцам, где раскопки были произведены недостаточно квалифицированным археологом.

изменения. Постепенно вышли из употребления толстостенные сосуды с примесью дресвы и рельефным орнаментом, столь распространенные у жителей поселения II. На смену им были выработаны новые формы сосудов — более тонкостенные, с примесью раковины, вначале, как прежде, орнаментированные глубокими ямками и оттисками гребенки, а затем поверхностным легким орнаментом. Наконец, появились и прочно вошли в обиход сосуды, вовсе лишенные орнамента, со следами заглаживания внешней и внутренней поверхности. Вероятно, именно этому позднему времени должны соответствовать и открытые нами жилища, а следовательно, и обнаруженные в них погребения. В конце позднего этапа существования поселения I жизнь была перенесена в поселение III, которое, повидимому, через относительно короткий промежуток времени было заброшено [27].

Близость всех трех поселений, отделенных друг от друга несколькими сотнями метров, исключает предположение о каких-либо локальных вариантах культуры, заставляя усматривать здесь лишь различия во времени их существования, начиная с эпохи развитого неолита (поселение II) до конца его и, возможно, до перехода к эпохе бронзы (поселение III).

Имеющийся на поселении I материал, в частности преемственность в развитии керамики и общность в типах костяных орудий, а также тождественность приемов их изготовления делают мало вероятным предположение о том, что поселение III и поздние комплексы поселения I следует связывать с пришлым населением, попавшим сюда с какой-то, быть может, соседней территории. Не подтверждают этого и стратиграфические данные, которые не содержат ни малейшего намека на вторичное заселение, вследствие чего правильнее связывать все три участка поселения с одним племенем, обитавшим на этой территории длительное время.

Наличие в Приладожских стоянках, исследованных А. А. Иностранцевым, смешанного керамического материала, часть которого совершенно тождественна третьей группе керамики поселения I и керамике поселения III, приводит к мысли о необходимости расчленения материала Приладожских стоянок на различные по времени комплексы.

Определенная общность материала поселений побережья р. Нарвы с Приладожскими и Новгородскими неолитическими стоянками, а также с памятниками восточной Эстонии заставляет высказать суждение о несомненном родстве древних племен, обитавших на указанной территории. Эти племена заметно отличались по ряду элементов материальной культуры (оригинальной техникой изготовления сосудов и их орнаментацией, своеобразными костяными орудиями, широким использованием ракушек *Unio* и т. д.) от племен, обитавших к западу и востоку от них, — западной Эстонии, Карелии и Вологодской области. По всей вероятности, северной границей распространения их было южное Приладожье. Дальнейшие исследования на территории к востоку от Эстонии — Ленинградской, Псковской и Новгородской областей позволят в будущем уточнить этот весьма важный вопрос.

---

[27] Взгляды автора данной статьи на хронологическую последовательность разных типов керамики, а следовательно, и описанных поселений расходятся со взглядами автора другой, ниже публикуемой статьи, Л. Ю. Янитса, по тем же вопросам. *Ред.*

UUSI NEOLIITILISI MÄLESTUSMÄRKE IDA-EESTIS

N. GURINA

Lühikokkuvõte

NSV Liidu Teaduste Akadeemia Materiaalse Kultuuri Ajaloo Instituudi poolt korraldatud Narva jõe kesk- ja alamjooksu piirkonna arheoloogilisel uurimisel avastati kolm neoliitilist asulat (Narva-Riigiküla I, II ja III). Aastail 1951—1953 teostati neil asulatel süstemaatilisi arheoloogilisi kaevamisi.

Asulad paiknevad Narva jõe vasakul kaldal, Narva linnast 9 km põhja pool, jõe praegusest tasemest 8—11 m kõrgemal. Sellel kohal on umbes 1 km laiune jõele risti asetsev liivaseljandik, mis minevikus on enesest kujutanud merre ulatuvat neeme. Tänapäeval on meri siit 9 km kaugusel põhja pool. Asulad asetsevad jõega paralleelselt reas, kusjuures äärmiste asulate kaugus teineteisest ei ületa 500 m (joon. 46).

Kõige põhjapoolsem on II asula.[1] Ta asub liivaseljandiku kirdeäärel 8 m jõe tasemest kõrgemal. Asulast kaevati läbi 275 m² suurune pindala (joon. 47). Keskmiselt 30 cm paksust kultuurkihti kattis õhuke hall leetekiht, millest kõrgemal oli rohukamar. Kultuurkihi all oli kollane põhjaliiv.

Asulast leiti suur hulk esemelist materjali. Avastati ka leease ja auke tagavarade hoidmiseks. Leease, läbimõõduga 1,90 m, oli ümbritsetud kividest laotud poolsõõriga. Leeaseme põhjas olevad kivid kandsid tugevaid põlemisjälgi (tahv. XXXIV : 1, 2). Kivide vahel leidus tuhka, sütt ja savinõude kilde. Viimaseid esines ka auke täitvas mullas.

Leiumaterjali hulgas on kivi- ja luuesemeid ning keraamikat. Tulekivist on valmistatud nooleotsi (lehekujulist ja rootsuga tüüpi — tahv. XXXV : 5—7), odaots (tahv. XXXV : 13), puur (tahv. XXXV : 14), kõõvitsaid (ümmarguse või kolmnurkja kujuga) ja osaliselt retušitud servadega laaste. Suurematest riistadest tuleb märkida lihvimiskivide katkendeid, ehetest — läbipuuritud auguga ripatsit. Luuesemeid saadi väga vähe. Nende hulgas on luutalb ja tugevast toruluust riist, mille tera tipp moodustab 45°-lise nurga (nagu tahv. XXXIX : 7).

Keraamikat leiti rohkesti. Savikoostise järgi võib selle jagada kahte rühma. Enamikul savinõudest esineb koostises kivipurdu, kuna väiksearvulisemal rühmal on savile lisatud taimkiude. Ornamendiks on sügavad lohud ja kammtempli jäljed, mis enamasti asetsevad horisontaalsete vöönditena, harvemini moodustavad geomeetrilise mustri (tahv. XXXVI). II asula keraamika sarnaneb Leningradi oblastis Luuga jõgikonnas paikneva Lommi asula ja Emajõe suudmepiirkonnas oleva Akali asula materjalidega.

Esemelise materjali ühtlus ja suhteliselt õhuke kultuurkiht lubavad

[1] Narva-Riigiküla I, II ja III asula nimetus ei tähenda nende kronoloogilist järjestust, vaid on tingitud asulate avastamise järjekorrast. Kõige esimesena avastati I asula (1951. a.), kõige viimasena III asula (1952. a.).

arvata, et II asulas elati võrdlemisi lühikest aega ja nimelt umbes II aastatuhande alguses e. m. a.

Eelmisest asulast umbes 250 m kagu pool asub Narva-Riigiküla I asula. Selle asula kultuurkihti iseloomustas tumedam värvus, tähelepanuväärivpaksus ja teokarpide (*Unio*) rohke esinemine. Siin kaevati läbi 388 m² suurune pindala (joon. 48).

Asula territooriumil leiti kahe elamu jäänused. Üht neist oli tugevasti rikutud hilisemate ehitustega, teine oli aga üldiselt säilinud. Esimese elamu põhiplaan näis olevat ümmargune, diameetriga 6,5 m, kuna teine omas ovaalset kuju, suurusega 7×6 m. Elamu põhi, nagu ilmneb joonisel 49 kujutatud pikiläbilõikest, millel kultuurkiht on märgitud põikse viirutusega, oli 30 cm võrra süvendatud põhjaliiva; sissekäik oli olnud jõe pool küljes (tahv. XXXVII, ülal — põhjaplaan, all — vaade elamupõhjale).

Mõlemas elamus olid asetsenud kolded, millede jäänused olid säilinud väikseid söeteri sisaldavate tuhalaikudena. Võib arvata, et elamute katused olid moodustatud okstest ja ritvadest. Kumbagi eluasemesse oli maetud üks surnu, esimesse täiskasvanu, teise laps. Nende jäänused asusid kultuurkihis. Mujalgi kultuurkihis esines üksikuid inimluid.

I asulast leiti üle 10 000 eseme. Kiviesemete hulgas on kirveid ja kiltkivist talbu (tahv. XXXV : 15—21). Viimaste seas äratab tähelepanu väike küüstalb, mida iseloomustab teraga paralleelne soon. Tulekivist on valmistatud kõige enam nooleotsi, mis kujult on lähedased rombitaolisele tüübile (tahv. XXXV : 1—4, 8—11) ning kõõvitsaid nelinurkse ja kolmnurkse kujuga. Võrdlemisi palju esineb tulekivilaaste, mis tihti on osaliselt töödeldud. Arvukalt leiti ka nelinurkseid võrgukive ja kvartsiidist saage (tahv. XXXVIII : 4). Viimastega koos esines saagimisjälgedega suurte loomade toruluid ja sarvi (tahv. XXXVIII : 1, 2). Kuna need leiud koondusid eriti esimese elamu lähedusse, siis peab arvama, et seal oli toimunud luu töötlemine.

Luust ja sarvest esemete hulgast tuleb nimetada mitmesuguseid talbu ja kirveid (tahv. XXXVIII : 3, 7, 8; XXXIX : 7, 8; XL : 2, 9—14), noolte ja harpuunide otsi (tahv. XXXIX : 1—5), naaskleid (tahv. XL : 3—8), õngekonkse, metsseakihvadest riistu (tahv. XXXVIII : 5, 6) jne. Erilist tähelepanu väärivad kolm eset, mida nähtavasti on kasutatud võrgupiiritsana (tahv. XXXIX : 6, 9, 10). Nende tipud on teritatud, kuna päraots on varustatud kas soonekese või silmaga niidi jaoks.

Luust on valmistatud ka ehteid: loomahammastest ja lõualuudest ripatseid ja peentest linnu toruluudest helmeid (tahv. XLI : 2—5). Leiti ka väike (linnu?) vile.

Muuhulgas leiti mõned lõikeornamendiga ilustatud luuesemed (tahv. XLI : 1, 6—8). Eriti tuleb nimetada kalakujukest, mille keha oli kaetud peene lõikeornamendiga, kuna silm oli märgitud täpina, millest nurgakujuliselt hargnes kaks soonekest (tahv. XLI : 10). On võimalik, et seda eset oli kasutatud stambina savinõude ilustamiseks.

Kõige massilisemaks materjaliliigiks I asulas olid savinõukillud (tahv. XLII). Savi koostise ja ornamendi järgi võib keraamika jagada kolme rühma: 1) suured teravapõhjalised ja paksuseinalised nõud, mille koostises esineb kivipurdu, kuna ornament koosneb sügavatest lohkudest ja kammijälgedest (tahv. XLII : 1, 2, 5); 2) nõud taimejäänustega või vähese teokarpide (*Unio*) purruga koostises, millede ornamendiks on peamiselt kammijäljed (tahv. XLII : 3, 4, 6—8); 3) nõud teokarpide purruga koostises, ornamendita, kuid riibitud pindadega (tahv. XLII : 9—12). Harvemini esineb viimase rühma savinõukildudel nõrku kammijälgi, mis moodustavad horisontaalseid vööndeid.

Selle rühma nõude valmistamistehnika on olnud väga omapärane. Nimelt on need nõud valmistatud tihti väga kitsastest saviribadest, mis on asetatud spiraalselt otse üksteise peale, kuna tavaliselt on neoliitiliste savinõude valmistamisel spiraalsed saviribad liidetud nii, et ülemine riba on alumisest ulatunud mõnevõrra üle.

Asulast saadi rohkesti loomaluid. Nende hulgas on esindatud metskits, põder, hirv, ürgveis, metssiga, karu, lahits, nugis, hunt, rebane, jänes, kobras, saarmas, siil, tuhkur, mäger, ilves, hüljes (viimast eriti rohkesti); lindudest — part, kaur, hani, teder, mõtus ja mingi suur röövlind; kaladest — haug, koha, karpkalalised.

Suurt tähtsust I asula materjalide kronoloogilisel rühmitamisel omab Narva-Riigiküla III asula. See asub eelmisest 170 m kagu pool, liivaseljandiku äärel, Narva jõkke voolava Mustoja kaldal. Kultuurkiht on hilisemate aukude ja kraavide kaevamisega suurel määral hävitatud. Arheoloogiliste kaevamistega hõlmati 200 m² suurune pindala. Kultuurkiht on tumeda värvusega, 40—45 cm paksune ja asub õhukese halli leetekihi all, kollasel põhjaliival. Avastati kaks majapidamisega seoses olnud auku ja kividest moodustatud kolle, mille lähedal esines savinõukilde.

Asula leiumaterjal on võrdlemisi ühtlane. Luuesemetest esines noole- ja harpuuniotste katkendeid ja talvakujulisi riistu (tahv. XL : 1), looma jalalüli läbipuuritud avaga ja orneeritud luuplaat (tahv. XLI : 9). Kiviesemetest tuleb märkida tulekivist nooleotsi ja kvartsiidist saage.

Savinõukillud on ühetüübilised (tahv. XLIII). Savikoostisse on lisatud teokarpide purdu, enamikul kildudel võib nii sise- kui ka välispinnal märgata riipimisjälgi. Ornamenti leidub harva, koosnedes nõrkadest kammi- ja muude stampide jälgedest, mis enamasti asetsevad horisontaalsete vööndi-tena. Suurt huvi pakuvad mõned peentest kammijälgedest moodustatud siksak-mustriga («sammuva kammi ornamendiga») kaunistatud nõukillud, kuna see ornament on iseloomulik Uraali pronksiaja savinõudele (tahv. XLIII:12). Nõud on nähtavasti olnud kumera põhjaga, mõnikord esineb ka teravate väljaulatuvate põhjade osi (nagu tahv. XLII:12).

Asula territooriumilt leiti suur hulk linnu (pardi) luid, samuti siili, nugise, mägra, saarma, karu, hülge, vaala, metssea, metskitse, põdra ja kopra luid. Koduloomadest on esindatud veis ja koer.[2]

III asulas on elatud lühemat aega, nagu tõendavad õhuke kultuurkiht ja selles hõredalt esinevad ja ühetüübilised leiud. Asula on tekkinud Narva-Riigiküla I asula olemasolu lõppedes. Teda võiks dateerida neoliitikumi lõppu ja üleminekujärku pronksiajale, seega II aastatuhande teise poole algusesse e.m.a.[3]

Võttes arvesse kõigi kolme asula leiumaterjale, võib teha mõningaid järeldusi. Kirde-Eestis neoliitikumis valitsenud soodsad looduslikud tingimused andsid võimaluse asustuse pikaajaliseks püsimiseks Narva jõe kallastel. Siin elanud hõimudel oli hästi arenenud küttimine, muuhulgas ka mereloomade küttimine. Selle kõrval omas suurt tähtsust kalastus, tänu mere ja suure jõe lähedusele. Sai alguse ka loomakasvatus, võib-olla algelisel kujul isegi maaharimine.

Esiti asetses asula liivaseljandiku loodepoolsel äärel (II asula), seejärele siirduti elama seljandiku keskossa (I asula) ja lõpuks asuti seljandiku kagupoolsele äärele, Mustoja lähedale (III asula).

[2] Tuleb tähendada, et teistest nii varajastest asulatest Eesti NSV piirides seni ei ole leitud koduloomade luid (koera mitte arvestades). Kuna kirjeldatavate asulate kohal oli kuni viimase ajani küla, on võimalik, et siit leitud veise ja mõne muu koduloomade luud pärinevad hilisemast ajast. *Toim.*

[3] Käesoleva kirjutise autori vaated asulaist leitud erisuguste keraamikaliikide ja seega ka eri asulate suhtelise vanuse kohta lähevad lahku järgnevalt avaldatava teise artikli autori, L. Jaanitsa seisukohtadest samus küsimustes. *Toim.*

Kõigi asulate materjal omab selgeid sarnasusjooni Ida-Eesti neoliitiliste mälestusmärkidega, esmajoones Akaliga, Laadoga järve lõunaranniku ja Novgorodi piirkonna neoliitiliste asulatega (Kolomtsõ, Bologoje). Materiaalse kultuuri sarnasus lubab arvata, et nimetatud piirkondades on elanud lähedas suguluses olnud hõimud.

Uuritud asulatel on oluline tähtsus ka küsimuse selgitamiseks, milliseid teid mööda on minevikus toimunud NSV Liidu loodeosa, sealhulgas ka Eesti territooriumi asustamine.

NEOLIITILISED ASULAD EESTI NSV TERRITOORIUMIL

L. JAANITS

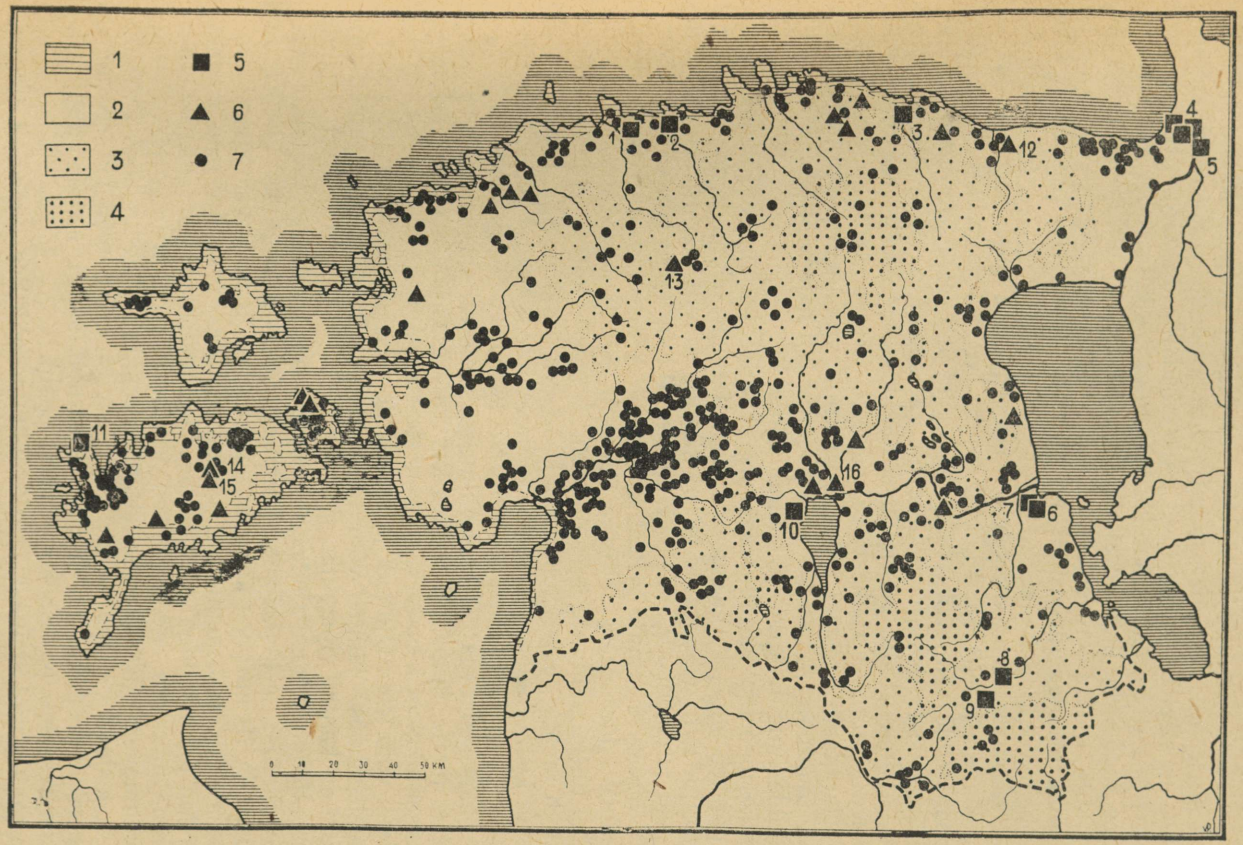
Neoliitikumi uurimisele pöörati kodanlikus Eestis vähe tähelepanu. Koguti peamiselt juhuleide, pöörates teatavat tähelepanu nende levikule, kuna aga arheoloogilisi kaevamistöid selle perioodi mälestusmärkidel teostati vaid õige piiratud ulatuses. Alles pärast nõukogude korra taaskehtestamist Eestis ja eriti pärast Eesti NSV Teaduste Akadeemia rajamist, millega teaduslikule tööle loodi siin seniolematult avarad võimalused, võidi hakata teostama plaanikindlaid süstemaatilisi kaevamisi ka neoliitilistel asulatel. Käesolevas artiklis antakse esialgne ülevaade nende uurimisest.

Eesti NSV muuseumides säilitatakse üle tuhande peamiselt III, II ja I aastatuhandest e.m.a. pärineva kivieseme, mis on juhuleidudena saadud maa eri osadest. Väärib tähelepanu, et teatud piirkondades esineb leide tunduvalt tihedamini kui mujal. Kahtlemata olid need piirkonnad kõneoleval ajal elanikkonna peamisteks asumisaladeks. Nagu leidude levikukaardilt (joon. 50) näha, olid asustatud eeskätt kalastuseks ja küttimiseks soodsaid eeldusi pakkuvad veteäärsed alad. Eriti tihedalt on saadud leide Pärnu jõgikonnast. Nähtavasti meelitasid siia asukaid kudemisaegadel jõgepidi üles ujuvad merekalad, samuti pakkusid ümbruskonna soised metsad häid elamistingimusi kõige tähtsamale jahiloomale — põdrale. Edasi tuleks nimetada Võrtsjärve ümbrust, eriti selle põhjarannikut. Võrdlemisi rohkesti leide on saadud ka Peipsi järve kallastelt ja mererannikult, eeskätt Peipsisse või merde suubuvate jõgede (Emajõgi, Kasari, Keila, Jägala, Narva jõgi) äärest. Suhteliselt tihedasti asustatud alaks oli Saaremaa, kus leiukohad hoiduvad tolle aja rannajoone lähedusse. Seega olid tihedamalt asustatud kohtadeks saared, rannik ja Kesk-Eesti madaliku veterikkad alad, kuna aga Lõuna- ja Põhja-Eesti kõrgendikkudel on asustus olnud hõredam.

Neoliitilisi asulaid endid tuntakse siiski alles piiratud hulgal. Seni on neid registreeritud järgmistes kohtades (joon. 50): Tallinnast ida pool Kroodil ja Jägalas, Kunda linna lähedal oleval Lammasmäel (ülemine kiht), Narva jõe alamjooksul Riigikülas, Narva linnas, kaks asulat Emajõe suudmealal, samuti kaks asulat Kagu-Eestis Võru linna lähedal, Võrtsjärve loodekaldal Valmas ning lõpuks Saaremaa loodetipul Undvas. Kahjuks ei ole õnnestunud täpsemalt kindlaks määrata asulate kohti neoliitiliste leidude poolest kõige rikkamas piirkonnas — Pärnu jõgikonnas. Üks asula on seal arvatavasti paiknenud kuskil Reiu jõe suudme lähedal, kust peale luu- ja kiviriistade on jõepõhjast leitud ka natuke kammkeraamikat. Järgnevalt vaatleme lähemalt äsjanimetatud asulaid ja nende leiumaterjali.[1]

Harju rajoonis K r o o d i l, Tallinnast umbes 15 km ida pool, asub liivaseljak, millel tuul aeg-ajalt lagedale puhub ning uuesti katab kividest moo-

[1] Narva-Riigikülа asulatele on ülalpool pühendatud eri kirjutis ajalooteaduste kandidaadilt N. N. G u r i n a l t, mistõttu neid selles artiklis lähemalt ei kirjeldata.



Joon. 50. Neoliitiliste muististe levik. 1 — rannikuvöönd, mis neoliitikumis oli mere all; 2, 3, 4 — kõrgused, vastavalt 0—50 m, 50—100 m ja üle 100 m; 5 — asula; 6 — kalmistu; 7 — juhuleid (kiviese).
Asulad: 1 — Kroodi, 2 — Jägala, 3 — Kunda, 4 — Narva-Riigiküla, 5 — Narva, 6 — Akali, 7 — Kullamägi, 8 — Villa, 9 — Tamula, 10 — Valma, 11 — Undva. *Kalmistud nöörkeraamikaga:* 12 — Sope, 13 — Ardu, 14 — Tutku, 15 — Tika, 16 — Kivisaare.

dustatud leeasemeid. Kokku on siin loendatud kuni 40 leeaset. Viimaste ligidusest on leitud väikseid kvartsist ja tulekivist esemeid ja toormaterjali kilde. Leitud esemete hulgas esineb ovaaljas-rombilise kujuga hästitöödeldud nooleots. Tuleasemetest umbes 50 m eemalt, üksteise lähedalt, on leitud paarkümmend võrgukivi. Nendena oli kasutatud lapergusi liivakive, millede mõlemasse vastasserva olid sisse täksitud sälgud võrgunööri sidumiseks. Keraamikat on Kroodi liivikult saadud ainult üksikute pisikeste tükkidena, mis on rabedad, sisaldades koostises rohkesti kivipurdu. Ornamenti ei saa määrata, sest tuiskliiv on savinõutükkide pinnad ära kulutanud. Asula territooriumilt on saadud ka lihvitud silmata kivikirves. Kroodil ei ole teostatud teaduslikke kaevamisi. Olemasolevad leiud on kogutud maapinnalt[2]. Otsustades tuleasemete hulga järgi, pidi sealne asula olema kas võrdlemisi ulatuslik või püsima küllalt kaua.

Kroodilt kümmekond kilomeetrit ida poole Jägala jõe suudmest umbes 1 km võrra lõunas, jõe paremal kaldal asub J ä g a l a neoliitiline asula[3]. Siinsele looduslikule rannakõrgendikule on hiljem rajatud linnus. Jõele tammi ehitamisel satuti sügaval liiva all asetsevale neoliitilisele kultuurkihile. Muu hulgas leiti siin viis kividest moodustatud leeaset, mis oma alumistes osades sisaldasid rohkesti sütt. Ühel neist asetsesid kivid ringis, kuna teised kujutasid enestest lihtsaid väikseid kiviladeid. Koldejäänustes ja nende ümbruses esines üksikuid põlenud luutükikesi, rohkesti kvartsi- ja tulekivikilde ning hulgaliselt savinõutükke.

Keraamika moodustabki Jägala asula peamise leiuainese. Enamik savinõutükke pärineb suurtest paksuseinalistest kumera põhjaga nõudest. Üht sellist pajakujulist nõu õnnestus leitud kildude põhjal rekonstrueerida. Ta kõrgus ja suu läbimõõt on mõlemad umbes 40 cm. Kogu nõu välispind on kaetud vahelduvate kammijälgedest ja lohkudest moodustatud vööndidega[4]. Säärast tüüpilist kammkeraamilist ornamenti esineb mitmesugustes mustrites paljudel teistelgi Jägala savinõutükkidel. Nende kõrval leidub savinõukilde ka ainult ümmargustest lohkudest koosneva ornamendiga. Paaril killul on kogu pind kaetud sügavate rombikujuliste lohkudega, nagu see on iseloomulik eriti Okaa jõgikonna neoliitilisele keraamikale. Iselaadseks ornamendiks on väikesed ovaaljad sissevajutused, mis on sisse torgatud ridastikku üksteise järele, nagu imiteerides kammijälgi. Lõpuks esineb mõnedel Jägala savinõutükkidel kitsastest soonekestest moodustatud mustreid, milliseid sagedasti võib leida Ojamaa ja Rootsi neoliitiliste asulakohtade keraamikal. Muu leiuainese hulgas võib veel mainida kaht merevaigutükikest, milledest üht on kantud ripatsina.

Rakvere rajoonis K u n d a lähedal asuv L a m m a s m ä g i on laialdaselt tuntud mesoliitilise asulakohana. Lammasmäeks nimetatakse ligikaudu 110 m pikkust ja 70 m laiust küngast, mis tõuseb ümbritsevast soost kuni 4 m kõrgemale. Pärast mannerjää taandumist on praeguse soo asemel olnud 3—4 km läbimõõduga järv, milles Lammasmägi on moodustanud saare. Nagu näitavad geoloogilised uurimised, on Kunda järve veed boreaalse kliimaperioodi lõpul või atlantilise algul, seega umbes 5000. a. paiku e.m.a., leidnud väljapääsu merre ja järv on võrdlemisi kiiresti tühjenenud. Endise järve põhja on nüüd uuristanud sängi Kunda jõgi, mis möödub Lammasmäest paarsada meetrit ida pool.

Peatumata Kunda-Lammasmäe rikkaliku mesoliitilise materjali juures, märgime ainult, et varem peeti asula kogu leiukompleksi VII—VI aastatu-

---

[2] AI 3500 : 1 — 53; 3896.

[3] A. S p r e c k e l s e n, Der Burgberg in Jaggowal. Beiträge zur Kunde Estlands, X. Tallinn (1924/1925), lk. 16—32.

[4] Eesti NSV ajalugu (kõige vanemast ajast tänapäevani). Toimetanud G. Naan. Tallinn 1952, joonis lk. 7.

handesse, s. t. mesoliitikumi kuuluvaks, peale mõne üksiku hiljem juhuslikult kultuurkihti sattunud eseme. Viimasel ajal Lammasmäe materjali analüüsides on aga ikka enam jõutud tulemusele, et tunduv osa kultuurkihi ülemiste horisontide esemetest peaks pärinema neoliitikumist. Ülemistes horisontides tuleb ette neoliitikumile iseloomulikke hästilihvitud kivitalbu, nende seas õõnesteraga eksemplare, ja isegi mõningaid silmaga kiviriistade katkendeid. Samuti võib ülemistes horisontides tähele panna lihvimiskivide hulga tunduvat suurenemist. Ka tulekivist kõõvitsaid ja noakesi näib siin esinevat protsentuaalselt rohkem kui alumistes horisontides, kus vastavad esemed on valmistatud enamasti kvartsist. Edasi on kultuurkihi ülemistest osadest leitud mitu merevaigust eset, nende seas V-kujuliselt puuritud auguga nööpe, ja umbes paarkümmend savinõutükki. Viimastel esineb lohukesi ja kammijälgi, kuid kuna killud on väikesed, siis ei võimalda nad saada üksikasjalikumat ettekujutust ornamentikast. Luumaterjali ei ole ülemistes horisontides kuigi suurel määral säilinud. Nii keraamika, merevaigu, kui ka hästilihvitud kiviesemete esinemine viitab sellele, et Lammasmäe kultuurkihti ei saa käsitleda samaaegse tervikuna, vaid asulat on ilmselt kasutatud eri aegadel. Kahjuks ei ole võimalik eri perioodidel ladestunud kultuurkihi järke üksteisest selgesti eristada, sest steriilsed vahekihikud puuduvad.

Materjalide puudulikkuse tõttu ei ole Lammasmäe neoliitilise asula iseloom seega veel kaugeltki selge. Muu hulgas äratab tähelepanu asula iselaadne asend jõest eemal, ümbrusest kõrgemal kühmul, erinevalt teiste neoliitiliste asulate asendist vahetult veekogude ääres. Võib arvata, et kühmule asumist põhjustas jõekalda kui endise järvepõhja niiskus, mistõttu seal ei leidunud elamiseks sobivaid kohti. Kultuurkihi hävimisele kühmu keskosas on kahtlemata kaasa aidanud ilmastikulised tegurid, eriti nõlvu mööda alla voolav sademetevesi. Viimane ei lasknud kühmu kumerale keskosale tekkida kattekihti, mistõttu kultuurkiht jäi seal täiesti kaitseta ja uhuti aja jooksul alla kühmu jalamile. Arusaadavalt kannatas seejuures eriti võrdlemisi nõrgalt põletatud neoliitiline keraamika, mis arvatavasti on pikkamööda murenenud ja lõpuks peaaegu täiesti hävinud.

Viimastel aastatel on uuritud neoliitilisi mälestusmärke Eesti NSV ida- ja kaguosas, Peipsi ja Võrtsjärve vesikondades. Siin on leitud ja osaliselt kaevatud rida asulakohti.

1954. a. suvel toimetati proovikaevamisi N a r v a linnas jõe vasakul kaldal «Lipovaja Jamka» nimelises kohas, mis asub Hermanni kindlusest ligi 1 km võrra jõgepidi ülespoole. Juhuslikel maakaevamistel oli siit varem võrdlemisi laialdaselt alalt leitud keraamikat, tulekivikilde ja loomaluid ning nendest materjalidest valmistatud esemeid. Uurimiste teostamiseks rajati kuus väiksemat kaevandit, kogu pindalaga 135 m², mis asetsesid kõnesoleva ala eri osades. Kolmes kaevandis («A», «B» ja «E») esines küll arheoloogilisi leide, muuseas eri aegadest pärinevat keraamikat, kuid pinnas nende kaevandite piirides oli osalt inimeste, osalt nähtavasti vete poolt põhjalikult segatud. Kaevandites «C», «D» ja «F» avastati aga puutumatult säilinud kultuurkiht.[5]

Kaevandites «C» ja «D» esines kamara all liivakas-kruusakas rohkesti paeklibu sisaldav kiht, mis näib olevat alla varisenud otse nende kaevandite kõrval jõekaldal asuvalt kõrgelt künkalt. Selles kihis leidus üksikuid juhuslikult sinna sattunud savinõukilde. Mainitud kihi all oli umbes 0,5 m paksune kiht musta mulda, mille ülemises horisondis domineeris m. a. XII—XIII sajandisse kuuluv keraamika, sealhulgas potikedral valmistatud nõude tükid. Musta mullakihi alumine horisont sisaldas aga kivipurrulise

[5] Kuna Narva asula materjal on alles üksikasjalisemalt läbi töötamata, siis esitatakse käesolevas kirjutises ainult peamisi uurimistulemusi. Leiud säilivad AI 4101.

koostisega tüüpilist neoliitilist kammkeraamikat, mõningaid kivist ja luust esemeid ning ühe merevaigust ripatsi. Mustale mullale järgnes ebaühtlase paksusega kiht, milles huumus oli segatud peene liivaga. Kohati, eriti kaevandis «D», oli see huumuse-liiva segakiht tema peal asuvast mustast mullast eraldatud õhukese, nähtavasti omal ajal tuule poolt peale kantud puhta liiva kihikuga.

Musta mulla all olevas segakihis leidus omapärast primitiivset keraamikat, millel on urbne, paiguti teokarpide purdu sisaldav koostis ja nõrgalt riibitud pinnad. Selle ornamendile on iseloomulikud mitmesugused nõrgalt sissevajutatud stambijäljed. Samasugust keraamikat esineb N. N. Gurina poolt uuritud Narva-Riigiküla I ja III asula inventaris (tahv. XLII : 6 — 12 ja tahv. XLIII). Koos kirjeldatud keraamikaga esines Narva neoliitilise asula sügavaimas horisondis ka mõningaid luu- ja kiviesemeid, samuti jõekarpe, mida muuseas tuli rohkesti ette mainitud Narva-Riigiküla asulates. Veelgi allpool järgnes juba puutumatu põhjaliiv.

Kaevandis «F», mis asetses eelmistest umbes 50 m eemal, jõest kaugemal, järgnes kamarale vahetult must muld. Selles leidus nii neoliitilist kui ka hilisemat keraamikat, kuid kultuurkihi pinnalähedus tõttu olid eri vanusega savinõutükid siin suurelt osalt segamini. Mustale mullale järgnes liiv 40—50 cm paksuse kihina. Viimase all, ligemale 1 m sügavusel, satuti aga veelgi varasemale, kuni 30 cm paksusele kultuurkihile, mida iseloomustasid tumedam värvus ning liivas esinevad tuhalaigud ja söeterakesed. Samas leidus kvartsikilde ja luutükikesi, milledest mõned olid olnud tules. Leiti ka väike ühepoolsete kiskudega luuahingu katkend. Keraamika puudus selles sügavamas kultuurkihis täiesti. Viimast asjaolu silmas pidades tuleb arvata, et siin on tegemist keraamika-eelse, tõenäoliselt mesoliitilise asula jäänustega. Kahjuks saadi kõnesolevat kultuurkihti lahti kaevata ainult väga piiratud ulatuses, umbes 6 m² suurusel pindalal, mistõttu selle lähema iseloomu väljaselgitamine tuleb jätta edaspidiseks.

Suurt huvi pakuvad asulad Peipsi lääneranniku Emajõe suudmealal Tartu rajoonis. Praegu on see piirkond täiesti soostunud. Uurimised aga näitavad, et muistse asula tekkimisel, subboreaalse kliimaperioodi algul, oli suur osa sellest alast alles soostumata. Liivaküngastel kasvas siis tukkadena lodumetsi, mille vahel leidus avaraid söödamaid metsloomadele. Mitmekesised veekogud andsid häid võimalusi kalastamiseks. Seega pakkus Emajõe suudmeala tol ajal inimasustuseks tunduvalt soodsamaid tingimusi kui tänapäeval. On põhjust arvata, et siin esineski terve rühm neoliitilisi asulaid. Nendest on seni leitud kaks — Akali ja Kullamägi.[6]

Akali asula asetseb samanimelise jõe ääres, mis moodustab Emajõe delta parempoolse haru. Siin on aastail 1938—1939 ja 1949—1952 teostatud kaevamistel läbi uuritud 515 m² suurune pindala. Kaevatud ala haarab ainult umbes 3% asula territooriumist. Kuna kaevandid paiknevad asula eri osades, siis annavad nad siiski teatava ettekujutuse kogu kultuurkihist.

Asula territoorium tervikuna ei ole olnud asustatud samaaegselt. Alguses on asula asetsenud Akali jõe lähedal, kus kultuurkiht on jäänud tänapäeval enam kui 2 m paksuse turbakatte alla. Hiljem, veetaseme tõustes ja pinnase niiskemaks muutudes, on asula järk-järgult nihkunud jõest kaugemale, kus maapind kõrgeneb väikese kühmuna. Mida lähemal kühmule, seda õhem on kultuurkihti kattev turvas ja kühmule enesele ei ole seda veel üldse tekkinud. Et koht on olnud asustatud pidevalt ja väga kaua, umbes kahe aastatuhande kestel, siis annab asulapiirkonna nihkumine hea võimaluse kultuurkihi eri vanusega osade kindlakstegemiseks. Koos sellega avaneb võimalus jälgida selle pika aja vältel toimunud muutusi materiaalses kultuuris.

[6] L. Jaanits, Neoliitilised ja varase metalliaja asulad Emajõe suudmealal. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, III kd., 1954, lk. 350—366.

Kultuurkiht on suhteliselt paks, ulatudes asula kesksetes osades 70 sentimeetrini, kohati isegi kuni 1 meetrini, ja sisaldab väga palju esemelist materjali (keraamikat, kivi- ja luuesemeid, merevaiku) ja looma- ning kalaluid. Söeterad, väikesed tuhalaigud, põlenud luukillud ja põlenud pindadega munakivid näitavad, et siin on paljudes kohtades tehtud tuld. Säilinuna on seni leitud aga ainult üks leease, mis oli kokku laotud rusikasuurustest kividest. Siin-seal esinevad teritatud vaiade otsad ja kultuurkihi all oleva põhjaliiva sisse süvendatud lohukesed annavad võib-olla tunnistust elamutest. Selgeid elamujäänuseid ei ole siiski avastatud. Lohukesi võidi kasutada ka tagavarade säilitamiseks ja suurte kumerapõhjaliste savinõude hoidmiseks.

Akali keraamika on õige mitmekesine, jagunedes viide üksteisest selgesti erinevasse rühma. Stratigraafiliste leiusuhete alusel osutub nendest vanimaks eriline primitiivne keraamika, mida on kasutatud enne kammkeraamika ilmumist (tahv. XLIV : 1 — 7). Vanim keraamika on valmistatud purustatud teokarpe sisaldava koostisega savist, mille põletus on võrdlemisi nõrk. Nõud on olnud pajakujulised, kumera põhjaga. Ornament koosneb hõredatest sälgukestest ja lohukestest, jätab aga alles väljakujunemata mulje. Samalaadset keraamikat on Ida-Baltimaadel leitud veel ainult Narva-Riigiküla I ja III asulast ning asulast Narva linnas.

Kammkeraamika moodustab Akali leiumaterjalist suure osa. Kronoloogiliselt järgneb ta vahetult vanimale, primitiivsele keraamikale, kuid kõigi tunnuste järgi otsustades ei ole kammkeraamika viimasest välja arenenud siin, vaid on Akali asulasse toodud mujalt, uue nähtusena. Kammkeraamikat on asulas kasutatud umbes ühe aastatuhande jooksul, mille kestel temas on toimunud rida muutusi. Kammkeraamika varasemat arengujärku, nn. tüüpilist kammkeraamikat (tahv. XLIV : 8 — 11) iseloomustab ornamentikas rangelt läbiviidud vööndilisus koos tihti esinevate geomeetriliste kujunditega (kammijälgedest moodustatud rombid, kolmnurgad, siksak-jooned). Ülekaalus on kammivajutised, ainult harva tuleb ette üksnes lohkudega ilustatud kilde. Nõud on võrdlemisi tugevasti põletatud, nende savisse on segatud rohkesti kivipurdu. Kujult on nad kõik kumerapõhjalised.

Järk-järgult muutudes on kammkeraamika jõudnud oma hilisesse arengujärku (tahv. XLV : 8 — 14). Hiline kammkeraamika on valmistatud enamasti peenemast savist, ilma kivipurrulisandita. Põletus on nüüd mõnevõrra nõrgem. Ornamendi vööndiline struktuur on lagunemas, orneerimine on üldiselt muutunud lohakamaks. Kammijälgede kõrval on üha suuremal määral hakatud kasutama väikseid lohk- ja sälkvajutisi. Hilise kammkeraamika seas hakkab esinema üksikuid lameda põhjaga nõusid.

Kammkeraamika tarvitamisaja lõpuosas on asulasse ilmunud nöörkeraamika (tahv. XLV : 2), millele leidub täpseid vasteid Ida-Baltimaade sõjakirveste kultuuri kalmistutes. Nähtavasti ainult veidi hiljem on kultuurkihti ladestunud esimesed tekstiilijälgedega savinõutükid. Viimased pärinevad pommikujulistest nõudest (nagu tahv. XLVI:1), missugune nõutüüp oli sel perioodil levimas Baltimaadest ida pool asuvais metsavööndi osades. Varane nöörkeraamika on täiesti erinev asulas seni esinenud kammkeraamikast, mistõttu teda ei saa lugeda kohalikuks tooteks, vaid tuleb pidada suhtlemise tõendiks asulaelanike ja sõjakirveste kultuuri karjakasvatajate vahel. Seevastu hakati tekstiilkeraamikat juba varakult siinsamas asulas valmistama, kuigi tarvitusele tuli ta nähtavasti idapoolsetel eeskujudel.

Hilisem nöörkeraamika (tahv. XLV : 1, 3—6) on juba kohalik töö. Seda on valmistatud koos hilisema tekstiilkeraamikaga (tahv. XLV : 7). Mõlemat nimetatud keraamikaliiki on hakatud valmistama hulgaliselt, kuna kammkeraamika on tarvituselt kadunud. Ajajooksul on kujunenud uut tüüpi keraamika, mis on iseloomulik varasele metalliajale (tahv. XLVI : 2 — 6). Sellele keraamikale omaseks savinõutüübiks on lamedapõhjaline pott sirge või veidi

profileeritud kaelaga. Nõude välispinnad on kaetud kas sügavate riibetega või jämedakoelise tekstiili sissevajutustega. Mõnikord leidub savinõude kaelaosal hõredaltasetsevaid lohukesi või stambijälgi. Sama tüüpi keraamikat esineb rohkesti Eesti NSV territooriumi kindlustatud asulates ja kivikirstkalmetes, mis kuuluvad pronksiaja lõppu ja varasesse rauaaega.

Küttimis- ja kalastusvahendeid on Akali asulast leitud suhteliselt vähe. Kõige arvukama rühma nende hulgas moodustavad nooleotsad. Need on enamasti tulekivist ja omavad tavaliselt terav-ovaalset või piklik-rombilist kuju. Üksikute eksemplaridena esineb kolmnurkseid, kas sirge või nõgusa alusega nooleotsi. Mõned otsikud on tehtud luust, omades pajulehe- või koonusetaolist kuju. Vähesed asulast saadud heiteodaotsad on samuti terav-ovaalse kujuga; ainult kaks katkendit pärinevad teistsugusest tüübist, mis on kummalgi külgserval omanud teravat nukki ja lõppenud sirge alusega.

Luust harpuuniotstest on leitud vaid väikseid katkendeid. Nagu neist selgub, on harpuunide terad olnud võrdlemisi suured, tugevate, hõredalt asetsevate kiskudega ja päraotsas varustatud ühe või mitme auguga, harpuuniotsa varrega ühendava nööri jaoks. Ainult ühel ahinguotsal on väikesed kahepoolsed kisud.

Õngitsemisvahendeist tuleb mainida kolme katkendit liitõngedest. Peamiste kalastamisvahenditena on siin kahtlemata kasutatud võrke ja mõrdu. Asulast ongi saadud männikoorest võrgukäba katkend, mis hiljem on kahjuks hävinud. On võimalik, et kalavõrkude juurde on kuulunud ka mitmed kultuurkihist leitud kasetohust pullud.

Tunduvalt rohkem on asulainventaris mitmesuguseid toormaterjalide töötlemiseks määratud riistu. Arvukad on puidutöötlemiseks kasutatud talvad. Suurimaid eksemplare tuleb pidada lihtsateks silmata kivikirvesteks, mis on varre külge kinnitatud sidumise teel. Väiksemate eksemplaride hulgas esineb palju erinevaid tüüpe, muu hulgas mõningaid nn. vene-karjala tüübile lähedasi talbu kolmnurkja ristläbilõikega. Esineb ka õõnestalbu ja küüstalbu, mida on kasutatud õõnestatud puunõude valmistamisel. Kivitalbade kõrval on tarvitatud sarvest talbu ja kitsaid luupeitleid.

Nahatöötlemisriistadeks on olnud luust naasklid ja nõelad. Peale nende on asulast leitud mõningaid luuteravikke, mida nähtavasti tuleb ühendada võrkude kudumise ja parandamisega. Nii loomanahkade, puidu kui ka luu töötlemisel on kasutatud väikseid tulekivist valmistatud esemeid: kõõvitsaid, noakesi, puure ja uuritsaid. Nende tulekiviesemete koguarv ulatub tuhande lähedale. Tulekiviesemeid on valmistatud asulas eneses, nagu osutavad siit leitud arvukad töötlemisel maha langenud tulekivikillukesed ja nn. nukleused — tulekivitükid, millede küljest on ära löödud esemete valmistamiseks vajalikke laaste. Toormaterjal on toodud siia aga kaugemalt, sest Emajõe suudmeala lähemas ümbruses tulekivi ei leidu.

Kristalliinsetest kivimitest esemete esialgne töötlemine on toimunud tahumise teel, milleks on kasutatud löögikive. Lõplik vorm on esemetele antud lihvimise teel. Asulas esineb üle saja lihvimiskivide katkendi, mis pärinevad niihästi suurtest, sageli sõõrikujulise lihvimisjäljega plaatidest, samuti väikestest käeshoitavatest tahukividest.

Teatud esemed on omanud eeskätt kultuslikku otstarvet. Nende hulgas on rida väikeste skulptuuride katkendeid, nagu savist inimkujukesed, merevaigust linnupea ja luust loomapea. Rohkesti on asulaelanikud kandnud mitmesuguseid ripatseid-amulette. Viimaseid on valmistatud tavaliselt merevaigust, aga ka luust ja kivist. Merevaigust ripatsid on enamasti plaadikujulised ja on kandmiseks varustatud puurauguga. Väiksemal hulgal on leitud merevaigust rõngaid, V-kujuliselt puuritud auguga nööpe ja torukujulisi helmeid.

Asulast leitud luumaterjal kuulub eranditult metsloomadele ja kaladele. Tuleb aga märkida, et luu on säilinud ainult kultuurkihi vanimates horisontides. Kühmul, kus kultuurkiht on tekkinud asula olemasolu hilisemal järgul, ei ole säilinud ei luuesemeid ega töötlemata luid.

Emajõe suudmeala teine neoliitiline asula, Kullamägi, asetseb Akalist umbes 2 km kaugusel läänes, Emajõe luhal. Siingi paikneb asula südamik madala liivakühmu jõepoolsel nõlval, mida mööda asulapiirkond on järkjärgult nihkunud kühmu lae suunas. Ometi ei paikne Kullamäe asula vahetult jõe kaldal, nagu see on tavaline neoliitilistele küttide ja kalastajate asulatele, vaid jääb jõesängist vähemalt 120 m eemale, olles niiviisi oma asendilt teatavaks paralleeliks Kunda Lammasmäele. Asulast on aastail 1951—1952 läbi kaevatud üle 200 m², mis moodustab 2% selle kogupindalast.

Võrreldes Akaliga, on Kullamäe kultuurkiht mõnevõrra õhem ja sisaldab leide tunduvalt hõredamalt. Turbakate on kühmu nõlvale tekkinud alles hiljem, pärast asustuse lõppemist. Seetõttu ei ole siin olnud vajalikke tingimusi luumaterjali säilitamiseks ja peale mõnede põlenud luukildude on luuesemed ja loomaluud täielikult hävinud.

Kullamäe esemeline materjal on väga sarnane Akali leidudega. Tõenäoliselt on mõlemas asulas elanud lähedalt suguluses olevad kogukonnad, kusjuures asulad on pikemat aega eksisteerinud kõrvuti. Siiski ei ole mõlemad asulad tekkinud üheaegselt, vaid Kullamägi on saanud alguse märksa hiljem kui Akali. Nimelt puuduvad Kullamäel sellised leiud, mis iseloomustavad Akali kultuurkihi vanimat osa. Täiesti puudub siin primitiivne keraamika, mida Akalis kasutati enne kammkeraamika ilmumist; ka varajast, tüüpilist kammkeraamikat on Kullamäe inventaris väga vähe (tahv. XLIV : 12). Hilist kammkeraamikat esineb seevastu juba rohkesti. Võrdlemisi palju on Kullamäel varajast tekstiilkeraamikat (tahv. XLVI : 1), samuti on esindatud muudki keraamikatüübid, mis on omased Akali asula olemasolu hilisele järgule. Mõlema asula mahajätmine on toimunud nähtavasti korraga.

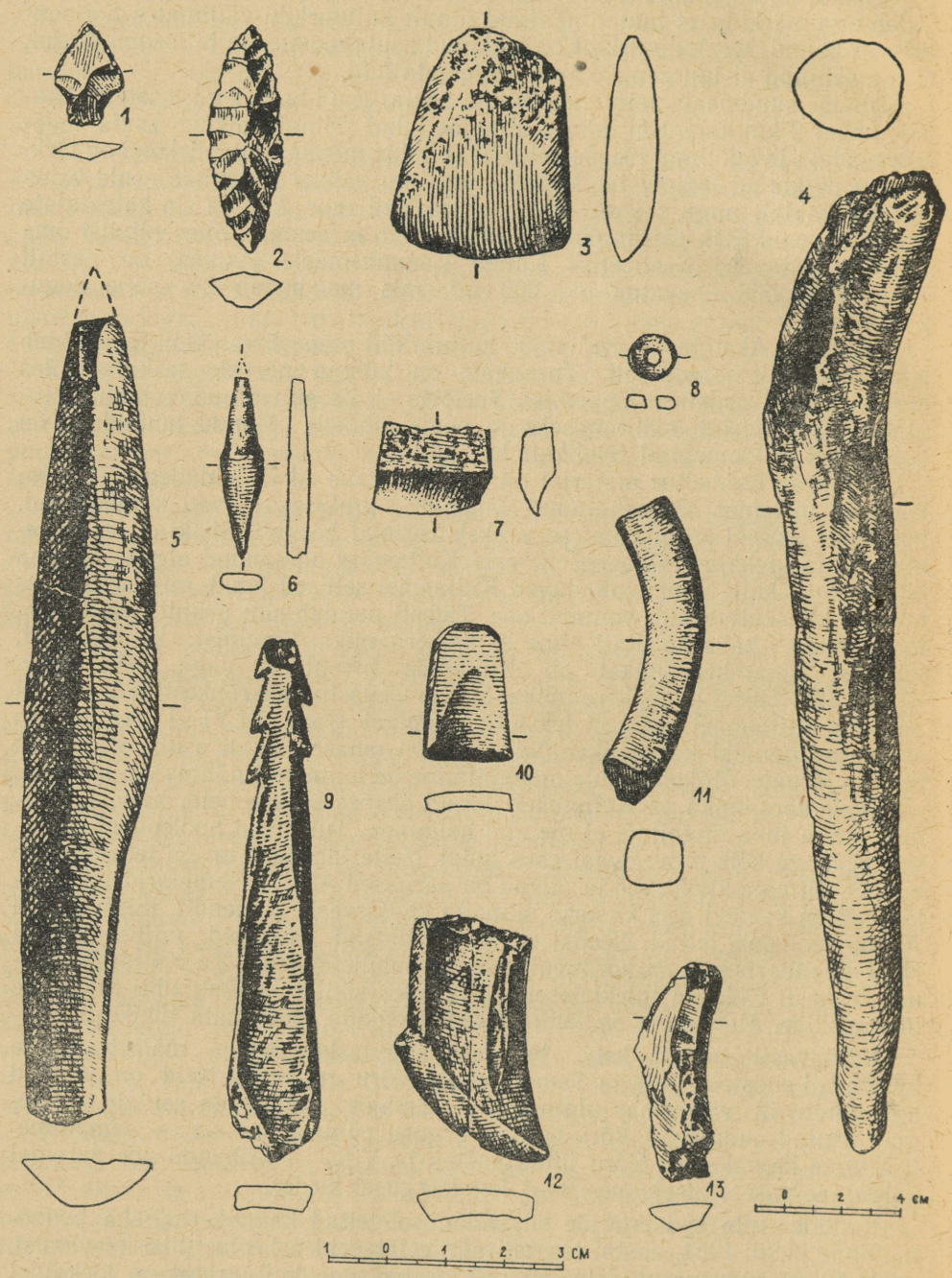
Peale keraamika on Kullamäelt leitud üksnes kiviesemeid, kuna luuesemed, nagu juba mainitud, ei ole alal hoidunud. Tulekivist nooleotsad kuuluvad peaaegu kõik terav-ovaalsesse tüüpi. Neile lähedane on lai lehekujuline odaots. Silmata kivikirved ja talvad on sarnased Akali eksemplaridega. Kullamäelt on saadud aga ka kaks silmaga kivikirveste katkendit, missuguseid Akalis seni pole leitud. Needki on olnud lihtsad töökirved, milliseid Eesti NSV territooriumilt on korduvalt saadud juhuleidudena. Ka Kullamäel esineb rohkesti väikseid tulekiviesemeid ja tulekivikilde. Küllalt tihti tuleb ette lihvimiskive. Merevaiku on leitud ainult üksikute töötlemata tükikestena.

Nähtavasti samuti kahe lähedase sugulaskogukonna mälestusmärke kujutavad enestest Villa ja Tamula asula Võru rajoonis. Neid on uuritud aga tunduvalt väiksemas ulatuses kui Emajõe suudmeala asulaid. Mõlemad asulad paiknevad Võru-Hargla ürgoru põhjas, Tamula — samanimelise järve kaldal, otse Võru linna vastas ja Villa — Võhandu jõe paremal kaldal, eelmisest otsejoones 3—4 km kaugusel kirdes.

Villa asula avastati jõe süvendamisel leitud kammkeraamika ja loomaluude järgi. 1951. aastal teostati siin esialgseid arheoloogilisi kaevamisi, avati 60 m² suurune pindala. 50—70 cm paksune kultuurkiht on jõekaldal kattunud turbaga. Jõest veidi eemal tõuseb maapind astanguna, ulatudes enam kui 2 m praegusest veetasemest kõrgemale. Astangul puudub turvas ja kultuurkiht algab vahetult kamara all.

Asula leiumaterjal on mitmekesine.[7] Erinevused avalduvad kõige selgemini keraamikas. Enamik savinõutükkidest kuulub kammkeraamika hulka.

[7] AI 2687 : 1 — 2; 3660 : 1 — 7; 4037 : 1 — 1489.



Joon. 51. Kivi- ja luuesemeid Villa asulast. 1, 2 — tulekivist nooleotsad; 3 — kivitalb; 4 — sarvest käepide; 5 — luust pistoda; 6 — luust nooleots; 7 — kiltkivist küüstalb; 8 — kiltkivist rõngake; 9 — luust ahingu katkend; 10 — kiltkivist õõnestalb; 11 — kiltkivist rõnga katkend; 12 — metsseakihvast nuga; 13 — tulekivist nuga (AI 4037 : 1240, 1442, 1287, 436, 1047, 1247, 16, 101, 1189, 183, 876, 1153, 1132).

Esineb varajasemat, tüüpilist kammkeraamikat, mis on ilustatud korralikult ja täpselt peale kantud vööndornamendiga (tahv. XLVII : 1 — 3, 5, 6). Tihti on neil savinõudel kammijälgedest moodustatud rombe, kolmnurki ja siksak-jooni. Savi sisaldab kivipurdu, põletus on võrdlemisi tugev. Teine osa kammkeraamikast on peene, urbse koostisega ja on põletatud nõrgemini. Ornament katab nõu pinda hõredamalt ja korratumalt, geomeetrilisi kujundeid peaaegu ei esine. Siin on ilmselt tegemist hilise kammkeraamikaga.

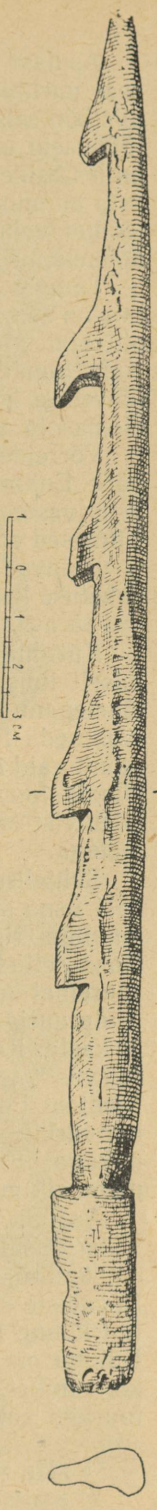
Asula jõepoolses vööndis leidub üksnes kammkeraamikat. Jõest kaugemal, astangul, tüüpilist kammkeraamikat kultuurkihis peaaegu enam ette ei tule, ka hilise kammkeraamika hulk väheneb. Siin hakkab esinema nöörkeraamikat. Osa kilde pärineb profileeritud kaelaga nõudest, mis on ilustatud kas «kuuseoksaornamendiga» või sälkudega varustatud mõikaga (tahv. XLVII : 9 — 11). Sellisele nöörkeraamikale leidub vasteid venekirveste kultuuri kalmistutes. Enamik savinõutükke vastab aga Emajõe suudmeala asulate hilisele nöörkeraamikale, omades nõrgalt riibitud pindu, millel mõnikord tuleb ette peeneid sissekriimustatud joonekesi (tahv. XLVII : 12). Asulas näib leiduvat veelgi hilisemaid savinõutükke, mis meenutavad Akali ja Kullamäe varase metalliaja keraamikat (tahv. XLVII : 8). Neid on aga senistel kaevamistel saadud vähe.

Nagu näitab eri tüüpidesse kuuluv keraamika ja selle mitmesugune stratigraafiline asend, on Villas elatud kaua, kusjuures siingi võib konstateerida Emajõe suudmealal nenditud nähtust — asulapiirkonna järkjärgulist eemaldumist jõest.

Ülejäänud asulainventari moodustavad peamiselt kivi- ja luuesemed (joon. 51, 52). Esineb tavalisi väikseid tulekiviriistu — terav-ovaalseid ja kolmnurkjaid nooleotsi, kõõvitsaid, noakesi, uuritsaid. Ka kivitalvad, mis sageli on valmistatud kiltkivist, on tihti väga väikeste mõõtmetega. Nende hulgas leidub õõnes- ja küüstalbu. Esineb kiltkivist rõngaid. Luueseemetest tuleb nimetada harpuuniotsa suurte hõredate kiskudega, kahepoolsete kiskudega ahinguotsa, saledat pajulehekujulist viskeodaotsa, lamedat koonusekujulist tüüpi nooleotsa, pistoda, metsseakihvadest noakesi, naaskleid ja mingi riista sarvest käepidet. Asulast leiti ka merevaigust ripatseid, nende seas üks V-kujuliselt puuritud auguga nööp.

Leitud luud kuuluvad kaladele ja metsloomadele. Koduloomadest on esindatud ainult koer. Seejuures tuleb tähendada, et luuaines ei ole säilinud jõest kaugemas asula osas, mille kultuurkiht on tekkinud asula olemasolu hilisel järgul.

Tamula asula paikneb järve kalda madalal neemel[8]. 30—40 cm paksune kultuurkiht asub tervenisti turbas. Teda katab 20—50 cm paksune kiht musta turvast, kuna vahetult kultuurkihi all asub pruun rohuturvas, millele umbes 1 m sügavusel järgneb järvekriit. Katteturvas on paksem asula kaldalähedases osas, järvest kaugemal muutub ta õhemaks.



Joon. 52. Luust harpuuniots Villa asulast (AI 4037 : 1490).

[8] Üksikasjalisemalt käsitleb Tamula asulat Л. Ю. Янитс, Новые данные по неолиту Прибалтики. CA, XIX, 1954, lk. 159—204.

Asulast on seni läbi kaevatud 62 m² suurune ala neeme tipul. Seni on seal uurimisi teostatud ainult katselises ulatuses, kuna laialdasemad uurimistööd seisavad lähemal ajal ees. Senised kaevamised paljastasid leeaseme jäänuseid umbes 1,5 m läbimõõduga sõreda liiva ja söeseguse laigu kujul, milles esines munakive. Leeaseme kõrval asus vertikaalselt maasse löödud vaia alumine ots. Kümmekond meetrit leeasemest eemal leiti veel viie maasse löödud vaia otsad. On võimalik, et viimased kujutavad enestest kerge kodaelamu jäänuseid.

Tamula asulas avastati ka matuseid. Nagu selgub haudade inventarist, mis on samalaadne asula muude leidudega, on surnud maetud asula olemasolu ajal. Maetud on madalale, kas otse kultuurkihti või vahetult selle alla. Kaks luustikku leiti selili väljasirutatud asendis, kolm laipa oli maetud põlvedest kõverdatud jalgadega, kuna kaks matust oli hävinud juba asula olemasolu ajal, nähtavasti liiga pinnalähedase matmise tõttu.

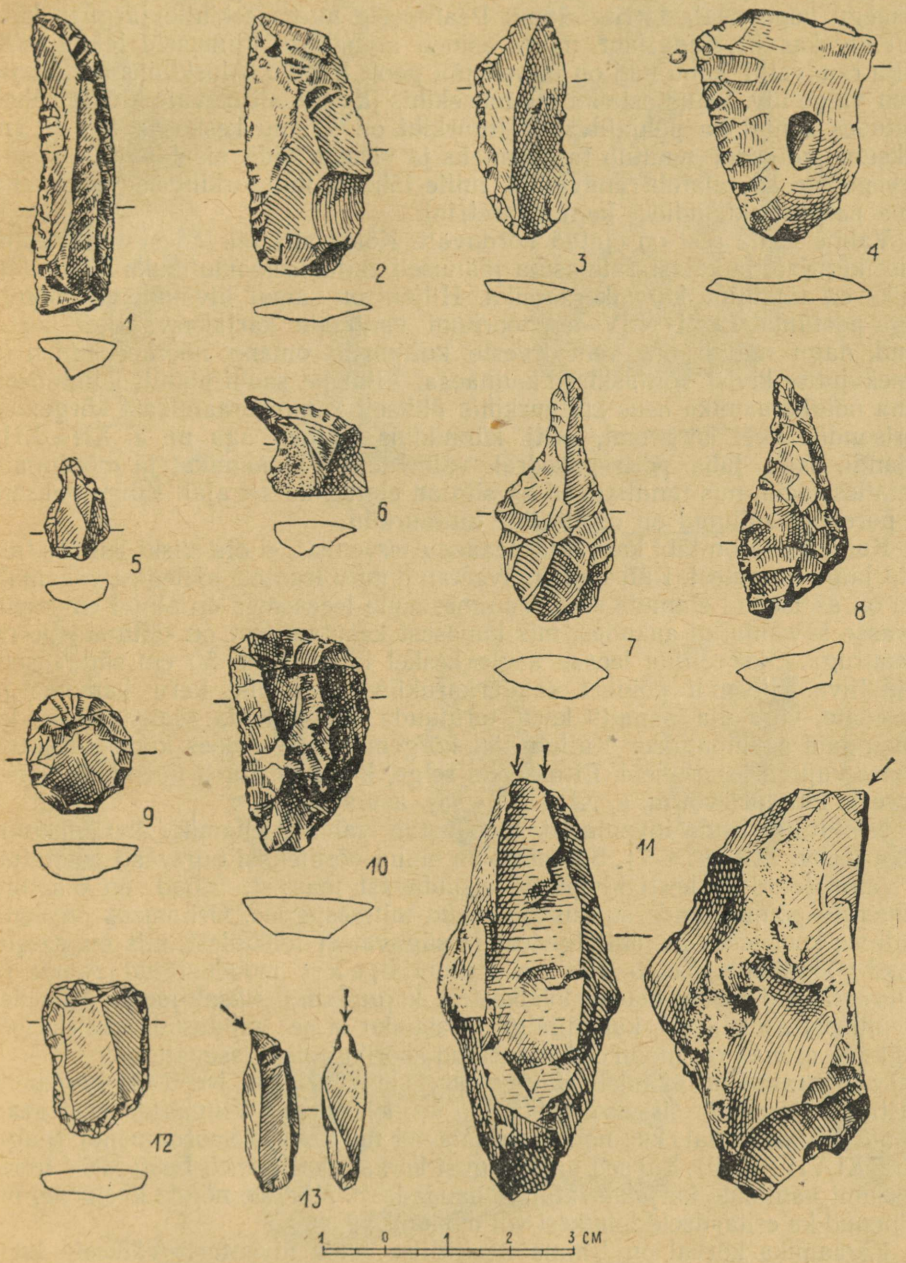
Võrreldes eespoolkirjeldatud asulatega on Tamulast keraamikat saadud vähe. Enamik savinõutükke kuulub hilise kammkeraamika hulka, sarnanedes Villa vastava keraamikaga. Osa savinõukilde pärineb aga nöörkeraamikast. Viimased erinevad teravalt asula muust keraamikast, mistõttu tuleb arvata, et vastavad nõud ei ole valmistatud Tamula asulas, vaid on siia sattunud vahetuse kaudu. Nöörkeraamikat leiti ainult kultuurkihi ülemises horisondis, kus ta asus kõrvuti hilise kammkeraamikaga.

Küttimisriistad, nagu noolte ja harpuunide otsad, on valmistatud peamiselt luust, mõned nooleotsad ka tulekivist. Kalastusvahendeist väärib tähelepanu metsseakihvast valmistatud õngekonks[9]. Asulale on iseloomulikud väikesed laiad ja lühikesed kiltkivist talvakesed, millede seas esineb mõningaid õõnesteralisi eksemplare ja tervelt kaheksa küüstalba. Esineb ka kitsaid luupeitleid. Nahatöötlemisriistadest tuleb nimetada luunaaskleid, tulekivist kõõvitsaid ja noakesi. Viimased on sageli väga väikeste mõõtmetega.

Suhteliselt palju on asulainventaris uskumustega seotud esemeid, milledest üsna suur osa saadi panustena luustike juurest. Nende hulgas peab mainima ripatsitena kantud väikseid luuplaatidest valmistatud skulptuure. Kaks sellist skulptuuri kujutavad inimest, nähtavasti meest — otsustades suuremal kujul selgesti äratuntavate vurrude ja habeme järgi[10]. Kolmanda skulptuuriga on tahetud kujutada mingi looma (tõenäoliselt põdra) pead ja kaela. Kahes ülejäänud kujukeses võib ära tunda veelinde, millest üks on seisvas[11], teine ujuvas asendis. Ripatseid on tehtud ka loomahammastest, peentest linnu toruluudest ja merevaigust. Merevaikesemed leiti eranditult kultuurkihi sügavamatest horisontidest, kus nad esinesid koos kammkeraamikaga. Kultuurkihi ülemistes horisontides, kus leidus nöörkeraamikat, merevaik puudus.

Aastail 1950, 1953 ja 1954 kaevati V a l m a asulat Viljandi rajoonis[12]. Valma asula paikneb Võrtsjärve loodekaldal, veidi järve ulatuval maanukil, ümbrusest natuke kõrgemal kühmul, mille idaosa liitub randvalliga. Kevadiste suurvete ajal on ümbruskond sageli üle ujutatud, ainult nimetatud kühm, nagu mäletavad kohalikud elanikud, on jäänud ikka kuivaks. Kühmu on pikemat aega kasutatud põlluna. Kündmisel on sealt leitud keraamikat, mida varem on esinenud suurte tükkidena. Seega algab kultuurkiht vahetult kamara all ja ta ülemised horisondid on 20—25 cm süga-

[9] Eesti NSV ajalugu. Tallinn 1952, lk. 6, joon. 4.
[10] Sealsamas, joon. 6.
[11] Sealsamas, joon. 5.
[12] Et Valma asula 1954. a. kaevamiste materjal on alles üksikasjaliselt läbi töötamata, siis on järgnevas arvestatud ainult nende kaevamiste peamisi tulemusi. Leiud — AI 3996 : 1 — 8; 4022 : 1 — 5727.



Joon. 53. Tulekiviesemeid Valma asulast. 1—4 — noakesed; 5—8 — teravikud ja puurid; 9. 10, 12 — kõõvitsad; 11, 13 — uuritsad (AI 4022 : 1983, 2161, 1509, 2939, 1349, 1977, 1756, 2416, 2867, 2468, 2001, 1544, 1707).

vuseni põllutöödel põhjalikult segatud. Kultuurkihi sügavamad osad on aga säilinud üldiselt puutumatult.

Kaevamistega on seni läbi uuritud 947 m² suurune pindala, mis hõlmab peaaegu kogu asula territooriumi. Pealmisele huumusekihile järgneb kühmul liivakas-kruusane kiht, milles esineb munakive. Viimaseid leidub eriti palju randvallil, kuhu nad on järvelt jää poolt kantud. Aluskihiks on kõikjal peen valge liiv. Leiud asuvad huumusekihis ja selle all olevate kivide vahel, ulatudes kohati ka põhjaliiva. Kultuurkiht on kühmu keskosas 40—50 cm paksune, nõlvadel muutub ta õhemaks ja vähem leide sisaldavaks. Asula järvepoolne äär ulatub randvallile, mille lähedal kultuurkiht saavutab suurima paksuse, küündides kuni 1 meetrini.

Valma asula alal on elatud korduvalt. Kõige alla on ladestunud neoliitilise küttijate ja kalastajate asula jäänused, mille iseloomulikuks leiumaterjaliks on tüüpiline kammkeraamika. Hiljem on samal liivakühmul mõnda aega peatunud Eesti NSV territooriumi vanimate karjakasvatajate kogukond, nagu näitab nn. venekirveste kultuurile omane nöörkeraamika ja venekujulise kivist võitluskirve kannaosa. Viimane saadi põllult kündmisel, kuna nöörkeraamika asus kultuurkihis üldiselt kammkeraamikast kõrgemas horisondis. Veel kõrgemal, eriti künnikihis, esines aga m. a. XII—XIII sajandi, osalt juba pottsepakedral valmistatud keraamikat ja mõningaid metallesemeid, mis tunnistavad, et siin on elatud ka sel ajal. Kõige paksem ja paremini säilinud on neoliitiline kultuurkiht.

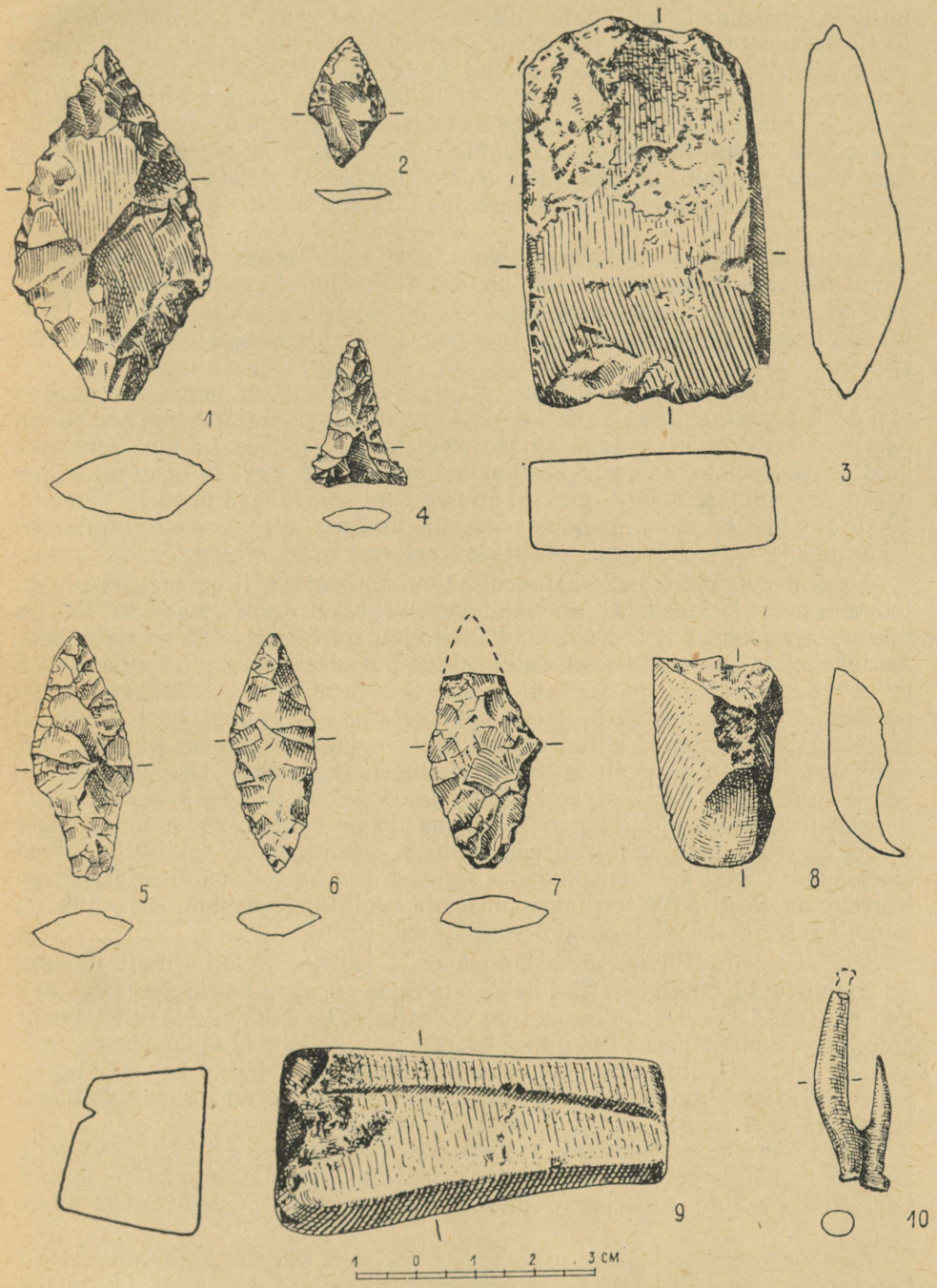
Kuigi asula on läbi kaevatud peaaegu tervenisti, ei ole siiski leitud otseseid jälgi elamutest. Küll aga on avastatud mitu leeaset, milledest vähemalt osa on asetsenud elamute sees. Vanima asula leeasemed on olnud enamasti liivasse süvendatud aukudes, mis kauasest kasutamisest on täitunud peene söepuruga. Üks selline leease asula keskel ulatus kuni 50 cm sügavuseni põhjaliiva. Süvendi põhjast saadi karukihva poolmik, karu hammas ja jämedate, võib-olla samuti karu toruluude katkendeid; sealsamas oli ka mõningaid savinõutükke. Kultuurkihi kõrgemas osas esines kividest laotud ümara kujuga leeasemeid. Ei ole veel selge, kas neid tuleb ühendada venekirveste kultuuri või m. a. XII—XIII saj. asulaga.

Neoliitilise asula inventarist moodustab valdava enamiku kammkeraamika (tahv. XLVII : 4, 7). Savinõud on olnud võrdlemisi tugevasti põletatud ja valmistatud rohkesti kivipurdu sisaldavast massist. Nõud on omanud kumeraid põhju, nende suurus on olnud mitmesugune. Ornament on üsna ühtlane, koosnedes kammijälgedest ja sügavatest lohkudest, mis on paigutatud vööndidena. Tuleb ette ka kammijälgedest moodustatud rombe ja kolmnurki või väiksematest lohukestest kujundatud siksak-jooni. Mõnedel savinõudel asendavad kammijälgi ridastikku sisse vajutatud soonekesed. Lohkude asemel on mõnikord kasutatud sõõrikujulisi sissevajutusi.

Nöörkeraamikat esindab väiksem arv savinõutükke. Need on sagedasti ilustatud teravalt sissekriimustatud soonekestega. Viimased asetsevad ainult nõu kaelaosal, kus nad moodustavad nn. kuuseoksaornamendi (nagu tahv. XLVII : 9, 10). Täpselt samasugust keraamikat esineb Eesti NSV territooriumi vanimate karjakasvatajate haudades[13]. Mõnede nõude kaelaosal on esinenud ka erilaadseid lohukesi või mõikaid.

Keraamika kõrval on Valma neoliitilise asula inventaris väikseid tulekiviesemeid: kõõvitsaid, noakesi, uuritsaid ja teravikke (joon. 53). Tulekivist noole- ja heiteodaotsad on enamasti kas terav-ovaalse või piklik-kolmnurkse kujuga, kitseneva rootsuotsaga (joon. 54 : 1, 2, 4—7). Esemete valmistamiseks on osalt kasutatud kohalikku tulekivi, mida leidub asula

[13] Vrd. Eesti NSV ajalugu kolmes köites. I kd., Tallinn 1955, joon. leheküljel 28 või Л. Яните, Позднеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, lk. 55, 57, joon. 15 : 5.



Joon. 54. Kivi- ja luuesemeid Valma asulast. 1 — tulekivist heiteodaots; 2, 4—7 — tulekivist nooleotsad; 3 — kivitalb; 8 — kiltkivist küüstalb; 9 — lihvimiskivi; 10 — luust kaheosaline õngekonks (AI 4022 : 2075, 1806, 2342, 1850, 1127, 1406, 2565, 1757, 2813, 2953/3034).

vahetus ümbruses. Lihvitud kiviesemetest tuleb nimetada mõningaid väikseid talbu, nende hulgas üht küüstalba (joon. 54 : 3, 8). Esineb ka lihvimiskive, enamasti küll katkenditena (joon. 54 : 9). Luuesemeid, nagu töötlemata loomaluidki, on säilinud vähe, peamiselt kultuurkihi sügavaimas horisondis. Leiti kümmekond katkendit õngekonksudest, mis enamasti näivad pärinevat kaheosalistest liitõngedest (joon. 54 : 10). Katkenditena on saadud kitsas peitel, rida naaskleid ja loomahammastest ripatseid. Sarvest on tehtud talb ja paar käepidet väiksemate riistade jaoks. Säilinud luumaterjal kuulub kaladele ja metsloomadele. Leidude seas ei puudu ka mõned merevaigutükid, muuhulgas V-kujuliselt puuritud auguga nööbid.

Asula äärel avastati kaks hauda. Surnud olid maetud selili ja kaetud ainult õhukese liivakihiga. Ühte hauda oli maetud keskealine mees, kelle pea alt leiti kaks luust loomakujukest, mida oli kantud ripatsitena. Teine luustik kuulus noorele naisele. Tema pea all oli merevaigust tehtud loomakujuke.

Neoliitiliste leidude poolest rikkal Saaremaal on ainsana uuritud Undva asulat, mis paikneb Läänemerre ulatuval Taganeeme poolsaarel Kingissepa rajoonis. Praegu on see koht merest umbes 1,5 km kaugusel, kuid on tõenäoline, et asula kasutamise ajal ulatus meri ta otsesesse lähedusse, sest viimase 4000 a. jooksul on maapind siin 12—13 m võrra tõusnud. 2000. a. paiku e. m. a. moodustas asula ümbrus alles omaette ligikaudu 1 km pikkuse saarekese, mis oli peasaarest eraldatud väinaga.

Tuiskliivasel mere poole alaneval nõlvakul, nähtavasti omaaegsel rannajoonel asuvat kultuurkihti on tunduvalt seganud tuule tegevus. Siit on pikema aja jooksul leitud üksikuid kivitalbu, tulekivikilde ja savinõutükke. Asulakohal ette võetud kaevamistel osutus peamiseks leiumaterjaliks keraamika.[14] Savinõutükid pärinevad enamasti õige suurtest kumera põhjaga nõudest, seina paksusega 1—2 cm, põhjaosas aga isegi kuni 3 cm. Savimass sisaldab rohkesti liiva, killud on kõvad ja suhteliselt tugevasti põletatud. Savinõude servad on pealt kitsad ja enamasti ilustamata. Ornamendis esineb korrapäratuid lohukesi, kammijälgi ja soonekesi, sissevajutused on aga nõrgad ja katavad pinda hõredalt, enamasti ühe või kahe vööndina allpool serva. Sageli esineb vertikaalseid motiive, peamiselt siksakjooni. Nõude sisepinnad, sageli ka välispindade alaosad, on kaetud riipimisjälgedega. Võrreldu na Eesti NSV territooriumi teiste neoliitiliste asulate keraamikaga omab Undva materjal tugevaid omapäraseid jooni.

Undvast leitud kiviesemete hulgas on 4 väiksemat talba, millest mõni on valmistatud kiltkivist. Üks neist on õõnsa teraga. Tulekiviesemeid esineb siin üsna vähe, selle asemel on kõõvitsate, kaabikute, noakeste, uuritsate jne. valmistamiseks kasutatud kvartsi jt. kohalikke kiviliike. Luuesemetest on säilinud ainult üks kitsas talb. Undvast on leitud ka mõningaid pudedaid merevaigutükikesi, mis näivad pärinevat Saaremaa rannikult, kus kohati vähesel hulgal esineb looduslikku merevaiku.

Nagu nägime, on uuritud asulate arv alles väike, eriti kui arvestada asjaolu, et kõigis neis ei ole elatud samal ajal. Asulate hulgas leidub nii varasemaid kui ka hilisemaid, mitmed neist on aga püsinud väga pikka aega.

Asulate suhtelise vanuse määramisel on suur tähtsus keraamikal, sest keraamikas toimusid kõnesoleval perioodil muutused kiiremini kui teistel materiaalse kultuuri aladel. Kõige paremini on keraamika arenemist, eri keraamikatüüpide suhtelist vanusejärjekorda, võidud seni jälgida Emajõe suudmeala asulatel, Akalis ja Kullamäel. Nende materjalide alusel on või-

[14] AI 2491 : 1—5; 3822 : 8, 9; 3951 : 1—455.

malik dateerida ka teisi asulaid. Absoluutseid aastaarve võime nii kauge mineviku kohta kohaldada aga alles väga umbkaudselt.

Ühenduses asulate dateerimisega on vaja märkida, et Narva-Riigiküla asulate suhtelise vanuse määramisel lähevad mainitud asulate uurija N. N. Gurina ja käesoleva kirjutise autori seisukohad lahku. N. N. Gurina peab Narva-Riigiküla I ja III asulas esinevaid, teokarpide purdu sisaldavast savist, vähese ornamendiga nõusid tüüpilisest kammkeraamikast hilisemaks[15]. Ta lähtub sealjuures Narva-Riigiküla eespoolmainitud keraamika sarnasusest teatavaist hilistest leiukohtadest pärineva keraamikaga. Kuna aga mainitud liiki keraamika asetseb Akali ja Narva linna asulate kultuurkihis tüüpilisest kammkeraamikast sügavamal, siis on käesoleva kirjutise autor seisukohal, et see primitiivne keraamika on olnud kasutusel enne tüüpilist kammkeraamikat.

Vastavalt sellele tuleb vanimateks seni uuritud neoliitilisteks asulateks Eesti NSV territooriumil pidada Akalit, Narva ja Narva-Riigiküla I ning III asulat, kust leiti eespool kirjeldatud primitiivset, vähese ornamendiga keraamikat. Need asulad võiksid kuuluda III aastatuhande esimesse poolde ja keskpaika e. m. a. Kohe pärast seda on Eesti alale ilmunud tüüpiline kammkeraamika, mis on nähtavasti siin tarvitusel olnud peamiselt III aastatuhande teisel poolel. Tüüpilist kammkeraamikat on saadud reast asulatest. Elu on sel ajal jätkunud Akalis, Narva ja Narva-Riigiküla I asulas, kuna uutena on rajatud Narva-Riigiküla II, Jägala, Valma, Villa ja Kullamäe asulad. Hiline kammkeraamika pärineb tõenäoliselt II aastatuhande esimesest poolest. Nagu näitab selle esinemine Akali, Kullamäe, Jägala ja Villa asulates, on need püsinud ka sellel ajal, kuna Narva jõe äärsetes asulates ja Valmas näib asustus olevat katkenud. Uutena on aga tekkinud Undva ja Tamula asulad. Tõenäoliselt kuulub sellesse ajavahemikku ka Kunda neoliitiline asula, samuti võib-olla ka Kroodi.

Hilise kammkeraamika kasutamisaja lõppjärgul on Eesti NSV alal hakanud esinema nöörkeraamikat, mida tuntakse kalmistutest, samuti Valma asulast, kus sellal on lühemat aega uuesti olnud elanikke. Väheste kildudena on nöörkeraamikat leitud ka mõnedest teistest asulatest. II aastatuhande keskpaiku näib kammkeraamika valmistamine olevat lakanud. Ühtlasi paistab elu olevat lõppenud mitmel senisel asulal, nagu Jägalas ja Undvas.

II aastatuhande teise poole asulates kohtame uusi keraamikatüüpe — hilist nöörkeraamikat, tekstiilkeraamikat ja riibitud pinnaga keraamikat. Mõningal määral on ajaliselt veel sellesse ajajärku ulatunud Tamula ja Villa asula; on võimalik, et ka Narva-Riigiküla I asula territooriumil on lühemat aega uuesti olnud elanikke. Kuni aastatuhande lõpuni on seni teadaolevail andmeil püsinud nähtavasti ainult Akali ja Kullamägi. Viimastes on elu kestnud ka veel I aastatuhande algupoolel e. m. a., millal siin on tarvitatud juba varasele metalliajale iseloomulikke keraamikaliike[16].

Seega haaravad kõnesolevad asulad ümmarguselt kahe aastatuhande pikkust ajavahemikku. Arvestades Eesti NSV territooriumil elanud hõimude majanduse ja kultuuri üldist arenemist, võime selle ajavahemiku jagada kahte suuremasse perioodi. Neist esimene, III aastatuhat ja II aastatuhande algus, kuulub täielikult neoliitikumi, millal Eesti ala rahvastik elatus küttimisest ja kalastusest ning taimtoidu korjamisest. Teine periood, alates umbes II aastatuhande teisest veerandist ja lõppedes I aas-

[15] Vt. N. N. Gurina artiklit käesolevas kogumikus.

[16] On võimalik, et I aastatuhandeni e.m.a. on püsinud ka mõned teised asulad, näiteks Villa. Neid asulaid on seni uuritud aga liiga väikeses ulatuses, mis raskendab nende kestuse määramist.

tatuhande esimesel poolel e. m. a., kuulub hilisneoliitikumi ja pronksiaega. Sellel ajal levisid siin endiste elatusharude kõrval koduloomade kasvatamise ja maaharimise alged.

Nagu nägime, eksisteeris enamik seni teadaolevatest asulatest esimesel perioodil. Kahjuks on seni ainult vähesed nendest asulatest läbi uuritud küllaldases ulatuses. Seetõttu on alles vajalikul määral selgitamata niisugused tähtsad küsimused, nagu elamute hulk, suurus ja kuju, aga koos sellega ka perede arv ja suurus asulates, kogukonnaliikmete kooseluviis ja terve rida nimetatud asjaoludega seoses olevaid ühiskondlik-majandusliku arengu küsimusi. Siiski lubavad olemasolevadki andmed teha mõningaid järeldusi siinse rahvastiku eluviisi kohta.

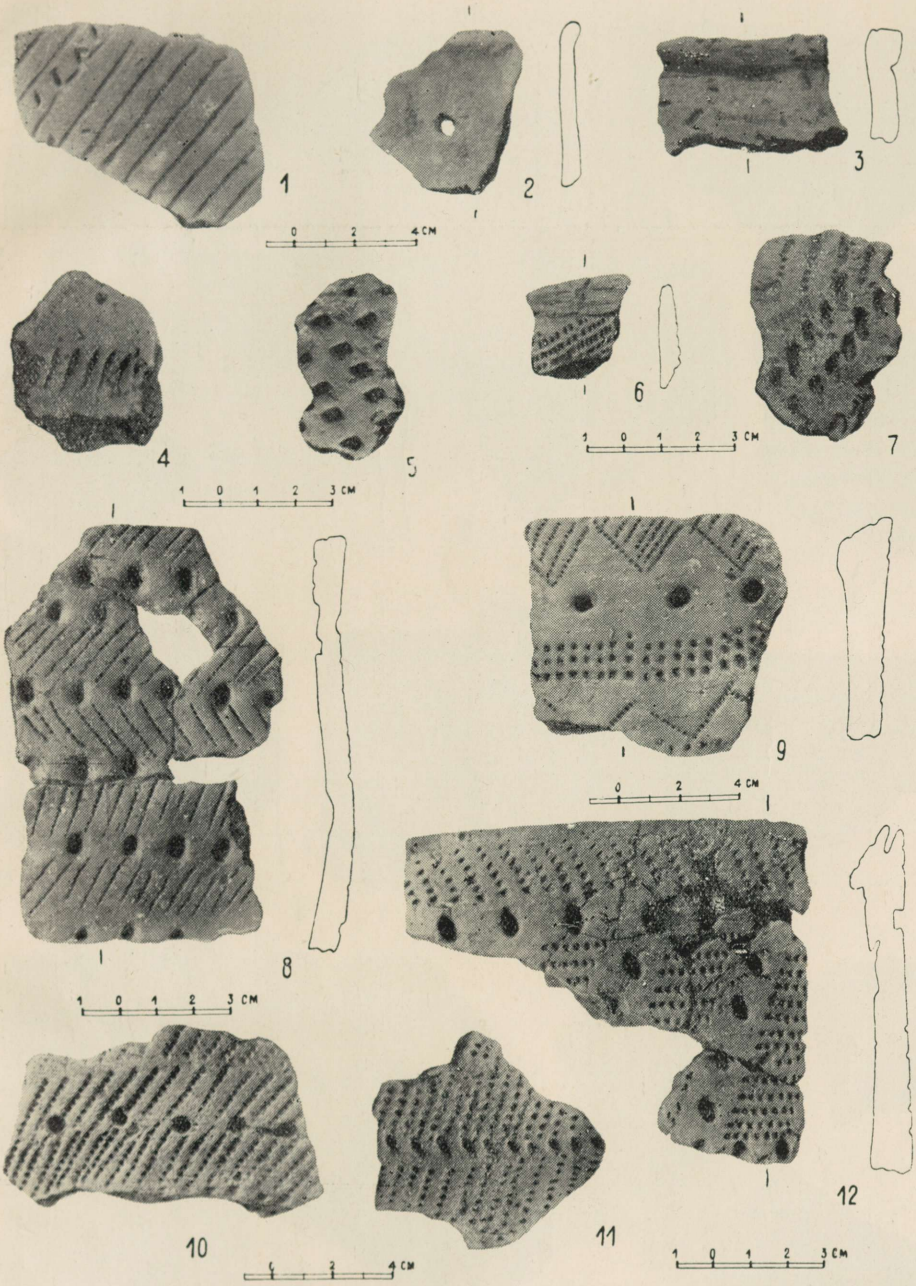
Asulate pindala ei ole olnud kuigi suur. Väiksemad asulad, nagu näiteks Valma, on hõlmanud ainult 1000—2000 m². Ka suuremate asulate, näiteks Akali, pindala ei ole küündinud üle 5000—7000 m², arvestades asjaolu, et asula kogu territooriumil ei ole elatud samaaegselt. Seejuures on nimetatud pindalade juurde arvatud ka asulate äärealad, kus ei olnud elamuid. Elukojad asetsesid kahtlemata peamiselt asula keskosas, kuhu on moodustunud kõige paksem ja kõige tihedamalt leide sisaldav kultuurkiht. Elamutena on kasutatud nähtavasti võrdlemisi kergeid püstkoja taolisi ehitisi, mis enamasti ei ole enestest jätnud märgatavaid jälgi. Mõnedes asulates, nagu Narva-Riigiküla I, on võidud konstateerida veidi maasse süvendatud põhjaga kodade aluseid.

Elamute arvu ei ole andmete puudulikkuse tõttu selgitatud veel üheski Eesti NSV territooriumi asulas. Nagu on näidanud samalaadsete neoliitiliste asulate uurimised Volga ülemjooksu piirkonnas ja mujal NSV Liidu metsavööndis, on niisugustes asulates võinud olla keskmiselt kümmekond elamut. On arvatud, et igas sellises asulas on elanud keskmiselt 50 täiskasvanud inimest[17]. Elanike arv võis muidugi väga suuresti kõikuda ja oli eri asulates kahtlemata erinev. Kui näiteks Akalis võis inimesi elada märgitud arvust isegi rohkem, siis Valmas oli nende hulk tõenäoliselt väiksem, piirdudes võib-olla paari-kolmekümne töövõimelise kogukonnaliikmega.

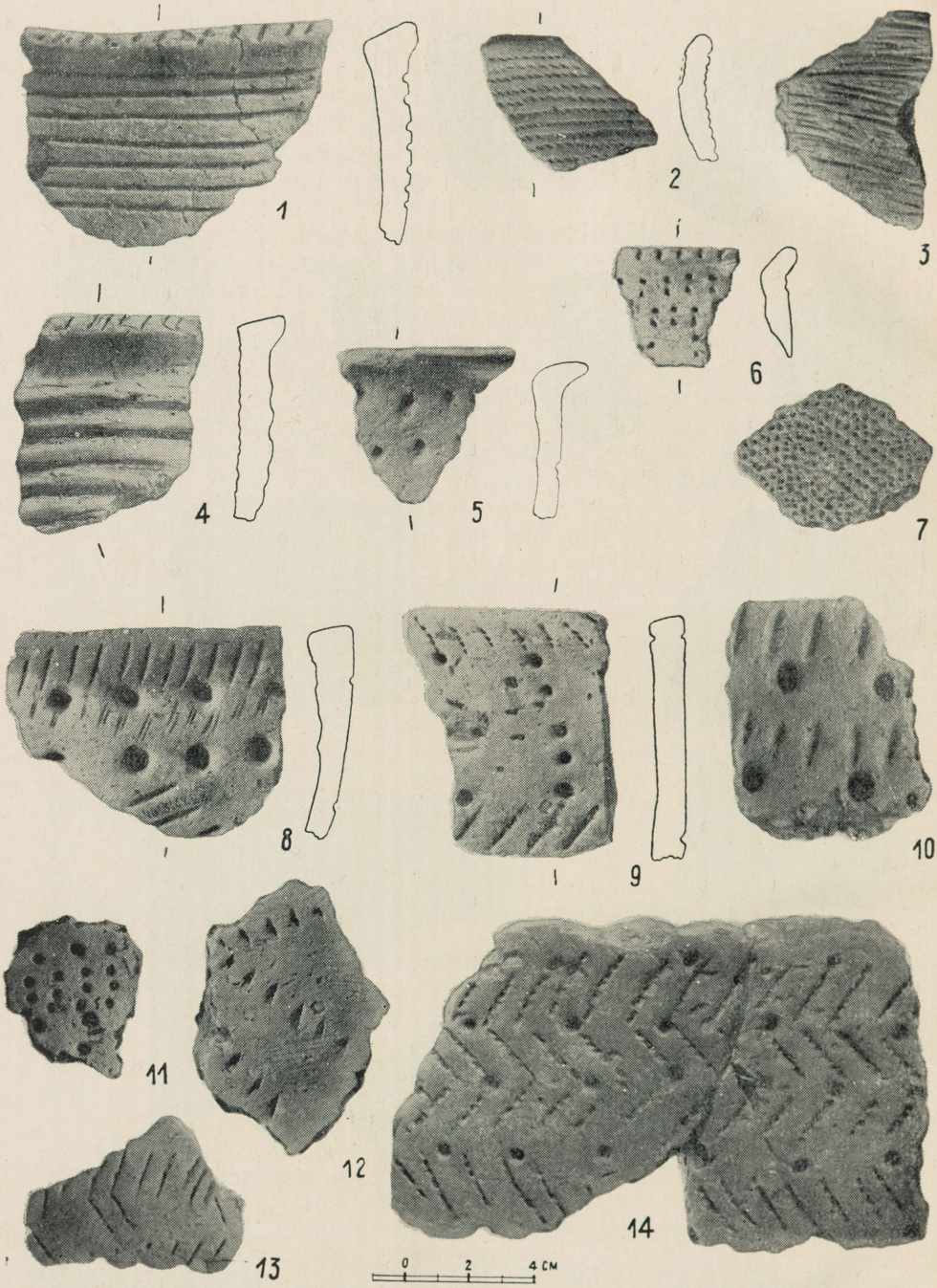
Hoolimata oma väiksusest on meie neoliitilised asulad olnud väga püsivad. Enamikus neist on elatud pidevalt, mitme sajandi jooksul, mõnedes, nagu Emajõe suudmeala asulates ja nähtavasti Villas, võib asustuse kestust arvestada isegi aastatuhandetega. Neis asulates on põlvest põlve elanud väikesed sugukondlikud kogukonnad. Asulaid ümbritsevaid alasid on nad kasutanud oma põliste jahimaadena ja kalastusvetena. Selleks, et saagist ära elada, pidi iga kogukond valdama küllaltki suurt küttimis- ja kalastuspiirkonda. Seetõttu asetsesidki asulad või asulate rühmad üksteisest tavaliselt üsna kaugel ja nende vahele jäi rohkesti asustamata alasid.

Asulate rühmitumine lubab järeldada, et lähedas suguluses olevad kogukonnad on elanud ka territoriaalselt ligistikku, moodustades algelise hõimu või fratriaalse sugukondade rühma. Niisuguseid asulate rühmi on võidud konstateerida Narva jõel (Riigiküla ja Narva linnas), Emajõe suudmealal (Akali ja Kullamägi) ja Tamula järve — Võhandu jõe piirkonnas (Villa ja Tamula). Narva jõe rühmaga näib veel liituvat Leningradi oblasti territooriumil Luuga jõgikonnas paiknev Lommi asula. Tõenäoliselt on ka Valma, Undva ja teiste neoliitiliste asulate naabruses olnud muid samasse perioodi kuuluvaid asulaid, kuid neid kas ei ole seni avastatud või on nende jäänused täiesti hävinenud. Samuti on tõenäoline, et me ei tunne veel kõiki eespool nimetatud rühmadesse kuulunud asulaid. Siiski on juba praegu selge, et neoliitiliste asulate rühmad on olnud väikesed ja asunud üksteisest

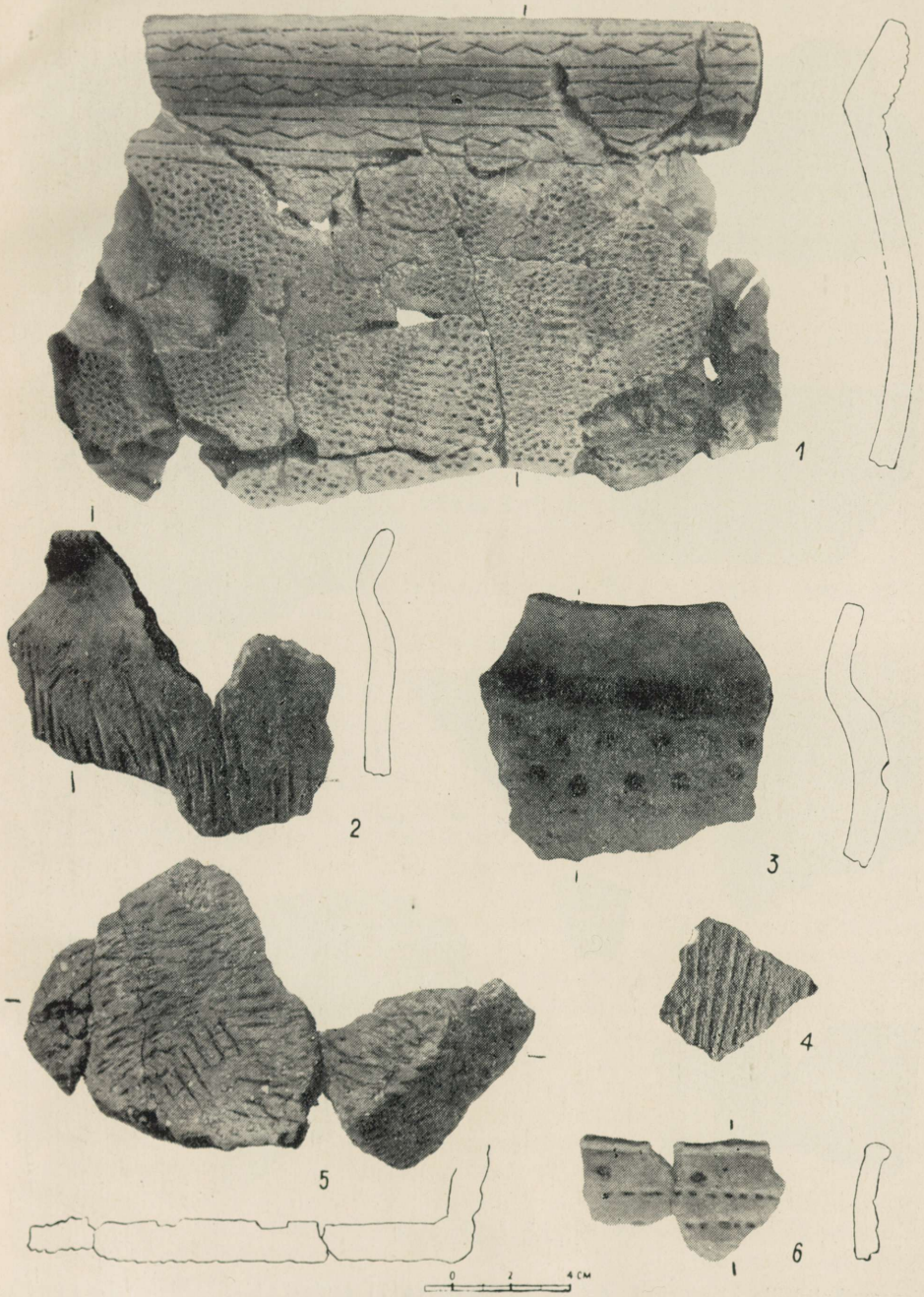
[17] П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 106, М.—Л. 1935, lk. 112, 136.



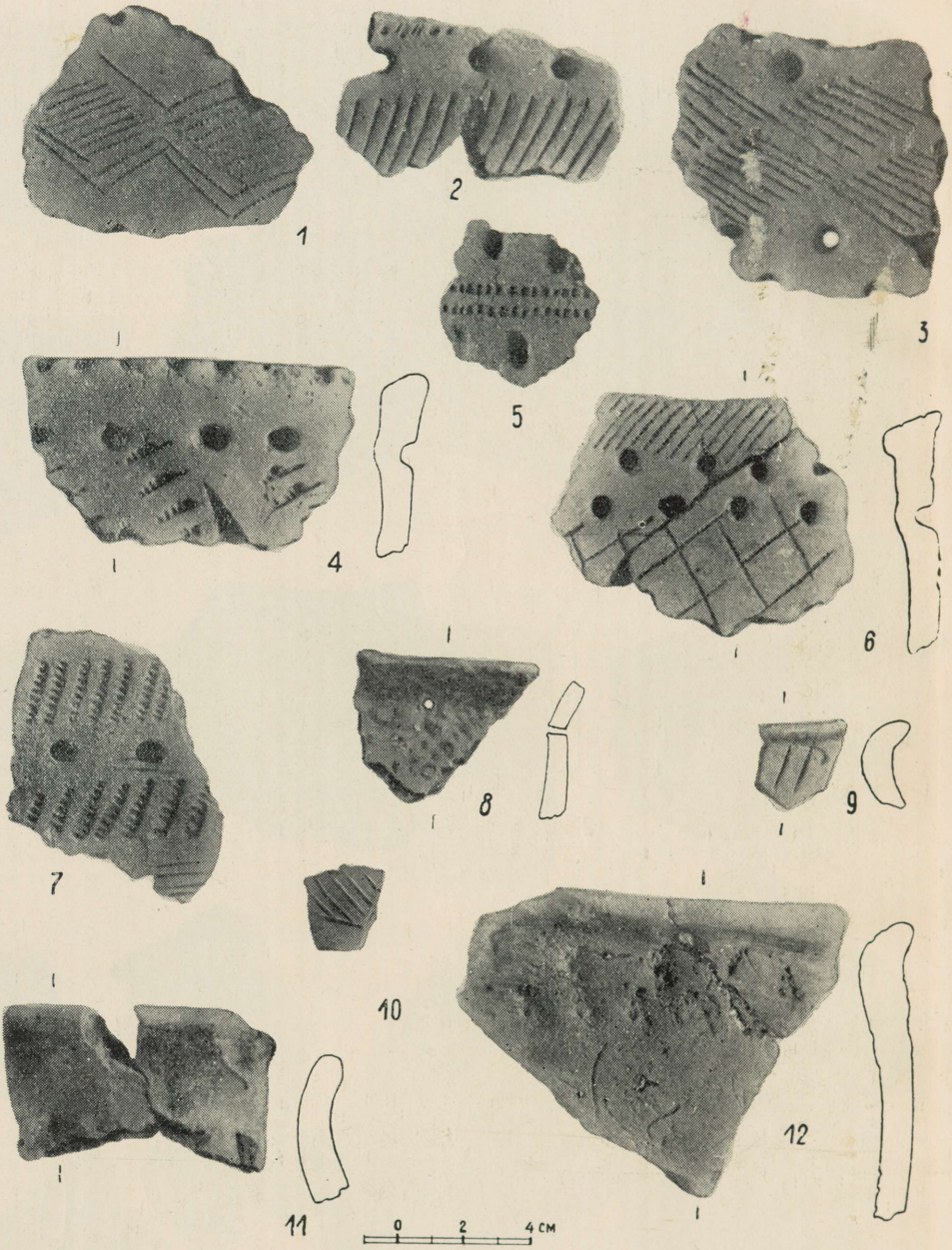
Keraamikat Akali (1—11) ja Kullamäe (12) asulast. 1—7 — primitiivne keraamika, 8—12 — tüüpiline kammkeraamika. (AI 3800 : 383, 468; 4013 : 448; 3800 : 501, 363, 110; 4013 : 499, 5844, 4917, 6407, 5296; 4045 : 121).



Keraamikat Akali asulast. 1—6 — nöörkeraamika; 7 — tekstiilkeraamika; 8—14 — hiline kammkeraamika. (AI 4013 : 2616, 34, 7103, 1014, 2160, 1946, 6017, 6828, 3156, 6587, 7712, 5351, 3878, 3355/3359).



Keraamikat Kullamäe (1) ja Akali (2—6) asulast. 1 — varane tekstiilkeraamika; 2—6 — varase metalliaja keraamika. (AI 4045 : 1109; 4013 : 2561/2562; 3661 : 116; 4013 : 2576, 1930/1938, 6914).



Keraamikat Villa (1—3, 5, 6, 8—12) ja Valma (4, 7) asulast. 1—7 — kammkeraamika; 8 — varase metalliaja keraamika; 9—12 — nöörkeraamika. (AI 4037 : 342, 1311, 1357; 4022 : 1062; 4037 : 849, 321/438; 4022 : 728; 4037 : 573, 881, 1474, 568/638, 837/1010).

eemal, enamasti eri vesikondades. Vastavalt sellele tuleb pidada väikesteks ka selle aja algelisi hõime. Iga hõimu on naabritest eraldanud looduslikud piirid — tihedad metsamassiivid, ulatuslikud sood või suuremad veekogud. Nagu näitavad tähelepanekud algeliste rahvaste juures, on need vahealad olnud asustamata ega kuulunud ühelegi hõimule.

Meie neoliitiliste asulate elanikud on elatunud peamiselt kalastusest ja küttimisest. Seda tõendab asulatest leitud luumaterjal, mis kuulub metsloomadele ja kaladele. Sama kinnitavad ka asulate inventaris esinenud küttimis- ja kalastusvahendid: noolte, odade, harpuunide ja ahingute otsad, võrkude jäänused ja nende valmistamiseks kasutatud riistad ning õngekonksud. Mõlema põhilise elatusala kõrval on teatav tähtsus olnud ka looduses kasvava taimtoidu, linnumunade, tigude jms. korjamisel. Koduloomade ja viljakasvatuse kohta puuduvad neoliitikumi esimese perioodi asulates seni igasugused märgid. Ainsaks koduloomaks oli koer, kes abistas inimest küttimisel.

Kalastusele ja küttimisele osutab ka asulate asend. Asulad paiknevad nimelt ikka veekogude kaldail, hoidudes otse vee äärde ja ainult pinnase liigne niiskumine või üleujutused võisid neid mõnedel juhtudel veepiirist veidi kaugemale tõrjuda. Elamine vahetult vete ääres on aga väga tüüpiline just küttide ja kalastajate kogukondadele, nagu on näidanud nii arheoloogide kui ka etnograafide poolt tehtud laialdased tähelepanekud. Veekogud, eriti jõed, olid neoliitilistele asukatele ka peamisteks liiklusteedeks. Paatides sõitsid nad jahi- või kalastusretkedele ning tõid saagi koju. Vett mööda peeti ühendusi ka lähimate naaberasulatega ja naaberhõimudega. Vilja- ja karjakasvatamisega tegelevad hõimud on seevastu eelistanud asuda kõrgematel ja kuivematel aladel.

Kuigi kalastus on seega olnud neoliitiliste asulate elanike üheks peamiseks elatusalaks, on kalastusriistu neis asulates leitud siiski suhteliselt vähe. See asjaolu ilmneb eriti selgesti, kui neoliitiliste asulate inventari võrrelda mesoliitiliste leidudega. Kui näiteks Kunda Lammasmäe mesoliitilises asulas on ahing tähtsaimaks kalastusvahendiks, esinedes suure hulga eksemplaridena, siis neoliitilistes asulates on ahingute arv täiesti tühine. Akalist, Villast, Tamulast ja teistest asulatest, kus luuaines on säilinud, on leitud ainult üksikuid ahingute katkendeid. On selge, et ahingupüük on siin kaotanud selle tähtsuse, mida ta omas mesoliitilistes asulates, ja on asendunud teiste püügiviisidega. Neoliitikumile iseloomulikeks kalastusvahendeiks tuleb pidada mitmesuguseid püüniseid: võrke, mõrdu ja nendega ühenduses kasutatavaid kalatõkkeid. Nimetatud püügivahendid nõudsid organiseeritud kollektiivset tööd, kuid andsid ka rikkalikumat saaki. Võrgu kasutamise kohta neoliitikumis pakuvad otseseid tõendeid Kroodi ja Narva-Riigiküla I asula võrgukivid ning Akali männikoorest võrgukäba. Et võrgupüük, kuigi vähemarenenud kujul, oli tuntud juba varem, seda tunnistab õnnelik leid Siivertsist Narva jõe vasakul kaldal, otse Narva linna juures. Sealt leiti 3 m paksuste turbakihtide alt koos mõnede luuesemetega männikoorest võrgukäba ja primitiivne võrgukivi viimase ümber mähitud taimekiududest nööri jäänustega. Leidu on dateeritud V aastatuhandesse e. m. a., seega hilisesse mesoliitikumi. Neoliitikumis on tegemist täielikumate võrkpüünistega ja nagu näitavad leiud naaberaladelt, eriti Karjala-Soome NSV territooriumilt[18], on need olnud nüüd üldiselt levinud. Individuaalset püügivahendit, ahingut, on kasutatud nähtavasti peamiselt kevadiste suurvete ajal, millal ahingupüük oli kõige tulemusrikkam. Siis on ahingutega raiutud suuri sägasid ja hauge, kelle luud on asulates kõige paremini säilinud. Õngitsemine ei ole aga oma tagasihoidliku saagi tõttu tõenäoliselt kunagi

[18] Н. Н. Гурина, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, lk. 82, 105—107, 119; joon. 6 : 1; 19 : 9, 10.

omanud suuremat majanduslikku tähtsust. Õngega püüti võib-olla eeskätt talvel jääaukudest. Säärasele püüdmisviisile näib osutavat ka kiviaja õngekonksude kuju — enamasti on need jämeda, otse kui väikese kala taolise tüvega ja kisuta konksuosaga, sobides kõige paremini tänapäeva «sikuska» laadi püügiriistale.

Küttimisriistu esineb asulates üldiselt rohkem kui kalastusvahendeid. Ülekaaluka osa moodustavad nende hulgas nooleotsad; odade ja harpuunide otsikuid on seevastu märksa vähem. Seega on vibu olnud neoliitilise küti tähtsaks relvaks. Mitmesuguse kuju ja suurusega nooleotsad osutavad sellele, et eri loomaliikide jahil on tarvitatud spetsiaalseid nooli. Kahtlemata kasutati küttimisel ka püüniseid, lõkse, püügiauke jne., kuid kuna kõik need seadeldised paiknesid asulatest eemal, siis ei ole neist leitud mingeid jälgi. Peamiseks jahiloomaks on olnud põder, kelle luid leidub kõige arvukamalt igas asulas, kus luumaterjal on alal hoidunud. Teiste kütitavate loomade seas olid tähtsamad ürgveis, metssiga ja kobras. Muude metsloomade luid esineb asulates väga vähesel hulgal. Ainult karusnaha saamiseks kütitud loomade luud ei sattunud enamasti asulakohale, kuna nende korjused jäeti tavaliselt metsa.

Küttimisest ja kalastusest elatuvatele kogukondadele on üldiselt omane matriarhaalne ehk emajärgne sugukondlik kord. Võib oletada, et ka meie neoliitiliste asulate elanikud on elanud matriarhaalsete sugukondadena nagu NSV Liidu metsavööndi teistegi osade rahvastik. Igal sugukondlikul kogukonnal oli ühine majapidamine, mille eest hoolitsesid kogukonna kõik töövõimelised liikmed vastavalt looduspärasele tööjaotusele. Mehed tegelesid kalapüügi ja küttimisega ning selleks vajalike tööriistade valmistamisega. Naised korjasid taimtoitu, hoolitsesid kodu ja laste eest, valmistasid toitu ja kehakatteid ning säilitasid toiduvarusid, kui neid rikkalikuma saagi puhul õnnestus soetada. Kõiki sugukonnaliikmeid, nii mehi kui ka naisi, loeti võrdseteks, neil olid võrdsed õigused ja kohustused. Abielu sama sugukonna liikmete vahel oli keelatud. Seetõttu abielluti tavaliselt samasse hõimu kuuluvate naabersugukondade liikmetega. Et naisel oli tähtis koht majanduses ja kuna lapsed olid lähemalt seotud emaga, siis arvati laste sugukonda kuuluvust mitte isa, vaid ema järgi. Vastavalt sellele ja juba ammu väljakujunenud tava kohaselt loeti kogu sugukonda põlvnevaks ühisest esiemast.

Iga kogukond muretses endale ise kõik, mis eluülalpidamiseks oli vajalik. Kuna tootmise madala taseme tõttu ei tekkinud varade ülejääke ja kuna kõigis kogukondades toodeti samasuguseid produkte, siis ei saanud veel kujuneda korrapärast vahetust kogukondade vahel. See ei tähenda siiski vahetuse täielikku puudumist. Asulates leidub esemeid, mis on valmistatud nende asulate lähemas ümbruses mitteesinevatest toormaterjalidest. Niisugusteks materjalideks on tulekivi, teatud kiltkiviliigid ja merevaik. Seega on vahetatud just selliseid tooraineid (ja neist valmistatud esemeid), millede esinemine looduses on piiratud ja mis seetõttu ei ole olnud kättesaadavad kõigile kogukondadele. Kuid nendegi ainete vahetus on kandnud nähtavasti alles võrdlemisi juhuslikku laadi, kusjuures vahetatavad kogused on olnud väikesed. Nii on Eesti NSV territooriumi asulates tulekivist valmistatud üksnes nooleotsi, kõõvitsaid, noakesi ja muid pisikesi esemeid ning ainult harva tuleb ette odaotsi. Seevastu piirkondades, kus tulekivi leidub rohkesti, näiteks Valdai kõrgustikul, on sellest materjalist tehtud arvukalt ka suuri kirveid ja talbu. Kiltkiviriistadest esineb asulates ainult väikseid talbu ja ehterõngaid, Karjala-Soome NSV territooriumil aga on kiltkivi üheks peamiseks kiviriistade materjaliks, millest on valmistatud suuri kirveid, kirkasid jm. riistu, isegi odaotsi. Samuti leidub Eesti ala asulates merevaiku tunduvalt vähem kui Läänemere kaguranniku asulates, kus merevaiku esineb massiliselt nii töödeldud kui ka toorel kujul.

Ilmselt on vahetus kõnesoleval ajal olnud õige piiratud ja juhuslik, toimudes ainult lähimate naaberasulate vahel. Vahetatavaid esemeid ja materjale on antud edasi kogukonnalt kogukonnale. Kuigi mõningatel juhtudel on üksikud esemed niiviisi «rännanud» õige pikki vahemaid, on selliseid esemeid üldiselt siiski vähe ja mida kaugemale lähtekohast, seda harvemini tuleb neid ette. Seda nähtust võib konstateerida ka Eesti NSV suhteliselt väikesel territooriumil. Nii esineb siin merevaiku küllalt rohkesti lõunapoolsetes asulates: Tamulas, Villas ja Akalis, kuna Põhja-Eesti asulatest on leitud vaid üksikuid merevaikesemeid. Tulekivi poolest on suhteliselt rikkamad Eesti NSV territooriumi idaosa asulad, seevastu Undvast Saaremaal on saadud ainult mõningaid tulekiviesemeid ja -kilde. Üksnes kiltkivi näib siin olevat levinud ühtlasemalt. Meie asulate kiltkiviesemed on pärit enamasti kirdest, kuid sellest hoolimata on neid üsna arvukalt saadud Kagu-Eesti asulatest, juhuleidudena Pärnu jõgikonnast ja Saaremaalt. Isegi Undva asula muidu kohalikest kiviliikidest valmistatud esemete hulgas leidub mõningaid kiltkivist talbu.

Hilistes neoliitilistes asulates võib märgata vahetuse teatavat elavnemist. Akalis, Kullamäel, Villas ja Tamulas hakkab neile asulatele omase hilise kammkeraamika kõrval esinema nöörkeraamika kilde. Nöörkeraamilised savinõud omavad teistsugust savikoostist ja kuju kui kammkeraamika ning on valmistatud erinevas tehnikas ja kaunistatud teistsuguse ornamendiga. Ilmselt ei ole nöörkeraamikat valmistatud samades asulates enestes, kus vastavaid kilde leidub tunduvalt vähem kui kammkeraamikat. Tuleb arvata, et nöörkeraamika on nendesse asulatesse saabunud vahetuse teel. See vahetus on toimunud asulates elavate küttide-kalastajate ja naabruses asuvate karjakasvatajate vahel.

Nagu tõendab arheoloogiline materjal ja nagu seda näivad kinnitavat ka antropoloogia andmed, on vanimad koduloomade kasvatajad saabunud Eesti NSV territooriumile ja teistelegi Ida-Baltimaadele II aastatuhande esimesel poolel, arvatavasti XVIII sajandi paiku e. m. a. Nad on tulnud lõunast, kõige tõenäolisemalt Visla ja Oderi aladelt[19]. Nende uute hõimude ilmumine, kelle ühiskondlikuks korraks vastavalt arenenumale elatusviisile on olnud isajärgne ehk patriarhaalne sugukondlik kord, tähistab uue perioodi algust Eesti NSV vanimas ajaloos.

Kahjuks tuntakse vanimate loomakasvatajate mälestusmärkidest seni peaaegu ainult kalmistuid (kaart joon. 50). Need asuvad tavaliselt madalatel küngastel vete-äärsete madalike keskel, mis pakkusid häid looduslikke söödamaid loomadele. Surnud on sageli maetud kõverdatud põlvedega, nagu magamisasendisse. Meestele on tihti pandud hauda kaasa silmaga kivist võitluskirveid, mis oma kujult meenutavad venet. Seetõttu nimetatakse arheoloogias seda vanimate loomakasvatajate kultuuri venekirveste kultuuriks. Haudades esineb ka neljakandilisi kivitalbu, tulekivist nuge, luust peitleid ja naaskleid, mõnikord ehteid ja muid esemeid. Mõnedest haudadest on leitud tüüpilist nöörkeraamikat. Savinõud on olnud lameda põhjaga ja veidi sissepoole hoiduva kaelaosaga, mida ilustavad põikiasuvate kriipsukeste read (nn. kuuseoksaornament) või sissevajutatud nööri jäljed. Tuleb ette muidki ornamente. Üksikutest kalmistutest on saadud koduloomade — lamba või kitse ja sea luid. Koduloomade luudest on valmistatud ka tööriistu, näiteks naaskleid. Ühe hilise, juba pronksiaegse kalmistu inventaris esineb otsese tõendina algelise viljakasvatuse kohta pronksist sirp. Tõenäoliselt tunti maaharimise algeid aga varemgi. Muidugi tegelesid koduloomade kasvatajad ka küttimise ja kalastamisega.

[19] Х. А. Моора, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, lk. 13.

Venekirveste kultuuri rahvastik on elanud nähtavasti võrdlemisi väikeste kogukondadena, sest nende kalmistud on väikesed, koosnedes mõnikord vaid paarist-kolmest matusest. Võib arvata, et algul on need kogukonnad üsna tihti muutnud oma asulate kohti, siirdudes uute karjamaade otsingul edasi. Seejuures on neil tekkinud kokkupuuteid põliselt maal elavate küttijate ja kalastajatega. Arusaadavalt ei paku arheoloogiline materjal küllaldasi andmeid esimeste kokkupuudete iseloomu kohta. Arvatavasti tuli ette relvastatud kokkupõrkeid, sest oma rännakuil sattusid loomakasvatajad ka kalastajate-küttijate jahialadele, mida viimased kaitsesid. Aja jooksul on uued hõimud siiski leidnud endile kindlad asumisalad ja mõlema rahvastikurühma vahel on kujunenud rahulikud, püsivad suhted.

Nii on loomakasvatajad hõimud asunud elama hõredalt maad asustanud küttijate ja kalastajate sekka. Nende saabumine tekitas siin mitmeti uue olukorra, mis ei jätnud mõju avaldamata maa seniste põliselanikegi elule. Uute hõimude ilmumine kutsus nähtavasti esile endiste hõimualade teatud ümberjaotamise. Seoses sellega võisid mõnevõrra muutuda senised ühendusteed. Tuleb tähendada, et II aastatuhande teise poole asulates puudub peaaegu täiesti merevaik, mida sageli esineb sama aastatuhande alguse asulates. Nimetatud asjaolu arvestades tundub tõenäolisena, et Eesti ala asulate ühendused Läänemere kaguranniku hõimudega on kõnesoleval perioodil nõrgenenud.

Ühiskondliku tööjaotuse olemasolu tõttu on läbikäimine karjakasvatajate ja küttide-kalastajate vahel toonud vahetusse uusi jooni. Kui varem vahetasid kogukonnad peamiselt selliseid aineid, millede looduslik levik oli piiratud, siis nüüd on nähtavasti mingil määral hakatud vahetama ka inimeste poolt toodetud produkte. Sellele näivad osutavat küttide-kalastajate asulatest leitud nöörkeraamika killud. Kahtlemata ei olnud vahetusobjektideks savinõud ise, vaid nende sisu, mida me kahjuks ei tunne. Samuti ei ole teada, mida andsid kütid ja kalastajad endi poolt loomakasvatajatele vastu. Läbikäimine aga on ilmne, sest seda kinnitab terve rea asulate materjal.

II aastatuhande teisel poolel on eri hõimude vahelised suhted veelgi tihenenud. Mitmes asulas eneses — Akalis, Kullamäel, Villas — on nüüd hakatud valmistama ka hilist nöörkeraamikat. Nagu näitavad arvukad tähelepanekud, on ürgkogukondliku korra tingimustes savinõude valmistajateks olnud naised. Savinõude valmistamisel peeti kinni ammu väljakujunenud traditsioonidest ning nende ilustamisel kasutati vanu sugukonna- ja hõimumärke, milledel oli oma tähendus. Sugulashõimudel on need märgid olnud võrdlemisi lähedased, etniliselt võõrastel hõimudel aga erinevad. Kuna nöörkeraamika on neis asulates senitarvitatud kammkeraamikast sootuks erinev, siis on alust oletada, et selle valmistamisoskust on levitanud karjakasvatajate hõimudest pärinevad naised, kes abielude kaudu on asunud elama küttijate ja kalastajate asulatesse. Nii on loomakasvatajate ja küttide-kalastajate vaheline läbikäimine nähtavasti viinud abieluliste vahekordade tekkimiseni mõlema etnilise rühmituse vahel.

Muidugi pidi järk-järgult toimuv segunemine loomakasvatajatega avaldama mõju ka küttide-kalastajate eluviisile, tutvustama neid uute tootmisharudega ja mõjuma arendavalt nende ühiskondlikele suhetele. Kõik need muutused ei toimunud aga järsku, vaid kestsid sajandeid. Kahjuks tunneme II aastatuhande lõpu ja I aastatuhande alguse asulaid alles väga puudulikult, mistõttu praegu ei ole võimalik üksikasjaliselt jälgida kultuuri arenemiskäiku sel ajajärgul. Võib ainult konstateerida, et I aastatuhande esimese poole jooksul on elu katkenud kõige hilisemates küttide ja kalastajate asulates. Samal perioodil on lahtiste asulate kõrvale hakanud tekkima uut tüüpi eluasemed — looduslikele küngastele rajatud kindlustatud asulad, milliseid on uuritud Asvas Saaremaal ja Irus Tallinna lähedal. Kindlustatud

asulate elanike majanduses on koduloomade kasvatamine etendanud tähtsat osa. On peetud kõiki tähtsamaid tänapäevalgi kasvatatavaid koduloomi. Kindlustatud asulatest leitav arheoloogiline materjal, eriti keraamika, on lähedane kõige hilisemate küttide ja kalastajate asulate inventarile, missugune asjaolu näitab otsest seost mõlema asulatüübi elanike vahel. Niiviisi on loomakasvatus kõnesolevaks ajaks saanud kõigi Eesti ala asustanud hõimude tähtsamaks elatusalaks. Samaks ajaks on toimunud ka üldine segunemine endiste karjakasvatajate ja küttide-kalastajate hõimude vahel.

Tõuseb küsimus Eesti NSV territooriumil elanud hõimude etnilisest päritolust. Nagu nägime, on siin tegemist kahe neoliitilise kultuuriga, mis on kuulunud erineva päritoluga hõimudele. Üht kultuuri esindavad asulad kammkeraamikaga, teist, nn. venekirveste kultuuri — kalmistud nöörkeraamikaga.

Sama tüüpi kammkeraamikaga asulad esinevad Ida-Baltimaade territooriumil mujalgi. Neid kohtame ka NSV Liidu metsavööndi teistes osades, kus nad omavad mõningaid lokaalseid erijooni. Mitmel pool on nõukogude arheoloogid võinud jälgida selliste asulate püsimist kuni ajani, mille kohta on teada, et nendel aladel on elanud soome-ugri hõimud. Samasugust asustuse ja kultuuri pidevust kuni I aastatuhande keskpaigani e. m. a. on Eesti NSV territooriumil õnnestunud konstateerida Emajõe suudmeala asulatel. Viimaste hiliseimal keraamikal on otsene seos Asva ja Iru tüüpi kindlustatud asulate materjalidega, mis kuuluvad I aastatuhande keskpaika ja teise poolde e. m. a. Sel ajal aga on Eesti alal, samuti kui praeguses Põhja-Lätis, elanud juba kindlasti läänemere-soome hõimud, eestlaste esivanemad[20]. Seega on täiesti tõenäoline, et ka meie neoliitiliste asulate elanikud on kuulunud soome-ugri hõimude hulka.

Venekirveste kultuuri tuleb aga ühendada balti (leedu-läti) hõimudega, kes omasid ühist varasemat päritolu muistsete slaavlastega. Et läänemere-soomlastel on juba väga kauges minevikus olnud lähedasi kokkupuuteid balti hõimudega, seda tõendavad keeleteaduse andmed. Alates umbes II aastatuhandest e. m. a. on läänemere-soome keeltesse ilmunud hulk baltipäraseid laensõnu. Terve rida neist tähistavad mõisteid karjakasvatuse alalt, mis lubab arvata, et läänemere-soomlased on tutvunud karjakasvatuse ja enamiku koduloomadega balti hõimude kaudu. Teine osa sõnu on seotud sugulus- ja hõimusuhetega, kuna mõned tähendavad isegi kehaosi. Niisuguste sõnade ülevõtmine eeldab mõlema etnilise rühmituse lähedast kooselu ja teatud segunemisnähtusi nende vahel. Just neid nähtusi võisimegi arheoloogilise materjali põhjal konstateerida mõlema II aastatuhandel Ida-Baltimaadel esinenud kultuurirühma vahelistes suhetes.

Seega tõendab arheoloogiline materjal, ja seda kinnitavad keele andmed, et Ida-Baltimaadel asunud neoliitilised hõimud on olnud siinsete põlisrahvaste otsesteks eelkäijateks. Nende hõimude segunemise ja ühtesulamise teel on moodustunud etnilised rühmad, põhja pool eesti-liivi hõimud, lõunas leedu-läti hõimud, kes hiljem said aluseks Ida-Baltimaade rahvaste kujunemisele.

---

[20] Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР, вып. XII, 1950, lk. 29—37.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР[1]

Л. Ю. ЯНИТС

Резюме

На территории Эстонской ССР обнаружено в виде случайных находок свыше тысячи каменных орудий III—I тысячелетий до н. э. Территориальное распространение этих находок показывает, что немногочисленное население того времени сосредоточивалось по преимуществу на островах, на побережье моря и в изобилующей водоемами части среднеэстонской низины, тогда как возвышенные районы южной и северной Эстонии были заселены крайне редко. Самих поселений мы знаем пока лишь очень мало (рис. 50; поселения обозначены квадратиками, могильники — треугольниками, случайные находки — кружками).

В северной Эстонии, несколько на восток от Таллина, находится дюнное поселение Крооди (рис. 50, п. 1). Здесь время от времени ветер обнажает сложенные из камней очаги, которых до сих пор обнаружено сорок. Около них были собраны мелкие изделия из кремня и десятка два грузил из плоских галек с двумя противоположными выемками для крепления веревки. Керамика сохранилась только в виде единичных небольших фрагментов.

Примерно в 10 км на восток от Крооди, в устье р. Ягала, находится другое дюнное поселение, частично вскрытое раскопками (рис. 50, п. 2). Здесь было обнаружено пять очагов, сложенных из камней, и большое количество керамики, среди которой преобладает ямочно-гребенчатая.

Верхний горизонт мезолитической стоянки близ г. Кунда (рис. 50, п. 3) содержит довольно много предметов неолитического характера. Между прочим, там были найдены хорошо отшлифованные каменные орудия, пуговки из янтаря с V-образным сверлением, небольшое количество ямочно-гребенчатой керамики. Нет сомнения, что и здесь в неолитическую эпоху существовало поселение, инвентарь которого, однако, сохранился плохо и перемешался с инвентарем мезолитической стоянки.

Летом 1954 года были произведены раскопки разведочного характера в г. Нарве на неолитическом поселении, расположенном на левом берегу реки (рис. 50, п. 5). Культурный слой содержал здесь наряду с предметами из камня и кости керамику двух типов. В верхних горизонтах представлена типичная ямочно-гребенчатая керамика, а в нижних — керамика примитивного характера, со слабо выраженным орнаментом, соответствующая керамике, характерной для I и III поселения в Нарва-Рийгикюла. Еще глубже, под прослойкой стерильного песка, был обнаружен культурный слой, не содержавший керамики и относящийся, повидимому, к мезолиту.

[1] Более подробно эта тема изложена на русском языке в статье Л. Ю. Янитса, Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 3—23. Стоянкам в Нарва-Рийгикюла посвящена в настоящем сборнике особая статья Н. Н. Гуриной.

Большой интерес представляют собой торфяниковые поселения Акали и Кулламяги, на западном побережье Чудского озера, в районе устья р. Эмайыги, исследованные главным образом в 1949—1952 гг. (рис. 50, п. 6 и 7). Эти поселения расположены на склонах невысоких песчаных всхолмлений среди болотистых речных пойм, на расстоянии 2 км друг от друга. По мере поднятия грунтовых вод и все большего нарастания торфяного покрова, поселения постепенно перемещались вверх по склонам всхолмлений. При значительной продолжительности существования этих поселений постепенное перемещение заселенной площади дает хорошие основания для определения стратиграфии культурного слоя. Вместе с тем, мы имеем здесь возможность проследить беспрерывное развитие материальной культуры, в частности керамики, что имеет большое значение для определения хронологии и других неолитических поселений Прибалтики.

Наиболее древней является примитивная керамика, изготовленная из теста с содержанием измельченных раковин и украшенная слабо выраженным, как бы еще не определившимся орнаментом (табл. XLIV : 1—7). Эта керамика представлена только в Акали. Далее, в обоих поселениях бытовала ямочно-гребенчатая керамика, в развитии которой можно проследить два этапа. Из них для более раннего характерна так называемая типичная ямочно-гребенчатая керамика (табл. XLIV : 8—12), а для следующего — поздняя ямочно-гребенчатая керамика (табл. XLV : 8—14). Под конец бытования ямочно-гребенчатой керамики на названных поселениях появляются новые виды керамики — шнуровая (табл. XLV : 2) и сетчатая (табл. XLVI : 1). По преимуществу на основе этих типов керамики, после исчезновения ямочно-гребенчатой, развивалась позднейшая керамика (табл. XLV : 1, 3—7). Позднейший горизонт культурного слоя содержит керамику ранней эпохи металла (табл. XLVI : 2—6), близкую керамическому материалу ранних укрепленных поселений на территории Эстонской ССР.

Два поселения известны в юго-восточной Эстонии близ г. Выру. Одно из них расположено на берегу оз. Тамула[2] (рис. 50, п. 9), другое в 3—4 км отсюда, у поселка Вилла, на вытекающей из названного озера реке Выханду (рис. 50, п. 8). На обоих поселениях произведены раскопки пока лишь в ограниченном объеме. Оба памятника все же дали много ценного материала, в том числе ямочно-гребенчатую (табл. XLVII : 1—3, 5, 6) и шнуровую (табл. XLVII : 9—12) керамику, а также значительное количество каменных и костяных изделий (рис. 51 и 52). В поселении Тамула был обнаружен ряд погребений.

Поселение Валма, расположенное в средней Эстонии, на северо-западном берегу оз. Выртсъярв, вскрыто раскопками последних лет почти целиком (рис. 50, п. 10). Этот памятник находится на небольшом всхолмлении из песка и валунов и достигает своим краем самого берегового вала. Территория этого поселения была населена несколько раз. В нижнем горизонте сохранились остатки неолитического поселения охотников-рыболовов, для которого особенно характерна типичная ямочно-гребенчатая керамика (табл. XLVII : 4, 7). Позже здесь в течение некоторого времени обитало население, хозяйство которого основывалось на животноводстве, как это вытекает из наличия в этом горизонте шнуровой керамики, характерной для так называемой культуры боевых топоров. Верхний же горизонт культурного слоя содержал керамику и некоторые металлические изделия XII—XIII вв. н. э. Следовательно, здесь существовало поселение и в это позднее время. Наиболее ранние очаги, при которых была обна-

[2] Подробнее относительно поселения Тамула см. Л. Ю. Янитс, Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, XIX, 1954, стр. 159—204.

ружена ямочно-гребенчатая керамика, находились в выкопанных в песке ямах. Более поздние очаги сложены из булыжников. В инвентаре неолитического поселения представлены каменные долота, мелкие изделия из кремня и некоторые костяные орудия, между прочим целый ряд рыболовных крючков (рис. 53 и 54). На краю поселения было обнаружено два погребения. Покойники — мужчина средних лет и молодая женщина — были похоронены в вытянутом положении и покрыты только тонким слоем песка. Под черепом мужчины лежали две костяные фигурки животных, а под черепом женщины — такая же фигурка из янтаря.

На северо-западе о. Сааремаа расположено дюнное поселение Ундва (рис. 50, п. 11). Раскопки этого памятника дали главным образом керамику, показывающую ряд своеобразных черт. Сосуды — круглодонные, крупных размеров, украшены гребенчатым, а также линейным орнаментом преимущественно только в верхней части, тогда как нижняя часть сосудов, так же как и внутренняя поверхность, часто покрыта штриховкой. На поселении найдено также несколько каменных долот и некоторое количество мелких каменных изделий, изготовленных из кварца и других местных пород.

Описанные выше поселения охватывают промежуток времени примерно в две тысячи лет. Исходя из общего развития производства и культуры племен, населявших в то время территорию Эстонии, это время подразделяется на два этапа. Первый из них (III тысячелетие и начало II тысячелетия до н. э.) относится к развитому неолиту, тогда как второй (начиная со второй четверти II тысячелетия и до середины I тысячелетия до н. э.) относится к позднему неолиту и к эпохе бронзы.

Большинство известных до сих пор в Эстонии поселений относится к III тысячелетию и к началу II тысячелетия до н. э. Для них характерна ямочно-гребенчатая керамика. Эти поселения занимают площади примерно от 1000 до 7000 м². Повидимому, населявшие их общины были невелики и состояли, как можно полагать, всего из нескольких десятков взрослых людей. Жилищами служили, по всей вероятности, легкие постройки, от которых заметных следов не осталось.

Типичной особенностью этих поселений является их группировка по два или по три в одном районе, из чего можно заключить, что родственные между собой общины обитали также территориально близко друг от друга. Отдельные группы поселений располагались обычно в разных водных системах. Расположенные таким образом поселения, а следовательно и соответствующие племенные территории, имели устойчивый характер. Многие из них были беспрерывно заселены в течение нескольких сот лет, отдельные же (Акали, Кулламяги, Вилла) — в течение тысячелетий.

Основой хозяйства населения неолитических поселений были рыболовство и охота. Об этом свидетельствуют орудия, входящие в состав инвентаря поселений, кости животных и рыб, обнаруженные в культурном слое, а также само расположение поселений непосредственно около водоемов. Единственным домашним животным была собака. Обмен был развит слабо и ограничивался главным образом такими необходимыми для изготовления разных изделий материалами, которые редко встречались в данной местности (кремень, шифер, янтарь).

Из наиболее поздних поселений мы имеем пока значительно меньше материалов. Этот этап начинается с появления на территории Эстонии и остальной Прибалтики новых племен, пришедших с юга. Пришельцы занимались животноводством и, по всей вероятности, также примитивным земледелием. Мы знаем их главным образом по могильникам, содержащим шнуровую керамику, боевые ладьевидные топоры, а часто также кости домашних животных. Скотоводческие племена расселились среди корен-

ного населения (см. карту рис. 50), и с течением времени между обоими элементами развились постоянные взаимоотношения. Вначале эти взаимосвязи совершались, должно быть, на основе обмена, на что указывает наличие единичных фрагментов шнуровой керамики в инвентаре поздних поселений с ямочно-гребенчатой керамикой. Позже взаимоотношения между разными племенами стали, повидимому, более тесными. Об этом свидетельствует тот факт, что поздняя шнуровая керамика стала изготовляться и в некоторых из поселений охотничье-рыболовческих племен (Акали, Кулламяги, Вилла). Таким образом, в течение второй половины II тысячелетия и первой половины I тысячелетия произошло смешение обоих этнических элементов. Не позже как в середине I тысячелетия до н. э., когда на территории Эстонии появились укрепленные поселения, животноводство получило здесь общее распространение и стало ведущей отраслью хозяйства.

Есть основание полагать, что поселения с ямочно-гребенчатой керамикой принадлежали финно-угорским племенам, предшественникам западных финнов, обитавшим здесь уже в неолите. Животноводами же, для которых были характерны боевые топоры и шнуровая керамика, были, как можно полагать, древние литовско-латышские племена, которые, следовательно, появились в Прибалтике в позднем неолите.

LÜHENDID — СОКРАЩЕНИЯ

AI = Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut

MEL = Muistse Eesti linnused. Tartu 1939

VM = Viljandi Rajoonidevaheline Koduloomuuseum

ÕES Ar. = Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat

ЗОРСА = Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества

ИИ = Институт истории Академии наук ЭССР

ИИМК = Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР

КСИИМК = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР

МИА = Материалы и исследования по археологии СССР

СА = Советская археология

Труды ГИМ = Труды Государственного исторического музея

SISUKORD — СОДЕРЖАНИЕ

Toimetuselt 5
От редакции 7
S. Tarakanova (Moskva), O. Saadre, Tallinnas 1952.—1953. aastal teostatud arheoloogiliste kaevamiste tulemusi 11
С. А. Тараканова (Москва), О. В. Саадре, Результаты археологических раскопок 1952—1953 годов в Таллине 31
H. Moora, Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s 46
Х. А. Моора, О результатах исследования городищ в Эстонской ССР. *Резюме* . 88
Я. В. Станкевич (Ленинград), Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины 95
J. Stankevitš (Leningrad), Vanimad kindlustatud asulad Zapadnaja Dvinaa jõe ülemjooksul. *Lühikokkuvõte* 110
А. К. Виссар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа 113
A. Vassar, Kindlustatud asula Asvas Saaremaal. *Lühikokkuvõte* 134
Л. В. Ванкина (Рига), Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР) 138
L. Vankina (Riia), Muistne asula Sārnate soos (Läti NSV). *Lühikokkuvõte* . 150
Н. Н. Гурина (Ленинград), Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии 153
N. Gurina (Leningrad), Uusi neoliitilisi mälestusmärke Ida-Eestis. *Lühikokkuvõte* 172
L. Jaanits, Neoliitilised asulad Eesti NSV territooriumil 176
Л. Ю. Янитс, Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. *Резюме* 198
Lühendid — Сокращения 202

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Эстонской ССР

*

РИСО № 191

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА

На эстонском и русском языках

Обложка В. Томасов

Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярну маантеэ 10

*

Toimetaja H. Moora
Tehniline toimetaja M. Aardma
Korrektor S. Palm

Ladumisele antud 9. VI 1955. Trükkimisele antud 26. IX 1955. Paber 70×108, 1/16. Trükipoognaid 12,75 + 27. kleebist. Formaadile 60×92 kohaldatud trükipoognaid 22,02. Arvutuspoognaid 21,58. Trükiarv 2000. MB-15600. Tellimise nr. 3002.

Trükikoda «Kommunist», Tallinn, Pikk tn. 2

Hind rbl. 17.20.

1—9

Parandusi — Исправления

Lk. Стр.	Rida Строка	Trükitud Напечатано	Peab olema Должно быть
44	31 св.	рис. 8 : 14, 15	рис. 6 : 14, 15
55	16 ül.	kõik	peaaegu kõik
84	7 alt	kindlustust.	kindlustust,
89	21 св.	вязи	связи
94	1 св.	пеньковой	пеньковой (?)
102	8, 11, 12 св.	XXVIII	XVIII
105	16 св.	XXVIII	XVIII
125	1 сн.	XVII	XXVII
125	17 сн.	северных	северо-
162	15 сн.	и с помощью	с помощью

BBL 11.20

V - 32418

EESTI NSV TEADUSTE AKADEEMIA

MUISTSED ASULAD JA LINNUSED

ARHEOLOOGILINE KOGUMIK

EESTI RIIKLIK KIRJASTUS
TALLINN 1955

MUISTSED ASULAD JA LINNUSED